

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

ОКТЯБРЬ В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

ОКТЯБРЬ
В
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ

ОКТЯБРЬ
В СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

ОКТЯБРЬ
В
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭМА

Советский
писатель

Q

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский*

*Большая серия
Второе издание*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

ОКТЯБРЬ В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

*Вступительная статья Л. А. Плоткина.
Составление И. В. Кудровой и Л. А. Плоткина.
Подготовка текста, биографические справки
и примечания И. В. Кудровой.*

В настоящий сборник включены произведения многонациональной советской поэзии, посвященные теме Октября. Это — поэтическая летопись нашей революции: от первых откликов на великие октябрьские события 1917 года до произведений, написанных в наши дни.

ОКТАБРЬ В ПОЭЗИИ

1

«Вся власть Советам рабочим, солдат и крестьян! Мира! Хлеба! Земли!» — с таким лозунгом вышел 25 октября 1917 года центральный орган большевистской партии — газета «Рабочий путь». И тут же, на опаленных дыханием борьбы страницах, среди материалов, в которых пламенела энергия восставшего народа, — стихотворная повесть Демьяна Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю». Это очень знаменательно. Поэзия неизменно сопутствовала великим дням, которые потрясли весь мир и направили по новой социальной орбите земной шар. Поэзия была неотделима от грозных событий, и в стихотворных строках отражались вполне реальные битвы и бури, в которых рождался новый мир. Поэма Демьяна Бедного кончалась маленькой главой «Прощанье»:

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну — что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.

Это не было риторическим приемом. Вокруг действительно кипело сражение, и предстояло понести немало жертв, чтобы отстоять власть рабочих и крестьян. Поэт был зачастую и в переносном и в прямом смысле бойцом, солдатом армии трудящихся,

Владимир Кириллов писал в автобиографии о днях революции: «Будучи секретарем районного комитета партии большевиков, я вставал до рассвета и в метельной мгле спешил в райком, обдумывая по дороге своего «Железного Мессию», «Матросы», «Мы» и другие стихи». ¹

Тема «Октябрь в поэзии» — огромная и, можно сказать, необозримая тема. В какой-то степени она совпадает со всей полувековой историей советской поэзии в целом. В нашем литературоведении обстоятельно изучена разработка этой темы в первые годы советской власти. Разумеется, в исследованиях, посвященных отдельным поэтам, она тоже находила свое отражение. Но до сих пор, по существу, не было попытки проследить, как в большой исторической перспективе эволюционировала тема Октября, как она видоизменялась, наполняясь новым содержанием и обогащаясь новыми красками.

Предлагаемая вниманию читателя статья — первый опыт в этом роде. И вполне понятно, что многие проблемы в ней могли быть только намечены.

Каждому, кто стремился разобраться в событиях, было ясно, что речь идет не просто о смене политической власти. Рушится и гибнет целая эпоха, возникает новый *миропорядок* — так воспринимали происходящее наиболее проникательные писатели России и Запада. В размахе русской революции, «желающей охватить весь мир», ² Блок расслышал благую весть о мире и братстве народов земли. Накануне Октября Ромен Роллан обращался к русским революционерам со словами надежды и веры: «Идите впереди! Мы последуем за вами... Помните, русские братья, что вы сражаетесь и за себя и за нас». ³

Вселенский размах революции ощутили Демьян Бедный и Маяковский, Блок и Есенин, Брюсов и молодые пролетарские поэты. С самого начала стало ясно, что новая эпоха всемирной истории требует и новых средств художественного выражения. Разумеется, процесс формирования нового искусства, рожденного революцией, — процесс сложный и длительный. Но примечательно, что важнейшие его элементы начали складываться уже тогда, в разгар событий.

Поэзия вышла на широкий и вольный простор жизни, где кипели страсти небывалой силы. Она обратилась к новому герою, к людям из социальных низов, борцам за общенародное счастье. Таков герой

¹ К. Зелинский, О Владимире Кириллове. — В сб.: В. Кириллов, Стихотворения, М., 1958, с. 11.

² Александр Блок, Собрание сочинений, т. 6, М.—Л., 1962, с. 12.

³ Р. Роллан, Собрание сочинений, т. 13, М., 1958, с. 78.

стихотворной повести Демьяна Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю», таковы красногвардейцы из «Двенадцати» Блока, таков символический образ Ивана из «150 000 000» Маяковского.

Октябрь сообщил революционной поэзии неведомое доселе обостренное чувство историзма. Мысль о неподвижности бытия, о неизменности его круговорота была развеяна в прах самой действительностью. Все больше овладевала поэтами идея бурной изменчивости жизни, идея безостановочности движения, вечного развития и изменения. И этот динамический мотив стремительного движения лежит в основе «Мистерин-буфф», «Главной Улицы», «Двенадцати».

Трудные и сложные задачи возникли перед новой революционной поэзией. Здесь и вопрос о соотношении с прошлым, здесь и проблемы личности и общества, о чем речь пойдет дальше.

Эти задачи не могли быть решены сразу, многое прояснилось позднее, и немало крайностей и заблуждений пришлось преодолеть на пути создания новой поэзии. Но основы ее были заложены в первые годы революции.

* * *

В самый разгар событий Октября перед писателями во всей своей жгучей остроте и неумолимой категоричности встал вопрос об отношении к революции.

Русская поэзия имела давние и прочные революционные традиции. Пушкин и Рылеев, Лермонтов и Некрасов, Никитин и Плещеев, не говоря уже о подпольной революционной песне, — отразили по-своему, с разной степенью глубины и силы, освободительную борьбу народных масс. И в бурный Семнадцатый год русским поэтам было на кого опереться в стремлении понять и выразить свое время. В пору первой русской революции необыкновенно широко практиковались вариации на темы и мотивы русских классиков: они были близки и понятны и многое говорили душе читателя. И в дни Октября эти традиции были живы. На страницах газет то и дело печатались стихи с эпиграфами из классиков. Мотивы Пушкина, Лермонтова, Некрасова звучали в произведениях революционных поэтов. Но положение все же складывалось неизмеримо сложнее, чем когда бы то ни было. Социалистическая революция означала такой решительный разрыв со всеми основами старого собственнического мира, такую резкую и крутую ломку всех прежних устоев, открывала такие новые, непривычные и небывалые горизонты общественного развития в политике, экономике, культуре, что она не могла не вызвать резкой поляризации сил в литературе. Одни встретили ее

восторженно, другие иступленно проклинали ее, трсты — растерялись в тревоге и смятении. По свидетельству современников, весть о русской революции разделила на два противоположных лагеря и европейских писателей.

Характерно, что с наибольшей, пожалуй, остротой превращение былых соратников в злобствующих обывателей чувствовали Блок и Брюсов. В статье «Интеллигенция и революция», в дневниковых записях с нескрываемым презрением и отвращением писал Блок о слепоте и трусости, о реакционном мракобесии людей, которые некогда кичились своим свободомыслием.

В известном стихотворении «Товарищам интеллигентам» (1919) Брюсов столь же презрительно говорил о мнимой смелости вчерашних ревнителей свободы, которые обратились в испуганных мещан, когда революция свершилась:

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и в гуле.
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Писатели, связавшие себя накрепко со старым миром, яростно выступили против Октября. Круг их идей был весьма несложен: революция погубила Россию. Отсюда мотивы мрачного отчаянья, безутешной скорби, проклятья революционному народу, перемежающиеся надеждами на подавление восставших масс.

Зинаида Гиппиус писала:

Лежим, заплеваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

(«Сейчас»)

Она же в иступлении злобы вещала:

И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!

(«Веселье»)

Россия выступала в стихах этих поэтов в мрачном и отталкивающем обличье.

И совершенно естественно, что поэты, разделявшие такие взгляды, неизбежной логикой вещей оказались по ту сторону баррикады,

за пределами страны, пытались в эмиграции спастись от революции, от жизни, от народа.

Была и другая форма бессильной полемики со своим временем, с революционной новью: закрыть глаза на все, делать вид, будто ничего не произошло, пренебречь современностью, удалиться в замкнутый крохотный мир облюбленных мелочей, отрешиться от окружающих гроз и битв. Духовную опустошенность отчетливо выразил один из последователей акмеизма Н. Оцун в стихотворении 1918 года «В деревне», которое кажется автопародией.

Поэт повествует о том, как в сельской глуши он спасается от революции, наслаждаясь книгами, тишиной и созерцанием природы:

Я даже место нахожу свое —
Поэта-зрителя и мещанина,
Спасаящего свой живот от смерти.

Но с такой позиции немного увидишь и поймешь в великих драмах современности.

В стихотворении «Буря» (1921) В. Ходасевич выразил свою философию истории:

Вековые рощи косншь,
Градом бьешь посев полей, —
Только мудрым не приносишь
Ни веселий, ни скорбей.
Мудрый подойдет к окошку,
Поглядит, как бьет гроза, —
И смыкает понемножку
Пресыщенные глаза.

Георгий Адамович восклицал:

Жизнь! Что мне надо от тебя — не знаю.
Остыла грусть, младенчества удел.
Но так скучать, как я теперь скучаю,
Бог милосердный людям не велел.

*(«Жизнь! Что мне надо
от тебя — не знаю...», 1920)*

Эти унылые строки были написаны в 1920 году, когда весь мир сотрясали гигантские социальные битвы, от которых зависело будущее планеты.

Нет надобности подчеркивать, что такая позиция обрекала поэтов на абсолютную историческую слепоту и приносила не мудрость,

а полное душевное опустошение. И недаром позднес, когда жизнь кое-чему научила и Ходасевича и Адамовича — уже в эмиграции, — они признавались в своем полном банкротстве.

В сборнике «Литературные статьи и воспоминания» Владислава Ходасевича приведена его статья 1933 года под названием «Литература в изгнании». В ней автор печалится и скорбит по поводу вырождения эмигрантской литературы. «Рассеянные кое-где проклятия по адресу большевиков, — писал он, — да идиллические воспоминания об утраченном благополучии не могли образовать новый, соответствующий событиям, идейный состав их писаний». ¹ Ходасевич сетовал на то, что не создано ни школы, ни новых течений. «Судьба русских писателей в эмиграции, — заключает он, — гибнуть. Гибель подстерегает их и на той чужбине, где мечтали они укрыться от гибели». ² Каждому понятно, что творческая гибель подстерегает писателя не потому, что он русский, а потому, что он со всем русским порвал.

Еще более откровенно признался в полном банкротстве эмигрантской литературы Георгий Адамович в книге «Одиночество и свобода». По его словам, в глазах эмигрантской молодежи русский романист-эмигрант был «жалким обломком незнакомого прошлого, и молодежь большей частью не стеснялась дать обломку понять, что он именно обломок, ничему научить ее не способный и даже не имеющий на то права». ³

Так история произнесла свой справедливый приговор людям, которые мнили себя солью земли. Они поставили свое эгоистическое благополучие выше народного блага, и жизнь жестоко покарала их.

2

Не приходится удивляться, что некоторые писатели встретили революцию враждебно. Иначе и быть не могло. Гораздо примечательней другое: Великий Октябрь приняли и по-своему приветствовали гораздо более широкие круги художников, чем это принято иногда думать. Поколение писателей, которым довелось первыми выразить свое отношение к событиям, состояло из людей разных социальных слоев, разных возрастов и литературных судеб. Были среди них поэты, кровно связанные с революционной борьбой, большевики вроде

¹ Владислав Ходасевич, Литературные статьи и воспоминания, Нью-Йорк, 1954, с. 263.

² Там же, с. 271.

³ Георгий Адамович, Одиночество и свобода, Нью-Йорк, 1955, с. 15.

Демьяна Бедного или Владимира Кириллова, среди них мы видим и бывших лидеров символизма Брюсова и Блока. Но, вопреки измышлениям эмигрантских литературоведов насчет того, что лучшие силы русской литературы оказались за рубежом, мы можем с полным правом утверждать: все, что было самого честного и дальновидного в русской поэзии, пыталось осмыслить грандиозные перемены, происходящие в мире.

Для таких поэтов, как Демьян Бедный, не возникало вопроса — принимать или не принимать революцию. Такого вопроса не было и для Маяковского. Октябрь он воспринимал как свою революцию. Для них существовала лишь одна цель — как наилучшим, наиболее эффективным образом средствами художника помочь строительству нового мира. В судьбе писателей с более сложной биографией Октябрь сыграл огромную, ни с чем не сравнимую роль. «Европейская война и Октябрьская революция, — писал Валерий Брюсов, — побудили меня в самой основе, в самом корне пересмотреть все свое мировоззрение. Переворот 1917 года был глубочайшим переворотом и для меня лично: по крайней мере я сам вижу себя совершенно иным до этой грани и после нее. Сколько могу судить, это резким образом сказывается не только на том, что я писал после 1917 года, но и на том, как я писал». ¹

Какие надежды, чаянья, мечты связывал Блок с революцией, он сам поведал словами, исполненными высокого вдохновения:

«Что же задумано?

Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда *такие* замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, — это называется революцией». ²

С особой чуткостью ощущал Блок всемирно-исторический размах революции.

Поэты более молодого поколения подтверждают, какое огромное влияние оказал на их жизнь и творчество Октябрь.

«Пришла и ушла Февральская революция, и ослепительной молнией грянул Октябрь, очистительная гроза над миром, великий поворот и для всего моего поколения, — пишет В. Луговской. — ...Октябрь повернул и перевернул все мои мысли, заставил почти задох-

¹ «Литературное наследство», № 27-28, М., 1937, с. 472.

² Александр Блок, Собрание сочинений, т. 6, с. 12.

нуться ветром времени, и с тех пор слово «ветер» в моих стихах стало для меня синонимом революции, вечного движения вперед, неуспокоенности, бодрой и радостной силы». ¹

«Говорить о моей жизни,— пишет И. Сельвинский,— значит говорить о поколении, юность которого расцветала в вихре идей, мыслей, грез и действий эпохального размаха. Мы видели Россию в дни ее наивысшего пафоса, и это определило всю нашу природу: мы беззаветно уверовали в партию как явление философское, решающее коренные узлы мировоззрения миллионов людей XX века; мы уверовали в народ как в единственную силу, способную установить справедливость на земном шаре; мы уверовали в душу человеческую, которую можно изранить, истоптать, но немислимо испепелить: она всегда сохраняет искру, чтобы в нужный исторический момент вспыхнуть в молнию». ²

Эту решающую роль Октября подчеркивали поэты всех национальностей Советского Союза. Аветик Исаакян писал: «Великая Октябрьская социалистическая революция спасла и подняла к жизни армянский народ, стоявший у края могилы. Началось подлинное возрождение, о котором народ мечтал в течение веков». ³

Белорусский поэт Петрусь Бровка рассказывает: «Двенадцатилетним встретил я Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Всем сердцем сразу почувствовал настоящую свободу». ⁴

Величие, грандиозность целей революции, чистота и святость ее замыслов утверждения на земле справедливости, братства, истинной человечности, ее решимость покончить с неправдой, угнетением, кровью и грязью собственнического мира — все это не могло не взволновать художников, не потрясти их воображения, все это обнаруживало огромную притягательную силу. И совершенно естественно, что революция вовлекала в круг своих идей и замыслов широчайшие слои художников самых различных направлений.

Принято считать, что наиболее характерным для поэзии первых лет революции был «космизм» поэтов «Пролеткульта» и «Кузницы». Это, однако, далеко не исчерпывает существа процессов, происходивших в литературе. Картина поэтического развития этих лет, первые попытки запечатлеть в слове Великий Октябрь гораздо многоцветней. Доказательством тому может служить хотя бы творческий опыт

¹ «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. 1, М., 1959, с. 684—685.

² «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. 2, М., 1959, с. 332.

³ Там же, т. 1, с. 482.

⁴ Там же, т. 2, с. 170.

Демьяна Бедного. Одной из важнейших особенностей его разработки темы Октября было то, что поэт прежде всего последовательно и настойчиво подчеркивал народные корни революции и высшую ее цель — благо трудовых масс. В повести «Про землю, про волю, про рабочую долю» именно в настроениях, в бытии широких социальных низов поэт усматривал закономерности нашей победы в 1917 году. Трудовой народ — хозяин и творец всех ценностей жизни. Сила большевистской партии состояла в том, что она исходила из этой решающей предпосылки, и это определило ее триумф.

Гей, горе-голытьба!
В твоих руках твоя судьба.
Злой власти богачей ты не потерпишь боле.
В запряжке каторжной уж не согнешь горба:
Под небом всё — твое: вода, и лес, и поле!
Избавясь от нужды проклятой, вековой,
Отныне можешь ты, люд черный, трудовой,
В трудах и в радостях друг с другом в общей доле
Жить на своей на полной воле!

В знаменитых «Проводах» утверждается та же мысль: революция и ее завоевания — это кровное дело народа, и некому больше защитить ее, как самому трудовому люду.

Характерной чертой поэзии Демьяна Бедного в эту пору было и то, что он стремился не только воссоздать обобщенный образ революции, но и изобразить ее непосредственных участников. Агитационная публицистичность сочеталась у него с лирическими интонациями. В стихотворении «Работнице» читаем:

Язык мой груб. Душа сурова.
Но в час, когда так боль остра,
Нет для меня нежнее слова,
Чем ты, «работница-сестра».

Патетика революционных бурь для Демьяна Бедного не исключала простых, обыденных, даже будничных красок и оттенков.

Стихотворение «Красный Флот» начинается такой строфой:

Жуя огрызок папирсы,
Я жду из Питера вестей:
Там наши красные матросы
Честят непрошенных гостей.

А в финале — строки, исполненные высокого пафоса:

Там Красный Флот — броня стальная,
Там — нерушимая стена.
Там — тщетно пенится шальная
Белогвардейская волна.

И как нельзя более характерно то, что Демьян Бедный не только воспевал Октябрь, но и видел весь драматизм развернувшейся борьбы.

В стихотворении «Товарищу» (1919) передана вся безмерная тяжесть борьбы за новый мир, порождающая и «морщины новые на лбу», а порою и усталость и тягостные думы, и вместе с тем передана твердая готовность пройти путь до конца:

Мы будем биться. И следить
Я за тобою буду взглядом.
С тобой я должен победить
Иль умереть с тобою рядом.

Реалистическая конкретность поэзии Демьяна Бедного порождена стремлением быть поэтическим голосом широчайших масс трудового народа. Она определила ориентацию поэта на Некрасова. Некрасовская традиция с ее разговорной интонацией, не чуждающейся «низкой» обиходной речи, перекрещивалась с обильно используемыми элементами крестьянского и городского фольклора.

Поэзия Демьяна Бедного опровергает устоявшийся взгляд, согласно которому первые поэтические воплощения темы Октября носили только условный и декларативный характер.

В сущности говоря, и поэзия Маяковского первых лет революции не укладывается в это определение. Правда, Маяковский написал поэму «150 000 000», которая в известной мере подтверждает такую оценку. Но он же автор «Левого марша», «Оды революции», а эти произведения были попытками разобраться в конкретной природе происходящего. Особенно показательны стихотворение «Ода революции». Поэт сознательно заостряет контрасты революционных будней. Маяковский вначале как бы смотрит на события со стороны и оттеняет разительные противоречия революции. Вот она благоговейно славит «человечий труд», а завтра из шестидюймовок бьет по Кремлю. Вот она посылает моряков снять с тонущего корабля котенка, а после расправляется с «седыми адмиралами». Но, видя полярные противоположности в революционном бытии, поэт решительно отделяет себя от обывателей: для них революция только разрушительная

стихия, которую они проклинаяют, поэт же за всеми ее контрастами видит главное, решающее, ее пафос — и этот пафос он приемлет безоговорочно. Недаром стихотворение названо — «Ода революции».

Советская поэзия тех лет сразу же со всей энергией подчеркивала мировой размах революции, ее всемирно-освободительную роль. В стихотворении «Потрясающие факты» (1919), реализуя метафору Маркса и Энгельса из «Коммунистического манифеста» («призрак коммунизма бродит по Европе»), Маяковский писал:

Вчера,
сквозь иней,
звеня в «Интернационале»,
Смольный
ринулся
к рабочим в Берлине.

И «деятели сыска», «завсегдатаи баров и опер» с ужасом убедились, что «триэтажный призрак со стороны российской поднялся, шагает по Европе».

Всемирно-освободительная роль молодой Страны Советов в глазах Маяковского тоже служила отличным опровержением обывательского скудоумия, которое не различает в революции ничего, кроме лишений и тягот:

И если
скулит
обывательская моль нам:
— Не увлекайтесь Россией,
восторженные дети, —
я
указываю
на эту историю со Смольным,
а этому
я,
Маяковский,
свидетель.

До «Клопа» и «Бани», до последних своих произведений сохранил поэт эту глубочайшую убежденность в мировой роли нашей революции, призванной обновить и возродить мир к новой жизни.

Советская поэзия с первых шагов стремилась выразить гуманистическую природу революции, глубокую человечность ее идеалов. Царская Россия была тюрьмой народов, и с особой остротой пафос

справедливости и свободы восприняли поэты братских республик — бывших угнетенных окраин. Их прежде всего глубоко воодушевляла возможность приобщения к культуре, к просвещению народов, ранее отстраненных от культурного творчества. Светлое будущее воспевал в стихотворении 1917 года, которое так и называется «К грядущему счастью», литовский поэт Ю. Янонис. В стихотворении 1918 года узбекского поэта Хамзы «Да здравствуют Советы» утверждается мысль о том, что революция разбудила народ и открыла ему широкий путь к свободе и знанию. «Трудись и счастье приумножь» — эти слова звучат лейтмотивом стихотворения. Таджикский поэт Садриддин Айни в стихотворении 1918 года «Марш свободы» восклицал:

Во всемирном безмерном просторе
Справедливость навек утвердим.

Казахский поэт Сакен Сейфуллин в «Марсельезе казахской молодежи» (1919) радуется тому, что с революцией исчезнут горести прежней рабской жизни, сотрется «невежества след». Октябрь приветствовали в своих стихах украинские поэты Тычина и Сосюра, грузинский поэт Галактион Табидзе. Советская поэзия ярко выражала интернациональную сущность великой революции.

3

Быть может, в наибольшей степени определение начального этапа в разработке темы Октября как этапа по преимуществу эмоционального, декларативного и абстрактного относится к творчеству поэтов «Пролеткульта» и «Кузницы» — Кириллова, Герасимова, Садофьева, Филипченко, Гастева и других. Но это определение, в котором часто звучит осудительная нота, не передает всего существа проблемы.

У Блока мы встречаемся с признанием, очень показательным для умонастроений той поры. «Не дело художника, — писал он в статье «Интеллигенция и революция», — смотреть за тем, как исполняется задуманное, печься о том, исполнится оно или нет. У художника — все бытовое, житейское, быстро сменяющееся — найдет свое выражение потом, когда перегорит в жизни. Те из нас, кто уцелеет, кого не «изомнет с налету вихорь шумный», окажутся властителями неисчислимых духовных сокровищ... Дело художника, *обязанность* художника — видеть то, *что* задумано, слушать ту музыку, которой гремит „разорванный ветром воздух“». ¹

¹ Александр Блок, Собрание сочинений, т. 6, с. 12.

И еще одно свидетельство поэта другого плана проясняет особенные черты поэзии тех лет.

Владимир Кириллов рассказывает:

«Революция 1917 года явилась для наших поэтов величайшим праздником. Мы снова запели восторженно, исступленно, кто как умел, а «умели» мы плохо, но петь кроме нас было некому, а надо было петь во что бы то ни стало».¹

В этом признании — ключ к пониманию творчества Кириллова и его единомышленников из «Пролеткульта» и «Кузницы».

Это очень симптоматично для поэзии тех лет: на одном полюсе литературы — похоронные стенанья и мрачайшие плачи, на другом — исступленный восторг и праздничное ликование.

Революция вызвала к жизни обильную массовую поэзию. И в стихотворениях, которые печатались на страницах газет, мы сталкиваемся с тем же восприятием событий как праздника освобождения.

В прессе печатались стихи, в которых воспевалось «ликование без предела» и восторг победы.

В «Листке юного пролетария» 21 января 1918 года публикуется стихотворение «Призыв» за подписью «Работница Маруся»:

Отзовись, товарищ,
Руку дай... Идем.
К свету, к знанью, к правде
Грудью путь пробьем.

Нет надобности оговаривать, что стихи подобного рода с точки зрения литературной были беспомощными, но они по-своему отражали настроения, которые господствовали в широких массах, пробужденных к новой жизни, их надежды и чаянья, их мечты и замыслы.

С этой точки зрения понятен и характер поэзии участников «Пролеткульта» и «Кузницы».

У поэта В. Александровского в цикле «Октябрь» (1921—1923) читаем такие строки:

Звени, Октябрь, синими снежинками,
Пой шелестом знамен в ликующих сердцах —
За черными, тяжелыми поминками
Мы будем праздновать свой праздник без конца...

¹ К. З е л и н с к и й, О Владимире Кириллове. — В сб.: В. Кириллов, Стихотворения, М., 1958, с. 10—11.

Владимир Кириллов практически участвовал в строительстве нового общества. В архиве его хранятся зарисовки реальных событий Семнадцатого года, но в стихах своих он отвлекался от повседневности. Он стремился раскрыть внутреннюю философскую суть происходящего, его сокровенный пафос. Революция воспринималась им как величайший праздник освобожденного труда. Он стремился воспеть страстное опьянение победой, торжество труда рабочего люда. «Мы во власти мятежного страстного хмеля», — восклицал он в стихотворении «Мы». В стихотворении «Железный Мессия» (1918) труд выступает как спаситель земли, как властелин титанических сил:

Думали — явится в солнечных ризах,
В ореоле божественных тайн,
А он пришел к нам в дымах сизых
С фабрик, заводов, окраин.

Если поэт от раскрытия общего смысла революции обращался к отдельным конкретным ее участникам, все равно они выступали в обобщенной монументальной форме, лишённые бытовых черт. У Кириллова, как и у Демьяна Бедного, есть стихи, посвященные матросам. Но интонации и краски стихов совершенно иные. Торжественный мерный ритм, сравнения повышенной экспрессивной выразительности, кричащие краски, резкие тона — вот что характеризует коллективный портрет матросов, нарисованный Кирилловым:

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы, —
Вам песнь огневая рубиновых слов.
.
.
.
Открытые лица, широкие плечи,
Стальные винтовки в бесстрашных руках
Всегда наготове для вражеской встречи, —
Таковыми бывали вы в красных боях.

Подобно утесам вы встали, титаны,
На страже Коммуны, на страже свобод
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный Семнадцатый год.

(«Матросам», 1918)

Это были стихи, близкие к поэтике революционного плаката — жанра понятного и правомерного в тех исторических условиях.

Среди поэтов «Пролеткульта» и «Кузницы» были разные поэтические индивидуальности. Так, если у Кириллова, Герасимова, Садофьева, Филипченко наиболее отчетливо выразились черты «космизма», пресловутая «планетарность», то, скажем, у Александровского, Полетаева, Казина стихи отличались большей естественностью, задумчивостью, простотой.

Не раз говорилось о недостатках поэзии «космистов», и многие слабости действительно присущи им.

В частности, для нас абсолютно неприемлемы нигилистические мотивы в оценке культуры прошлого. Известно, что теоретики «Пролеткульта» полагали, будто искусство прежних веков способно только «отравить сознание пролетариата». Известно также, как настойчиво, непримиримо и резко критиковал Ленин эти вульгарные пролеткультовские теории. Нет сомнения, что под их влиянием, например, Кириллов написал в стихотворении «Мы» (1917) строки, приобретшие печальную известность:

Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Следует, однако, заметить, что близкий друг и литературный единомышленник Кириллова Михаил Герасимов в те же примерно дни в стихотворении, так же озаглавленном «Мы», утверждал нечто прямо противоположное:

Мы всё возьмем, мы всё познаем. . .

Да и сам Кириллов в стихотворении «Жрецам искусства» (1919) совсем иначе трактовал эту тему:

Он с нами, лучезарный Пушкин,
И Ломоносов, и Кольцов. . .

Молодая советская литература радостно приветствовала союзников и наносила ответные удары врагам. Стихотворение «Поэтам революции» (1918) Кириллов посвятил А. Блоку; в нем он обращался с приветственными словами к автору «Двенадцати»:

И в страшный час борьбы и муки,
В кровавом вихре грозных битв,
Мы услышали чудо-звуки
Благословляющих молитв.
И вы, что нежностью питали
Ожесточенные сердца,

Вы под знамена наши встали,
Чтоб вместе биться до конца.

И. Логинов в стихотворении 1918 года «Современное» с нескрываемым презрением отвечал на угрозы и мрачные пророчества Зинаиды Гиппиус. Взяв в качестве эпиграфа уже цитированные строки Гиппиус насчет того, что народ «будет загнан в старый хлев», Логинов писал:

Крестьяне и рабочие
Свободу берегут,
А Гиппиус и прочие
Воспеть готовы кнут.
Крестьяне и рабочие
Воскресли в Октябре,
А Гиппиус и прочие
Мечтают о . . . царе.

И с полным основанием поэт называет Гиппиус и ее единомышленников «покойничками в гробу» и «позором республики».

Позднее, в новых, более сложных условиях исторического развития многие поэты «Кузницы» обнаружили растерянность и смятение. Когда реальность революционной борьбы оказалась суровее, труднее и сложнее, чем это представляли себе поэты, когда выяснилось, что грядущее, которое воспевали эти поэты, предстоит еще завоевать в долгой и суровой борьбе, многие из них поддались унынию. И это было в какой-то мере неизбежным. Но в поэтических откликах, рожденных Октябрем, в общей картине революции, воссозданной сразу же по горячим следам событий, пафосная лирика Кириллова, Герасимова, Садофьева и других отвечала живым потребностям времени. Ее патетика была искренней. И поэтому ей была чужда холодная риторика. Главным для поэтов тех лет было стремление определить отношение к событиям, свою позицию, постигнуть величие замыслов революции, возможности, заложенные в ней, грандиозность ее масштабов.

4

Притягательная сила революции была так велика, воздействие ее идей столь мощно, что поэты, в прошлом далекие от освободительного движения, пережили крутой перелом, связали свою судьбу с революционным народом и выступили зачинателями новой совет-

ской литературы. Поучительный и красноречивый пример тому — творчество Александра Блока.

Предреволюционный путь Блока отмечен разноречивыми стремлениями. Но сквозь все прихотливые изгибы его творческого развития проглядывали некие важные и устойчивые мотивы: сознание грозного неблагоприятия жизни, страстное ожидание обновления мира, мечта о светлом будущем человечества, глубокая любовь к России и вера в ее силы — именно эти мотивы и определили отношение Блока к Великому Октябрю, которое нашло наиболее полное выражение в поэме «Двенадцать».

«Двенадцать» — одно из первых произведений новой советской литературы, посвященных революционной современности. Поэма была встречена с живейшим интересом всеми, кто связал свою судьбу с революцией. Такие строки, как «революционный держите шаг, неугомонный не дремлет враг» или «мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем», — проникли в народ и стали массовыми лозунгами. Напротив, враги революции, все, кто стояли по ту сторону баррикады, осыпали поэта бранью и проклятиями. Они клялись, что никогда не простят Блоку этой поэмы, прославлявшей Октябрь.

«Двенадцать» поистине проникнута горячим, страстным отрицанием старого мира и таким же горячим, страстным утверждением новой революционной действительности.

Уже в начальных строках заключен резкий и отчетливый контраст, господствуют две краски, нет полутонов и оттенков: «Черный вечер, белый снег». И это резкое контрастное сопоставление двух красок — черной и белой — определяет всю структуру поэмы. Мировая буря бушует во вселенной: «Ветер, ветер на всем божьем свете».

Два мира противоборствуют. Старый мир «сытых», который уже давно поэт ненавидел, теперь побежден. Он представлен в поэме всеми своими разновидностями: буржуй и поп, вития и барыня — всех их казнит своим презрением Блок.

И обобщающий образ, до предела выражающий всю меру презрения Блока к старому миру:

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Этому старому миру противостоит революционный народ. Как его изображает поэт? Само название заключает в себе двоякий

смысл. СобираТЕЛЬНЫЙ герой поэмы — красногвардейский дозор, охраняющий революционный порядок в Петрограде. По воспоминаниям современников, эти дозоры, как это и запечатлено у Блока, состояли из двенадцати человек. Однако двенадцать красноармейцев — это не просто точная бытовая деталь, но и символ. Двенадцать апостолов, учеников Христа, явились провозвестниками нового учения, новой эры. В глазах Блока красногвардейский дозор на метельных улицах города — это тоже глашатай новой эры мировой истории. Их образы только бегло очерчены поэтом. Это разные люди, среди них есть и анархическая вольница, и темные души, подверженные слепым страстям. Красногвардеец Петруха из ревности убивает свою возлюбленную. Но другие исполнены сознания своей высокой миссии. Они говорят Петру:

Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

В конце поэмы появляется фигура таинственного, невидимого за вьюгой, идущего впереди двенадцати Христа. Нет сомнения, что концовка поэмы в какой-то мере восходит к старым символистским представлениям и мотивам поэта. Но во всем внутреннем движении поэмы образ Христа меньше всего выражает религиозные воззрения. Это символ святости революционного дела. Финалом поэмы Блок как бы говорил: да, революцию делают разные люди, в ней есть и разрушительные силы, но в целом революционный народ творит великое, светлое дело, и оно достойно благословения.

«Двенадцать», таким образом, это поэма о смертельном единорборстве двух миров, о рождении нового в бурях и вьюгах революции, о революционном народе. Для решения темы Блоку понадобились новые художественные средства. Мягкая и нежная музыкальность, туманные и зыбкие образы не годились для передачи грозной бури революции. И в поэме Блок, действительно, широко использует иные средства. В ней господствует не описание или авторский рассказ — поэма состоит как бы из множества переплетающихся и перекрещивающихся голосов, реплик, восклицаний, песен, частушек.

В этом многоголосии, полифонизме поэмы прослеживается тот же резкий контраст, те же антитезы, о которых сказано вначале. Разухабистая лихая частушка соседствует с торжественным маршем, патетические строки гимна — с саркастической пародией.

Взволновавшееся до самых глубин, бушующее народное море Блок рисует и разными ритмами. «Двенадцать» знаменовали рождение нового, революционного эпоса. О некоторых проблемах, связанных с этим, речь пойдет дальше.

5

Эпоха требовала широких жестов и высоких слов. Рвущийся наружу революционный энтузиазм порождал торжественные интонации, патетическую библейскую образность. Символ и гипербола становились главными средствами художественного выражения.

И даже такой поэт, как Сергей Есенин, с его глубоко интимными интонациями, воспел Октябрь в стихах, полных страстного публицистического накала. Не раз говорилось о «крестьянском уклоне», с которым поэт воспринял Октябрь. Об этом Есенин сам рассказал в автобиографии: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном».¹ Но эти слова относятся к концу 1925 года. И, может быть, такая позднейшая самооценка выражала известную неудовлетворенность поэта своим прежним пониманием событий. Если же обратиться к самому творчеству Есенина революционных лет, то ясным становится одно: поэт с огромной силой приветствовал Октябрь и видел в нем осуществление вековых чаяний народа, утверждение новой эры человечества, эры братства и счастья людей. Стихотворение 1917 года «Певущий зов» кончается такими строками:

Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить.

Поэма «Инония», полная богоборческого пафоса и религиозной символики, гротескных образов и причудливых гипербол («я сегодня рукой упругою готов повернуть весь мир», «протянусь до незримого города, млечный прокушу покров», «даже богу я выщиплю бороду оскалом моих зубов» и т. д.), утверждает новое учение вместо религиозной концепции бессилия человека и всемогущества бога:

Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,

¹ С. Есенин, Собрание стихотворений, изд. 2-е, т. 1, М.—Л., 1926, с. 40.

Натянул на небе
Радугу, как лук.

Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет.
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!

Пользуясь религиозной символикой, Есенин, однако, отстаивал глубоко атеистическую мысль: истинная сила — в реальных земных делах и людях, в деяниях широких масс, пробужденных к новой жизни. Характерно, что в поэме революционную Россию Есенин противопоставляет Америке.

А в поэме «Иорданская голубица» содержатся известные строки:

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

Если враги революции видели в ней только гибель и разрушение, если для них главным была та якобы ненависть, которую она принесла с собой, то для Есенина революция — это торжество любви, братства и мира. И в этом он видит ее всечеловеческую роль. Все-ленское братство людей — вот что прежде всего несет с собой революция. В стихотворениях «Кантата» (1918) и «Небесный барабанщик» (1918) поэт с огромной любовью говорит о бойцах революции, погибших за счастье людей, он с гневом и презрением упоминает о ее врагах — «белом стаде горилл» — и о неизбежности нашей победы.

Мы знаем, что в дальнейшей летописи жизни и творчества Есенина было немало трудных и горьких страниц. Но в высшей степени характерно, что позднее, на завершающем этапе своей жизни, в середине 20-х годов, поэт снова вернулся к прежней теме Октября, и на иной основе воскресли в его стихах мысли и чувства, навеянные революцией, раздумья о России, о новом пути страны, о Ленине, о себе.

Тема революции становится темой глубоко личной, даже интимной: она нераздельно слита с размышлениями о себе самом, о лич-

ности человека, о внутреннем его мире, о его судьбе. У Есенина революция — нечто огромное, что произошло со страной и вместе с тем — было в сердце самого поэта. В последних стихах Есенина немало трагических мотивов — и чувство раскаянья, и горькие размышления о внутреннем разладе, и страстное желание начать жизнь по-новому. Но в его произведениях этой поры звучит также и гордое сознание того, что он был тоже современником и «счастливым свидетелем» величайших событий. В «Капитане земли» (1925) поэт говорит о Ленине:

Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал и жил.

В делах Ленина, в свершениях советской власти поэт видит новую эру истории, и сила Советов для него состоит в том, что они отвечают потребностям и интересам народных масс. В «Песни о великом походе» (1924) звучит лихая частушка:

Веселись, душа
Молодецкая.
Нынче наша власть,
Власть советская.

В «Анне Снегиной» (1925) на вопрос крестьян:

«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

Октябрь для поэта не только событие мировой истории, но и факт личной биографии. Свои собственные муки и душевные терзания и падения Есенин связывает с тем, что он раньше не понимал сути и смысла революции. В «Письме к женщине» (1924) он писал:

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в соннице людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.
Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

В стихотворении «Русь уходящая» (1924) поэт с завистью говорит о тех, кто «жизнь провел в бою», кто «защищал великую идею», и тут же называет себя «питомцем ленинской победы». Он подчеркивает в «Письме к женщине», что стал не тем, кем был раньше, и что теперь он —

За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ламанша.

Тема Октября в советской поэзии с первых дней самым тесным образом переплелась с темой Ленина. В первые годы образ Ленина еще не находил конкретного живого воплощения. Это придет позднее. Но и тогда уже наметилась замечательная традиция изображения всемирно-исторической роли Владимира Ильича Ленина как выразителя дум, чаяний и надежд всего трудового человечества.

Маяковский в стихотворении «Владимир Ильич» (1920) подчеркивал это со всей энергией:

Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою.

Великолепным образцом сильного и оригинального решения темы явилась поэма Николая Тихонова «Сами» (1920). Интересно, что эта поэма, кажущаяся условной, аллегоричной и далекой от реальных будней, родилась в теснейшей связи с непосредственной жизненной практикой поэта. Тихонов рассказывает в автобиографии: «В год Октябрьской революции мне было только двадцать лет. Под впечатлением первых месяцев революции я написал целую книгу стихов, которая осталась в рукописи. . . Она посвящалась борьбе с контрреволюцией, победе пролетариата. Стихи этой книги были декларативны, наивны, слабы. Ко времени, когда я смог отобрать стихи для своей первой книги (очевидно, имеется в виду книга «Орда». — Л. П.), я уже прошел битвы гражданской войны. . . Мечтания моих юных лет воплощались в кипучей революционной дей-

ствительности. Я помню, с каким волнением я читал настоящему индийцу, Эс-Хабибу Вафе, в Москве мою маленькую поэму про индусского мальчика «Сами», написанную в 1919 году... Вафа, говоривший хорошо по-русски, выслушал и сказал, что вообще это условно, но похоже». ¹

Но условность в искусстве может оказаться средством проникновения в самую сокровенную реальность действительности. И небольшая, но чрезвычайно энергично написанная поэма Тихонова о маленьком мальчике из Амритсара, которого унижал и оскорблял английский сагив и в котором Ленин пробудил чувство протеста и страстное желание стать человеком, — эта поэма отражала тот всемирный освободительный размах, который приобрела наша революция. В книге Д. Неру «Открытие Индии» рассказано, что в действительности значили для индийской молодежи великие бури Октября и какую роль они сыграли в последующей борьбе индийского народа против британского владычества.

6

Разными средствами поэты стремились выразить величие событий, которые им довелось пережить. Революция ввела в свой круг широчайшие человеческие массивы. Она властно вторглась и в творчество поэтов самых разнообразных направлений. Были среди них люди, которые понимали смысл событий во всей их сложности, и, как уже отмечалось, были попросту враги, питавшие к ней слепую злобу. Были и поэты, которые порой относились к ней недоверчиво и многое понимали в ней превратно, но все же ощутили ее очистительную и освобождающую силу.

Известно, какой долгий, сложный и трудный путь прошла в своем творчестве Анна Ахматова. Предреволюционное творчество ее никак не располагало к приятию Семнадцатого года. Но она всегда была и всю жизнь оставалась непоколебимо верна родной земле, и никакие посулы, никакие соблазны не могли прельстить ее отказаться от отчизны.

В сборнике «Подорожник» напечатано стихотворение, датированное 1917 годом:

Мне голос был. Он звал утешно.
Он говорил: «Иди сюда,

¹ «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. 2, с. 428—429.

Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Не только в этом стихотворении, а и в другом ее произведении, датированном 1921 годом, несмотря на сгущение мрачных красок, несмотря на то, что революционная Россия представляется поэтессе в трагическом свете, звучит мотив внутреннего освобождения, мотив надежды и ожидания. Вот первые строки этого стихотворения:

Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Всё голодной тоскою изглодано...

Эти строки действительно мрачны, несправедливы и односторонни. Их обычно цитировали в качестве убедительного признака заблуждений поэтессы. Но ведь за этими строками идут другие:

Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, —

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвесгное,
Но от века желанное нам.

И разве в этих стихах не звучат мотивы внутреннего просветления, ожидания, порыва, пусть даже пока и лишенные еще социальной определенности?

Можно привести немало других свидетельств сложного воздействия революции. Вот хотя бы один из видных имажинистов — Ана-

толий Мариенгоф. Поэт, отдавший обильную дань всяческим стихотворным эксцентричностям, писал, однако, в 1919 году:

Мы те, о которых скажут:
— Счастливы, в 1917 году жили, —
А вы всё еще вопите: «погибли».

Лидер футуризма Велимир Хлебников посвятил Октябрю поэму «Ладомир» и ряд стихотворений.

Хлебников — один из самых правоверных футуристов. Он был последовательным сторонником «заумного языка». В его убеждениях наряду с идеями всесветного братства и свободы было немало путаного, утопического, но характерно, что в произведениях, посвященных Октябрю, в переплетении необычайно усложненных образов и мотивов звучит восторженное отношение к революционной России, которая «тысячам тысяч свободу дала».

Поэт очень сложной литературной судьбы, в прошлом один из виднейших представителей символизма, Андрей Белый по-своему приветствовал Октябрь. Еще накануне в стихотворении «Родине», датированном августом 1917 года, он предсказывает бурные мировые потрясения и отводит России роль «Мессии грядущего дня».

Еще более трудным и противоречивым явлением предстает перед нами поэзия Николая Клюева. В творчестве его сливались и мистико-религиозные мотивы, и сектантские черты, и ненависть к «господам», и мечта о «мужицком рае» без господ, чиновников и интеллигентов. В таких стихотворениях, как «Красная песня», он сумел подняться до прославления — хотя и на свой лад — революции, которая оборвала «цепи насилья» и разрушила «жизни тюрьму». Удержаться, однако, на высоте этого революционного воодушевления Клюев не смог. В дальнейшем в его поэзии возобладали консервативные, чуждые нам мотивы — религиозная мистика и вражда к рабочему городу, и неприязненное отношение к пролетарской литературе. В стихотворении, обращенном к Владимиру Кириллову, Клюев усматривал в новой культуре лишь пагубные начала. При всем том его стихи, прямо и непосредственно навеянные Октябрем, остались примечательной страницей в биографии поэта.

Художники, которые отвернулись от своей эпохи, обрекли себя на слепоту и глухоту, на гнетущую мелочность. О поэтах этого толка Блок говорил, что они пишут «страшные стихи ни о чем».¹ И напротив, для поэтов, которые почувствовали и поняли «музыку революции», Октябрь невиданно раздвинул исторический кругозор, вывел

¹ Александр Блок, Собрание сочинений, т. 6, с. 337.

их героев из тесных пределов камерной лирики, сообщил их творчеству огромную внутреннюю энергию. Поэзия первых лет советской власти, при всех недостатках, которые ей были свойственны, уловила и поэтически выразила многие важные черты эпохи и прежде всего — великое всемирно-историческое, освободительное и гуманистическое значение Октября.

7

Тема Октября после окончания гражданской войны, в первые годы мирного строительства, претерпела значительные изменения, наполнилась новым важным содержанием.

Прежде всего стало ясно, что реальная диалектика исторического развития сложнее, прихотливее и исполнена больших трудностей, чем это думалось раньше. Лобовым штурмом старого мира нельзя было обеспечить построение коммунистического общества. Предстояли трудные, суровые, полные повседневной прозы дела, для того чтобы возвести здание нового мира. И некоторые из тех, кто воспринимал Октябрь только как праздничное ликование, впали в уныние, разочаровались в былом, растерялись, охваченные смутением и скорбью. Это относится и к Кириллову, и к Герасимову, и к другим поэтам, которые раньше приветствовали революцию искренне и воодушевленно.

Новая экономическая политика заставляла о многом задуматься. Она требовала от поэта не изъятий восторга, а глубокого и ясного понимания сложных законов общественного развития. Характерно, что даже Демьян Бедный, один из наиболее трезвых и зрелых поэтов, в стихотворении «ЭП» (1921) отразил чувство тревоги. Запечатлевая новые противоречия, порожденные нэпом, он говорит о тягостных контрастах времени: появилась неведомо откуда новая, «шикарная» публика («Барыни эвона как разодеты! Подняли головы вновь господ»), улицы заполнились новоявленными «господами», проститутками и нищими («Соболь, фальшивые блестки, Слой из румян и белил, Роскошь и бедность. Девицы-подростки, Густо «панельный» товар повалил»). Нэпманы претендуют на многое («Митя... Нам море теперь по колена... Всю, брат, Расею возьмем в переплет!...»).

Рефреном звучит в стихотворении тревожное недоумение:

Кто говорит — передышка,
Кто говорит — карачун,
Кто говорит — старой жизни отрыжка,
Кто говорит — новой жизни канун.

И заключительная строфа:

Дробь выбивают копыта
Взмысленных быстрых коней.
Отзвук ли это минувшего быта?
Иль первоцвет наступающих дней?
Выдался вечер пригожий,
Тройка летит по Тверской.
Кучер-то, кучер какой краснорожий!
Весело окрик звучит кучерской:
— «Эп?! Сторонися, прохожий!»
Эп! Эп!
Окрик разгульный, на что-то похожий:
— «Нэп! Сторонися, прохожий! нэп!»

Поэт не дает ответов, он только спрашивает себя и свое время. Но характер вопросов не оставляет сомнений: тягостная забота и тревога владела даже таким поэтом, как Демьян Бедный, который и в 20-е годы и позднее с неутомимой энергией служил своим пером делу партии.

Через год с небольшим в поэме «Главная Улица» (1922) Демьян Бедный передаст торжественными и грозными ритмами гулкую поступь революционных масс, которые с победной и неодолимой силой

идут,
идут
на последний всемирный редут!

Поэма исполнена оптимизма и веры в торжество революции:

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Если раньше грядущее рисовалось поэтами в самом общем, суммарном виде, то теперь встает проблема конкретных исторических судеб революции.

И в этой связи в высокой степени поучительным следует считать отношение Маяковского к этой жгучей проблеме.

В стихотворении, озаглавленном «Спросили раз меня: „Вы любите ли нэп?“ — „Люблю, — ответил я, — когда он не нелеп“» (1922), Маяковский прямо обращается к своим соратникам по перу, кото-

рые в новой, сложной обстановке утратили перспективу и впали в уныние: «Многие товарищи повесили нос. — Бросьте, товарищи! Очень не умно-с».

И дальше в стихотворении, построенном очень сложно и вместе с тем очень стройно, поэт доказывает, что победить буржуазию в открытой вооруженной схватке — еще полдела. Он подчеркивает, что «в Октябре пролетарская голь» «загнала осиновый кол» в «кру-госветное... пузо» буржуазии. Но победить старый мир по-настоящему можно только тогда, когда пролетариат победит его на его же «территории» — в самой трудной области экономических отношений:

На арену!
С купцами сражаться иди!
Надо счетами бить учиться.
Пусть «всерьез и надолго»,
но там,
впереди,
может новый Октябрь случиться.

Поэт не скрывает тяжелых и скорбных дум, иногда овладевающих им, но он убежден в успехе революционного дела.

Пусть
от мыслей торгашеских
морщины — ров.
В мозг вбирай купцовский опыт!
Мы
еще
услышим по странам миров
революций радостный топот.

Маяковский уловил одну из самых главных и самых новых тем, выдвинутых самой жизнью, — вопрос о судьбе Октября, о судьбе революции в новых исторических условиях. И со свойственной ему остротой и ясностью политического мышления он доказывал, что повседневная проза будней нэпа не противостоит высоким идеалам Октября, не отрицает их, а является новым путем претворения в реальную действительность этих идеалов. Новая тема исторических судеб революции стала темой и многих других поэтов.

Если Маяковский глухо упоминал о поэтах, которые «повесили нос», то Безыменский прямо обращался к поэтам «Кузницы», упрекая их в том, что они воспринимали революцию лишь в ее, так ска-

затъ, общих целях и масштабах, игнорируя подлинную реальность ее путей и забот:

Хорошо планеты
Перекидывать, как комья,
Электропоэмами космос воспеть,
А вот сумейте
В каком-нибудь предгублескоме
Зарю грядущего разглядеть.

(«Поэтам „Кузницы’», 1923)

«Заря грядущего» теперь становится неотделимой от будней советской действительности. Одно из стихотворений Безыменского так и называется — «Вдохновение будней». Даже с некоторой полемической запальчивостью Безыменский, который ранее, в годы гражданской войны, сам был близок к «космистам», теперь обращается к самым, казалось бы, прозаическим мелочам быта, оттеняя в них их общий высокий смысл. В известном стихотворении «О шапке» (1923) рассказ о котиковой шапке, полученной по ордеру в 1919 году, предварен следующим патетическим четверостишием:

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Поэт прямо связывает этот вывод с размышлениями с контрастах нэпа — котиковая шапка становится символом и напоминанием о героических годах:

И теперь вот, сейчас, сегодня,
Мимо салом заплывших витрин,
Я шагаю, знаменем подняв
Шапку военных годин.

...Пусть катается нэпман на форде,
Проживает в десятках квартир...
Будет день:
Мы предъявим
Ордер
Не на шапку —
На мир.

Вне зависимости от художественного уровня стихов Маяковского и Безыменского, примечательно сходство в решении темы: будни нэпа не противостоят великим всемирно-освободительным целям революции, они представляются лишь новым путем, хотя неизмеримо более сложным, чем раньше, но ведущим к осуществлению тех же целей.

В творчестве Демьяна Бедного, Маяковского, Безыменского и других поэтов, тесно связанных с революционной современностью, тема Октября органически переплеталась с темой партии, осуществлявшей небывалую по своему размаху организаторскую роль в строительстве нового мира. Наиболее полно и глубоко эту тему разработал Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин». Ленин, партия, народ выступают в поэме в своей нерасторжимой слитности.

Чем дальше развивалась наша жизнь и наша поэзия, тем многостороннее становилась тема Октября. И стихотворение Маяковского «Рабочим Курска, добывшим первую руду», и «Гренада» или «Рабфаковка» Светлова, и «Партбилет» Безыменского, и «Дума про Опанаса» Багрицкого, и «Повесть о рыжем Мотэле» Уткина, и «Гармонь» Жарова и многое другое — доказывает это. Свет великих дней Октября изнутри согревал лучшие произведения советских поэтов.

8

Наиболее широкое развитие тема Октября получила в первые же дни революции в эпических жанрах. Революция сразу заявила о себе как поэтический материал для эпоса. Демьян Бедный встретил Октябрь стихотворной повестью «Про землю, про волю, про рабочую долю», а Блок откликнулся на революцию поэмой «Двенадцать».

Предреволюционная модернистская поэзия была внутренне враждебна эпическому началу. В 1901 году Валерий Брюсов утверждал, что цель искусства — самоудовлетворение и самопостижение. «Искусство начинается в тот миг, — писал он в 1904 году, — когда художник пытается уяснить самому себе свои темные, тайные чувствования».¹ Бальмонт полагал, что явления мира в символистской поэзии предстают как создание «собственной мечты» поэта, как «фантазмагория», сотворенная им. Но если поэзия есть исповедь уединенной души, если действительность воспринимается лишь как фантазмагория, то вполне понятно, почему сфера такой поэзии огра-

¹ В. Брюсов, Ключи тайн. — «Весы», 1904, № 1, с. 20.

ничивалась только «лирической стихией» и эпос оставался ей неведом. Эпическое всегда обращено к окружающему миру, к действительности, к объективной реальности, в которой поэт не сомневается.

Модернистской поэзии подлинный эпос был недоступен.

Революция принесла с собой не только новый объект, новое содержание, но она означала крутую ломку в самих художественных средствах. Следует подчеркнуть, что наряду с другими чертами нового искусства она утвердила героическое и эпическое начало в поэзии, обострила чувство грандиозности совершающегося в жизни, в объективной действительности. И есть своя закономерность в том, что не только Демьян Бедный и Блок, но и Маяковский в «150 000 000», и Андрей Белый в поэме «Христос Воскрес», и Хлебников в «Ладомире» стремились запечатлеть революцию в жанрах эпоса.

Вместе с тем надо признать, что самый характер эпического претерпевал внутренние изменения, связанные с трактовкой важнейшей темы личности и революции. Вселенский размах Октября стал очевидным для всех, кто более или менее объективно относился к современности, и это создавало почву для произведений широкого эпического плана. Но в каком отношении находятся великие события к личности, к ее внутреннему миру, что изменили они во взаимоотношениях личности и общества?

Новое революционное искусство решительно восстало против индивидуалистической поэзии. Эпос становился безличным, лирическая поэзия тоже как бы стала малой формой эпоса.

В «Двенадцати» Блок предоставлял право голоса самому народу, самим массам. Полифонизм поэмы был объективен. Маяковский эту объективность довел до предела в «150 000 000». В одном из первых вариантов поэма называлась «Иван Былина. Эпос революции». Как известно, впервые поэма была издана без имени автора. Безличное выражение голоса народа было даже внешне закреплено.

Человек революционной эпохи вырвался из тесных пределов индивидуального существования, из узких рамок «уединенной души» на широкие просторы истории. В слиянии с массой, в своей сопричастности великим событиям он увидел новые источники духовного раскрепощения и богатства. Лирика, которая довольно широко развивалась в первые годы революции, была не столько выражением переживаний личности, сколько тоже голосом «множеств». Отсюда обязательное «мы» в стихах того времени. И даже когда поэт выступал от имени «я», оно было синонимом собирательного «мы».

Стихотворение в прозе Алексея Гастева называется «Моя жизнь». Но местоимение «моя» есть не больше как стилистическая

подстановка. «Я» в данном случае — это собирательное выражение безликих, обобщенных, собирательных масс: «Это я двести лет тому назад бил и разбивал машины. Это я, весь еще человеческий, восстал против холодных недругов своих» и т. д. Насколько это было в духе времени, доказывает тот факт, что не только Кириллов, Садофьев, Филипченко, Гастев, но и Александровский, поэт с ярко выраженным лирическим началом, во многом испытывавший влияние Есенина, писал в стихотворении «Мы»: «На смуглые ладони площадей Мы каждый день расплескиваем души», а в другом его стихотворении читаем:

Мы подняли смерч крылатый,
Взрыли поля чугоном.
Мы требуем полной платы
За столетия, убитые сном.

(«*Душа, кричи громче. . .*»)

Но в этом растворении личности в массе были, с одной стороны, и свои источники внутреннего обогащения личности и, с другой — свое неизбежное самоограничение. Душевный мир человека лишался оттенков, нюансов, сложных внутренних движений. Это объяснялось особенностями времени и сознавалось самими поэтами: красноречивым свидетельством этому может служить известное в свое время стихотворение поэта И. Логинова «Набат» (1919). В нем есть такие строки:

Когда Республика Советов
Окружена со всех концов,
Не до лирических сонетов,
Не до лирических стихов.
В красоты матери-природы
Тогда влюбиться может стих,
Когда все страны и народы
Повязку сбросят с глаз своих.

Узбекский поэт Хамза в песне «Проснись!» (1918) восклицал: «Личное сейчас помеха. Общих дел сегодня день».

Даже позднее Жаров напишет в поэме «Комсомолец»:

Нам не дано имен,
Детям станков и околиц.
Имя мое — легион,
Имя мое — комсомолец.

если крашено —
рыжим цветом,
а не красным —
время?!

Эти тягостные раздумья поэт, однако, вскоре преодолел. В поэме «Свердловская буря» в молодом борце он увидел надежду и силу нашей революции:

И я увидел
в расступившихся днях —
в глазах его,
грозных и синих, —
проросший сквозь нэп
строевой молодняк,
не только —
осенний осинник.

Но эта тема в «Свердловской буре» только намечена. Широко и полно развита она в поэме «Семен Проскаков». Поэма была написана к десятилетию советской власти. И свою тему поэт решил в высшей степени своеобразно и плодотворно. Поэма представляет собой чрезвычайно знаменательную попытку создать развернутый эпический характер героя революции. Таким героем поэт выбрал сибирского рабочего, шахтера, большевика, партизана, погибшего в гражданской войне. Семен Проскаков — реальное лицо. Поэма перемежается цитатами из архивных документов, долженствующими сообщить ей историческую достоверность. Но, конечно, Проскаков не просто единичная фигура. Сам поэт подчеркивает типичность своего героя. Проскаков — символ пролетарской революции. Тяжелыми и вескими словами говорит он о себе и о тысячах подобных ему:

Я пролетел,
просквозил,
проскакал
сквозь пули
японцев
и чехословаков,
дрямя и упорен,
как эта строка,
через
от угольной пыли
и шлака.

Я, рабочий,
 шахтер,
 большевик,
сумрачному
 и охладелому
сердцу Республики
 молвил: живи,
бейся
 и делай великое дело!
Кто остановит
 меня на пути?
Мертвый,
 я раны свои простираю
к дальнему свету,
 к новому краю,
всё пережив
 и всё победив!

Но, рисуя Проскакова как героический символ революции, Асеев стремится избежать риторики; его партизаны — живые простые люди, а отнюдь не былинные богатыри:

Не герои-орлы
 бессменные, —
шли
 рабочие люди семейные.
Шли
 без регалий,
шли
 без патронов,
шли
 и ругались,
хвою затронув.

В этом стремлении передать героику в буднях революционных дел есть что-то сближающее поэму с произведениями совсем других жанров. И тут возникает аналогия, которая может показаться неожиданной, — аналогия с «Разгромом» Фадеева. Дело даже не в том, что в обоих произведениях речь идет о партизанской войне в Сибири и что героями их являются схожие во многих отношениях фигуры. Вспомним о людях «угольного племени» в «Разгроме»: любой

из них мог бы разделить судьбу Проскакова. Суть заключается в ином. Асеев ощутил и по-своему ответил на внутреннюю властную потребность времени — запечатлеть не абстрактного героя-революционера, человека с большой буквы, а передать реальную и высокую героинку в повседневных буднях борьбы. Эту цель преследовал Фадеев, эту задачу в своих жанровых рамках решал Асеев. Синтез разных эмоциональных и стиливых планов и образует своеобразную мелодию поэмы. С одной стороны, Проскаков и противостоящий ему адмирал Колчак — исторические лица во всей их обыденности, а с другой, — они символы двух миров: старого мира, обреченного на гибель, потому что против него народ, история, неодолимое движение жизни, и нового мира, за которым будущее, потому что он выражает самые сокровенные потребности и интересы миллионов масс.

Асеев говорит о Колчаке:

. . .никогда
 не знал и не понял,
вежливо-сдержан,
 изящно-лукав,
что
 не Англия
 и не Япония —
Проскаков
 держал его жизнь
 в руках.
И, лишь выслушав
 приговор смертный,
жизнь
 перебравши
 в последний раз,
вспомнил и он
 о силе несметной,
тяжкой силе
 восставших масс.

Сила нашей революции — в Проскаковых, в неиссякаемой энергии освобожденного народа. Эта мысль звучит в патетической концовке поэмы. Она же является лейтмотивом и в поэме, написанной незадолго до «Семена Проскакова» — «Двадцать шесть». Поведав о трагической гибели двадцати шести бакинских комиссаров, поэт восклицает:

«Счастливым свидетелем» — так рекомендует рассказчика Маяковский. «Хорошо!», таким образом, это не просто эпическое произведение о революции, это свидетельство живого участника великих дней. Это взволнованный монолог, лирическая исповедь человека революционной эпохи. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», — говорил Тютчев. Маяковский как бы дополняет старого поэта. Счастлив тот, кому довелось быть участником и свидетелем величайших событий мировой истории. Это определяет и общий тон поэмы — ясный и мажорный.

Из двадцати двух глав поэмы семнадцать посвящены 1917 году и гражданской войне. Историческую закономерность революции поэт видит в том, что она отвечала самым сокровенным потребностям миллионных масс города и деревни, и в том, что ею руководила партия. Керенщина представляется поэту обреченной потому, что она явилась лишь плохой маскировкой целей и сути старого своекорыстного мира. «При Николае и при Саше мы сохраним доходы наши», — говорит Милуков Кусковой. Враги революционного народа даны в тонах откровенной издевки. Здесь уже нет тех трагических нот, которыми пользовался Маяковский при изображении революции в «150 000 000». Это естественно. «Хорошо!» — поэма о великой победе, и враги, противостоящие народному делу, ходу истории, выглядят гротескными марионетками. Таков Керенский — «вертлявый пострел», таковы Милуков и Кускова в знаменитой сцене, имитирующей разговор Татьяны Лариной с няней.

В поэме как бы два композиционных центра. Один из них — 6-я глава, непосредственно воссоздающая события 7 ноября: штурм Зимнего, бурную деятельность Смольного, решающий поединок двух миров — «лоб о лоб». В отличие от художественных решений первых лет революции, когда об этих днях говорилось аллегорически, Маяковский воссоздает даже как будто бытовую картину событий, и начинает он подчеркнуто буднично: «Дул, как всегда, октябрь ветрами, как дуют при капитализме». И далее опять почти бытовое упоминание: «За Троицкий дули авто и трамы, обычные рельсы вызмеив». Такими же строками заканчивается глава: «Дул, как всегда, октябрь ветрами. Рельсы по мосту вызмеив, гонку свою продолжали трамы уже — при социализме». Кольцевое построение кульминационной главы нужно было поэту для того, чтобы оттенить грандиозность *внутренних* перемен, происшедших в России и во всем мире («если в Россиях увязнет коготок, всей буржуазной птичке — пропасть»), при том что внешне все как будто оставалось прежним.

Последующие главы до семнадцатой посвящены первым годам революции и гражданской войне. Поэт мало говорит о внешних со-

бытиях бурных и грозных лет. Совершенно неожиданно, казалось бы, для всего своего творчества, он сосредоточивает внимание на *быте*, на мелочах повседневной и трудной жизни того времени с его лишениями, голодом и холодом, упоминает точные детали: «Живу в домах Стахеева я, теперь Везээнха». Здесь и упоминание о том, что правление выдало урюк и повидло, и о «лошажьей ноге», которая заменяет говядину. Все это нужно Маяковскому, чтобы развернуть то, что можно было бы назвать философией советского патриотизма. Здесь прежде всего хотелось бы отметить одно важное обстоятельство. О первых днях революции, о тяжком быте тех лет написано немало. Вспомним рассказы и повести Евгения Замятина, который доказывал, что революция принесла с собой одичание и злобу, что она пробудила в человеке зоологическое начало, что революция знаменует возврат к пещерным временам. Маяковский, напротив, со всей силой убежденности доказывал, что тяготы революционной страды воскресили в людях истинную человечность:

Я
много
в теплых странах плутал.
Но только
в этой зиме
понятной
стала
мне
теплота
любовей,
дружб
и семей.

И с этим связан другой важнейший мотив. Новый советский патриотизм по Маяковскому — это действенное и *осознанное* чувство. Оно основано на ясном понимании того, что речь идет о стране, свободу которой *ты сам завоевал*, которую ты отстоял в тяжких боях и вместе с которой ты выстрадал ее будущее. И недаром 13, 14 и 15-я главы, посвященные бытовым деталям, кончаются поэтическими формулами советского патриотизма: «землю, с которою вместе мерз, вовек разлюбить нельзя», «землю, которую завоевал и полуживую вынянчил, где с пулей встань, с винтовкой ложись, где каплей льешься с массами, — с такой землею пойдешь на жизнь, на труд, на праздник и на смерть». Прославление советской отчизны у Маяковского неотделимо от глубокого и сильного чувства любви к тому, что

ты сам завоевал и создал. Это отцовское чувство к своему родному детищу.

Центром всех этих глав является, как уже говорилось, 6-я глава — кульминация борьбы пролетариата за власть.

Второй композиционный центр вынесен в финал поэмы. После 16-й главы, посвященной картине разгрома белых армий, идут несколько глав особого рода. Маяковский не ставил перед собой задачи воссоздать поэтическую хронику *всего* революционного десятилетия с той же детализацией, как он запечатлел будни гражданской войны. И начиная с 17-й главы разворачивается взволнованный и патетический монолог поэта. Две темы звучат в нем: первая из них — вопрос о судьбе Октябрьских завоеваний. Павшие в боях за революцию вопрошают живых:

«Скажите —
вы здесь?
Скажите —
не сдали?
Идут ли вперед?
Не стоят ли? —
Скажите.
Достроит
коммуна
из света и стали
республики
вашей
сегодняшний житель?»

И от имени живых поэт заверяет павших, что «страна с каждой весной ослепительней крепнет, стройна и сильна», что во всем мире насилья и денег «ваши великие тени ходят, будя и ведя». И именно в связи с этим возникает вторая тема — *будущего* страны, ее перспектив, ее грядущих побед:

Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет. . .

В реальности наших планов построения коммунизма Маяковский видел осуществление великих завоеваний Октября и оправданность тех жертв, которые принесены были народом во имя этой высокой цели. Отсюда и особенность построения поэмы. Она воскрешает в па-

мяти прошлое — великие дни революции — и обращается к будущему, в котором видит претворение ее идеалов.

Поэма «Хорошо!» знаменательна была и своими новыми принципами решения Октябрьской темы. Безличный, анонимный, «объективный» эпос уступает место иным художественным принципам. Поэма не только повествует о героическом десятилетии: в центре ее живая личность, с ее любовью и ненавистью, с ее привязанностями и заботами, — личность, которой революция принесла новые источники духовного богатства. Не общая поэтическая декларация, а стремление к конкретному историческому раскрытию хода истории и ее смысла, тесное переплетение революции с живой человеческой личностью, с ее внутренним миром и даже с простыми бытовыми реалиями, окружающими ее (характерно, что глава о последних днях белогвардейщины дана как рассказ знакомого), лирическая теплота, а не только одическая патетика — вот тот путь, которым шел Маяковский.

Почти одновременно с асеевским «Семеном Проскаковым» и поэмой Маяковского «Хорошо!» Багрицкий написал поэму «Дума про Опанаса» (1926). Мы видим в ней тот же широкий эпический размах, стремление запечатлеть героину и драматизм гражданской войны на Украине. Своим обращением к символике «Слова о полку Игореве», обильным использованием образности и ритмики поэм Шевченко поэт как бы подкрепляет свой замысел создания героического эпоса. И вместе с тем поэма от начала до конца проникнута лирической стихией.

Личность поэта с его скорбными раздумьями над участью Опанаса, с его преклонением перед героическими деяниями Котовского и Когана незримо просвечивает во всем повествовании. Поэтическое «я» в финале поэмы в открытую заявляет о себе:

Так пускай и я погибну
У Попова лога,
Той же славною кончиной,
Как Иосиф Коган! . .

И то, что поэты разных стилистических манер шли сходными путями, доказывает, насколько эти пути отвечали духу времени.

10

Предвоенные годы — сложнейший период в развитии нашей страны, отмеченный и бурным ростом социализма, и немалыми трудностями и противоречиями. Могучий исторический разбег, который был дан стране в дни Октября, теперь с очевидной силой приносил свои

плоды. Тема Октября в поэзии тесно переплеталась с другими аспектами изображения революции, прежде всего с осмыслением огромных социальных преобразований, которые воспринимались как прямое и яркое следствие Семнадцатого года. И когда Твардовский писал поэму «Страна Муравия» (1934—1936) о поисках счастья Никитой Моргунком — это внутренне связывалось с революцией, с ее людьми, с историческими преобразованиями страны.

Моргунка учит сама жизнь, но немалую роль в его идейном возрождении играет председатель колхоза Андрей Ильич Фролов. Фролов воплощает в себе и героическое самопожертвование, и разум революции. В прошлом, — говорит Андрей Ильич, — Фроловы «шли в заводы, в шахты шли, в солдаты и в тюрьму». О себе самом он рассказывает:

Шесть ран принес с гражданской я,
Шесть дырок, друг родной.

И далее:

Делил луга, взимал налог
И землю нарезал
И свято линию берег,
Что Ленин указал.

Фролов — из тех, кто творил Октябрь и кто и теперь воодушевлен великой идеей освобождения всего человечества. Он говорит, что ежели бы его «отпустил райком» — он понес бы всем людям земли правду о новой жизни.

И шел бы я, и делал я
Великие дела.
И эта проповедь моя
Людей бы в бой вела.
И если будет суждено
На баррикадах пасть,
В какой земле — мне всё равно, —
За нашу б только власть.

Высокой патетикой исполнено завещание, с которым он хотел бы обратиться к сыну:

Иди, сынок. Расти большой,
Живи, сынок, учись,
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!

Советские поэты закономерно связывали все то великое, что совершалось в стране, с Семнадцатым годом, с Лениным, с его замыслами и планами.

В стихотворении Исаковского «Юбка» (1934), имеющем подзаголовок «Рассказ колхозницы Маруси, записанный почти стенографически», поэт повторяет прием, примененный в свое время Безыменским в стихотворении «О шапке». Бытовая деталь становится знаком больших перемен, происшедших в жизни миллионов.

Тема революции в 30-е годы сливалась с темой защиты отечества. Если вспомнить, что эта пора была кануном второй мировой войны, станет ясным, какую актуальность приобрел именно этот аспект. Знаменитая «Каховка» Светлова, песня Исаковского «Дан приказ ему на запад...», песни Суркова и Лебедева-Кумача — наглядный тому пример.

Если 20-е годы выдвинули проблему синтеза революции и личности, то 30-е обогатили новыми решениями другую проблему — *революция и Россия*. Раньше в этих двух понятиях видели в известной мере некую антитезу. Одни поэты, не принявшие Октября, пели отходную по старой Руси. Другие, благословляя революцию, тоже усматривали здесь некую историческую коллизия.

В «Двенадцати» Блока красногвардейцы восклицают:

Товарищ, винтовку держи, не трусуй!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —
 В кондовую,
 В избяную,
В толстозадую!..

Семен Фомин в стихотворении 1918 года обращался к России:

Прости меня, как сына.
Над прошлым ставлю крест.
(«Разбитая икона...»)

Леонид Мартынов, в ту пору совсем еще молодой поэт, призвал в стихотворении 1921 года:

Отгородимся от прошлого,
Стертого в порошок...
(«Мы футуристы
невольные...»)

Александровский писал в стихотворении 1923 года:

Бешено,
Неуемно-бешено,
Колоколом сердце кричит:
Старая Русь повешена,
И мы — ее палачи.

Александровский считает этот разрыв с прошлым оправданным: «К черту старый ненужный хлам, не волнует, не давит вчерашнее». Другие поэты, вроде Клюева и Клычкова, будут противопоставлять революционной нови нетленную красоту былого, которую-де революция губит. Но и те и другие этот разрыв полагали несомненным. В 30-е годы зазвучали новые мотивы: Октябрь не только не отвергает личность, а, напротив, является условием ее расцвета. Революция и Россия, все лучшее, что было в ней и что в ней есть, предстает теперь в органическом синтезе. Прошлое страны становится неотделимым от настоящего. Поэмы Симонова «Ледовое побоище» и «Суворов», исторические поэмы и баллады Кедрина — наглядное тому подтверждение.

И этот сложный сплав новых мотивов нашел свое выражение в произведениях, прямо и непосредственно посвященных Октябрю. В огромной поэме «Ленин» азербайджанский поэт Расул Рза развертывает не столько биографию Ленина, сколько рисует основные вехи его жизни как этапы революции. Октябрь трактуется поэтом как осуществление вековечной мечты народа о счастье и свободе. Поэт использует известные факты — и гигантскую работу Ленина в Смольном в штурмовые ночи Семнадцатого года, и интервенцию, и покушение на Ильича, и беседу с Уэллсом, и болезнь и смерть Ленина. В поэме есть и длинноты и риторические места, но силу и размах Октября, его всемирную роль поэт передал сильно и искренне. В главе, которая называется «Октябрьские дни», читаем:

Ночь пред освобождением,
Разгорайся, гори!
Счета нет поколеньям,
Ждавшим этой зари.
Тает горе народное,
Вековечная боль...

В поэмах Бориса Корнилова «Триполье» и «Моя Африка» воссозданы грозные и героические годы гражданской войны. А в поэме «Начало земли» затронута новая и важнейшая тема — тема связи и

преемственности поколений советского общества. Поэт рассказывает о некоем кузнеце Акиме: он воевал в первую мировую войну, потерял на фронте ногу. Он из тех, кто понял, где его враги и друзья, он познал, какая роль выпала ему на долю в перedelке мира, в установлении на земле справедливости и правды. Аким думает про себя:

...Узнал я:
Больше кузнецов,
Чем королей на свете...
Мы не потонем,
Не сгорим...
Переменясь ролями,
Мы, кузнецы, поговорим
Сегодня с королями.

В 1917 году он был среди тех, кто «поговорил» у Зимнего дворца «под осенью нагою» с прошлым и внес свою лепту в победу. И поэт пишет о нем и о себе, о людях младшего поколения:

Мой бородач...
Его Аким,
По-видимому, звали.
И я хотел бы быть таким,
Но буду ли?
Едва ли...
Как мало испытали мы
В сравнении с отцами
Войны,
и голода,
и тьмы
Годами, месяцами.

И поэт от имени людей своего поколения дает клятву старику, что «слово наше королю произнесем как надо» и что он «с места не сойдет». В небольшой поэме Исаковского «Четыре желания» речь тоже идет об одном из тех, кто воевал за революцию, и поэт подчеркивает, что дело, за которое отдал жизнь Степан Тимофеевич, победило. Автор воскрешает образ «заветной книги», которая находится в верных руках:

В ее золотые страницы
заложены силы могучие,
И слово ее непреклонное
на свете не знает границ.

Пред ним расступаются горы,
ломаются сосны дремучие,
Пред ним короли-императоры
в смятении падают ниц.

То слово железное сказано.
И руки, над миром простертые,
Зовут угнетенных, истерзанных,
зовут обойденных судьбой.
Вставай же, Степан Тимофеевич!
Вставайте, живые и мертвые!
Идите последним походом
в последний решительный бой!

В «Песне о революции» Исаковский от имени «оратая безымянного», который ранее по скупым неласковым полям «сеял хлеб с тоскою пополам», обращается к революции, которая за «тыщу лет» впервые руку протянула мужику, и он клянется ей, что веки никому в обиду ее не даст.

Октябрь в представлении советских поэтов 30-х годов был символом справедливости и народного счастья, знаменем и маяком для всего человечества.

В годы Отечественной войны Октябрь, по существу, присутствовал во всех произведениях наших поэтов. Главная тема поэзии этих лет — тема спасения родины и всего человечества от чудовищных сил фашизма — самым тесным и органическим образом переплеталась с темой революции.

Дума об Октябре была внутренним лейтмотивом произведений военной поры. Люди, которые шли бестрепетно на подвиг и на смерть, юноши и девушки, жертвовавшие собой во имя свободы и независимости родины, изображались как замечательная поросль, возвращенная революцией. Добрый и храбрый юноша в поэме «Сын» Антокольского воспитан всей атмосферой советской жизни, всем укладом нашего бытия. Недаром поэт, обращаясь к Москве, восклицал:

.. Мы граждане твои.
Благослови, Москва, нас перед боем,
Что там ни суждено — благослови.

У Маргариты Алигер в поэме «Зоя» читаем строки, обращенные к Зое Космодемьянской:

Твоя пионерская правда росла,
Твоя комсомольская правда мужала.

И шла ты походкой летящей вперед,
В тебе приоткрытое ясное завтра,
И над тобою как небосвод
Сияла твоя большевистская правда.

Но не только новое чудесное поколение связывалось с Октябрем, с партией, с новой жизнью. Враги, с которыми мы столкнулись в смертельной схватке, трактовались как новое выражение того же мира, того же собственнического безумия, с которым в октябре 1917 года в смертном единоборстве столкнулся революционный народ. Эта мысль очень ясно и ярко утверждена в стихотворении Щипачева «Двадцать пятая годовщина»:

Вся в шрамах Родина. Ревет металл,
Встает железа и огня ограда,
Как будто бой октябрьский не стихал
До этих дымных дней у Сталинграда.
Как и тогда, мы проливаем кровь,
Как и тогда, защитное надели,
Чтоб счастье вновь нашло наш мирный кров
И радость стала к детской колыбели.

Если уже в 30-е годы тема революции переплеталась с темой родины, то особую остроту и напряженность приобрело это сочетание в годы войны. Лейтмотивом поэмы Александра Прокофьева «Россия», написанной в 1943—1944 годах, можно считать строки:

Враг вздумал нас осилить,
В гранату ставь запал,
Нет, не на ту Россию
Ты, немец, враг, напал!

Чувство родины, острое чувство любви к России обрело новые краски. Если Россия в прошлом в кровавых битвах сумела отстоять свою независимость, то что говорить о нынешней России, о стране, которой Октябрь, революция, социализм сообщили удесятенную мощь. Именно в этом смысл строк Прокофьева и многих других поэтов, писавших на аналогичные темы.

В стихотворении «Родина» (1943), размышляя над трудной судьбой родной сердцу русской земли, Алексей Сурков пишет о непобедимости страны, которая завоевала свободу:

Над славными курганами старинными
Мы взвили к небу красный флаг труда.

Теченье рек умили плотинами,
В лесной глуши воздвигли города.
И вот опять струится дым по пажитям,
Свинцом освистан мирных нив простор. . .

Поэт уверен, что страна будет жить — бессмертная, нетленная. В боях с фашизмом Сурков, как и Щипачев, видит тот же смертный поединок со старым миром, который со времен революции не может примириться с миром социализма:

Всё за то, что в годину бед
Мы уверовали в человека
И пошли за Лениным вслед
Против ветра старого века,
Что дорогу в крошечной мгле
Мы нащупать сами сумели,
Что о рае здесь на земле
Мы всерьез помыслить посмели. . .

(«Слово будущему», 1943)

И естественной представляется концовка в стихотворении «Ленин» (1944):

Со дня его рождения
навеки
Счастливой стала русская земля.

Революция, личность, родина — эти понятия выступают теперь в своей поэтической слитности. На пути к осознанию их синтеза и развивалась художественная мысль.

Вместе с тем, при всех несомненных успехах советской поэзии, в конце 30-х годов и особенно во второй половине 40-х и начале 50-х годов некоторые стихи об Октябре получались поверхностными. Кое-где тема России трактовалась абстрактно, вне всякой социальной определенности, и в этом смысле поэзия как будто даже делала шаг назад по сравнению с тем, что было ею завоевано в прошлом. С другой стороны, из стихотворения в стихотворение кочевали готовые обязательные риторические стереотипы. Все это смещало перспективу и превращало иногда поэтические произведения в равнодушные стихотворные отписки.

В значительной мере эти отрицательные черты преодолевались и преодолеваются нашей поэзией за последние годы.

В послевоенное время и особенно за последние годы в нашей поэзии усилилось то, что можно назвать мотивом *итогов*, попыткой решить тему революции в плане широкого исторического и философского синтеза. Если раньше всемирная роль революции трактовалась в значительной степени условно, как ожидание, как некая общая посылка, то теперь значение Октября для всего мира, для всего человечества выступает в своем конкретном выражении, как уже нечто реально осуществленное.

И примечательно, что опять-таки наиболее полное выражение тема находит главным образом в поэме, объединяющей в себе эпос с лирическим началом.

В поэме «За далью — даль» Твардовский дает общую панораму безостановочного движения страны в будущее, в коммунизм. Этот порыв в грядущее Твардовский связывает с теми огромными изменениями, которые произошли на всей планете. Так же решает свою тему Владимир Луговской в цикле поэм «Середина века». Ее автобиографический герой — человек, сформированный революцией, ему чужд мещанский эгоцентризм, он живет помыслами и заботами, печалью и радостями всего человечества:

Я человек другого измеренья,
Пронизанного ветром Октября.

Великие законы развития общества, нашедшие свое воплощение в Октябре, «ведут вперед весь шар земной». Это — законы, которых никто ни отменить, ни отсрочить не может. Наш век движется по орбитам, проложенным в Семнадцатом году:

Двадцатый век пылал передо мной,
Я видел непреложность тех законов,
Которые, открытые для мира,
Повсюду побеждают и живут.

Живым воплощением этих законов выступает в поэме Ленин. С какой-то глубоко личной интонацией говорит поэт об Ильиче. Уклониться от родного ленинского света — значит пойти на холод «из теплого родительского дома».

И в поэме Твардовского и в цикле Луговского характерно именно это органическое сочетание огромных социально-исторических обобщений с повествованием о личности, о внутренних переживаниях индивидуума, человека революционной эпохи.

Такова же интонация стихотворений Симонова, которые в форме путевых зарисовок передают всю напряженность, весь накал острейшей идейной борьбы в мире. В цикле «Друзья и враги» мы видим, что борьба, начатая в 1917 году, не кончилась; она охватила весь земной шар, она приняла только новые формы. Отчетливо звучит мысль поэта об интернациональной роли Октября, который утвердил новый принцип оценки людей:

Мир неделим на черных, смуглых, желтых,
А лишь на красных — нас
и белых — их.

Естественной логикой мысли стихотворение напоминает о Перекопе, ярчайшей главе в борьбе красных и белых. Звучащая в этом цикле идея международной солидарности борцов за социалистическое будущее находит полное оправдание в ассоциациях с первыми годами революции, то и дело возникающих в стихах.

С публицистической широтой передает и Сурков мысль о мировой роли Октября. И характерно опять-таки, что стихи этого рода — не только большой разговор о судьбах истории, но и исповедь, размышление о себе, о людях своего поколения.

«Считай, что жизнь мы прожили не плохо» — так начинается стихотворение поэта. В нем есть такие строки:

Какое счастье жить на белом свете,
Мир молодить и сокрушать старье,
Когда за всё на свете ты в ответе,
Когда, на что ни взглянешь, всё твое.

И никому мы не уступим чести,
По праву открывателей пути,
Из будущего людям принести
О коммунизме радостные вести.

А в другом стихотворении Суркова «Весна человечества» (1949) наша страна, страна Октября выступает в роли глашатая весны человечества.

Одной из главных особенностей в разработке темы Октября сейчас является утверждение славной преемственности революционных традиций, нерушимой связи поколений. Великая и неумирающая тема революции звучит сильно и полновесно в произведениях молодых поэтов.

Обратившись к ней, они обретают серьезность и чувство ответственности, без которых подлинного искусства не бывает.

Очень характерна для молодой советской поэзии поэма Андрея Вознесенского «Лонжюмо». Тот мотив исторических итогов и проверки, о котором сказано выше, звучит в ней явственно.

«Прикинем итоги, — восклицает поэт, — светло и прощально горящие годы как крылья летят за плечами».

Какие же итоги интересуют поэта? Лонжюмо — это французский городок, в котором до революции действовала школа Ленина. Образ *Учителя* здесь и конкретен, и наполнен обобщающим смыслом. Что стало с учением Ленина, с его заветами, с делом его жизни? И реальная школа в Лонжюмо под Парижем перерастает в символ. Школа Ленина — это все то титаническое, что сотворено и в нашей стране и во всем мире трудовым народом земли, идущим под знаменем Ленина, под знаменем Октября. Вознесенский повторяет в переосмысленном виде прием Маяковского в поэме «Хорошо!». Там погибшие в битвах за революцию вопрошают живых — верны ли они знамени Ленина, идут ли они по пути, открытому им. Здесь молодое поколение революции проверяет по Ленину правильность своего шага, — делает ли оно то, за что отдал всего себя Ильич.

Мы движемся из тьмы, как шорох кинолентин;
«Скажите, Ленин, мы — каких Вы ждали, Ленин?!
Скажите, Ленин, где победы и пробелы?
Скажите — в суете мы суть не проглядели? . . .»

.

«Скажите, Ленин, в нас идея не ветшает?»

И Ленин

отвечает.

На все вопросы отвечает Ленин.

И поэт подчеркивает, что школа Ленина жива и бессмертна в битвах, в мыслях, в учениках, в гидростанциях, в ледоколах. . .

. . . Ленин в крови у времени
Среди строящейся новизны.

.

Школа Ленина — всё, что создано,
школа Ленина — Енисей,
школа Ленина —

это родина

С небесами, что нет синей.

В поэме «Лонжюмо» Вознесенский приходит к тому, что он сам называет «простым письмом». Известно, что поэт часто прибегает ко

всякого рода словесным экспериментам, к усложненным, очень субъективным ассоциациям, к изощренным метафорам. «Лонжюмо» в этом отношении выгодно выделяется среди многих произведений поэта. Тему революции и ее судеб, тему Ленина нельзя решать в духе прихотливой поэтической игры. И справедливо подчеркивалось в критике, что эта поэма принадлежит к наибольшим удачам поэта.

Ярко и оригинально тема революции воплощена в поэме Е. Евтушенко «Братская ГЭС». Поэма неровная, сильные страницы, написанные с неподдельной искренностью и подъемом, соседствуют в ней с вялыми и растянутыми эпизодами. Но в целом это, несомненно, произведение значительное и талантливое. Само стремление рассказать поэтически об одной из величайших гидроэлектростанций мира понятно и естественно. Братская ГЭС выступает в поэме как живое и предметное воплощение жизненности ленинских идей, ленинского дела, могущества социалистической родины. Но поэма Евтушенко не стихотворный очерк о гидроэлектростанции, а произведение широкого историко-философского плана. Братская ГЭС — одновременно и глубокое воплощение сокровенной сути нашего мирозерцания, нашей нравственной философии. Она как бы материальное свидетельство идей коммунизма, идей всесветного *братства* народов земли.

В поэме нет сюжета как некоего единого развивающегося действия, но в ней есть внутреннее движение мысли, определяющее структуру вещи и объединяющее в одно целое отдельные фрагменты, монологи автора, зарисовки, портреты. Этим философским центром поэмы представляются строки: «революций первооснова есть не злоба, а доброта». И Братскую ГЭС, нашу революцию, дело Ленина поэт рассматривает в свете мировой истории, в свете неукротимого порыва человечества к добру, к справедливости, к счастью. Этот порыв беспредметен, он сопряжен с активной борьбой за торжество добра против зла. И не только против зла, но и против безропотного примирения, против рабской покорности. Евтушенко вводит в поэму в качестве главной идейной коллизии спор Братской ГЭС с египетской пирамидой. Пирамида была создана трудом тысяч рабов. Она выступает в поэме носителем безверия, усталости, пассивности, скептического безучастия к фатальному течению бытия. Братская ГЭС в поэме — это символ не только *осмысленного* труда, но и горячей веры в торжество разума, счастья, справедливости и братства. Поэма и посвящена тому, как наша жизнь, наши свершения пострадали всей историей мира и историей России. Именно в этом плане присутствуют в поэме главы, посвященные Разину, декабристам, петрашевцам, Халтурину, борцам за будущее во всех странах, которые отдали свои жизни за то, чтобы люди не были рабами.

Вижу в пенной могучей музыке
Ангары
да и моря Братского —
Спартака,
Яна Гуса,
Мюнцера,
И Марата,
и Джона Брауна.

Всемирное значение дела Ленина, дела Октября поэт подчеркивает открыто и ясно:

Нет чище и возвышенной судьбы —
всю жизнь отдать, не думая о славе,
чтоб на земле все люди были вправе
себе самим сказать — «Мы не рабы».

Рядом с этой темой очистительной святости дела Октября звучит в поэме очень знаменательная для молодой поэзии тема *связи и преемственности поколений революции*. Быть достойными тех, кто делал революцию, не предать их знамен, верно и твердо продолжать их дело, учиться у них — вот один из важных мотивов поэмы.

«Мне хотелось, — замечает поэт, — напомнить о долге наших современников свято хранить и продолжать традиции революции всем своим трудом, всей своей жизнью». ¹ В поэме этот мотив разработан с большим воодушевлением.

Теме исторической преемственности поколений революции, верности традициям Октября посвящено много произведений молодых поэтов. Показательно то, что молодые поэты, обращаясь к теме революции, обязательно входят в сферу притяжения поэзии Маяковского. В финале «Братской ГЭС» выступает образ великого поэта, да и многие мотивы поэмы восходят к «Хорошо!». Роберт Рождественский в поэме «Письмо в тридцатый век» явственно перекликается со вступлением к поэме «Во весь голос». Основные мотивы поэмы Рождественского — верность революционным традициям, чувство гордости первооткрывателей нового мира, в котором исчезнет зло и насилие, сознание оправданности тягот и жертв, понесенных отцами и всеми, кто строил новый мир, вера в солнечное, светлое завтра человечества и страстный призыв к будущим поколениям быть верными заветам великого Октября.

¹ «Юность», 1965, № 4, с. 26.

А мы
 проверяли себя
 правотой революции.
Пылала над нами
ее зоревая
громадина.
Она была
 совестью нашей,
Она была матерью.
Мы быстро сгорали.
Мы жили
 не слишком роскошно,
Мы разными были всегда,
А мечтали положе.

И, обращаясь к потомкам, Рождественский восклицает:

И вы
не забудьте о нас.
Ничего не забудьте,
когда вы придете,
 наступите,
 станете,
 будете.

Характерно, что во всех произведениях молодых поэтов, касающихся темы революции, звучит постоянно и неизменно один мотив: во всех делах, во всех свершениях настоящего и будущего выражен свет Октября, свет Ленина, его дела, его ума, его сердца:

Он —
ровесник всех поколений.
Житель Праг,
Берлинов,
Гаван.
По широким
 ступеням
 столетий
поднимается Ленин
к вам!

Семен Гудзенко в стихотворении «Год рождения» говорит о том, что молодой солдат, сокрушавший немецкие полчища в 1944 году, продолжал дело отцов, дело борцов Семнадцатого года.

Римма Казакова в «Размышлениях на могиле моего деда в Севастополе» напоминает об интернациональном братстве как об одном из священных заветов, переданных молодому поколению — «крестникам Октябрьских баррикад».

Этой идеей живой связи времен, бессмертия великих традиций Октября воодушевлены и поэты старшего поколения. Вадим Шефнер в стихотворении «Камни под асфальтом» (1958) напоминает о старой площади, мощенной булыгой, — она как бы впитала в себя кровь отцов, отдавших свою жизнь за счастье детей:

Здесь рабочие за баррикадами,
Царский отражая батальон,
Замертво на эти камни падали,
Боевых не выронив знамен.

.
Пусть поет и торжествует новое, —
Не столкнуть с пути нас никому!

Под асфальтом камни спят суровые,
Основаньем ставшие ему.

Леонид Мартынов в стихотворении «Ноябрьский снежок» (1957) обращается к «детям»:

Мерцает
В полете
Ноябрьский снежок,
О перевороте
Он память зажег,
О перевороте
В умах и сердцах...
Вы, дети,
Поете
О ваших отцах,
О той беспримерной
Страде боевой
На подступах к первой
Зиме буревой,
О тяжелой работе
Гранат и штыков,
О перевороте
На веки веков.

Поэт убежден, что «деды, которые были в пророках», те, кто делали революцию, — «найдут утешенье во внуках» («В пестрой рубашке и в узеньких брюках...», 1960).

В поэзии Ярослава Смелякова одним из лейтмотивов звучит мысль об этой живой и бессмертной связи времен. Он с чувством сыновней благодарности обращается к далеким дням революции и рассматривает их сквозь призму сегодняшнего дня, сегодняшних свершений. Для него Октябрьские дни — не просто историческое прошлое, они неотделимы от современности.

В стихотворении «Паровоз ОВ-7024» поэт вспоминает о старом большевике — участнике первого коммунистического субботника, и о паровозе, на котором он работал и который оставлен теперь на вечное хранение. Этот паровоз в сознании поэта ассоциируется с «Авророй». Но и паровоз, и «Аврора» — «не ушедшие тени», «не седые останки». Они включены в живую кипучую жизнь:

Возле славных и схожих
двух реликвий России
голоса молодежи
и дела молодые...

С увлечением пишет поэт о героических традициях революции в стихотворениях «Косоворотка» и «Товарищ Комсомол». В юношах и девушках, едущих строить гигантскую электростанцию на Ангаре, он видит молодую поросль Октября, духовных наследников тех самых дедов и отцов, которые воевали за советскую власть, а затем возводили здание социализма («Даешь!»).

* * *

Полвека прошло с грозных Октябрьских дней, которые потрясли мир. Неузнаваемо изменился социальный облик планеты. И не только потому, что 50 лет — это немалый срок. Все дело в том, что в 1917 году было положено начало необратимому процессу — величайшим и радикальнейшим преобразованиям в истории человечества.

Какова была карта мира накануне революции? В России господствовала деспотическая тирания Романовых. Монархи Германии, Турции, Австро-Венгрии не уступали Николаю II в жестокости и произволе. Владыкой земного шара был империализм, опутавший кандалами все материки. Власть буржуазии казалась незыблемой и непоколебимой.

Что же осталось теперь от «сильных мира сего»?

Бывшая Российская империя стала могущественным социалистическим государством, сотни миллионов людей строят социализм. Двухсотмиллионный африканский континент почти полностью покончил с колониальным владычеством. Власть империалистов сократилась до предела. Он еще силен, этот старый и жестокий хищник. Но как нельзя более верны слова Александра Блока, сказанные им с пророческой прозорливостью почти пятьдесят лет назад, о том, что основы старого мира утратили бытие «и мы, присутствовавшие при их смертных и уродливых корчах, может быть, осуждены теперь присутствовать при их гниении и тлении»¹.

Все эти колоссальные перемены в мире — прямое или косвенное следствие Великого Октября. И совершенно естественно, что поэты с первых дней революции стремились понять, осмыслить и выразить грандиозность его размаха и мощи. Вначале это была поэзия ожиданий, политических самоопределений, утверждения исторической правоты и значительности революции; чем дальше, тем реалистичнее отражались в искусстве конкретно-исторические черты революции, ее трудности, ее героические творцы. Все больше побеждала мысль о революции как источнике расцвета, духовного обогащения личности. Если вначале революция воспринималась главным образом в ее пафосе отрицания, как разрыв преемственности, то в предвоенные годы и в годы войны яснее зазвучали мотивы единства истории и современности, нерасторжимой слитности прошлого и настоящего. Революция, личность, родина, Россия, человечество выступили в своей внутренней цельности, революция стала восприниматься как закономерное следствие и продолжение всего того сильного, передового, жизнеспособного, что издавна было в России и во всей мировой цивилизации. Идея исторической преемственности на современном этапе наполнилась новым смыслом; в центр внимания выдвинулся мотив преемственности поколений советской эпохи, мотив нерушимой верности «детей» заветам «отцов», традициям Октября, стремление запечатлеть то уже явственное, зримое, в чем нашли свое реальное претворение мечты и надежды героев Октябрьского штурма. С темой Октября в нашу поэзию пришли черты героического эпоса. Это эпическое начало тоже претерпело внутренние перемены. Важно отметить и то, что в разработке темы революции полнее всего проявились коренные особенности социалистического реализма — и утверждение нового героя, и изображение действительности в безостановочном движении вперед, и исторический оптимизм.

¹ Александр Блок, Сочинения в одном томе, М.—Л., 1946, с. 467.

Каждое поколение советских поэтов вносит в разработку темы Октября свои краски, оттенки; это верный признак неисчерпаемой глубины и жизненности темы, ее огромных возможностей. Конечно, речь шла в данном случае лишь об общей тенденции, — конкретная картина развития советской поэзии более многогранна, пестра, противоречива и многоцветна. Должно признать, что на современном этапе тема Октября еще не нашла такого поэтического воплощения, которое способно было бы раскрыть ее во всей сложности, философской глубине и исторической значительности. Мы живем в противоречивую и бурную эпоху перехода от одной социальной формации к другой, в эпоху крушения и гибели капитализма и рождения новой, коммунистической эры. Этот процесс крутой ломки всего мирового уклада жизни не может быть простым и легким. Здесь неизбежны наряду с величайшими победами и трудности, и неудачи, и потери. И подлинный художник не ограничит себя внешними аксессуарами Октябрьских дней, а постарается передать внутреннюю суть всемирно-исторических процессов во всем их величии и драматизме. Но какую бы эволюцию ни претерпевала тема — одно остается неизменным у всех поэтов, которым дорог пафос этих уже далеких по времени, но бесконечно близких по существу лет: твердое убеждение в том, что нельзя остановить начатую в октябре 1917 года нашей страной неудержимую и все более разрастающуюся победоносную борьбу человечества за справедливость, свободу и всеобщее счастье — за коммунизм.

Для всякого поэта, который будет стремиться понять свое время, коренные проблемы эпохи, тема Октября останется главной и определяющей темой искусства. И подобно тому, как неудержимо развивающаяся жизнь будет пополняться новым содержанием, раскроются и новые грани художественного восприятия того многообразного жизненного материала, который с этой темой связан. Этот богатейший и неисчерпаемый материал и в дальнейшем будет обогащать палитру нашего искусства, разнообразить его краски, его выразительные средства.

Л. Плоткин

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ**

*Демьян Бедный***1. БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ОКТЯБРЬ**

Из повести «Про землю, про волю, про рабочую долю»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ**1**

Ванин взвод пошел в наряд:
Целый где-то там отряд
Большевистский арестован,
Ваня был командирован
Отвести его в тюрьму.
Кто ж в отряде том ему
На глаза попался первым?
Точно молния, по нервам
Пронизала Ваню дрожь:
«Клим! . . Голубчик! . . Узнаешь? . .»
— «Узнаю». — «Теперь я понял! —
Пот холодный Ваню пронял. —
Так о «Правде» воронье
Нам накаркало вранье?!»
Клим Ванюшку глазом смерил:
«Что же ты? Ужель поверил?»
Весь зардевшись от стыда,
Ваня молвил: «Никогда!»
Клим Ванюшке подал руку:
«Вот, прочти-ка эту штуку!»
— «Клим, ты скажешь всем своим:
Мы за правду постоим!!»

Батрак Лука не спал ночей,
 Одолевали парня думы:
 «Люд бедный, городской, — в когтях у богачей,
 Деревней правят толстосумы.
 Куда ни кинешься, всё нет для голытьбы
 Иной судьбы:
 Какой-то черт ее трудом и сыт и гладок,
 А ей — на всё запрет и ко всему заслон.
 Что ж это за такой закон?
 И кто завел такой порядок?
 По праздникам не раз, положим, поп Ипат
 Увещевал народ с амвона
 Словами божьего закона:
 Не зарьтесь, мол, на тех, кто в мире сем богат,
 Не ополчайтесь брат на брата!
 В загробной жизни ждет всех богачей расплата...
 Слеза в глазах, и крест в руках,
 И голос — с такою дрожью,
 А явно отдаёт от проповеди ложью.
 У самого попа порыться в сундуках —
 Поди-кося, не всё там по закону божью!
 Вот батрака возьми — к примеру, хоть меня:
 И руки будто есть, и голова на месте,
 А в жизни я меж тем не знал такого дня,
 Когда бы не был я рад смерти, что невесте.
 К работе ль я ленив? Работа ль мне невмочь?
 Нет, я б работал день и ночь
 И вынес всякую б работу.
 Но если б строиться я возымел охоту —
 Замок-то есть, да нет ключа!
 И камни и леса — всё в лапах богача!
 На пашне бы своей не пожалел я поту,
 Да пашни-то и нет.
 Явившись на свет,
 Все лучшие угоды
 Нашел я где? В руках дворянского отродья!
 Иль почему бы мне не сделаться ткачом?
 Но лен ли, конопля ль, овечьё ли то стадо —
 Всё, всё присвоено проклятым богачом!
 Что ж остается мне? За что мне братья надо?

И одному ли мне?
Один ли я пойду к грабителям с поклоном?
Под гнетом богачей в родимой стороне
Весь люд убогий стонет стоном.
Так это божьим, что ль, утверждено законом?!»

Покою не было с тех дум у батрака,
И крепко мысль ему одна тогда запала.
В ночь под Ивана под Купала,
Чистенько обрядясь, в лес двинулся Лука.
«Жив, — порешил он так, — не буду, —
Для счастья общего не жаль мне головы! —
А в эту ночь я раздобуду
Заветный цвет разрыв-травы!»
В ночную темь, по рвам, по кочкам, по бурьяну
Шагал батрак. В глуши лесной
Набрел на тихую поляну.
Там, место выискав под старую сосной,
Три круга очертил и с верою живую
Платочек разостлал перед разрыв-травую.
Покрылся у Луки холодным потом лоб,
То в жар его всего кидало, то в озноб, —
Молитвы бормоча, дрожа от нетерпенья,
Он ждал чудесного цветенья.
Ждал, твердо веруя, что есть,
Есть сила дивная в волшебном, тайном цвете!
О, если бы ему с собой тот цвет унести —
Перевернул он всё б на свете!
Прибравши клады все к рукам,
Он их бы роздал беднякам. —
Всем, кто морит себя работой подневольной.
Кто множит прихотью чужой число калек,
Кто к счастью весь свой скорбный век
Бредет, кряхтя, тропой окольной.
И крикнул бы Лука: «Гей, горе-голытьба!
В твоих руках твоя судьба.
Злой власти богачей ты не потерпишь боле.
В запряжке каторжной уж не согнешь горба:
Под небом всё — твое: вода, и лес, и поле!
Избавясь от нужды проклятой, вековой,
Отныне можешь ты, люд черный, трудовой,

В трудах и в радостях друг с другом в общей доле
Жить на своей на полной воле!»
Упал в слезах Лука перед разрыв-травой —
На сердце стало парню худо,
От духоты ночной кружилась голова.
Тут — ровно ополночь — в лесу свершилось чудо:
В короткий миг разрыв-травы
Пред парнем бледным и безгласным
Вся расцвела цветеньем ясным, —
И, словно звездочки, стал за цветком цветок
Роняться тихо на платок.
Крест сотворивши троекратный
И завязавши цвет заветный в узелок,
Батрак пустился в путь обратный.
Идет. А сердце ёк да ёк.
И вот — отколь взялось и где всё раньше было? —
Лес грозно зашумел, зверье вокруг завывало,
Вверху закаркало лихое воронье,
Внизу заползали и зашипели гады:
«Брось узел!» — «Брось!» — «Оставь нам прежнее
житье!»
— «Зальются кровью наши клады!»
Сжимая узелок дрожащею рукой,
Лука всё шел, а за Лукой
Неслися вихрем ведьмы, черти:
«Брось узел!» — «Чьей ты хочешь смерти?»
— «Прольется кровь!» — «Народ восстанет на народ!»
— «На сыновей пойдут отцы, на братьев братья!»
Творя молитвы и заклятья,
Лука всё шел с узлом вперед.
А вой всё рос: «Куда ты?»
— «Куда ты?»
И стали обгонять тут батрака солдаты:
«Прощай! За клады нас всех гонят умирать!»
Навстречу им — другая рать.
Сошлись. Блеснул огонь. В тела вонзились пики.
Покрылось поле всё кровавой пеленой.
Вокруг Луки неслись проклятья, стоны, крики:
«Ты нашей гибели виной!»
Тут наважденье всё вмиг как рукой убрало.
Глядит Лука: никак, уж солнце заиграло
Над деревушкою родной!

Но не успел еще он отойти от страху,
Вдруг кто-то у него как ухнет за спиной
Да плетью по руке как стеганет с размаху!

Глаза застлало у Луки,
И не заметил он, как из его руки,
От боли онемелой,
Пал наземь узел белый.

Опомнившись, батрак рванулся в бой с врагом.
Ан, смотрит, перед ним нет ни врага, ни цвета:
Всё тот же темный лес, и никого кругом;
Всё та ж глухая ночь, и не видать рассвета!

Товарищи! Друзья! В тяжелый час, когда
Вся мироедская на нас идет орда,
Пытаясь нас сразить не силой — клеветой,
Ужели дрогнем мы, отступим хоть на шаг?
Ужель допустим, чтобы враг
Нас попирал своей пятою?

Пусть заклеямила нас продажная молва,
Пускай со всех сторон на нас враги насели, —
Что ж! Мы покажем им, что наша мощь жива,
Что всё еще в руках у нас разрыв-трава —
Вожжами нашими указанные цели,
Что, наподобие Луки,

Мы духом не падем, надежд не похороним,
Что под ударами не разожмем руки
И наших лозунгов на землю не уроним!
Последних слов еще не изрекла судьба.
Пусть всё решит борьба! . .

II

Лист валится, травка вянет,
Холодком осенним тянет.
Час — под озимь уж пахать,
А про землю не слышать.

В деревушке — сход за сходом:
«Долго ль будут над народом
Измываться господа?
— Не толкнуться ль нам куда?»
Порешили все согласно:

Чтобы сразу стало ясно,
Кто стоит за мужика,
Выбрать в Питер ходока.
«Тит, кати. Мужик ты дельный.
Там, на месте, в срок недельный
Разберись во всем как след,
Что нам в пользу, что — во вред.
Обойди там все Советы,
Все Советы, Комитеты.
Потолкайся, расспроси:
Что творится на Руси?
Правду ль бают, что эсеры
Продувные лицемеры,
Что их речи — пустозвон
И что надо гнать их вон?»

III

Три недели ждали Тита.
«Вот, поди ж ты, волокита!»
Толковали так и сяк:
«Тоже дело не пустяк —
В день не справишься, понятно!»
Как вернулся Тит обратно,
То-то был переполох!
Бедный Тит чуть не оглох.
В нетерпении великом
Все кругом кричали криком.
Рвали Тита за бока,
Торопили мужика:
«Не томи ты, ради бога!»
«Нас брала уже тревога!»
«Чуть не месяц пропадал!»
«Где ты был и что видал?»

IV

«Ошалели все вы, право! —
Усмехнулся Тит лукаво. —
Дайте узел развязать,
Есть тут что вам показать.
Вот газеты. Вот книжонки.

Не на ваши всё деньжонки,
Не эсеры дали, нет.
Большевицкий Комитет!
Об эсерах что калякать —
Не народ, а просто слякоть!
Говорят да говорят
Восемь месяцев подряд,
Подпевают живоглотам,
Всё выходит, как по нотам,
Иль, сказать верней всего:
Не выходит ничего!

v

Был я в ихнем совещанье,
Даже плюнул на прощанье!
Всё про ленинцев орут,
Что в Советы больно прут.
Большевицкая зараза
Фронт разъела, как проказа:
Дисциплины никакой,
Хоть на всё махни рукой!
То же, дескать, с мужиками:
Стали сплошь большевиками.
В дрожь кидает по утрам
От газетных телеграмм.
Мужики, лишась терпенья,
Всюду стали брать именья,
Делят землю меж собой,
Кое-где пошел разбой:
Грабят барские пожитки,
Разбирают всё до нитки,
Жгут помещичы дома, —
Вот она, какая тьма!
Разыгрались злые страсти,
Всё спасенье в твердой власти.
Обуздать должно скорей
Всех советских бунтарей.
Бунтом пахнет. Есть приметы:
Обнаглели все Советы.
Коль по шапке им не дать,
То добра, мол, не видать!»

«Дать! Без них бы лучше было! —
 Пров Кузьмич вздохнул уныло. —
 Рвань там всякая мутит!»
 — «Ладно. Спрячься! — молвил Тит. —
 Там тебя недоставало.
 Вижу, значит, толку мало
 От эсеров этих нам:
 Тянут все они к панам,
 С барской сволочью съякшались,
 На «порядке» помешались,
 А порядок их таков:
 Сжать покрепче бедняков,
 То бишь «рвань», чтоб не «мутила»,
 По указочке ходила,
 По указочке б жила,
 Крякнуть, охнуть не могла.
 Плюнул я на это дело,
 Слушать бредни надоело,
 Шапку в руки — и айда!
 В Смольный, значит, вот куда!

Смольный — здание такое.
 В неге, роскоши, в покое,
 На шелках, на серебре,
 Тут при батюшке-царе
 Обучалась наукам,
 Благородным всяким штукам
 Стая целая девиц,
 Дочерей высоких лиц —
 Пышный выводок дворянский.
 Нынче здесь — Совет крестьянский
 И рабочий. Захожу,
 Рот разинувши, гляжу.
 До чего всё это ново:
 Муравейник, право слово!
 Шум веселый, беготня.
 Окружили тут меня.
 «Кто такой? Зачем? Откеда?»

Слово за слово — беседа.
Говорят такое вслух,
Что захватывает дух!
Как обнюхал я весь Смольный,
Вижу: вот где дух-то вольный!
Вот где волю нам куют,
Бьют — промашки не дают.
Вот, подумал я, откуда
Ожидать нам надо чуда, —
Чуда, бунта — всё равно:
Бунтовать бы нам давно!

VIII

«Ну, пора и возвращаться».
Стал со Смольным я прощаться,
Отдал низкий всем поклон:
«Вы наш истинный заслон,
Дай господь вам всем успеха.
Никакая нам помеха
С вами, братцы, не страшна.
Как деревня ни темна, —
Мужичок душою чует,
Кто болезнь его врачует,
Кто спасает бедняков
От ярма и от оков.
Все за вас мы, братцы, станем,
Всей землей за вас потянем —
Назначайте только час,
А уж мы поддержим вас.
Просвещайте нашу братью!»
Дали тут мне лист с печатью.
С этим, стало быть, листом
Разыщу в Москве я дом.
Там, как этот лист получают,
То меня всему научат,
Всем, чем надо, наградят,
Связь с деревней учредят.

Дальше шло, как по заказу.
 Дом в Москве сыскал я сразу.
 Приютили там меня,
 Вроде все — своя родня,
 И родня, сказать не в шутку!
 Увидал я тут Машутку,
 Что служила у попа.
 Девка очень неглупа.
 Не видал бы — не поверил.
 Так и сяк умом я мерил
 И вникал в ее слова.
 Вот какая голова!
 Кто приходит, всех расспросит,
 Что-то в книжечку заносит,
 Держит речи полчаса.
 Ну, ей-богу, чудеса!
 Ходит много к ней народа
 Чуть не с каждого завода.
 Дел партийных — миллион,
 То ж Москва — большой район,
 Пай свой членский вносят в кассу,
 Разговор ведут про «массу»,
 Про рабочие «низы»
 И «предчувствие грозы».
 Мне не очень-то понятно,
 Слушать всё-таки приятно.
 Ай да Маша, погляди:
 Хоть в сенат ее сади!

Прямо диву я давался,
 Слушал, девкой любовался.
 Под конец всего спросил:
 «Вот-де, я не раскусил,
 Хоть кой-что смекаю смутно, —
 Почему ежеминутно
 Ты бранишь меньшевиков?
 Это ж всё народ каков?
 Не под стать ли он, к примеру,
 Толстозадому эсеру? . . .»

— «Как сказать, голубчик Тит?
У эсеров аппетит
Самый зверский. Их повадка —
Сладко петь насчет «порядка».
С ними шли всегда мы врозь.
Видно сразу их насквозь:
Им подай такой «порядок»,
Чтобы волк был сыт и гладок,
А покорная овца
Покорялась без конца.
Лишь одно ей обеспечить:
Зря ее чтоб не калечить,
Стричь иль резать — по нужде,
А не так — в слепой вражде:
Съел — одну, испортил — сотню,
Нагрешил — и в подворотню!
Дай ей жить иль душу вон,
Но чтоб был на всё закон!»
— «Так. Закон. Оно сподручно
Драть не оптом, так поштучно.
Тож, сказать, не дураки.
Ну, а как меньшевики?»

XI

— «Меньшевик — иное дело,
Он орудует умело:
Ловкий плут и стрекулист,
Но — марксист! Социалист!
Хоть он Маркса так толкует,
Так его раскритикует,
Так ему урежет рост —
Остается только хвост,
Суть, душа вся исчезает,
А наружу вылезает
Лишь ободранный скелет.
Дескать, так — чрез сотню лет
Или две, а то и боле,
Можно речь вести о воле,
О земле и всем ином.
Маркс, великий эконоом,
Доказал-де очень ясно,

Что напрасно и опасно
Нам заскакивать вперед:
Всё придет, мол, в свой черед!
Богачи пусть богатеют,
А рабочие — потеют,
Чахнут, падают и мрут.
Капиталу нужен труд,
Скорбь, нужда, болезни, муки.
Продающиеся руки.
Но что этот, мол, разбой
Прекратится сам собой.
Дескать, час такой настанет,
Люд рабочий весь воспрянет,
Всю механику поймет
И... без бою всё возьмет,
Получай-ка плод готовый:
Вот тебе порядок новый!
Соскребай последний струп!
Старый строй — холодный труп:
Жил и помер в полном чине
По естественной причине!
Отжил свой законный срок.
Ну, какой отсель урок?»

хн

— «Шутишь, Маша, ты, наверно! —
Отвечал я так примерно. —
Ждать, чтоб этот Капитал,
Как пельмени, нас глотал
До своей до самой смерти, —
Пусть его глотают черти!
Это что ж? На новый лад
Речь попов про рай и ад,
Песня та ж выходит снова:
Ждать пришествия Христова!
Будет с нас, пожалуй, ждать.
Можно проще рассуждать, —
И задержка, мыслю, в малом!
Можно с этим Капиталом
Дело круче повернуть:
В бок ножом его пырнуть!

Чай, побольше будет прока,
Коль подохнет он до срока!
Пусть поплачет кто по нем,
Мы-то как зато вздохнем!»
Долго Маша хохотала,
За живот себя хватала.
Все смеялись вместе с ней:
«Верно, Тит! Чего ясней!»
«В бок ножом, и вся недолга!»
«Вот она, родная Волга!»
Кто-то даже так вскипел:
«Стеньку Разина» запел!

хш

Дали тут мне книг три пуда.
Маша. . .
 «Дрянь она! Паскуда! —
Рявкнул Пров на всю избу. —
Вот уж я ее сгребу!
Попадись она мне здесь!»
И, поклона не отвеса,
Взором злым окинув всех,
Пров Кузьмич под общий смех,
Обложивши всех заборно,
Из избы ушел проворно:
«Ладно, дуй вас всех горой!
Вам покажут новый строй!»
Миновав родную хату,
Пров зашел к отцу Ипату:
«Ну, готовься-ка, отец,
Скоро нам с тобой конец.
Мил не будет свет нам белый. . .»
Поп глядел, как очумелый:
«Что стряслося, говори?»
— «То! Под боком бунтари!
Тит приехал из столицы,
Прет, добро бы небылицы, —
Небылицы — ерунда! —
Нет, всё правда, вот беда:
Говорит, подлец, такое. . .
Дня нельзя провесть в покое:

Жди несчастья каждый час.
Вот он, бабушкин-то квас!
Вздулся, пенится и бродит.
Ох, отец, беда приходит,
Настоящая беда:
Не спасешься никуда!
Слушай, батя, по порядку». —
Поп, воззрившись на «лампадку»
(Не с елеем, а с винцом),
Слушал с горестным лицом,
Сокрушался, ужасался
И к «лампадке» прикасался.
Пров Кузьмич не отставал:
Доливал и выпивал.
Горевали долго оба.
Овладела батей злоба,
Стал косичкой поп трясти:
«Знамо, надо донести!»

хiv

п о х о р о н ы

У буржуев шумный пир, —
Ну и пир.
Всех повесить, кто за мир! —
Кто за мир?
Поднялся веселый крик, —
Ну и крик:
Умер, умер большевик! —
Большевик?
Со святыми упокой! —
Упокой?
Шевелит мертвец рукой! —
Ох, рукой!
Большевик открыл глаза! —
Ой, глаза!
Неужель опять гроза? —
Да, гроза!

БАРСКИЕ СЛЕЗЫ

(Побывальщина)

Как во славном было городе во Питере,
Как на славной было улице Суворовской,
Против дэму ли того да против Смольного,
Как стояла там персона благородная,
Благородная персона да дородная.
Как прегорько та персона убивалася,
Убивалась, говорила таковы слова:
«Ах, и было ж мною попито-поедено,
На пуховых на перинах да полежано!
Ох, житье мое ты барское, привольное,
Навсегда, мое житье, ты миновалось.
Все богатства мои да все владения,
Нажитые, родовые все и женины,
По рукам пойдут мужицким, по мозолистым,
Беднотою неумытою поделятся.
Ох ты, горяшко мое, ты, горе горькое,
И с чего ты, злое горе, приключилось,
Лиходеем на меня каким ты наслано?
Уж вы, белые палаты, зданье Смольное,
Будь ты, Смольное, навеки трижды проклято!
Чтоб ты в землю без остатку провалилось!
Что пригрело ты смутьяна неумного,
Главаря всей чернокостной буйной сволочи,
Батраков ли всех лихого обольстителя,
Всей ли жизни моей барской погубителя,
Верховода ли Совета окаянного,
Что Рабочего Совета да Солдатского!
Как пойду я помолюся всем святителям:
Милюкову — Сладкопевцу Дарданельскому,
Церетели и Авксентьеву — угодничкам,
Пред иконою святою, пред Калединской,
Пред Корниловской иконою чудотворною
Я зажгу по две свечи, свечи пудовые:
«Вы, отцы мои, святители-угоднички,
Уж вы сжальтесь над нашей барской участью,
Отведите от нас беды величайшие:
Одолела голытьба нас бесталанная!»
Помолюся — будет чудо — глас услышится:
«Всё пойдет по-стародавнему, по-прежнему:

Не владеть крестьянам пахотью помещицей,
Не видать голодной рвани вольной волюшки,
Не бывать вовеки царствию батрацкому!»

хv

О правительстве о новом
Уж обмолвился я словом,
Не касаяся имен,
Кто дурак и кто умен.
Не хотелось, между нами,
Стих марать их именами.
Но, чтоб нити все связать,
Мне придется рассказать
О министре самом главном
И конце его бесславном.
Чтобы дать его портрет —
Добрых слов в запасе нет,
А браниться неуместно.
Полагаю, всем известно,
Что он Керенским звался.
Но откуда он взялся?
От эсеров, вот откуда!
Легковеры ждали чуда:
Адвокат, мол, говорлив,
Говорлив, да не сварлив.
Бывши в Думе депутатом,
Объявлялся демократом,
Значит, станет за народ.
Вышло ж всё наоборот.
Не туда он руль направил,
С бедной братией лукавил,
С богачами жил в ладу
И дудил в одну дуду.
Лебезя пред богачами,
Упивался их речами.
Богачи ж — не знал холоп —
Под него вели подкоп.
Телеграмма — трах! — из Ставки:
«Убери-ка ноги с лавки
Да проваливай ко псам!
Подудить хочу я сам!»

Адвокати́к, взывши матом,
С просьбой 'слезною к солдатам:
«Помогите! Караул!»
Поднялся в казармах гу́л:
«Шут с тобой! Помочь нетрудно,
Только правишь ты паскудно.
Не исправишься — гляди:
Тож от нас добра не жди!»

xvi

Дурака учили мало.
Офицерство не дремало.
Как Корнилов-генерал
Артиллерию сбирал:
«Вы, ребята-ребятушки,
Заряжайте свои пушки
Да начните-ка палить,
Чтоб правительство свалить.
Мне правительство немило,
Бунтарей недогромило.
Канителить неча зря.
Погуляли без царя!»
Отвечали тут солдаты:
«Вона, брат, махнул куда ты!
Нет, Корнилов-генерал,
Не на глупых ты напал.
Вот, пожалуй-ка в кутузку,
Петля будет на закуску!»

xvii

Что же сделал адвокат?
Наплевавши на солдат
После доброй их подмоги,
Обивать, злодей, пороги
К богачам пошел опять.
«Ах, должны же вы понять,
Что для вас я — друг ваш верный,
Ваш слуга нелицемерный
И что вас я под беду
Никогда не подведу.

Черный люд мы успокоим:
Предпарламентик устроим,
Членов так мы подберем,
Чтоб не пахло бунтарем.
Словом, будет — говорильня,
И буфетик, и курильня.
Пусть там малость погалдят:
Этим нам не повредят.
Мы к ним раз-другой заглянем,
Месяц как-нибудь протянем,
Через месяц поглядим:
Хорошо ли мы сидим?!»

Посидели две недели
И тормашкой полетели.
«Коемуждо поделом!»
Вышел сразу перелом.
Люд рабочий да солдаты,
Окружив дворцы-палаты,
Объявили власть *свою!*
Трудовой народ в бою.
Час назад войска шли мимо,
Видел Ваню я и Клима,
Может быть, в последний раз.

ПРОЩАНИЕ

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну — что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.
Там, сложивши три перста,
У соснового креста
Средь высокого бурьяна
Помолитесь за Демьяна.
Жил, грешил, немножко пил,
Смертью грех свой искупил.

25 октября (7 ноября) 1917
Петроград

В дни октябрьской славной схватки
 Мы простилися, ребятки;
 Я, готовясь пасть в бою,
 Сам оплакал смерть свою.
 Есть в том чудо, нет ли чуда,
 Но... я жив еще покуда
 И, буржуям на беду,
 С вами речь опять веду.

Да, на чем я кончил, кстати?
 Пров Кузьмич скулил у бати,
 Поминая бабкин квас:
 «Жди несчастья каждый час!»
 «Жди несчастья». Ненароком
 Оказался Пров пророком:
 Скоро впрямь стряслась беда,
 Вроде Страшного суда.
 В день Косьмы и Дамиана
 Вышло солнце из тумана,
 Сквозь узорное стекло
 В церковь луч свой навело.
 В церкви уймища народу.
 Поп кропило тычет в воду.
 Окропивши всех водой,
 Батя, бледный и худой
 И приметно спавши с тона,
 «Братья! — речь повел с амвона. —
 Сообщу вам злую весть:
 Дней тому примерно шесть,
 К нашей общей всех досаде,
 Приключился в Петрограде
 Вновь большой переворот:
 Большевицкий всякий сброд,
 Мразь фабричная, матросы —
 Словом, всякие отбросы
 (Чтоб им, иродам, пропасть!)
 Захватили в руки власть.
 Первым подлым их декретом
 То, что было под запретом
 И в веках освящено,

Всё как есть отменено.
Все помещицьи именья,
Монастырские владенья
И церковные равно —
Всё теперь уравнено,
Всё, по божью попущенью,
Предается расхищенью,
Грабежу и дележу!
Братья! Что я вам скажу?!»
Но... не кончил батя речи.
Кто-то взял попа за плечи
И, тряхнув, промолвил: «Вон!»
Тит взобрался на амвон!..

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тут я, братцы, ставлю точку.
Дайте, братцы, мне отсрочку.
Хоть пишу я и легко,
Но — ушел недалеко:
За околицу — не дале.
Мой рассказ — на перевале,
На великой на горе —
Большевицском Октябре.
Для трудящегося люда
Главный путь идет отсюда,
И по этому пути
Я и думаю идти.
Расскажу открыто, честно
Всё, что дальше мне известно
О бедняге-батраке,
Об «Иване-дураке»;
Как и где он подвизался,
Как — на деле — оказался
Поумней он многих док:
Умостясь на передок,
В руки вожжи взял умело
И уверенно и смело
На неезженном коне
Покатил по целине,
Через степь и лес сосновый,

Через села, города,
Пролагая путь нам новый
В царство Правды и Труда!

Про Ивана сказ народный:
Дескать, он дурак природный,
Потому дурак большой,
Что с добрейшею душой,
Что за правду прет на плаху,
Что последнюю рубаху
Бедняку отдать готов,
Что, где можно, в сто кнутов
Нечисть всякую утюжит,
Что народу верно служит —
Не боярам, не царям, —
Что всегда он смел и прям.

Ой ты, Русь, родное поле,
Если б ты родило боле
Нам подобных «дураков» —
Был бы свет наш не таков:
Меньше было бы разладу,
И любому бы мы гаду,
Силе вражеской любой
Дать могли такой отбой,
Что, проученной нещадно,
Впредь ей было б неповадно
Злую пасть совать туда,
Где была уж ей беда.

Но иное повелось:
«Умных» много развелось —
Клим умнее, чем Корней,
А Ерема всех умней.
Эх, Ерема ты, Ерема!
Посидеть ты любишь дома,
Любишь, вылезши на печь,
Повести такую речь:
«То бы можно, это б можно,
Только очень осторожно.
Темный очень мы народ.

Что мы стоим без господ?
То — бурьян, а то — гвоздика.
Мужика ты посади-ка
В Государственный совет:
Выйдет толк какой аль нет?
Править царством — эки бредни!
Дело это — так наемдни
Говорил отец Фома —
Не мужицкого ума.
Господа промеж собою
Пусть бы тешились борьбою:
Для кого настал черед,
Тот и власть пускай берет.
Нам-то в спор почто соваться?
(То бишь с печкой расставаться!)
Наше дело сторона.

Птица требует зерна,
Конь — овса, корова — сена,
Ну, а нам какого хрена?
Мы без бар, что без голов:
Натворим таких делов!
Баре знают все науки,
Стало, им и книги в руки.
Бар сумели мы пугнуть,
Да без них нам не шагнуть.
Чем нам с барами кориться,
Надоть барам покориться.
Пусть их — выберут царя;
В этом, правду говоря,
Нет особенной напасти:
Без такой, сякой ли власти
С нами сладить мудрено.
Так не всё ли нам равно,
Кто телегу с места сдвинет,
Кто на нас узду накинёт
И, зажав нам крепко рты,
С нас начнет снимать порты?
Ну, а может, и не снимет?
Скажем, подати поднимет,
Соль обложит да табак,

Заведет сплошной кабак,
Чтоб деньга текла в столицу,
Но... помещичью землю,
Что прибрали мы к рукам,
Всю оставит мужикам.
Тот, кто землю нам оставит,
Пусть как хочет нами правит.
Нам — землю! А права...
Это всё нам трын-трава!»

Так судачит дока с докой,
Кум Ерема с кумом Фокой.
Тот, кто думает не так,
Удивительный чудак
Иль дурак, сказать прямее!
Покопайтесь в Еремее:
Он вперед уж ни на шаг!
В нем растет наш новый враг.
У него — назад оглядка.
Он устал от «беспорядка»:
Не дают ему жевать
То, что он успел урвать;

Он ушел от буйной голи,
С ней не делит хлеба-соли,
И бунтующий батрак
Для него — «Иван-дурак»!

Ой вы, братцы, вы, Иваны,
Вы, дырявые карманы,
Непокорные чубы, —
Вы не кончили борьбы!
Далека еще победа,
Потрясите-ка соседа,
Поспрошайте на духу:
Чью хлебает он уху?
Не объелся ли он слишком,
Не мозгует ли умишком,
Как бы, мол, не опоздать —
«Дураков» всех обуздать?
А не время ль вам, ребята,

Заводить свои порядки,
Чтоб никто потом не смог
Вас согнуть в бараний рог?

Батраки, сомкнитесь дружно!
Нам спаяться крепче нужно,
Общей силой приналечь,
Чтобы волю уберечь.

Не сдается наше горе!
Может быть, его мы вскоре,
Став ногой ему на грудь,
И осилим как-нибудь.
Общей силой приналяжем,
С ног собьем и крепко свяжем,
В цепи горе закуем
И повалим в гроб живьем.

Тешусь, братцы, я не блажью,
Верю я, что силу вражью
Мы сразим. Хотя пока
И трещат у нас бока.

Горе мы вскормили сами.
Горе крепло не часами:
Пот и кровь покоен веков
Выжимало с бедняков.
Горе чертово могуче,
И могуче и живуче, —
Стоголовый злой дракон.
У дракона — свой закон,
И жрецы, и храмы. Словом,
Вы в драконе стоголовом
Обретете с двух шагов
Сразу всех своих врагов.
Горе их в одно спаяло;
Все, на ком оно стояло,
Кем держалось оно,
Нынче спаяны в одно:
Злой вампир — банкир брюхатый,

Изувер — монах патлатый,
Поп — мошенник продувной,
Губернатор отставной,
Генерал, лишенный чина,
Разорившийся купчина,
Враль — продажная строка,
Содержатель кабака,
Услужаящий молодчик,
Фабрикант, горнозаводчик —
Все, кто шлепнул сверху вниз,
Всякий барский блюдолиз,
Музыкант, артист свободный,
Адвокат и доктор модный,
Шулер, маклер, интендант,
Инженер, судейский франт,
Канцелярский воротила,
Промотававшийся кутила,
Золотушный князь, барон, —
Прут на нас со всех сторон!
Это всё — шмара людская,
Тля обжорно-плутовская.
Много этой гнусной тли
Мы на нет теперь свели.
Тля бессильна, но задорна
И на пакости проворна,
А все пакости ее:
Оголтелое вранье
В бойкой уличной газетке,
Там же — шпилька в злой заметке;
Темный слух из уст в уста
Где-нибудь среди хвоста
У лавчонки, у торговки,
У трамвайной остановки.
Коль объявится порой
У трусливой тли «герой»,
То — у тли такое свойство! —
В том всё тлиное геройство:
Чтобы ей не пропадать,
Лучше родину продать
Интервенту-иноземцу,
Всё равно — японцу, немцу.
Чтоб исправить свой конфуз,

С чертом хоть вступить в союз
Тля геройская готова,
Только б власть вернуть ей снова,
Только б кто-то ей помог
Нас согнуть в бараний рог.

Тля «геройски» рвется к бою,
Чуя силу за собою,
Силу, знамо, не свою.
Нынче тля в родном краю
Замелькала суетливо:
Сколотить спешит ретиво
Для себя оплот иной,
Чтоб идти на нас войной.
С кем же злая тля связалась?
Чья утроба тут сказалась?
Кто для тли теперь оплот?

Деревенский живоглот!
Мироед — не только старый,
Старый зол, но самый ярый,
Настоящий лютый змей —
Это кум наш Еремей.
Он оперился недавно,
Он успел пограбить славно.
Грабил — тут же с рук сбывал
Да карманы набивал.
Что имел Ерема ране?
Мышь издохшую в чулане,
Веник сломанный в избе
И добра, что на себе.
Нынче — выбился он в люди:
У жены, что ведра, груди,
Шаль-китайка на плечах,
Огонек живой в очах;
Кум вошел приметно в тело,
Ходит твердо, смотрит смело,
Как появится на сход —
Кулакам всем коновод.
Уж бедняк ему не пара:
«Моего не трожь амбара!»

А в амбаре у него
Понапрятано всего!

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я писал не шутки ради,
Не для смеху, не для слез.
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему,
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет!
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти,
Люд рабочий, батраки,
Все повыкрошим клыки?!

Октябрь 1920

Москва

Тициан Табидзе

2. ПЕТЕРБУРГ

Ветер с островов курчавит лужи.
Бомбой взорван воровской притон,
Женщины бредут, дрожа от стужи.
Их шатают ночь и самогон.

Жаркий бой. Жестокой схватки звуки.
Мокрый пар шинелей потных. Мгла.
Медный всадник опускает руки.
Мойка лижет мертвые тела.

Но ответ столетий несомненен,
И исход сраженья предрешен.

Ночь запомнит только имя «Ленин»
И забудет прочее, как сон.

Черпая бортами мрак, в века
Тонет тень Скитальца-Моряка.

*В ночь на 25 октября 1917
Кутаиси*

Сулейман Стальский

3. ПОГИБНИ, СТАРЫЙ, МЕРТВЫЙ МИР!

Нам помыслы твои видны, —
Погибни, старый, мертвый мир!
С тобой мы не были дружны, —
Погибни, старый, мертвый мир!

Ты мучил нас: за каждый стон
Платили мы тебе прогон.
Будь проклят подлый твой закон!
Будь в прах и пепел превращен, —
Погибни, старый, мертвый мир!

Мы помним каждый час и год:
Ты слал на нас орду невзгод,
Ты на кострах сжигал народ...
Довольно кровь сосать, урод, —
Погибни, старый, мертвый мир!

Ты был к отверженным суров,
В ярме держал нас, как волков!
С богатыми, среди пиров,
Делил сокровища миров, —
Погибни, старый, мертвый мир!

Ты в темноте держал сердца,
Ты презирал и серп жнеца,
И тяжкий молот кузнеца,
И ненавидел ты борца, —
Погибни, старый, мертвый мир!

Ты наставлял нас, обобрав,
Лишив людских последних прав.
Мы поняли твой лживый нрав,
Испили мы твоих отрав, —
Погибни, старый, мертвый мир!

Мы не забыли дни скорбей,
Мы помним слезы матерей,
Сестер и милых дочерей.
Стори, проклятый мир, скорей!
Погибни, старый, мертвый мир!

Почуяв смерть, жесток и дик,
Ты в грудь вонзал мне острый клык.
Сталь-Сулейман тебя постиг:
Будь проклят твой звериный лик!
Погибни, старый, мертвый мир!

1917

Алексей Крайский

4. ДЕКРЕТЫ

По лужам, по грязи смешная девчонка
Бежит, предлагая газеты.
Как воробей, заливается звонко:
— Декреты! Декреты! Декреты!

Вся власть Советам — декрет номер первый,
Мир всему миру — декрет номер два...
От крика — у барынь мигрени и нервы,
У генералов — кругом голова.

У генералов дрожат эполеты,
От страха? от смеха? — никак не понять.
Фыркают франты: «Собачьи Советы» —
И уверяют, что на три дня.

Девчонке нет дела, базарит газеты
Налево, направо... Смешная, стой!

Ты прочитай и пойми, что декреты,
Эти декреты — для нас с тобой.

Отец — на войне, задыхаясь от газов,
Мать — на табачной, чахоткой дыша,
Слышат твою равнодушную фразу
И за газеты приняться спешат.

Читая, подумают оба, что станет
Их дочка наркомом страны трудовой. . .
Пойми же, девчонка, пойми же, смешная,
Что эти декреты для нас с тобой.

1917

Владимир Маяковский

5. ОДА РЕВОЛЮЦИИ

Тебе,
освистанная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъязвленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
«О»!
О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двулика?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овейному,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,

славишь человеческий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборовы
тщетно возносит, пощаду моля, —
твоих шестидюймовок тупорылые боровы
взрывают тысячелетия Кремля.
«Слава»
хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушенно тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус заливчатский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское:
— О, будь ты проклята трижды! —
и мое,
поэтово:
— О, четырежды славься, благословенная!

1917 или 1918

Илья Садофьев

6. ВСЕМИРНЫЙ ТОВАРИЩ

Люди-братья! Я пришел к вам,
Развевая алым шелком,
Эхом, звоном новой речи
Взвихрить радостные вести. . .
Люди-братья, всех наречий,
Всех племен и всех предместий,

Городов-гигантов, башен,
Улиц-склепов и туннелей,
Ветхих хижин, мирных пашен,
Всех высот, равнин, ущелий,
Юга, Запада, Востока, —
Мы на Севере далеком,
В царстве мрака, льда, тумана,
Бурь, метелей и морозов
Пробудились, встали рано,
Как смертельная угроза
Миру черному и злему,
Дряхло-старому, гнилому. . .
Мы разбили зла оковы,
И познали битвы сладость,
И вселенной новым словом
Возвещаем нашу радость!
Раздробили трон позорный
В наглой сытости дворцов,
Зануздали сытых, черных,
Долгогривых жеребцов.
Пусть враги кольцом железным
Окружают нас, теснят. . .
Но их гибель неизбежна. . .
Гибель тронов и палат!
На Октябрьском развороте,
В битве классовых пожарищ,
Трактом ленинским идете
Вы — всемирный наш товарищ!
Гордо шаг чеканьте, смело, —
С вами мы непобедимы!
Мы и Вы — едино тело.
Вы и Мы — неразделимы.
Нас, товарищ, много, много,
Целью спаянных одной. . .
Мы пойдем по всем дорогам,
Уничтожив черных рой.
Мы — крылатое стремленье,
Мы всеильны, мы всё можем,
Разрушенья, достиженья —
И усилим и умножим. . .
Всё отжившее, гнилое,
Всё гнетущее и злое —

**МЫ НА ГОРЕ ВСЕМ БУРЖУАМ
МИРОВОЙ ПОЖАР РАЗДУЕМ!...**

Страсти творческим огнем
И расплавим и сождем!
Все устои, все святыни
Дней насилья, угнетенья
Потревожим, с места сдвинем
И растопчем с наслажденьем...
Плугом мысли коллективной
Новь поднимем, новь распашем,
Расцветим восторгом дивным —
Лучше рая, солнца краше...

.
Бег на плаху остановлен,
Глум насилья прекращен,
Евнух фальши обескровлен,
Круг бывшего завершен.
Красоту и вдохновенье
Евнух фальши оскопил,
Вырожденьем и растленьем
Все музеи омертвил...
Мы — огонь освобожденья
Полнокровной красоты,
Мы несем ей дар бесценный —
Наши гордые мечты...
Мы свергаем, строим, ищем...
Путь в грядущем — впереди —
Бесконечней, шире, чище,
Ярче Млечного Пути.
Посмотри на путь закатный,
Удлиняя ленту чисел, —
Только нам одним понятны
Жизни цель и жизни смысл.
На дороге длинной рабства,
Непрерывного труда —
Мы создали все богатства,
Мы воздвигли города...
В звучно-стройном, слитном хоре
Торжествующих гудков
Слышим гимны алым зорям
Ярких, радостных веков...
Через реки и каналы
Перекинули мосты:
Крепи — кружево металла,

Вязь — узорнее мечты. . .
Мрак сверканием сжигаем
Электрических огней,
По вселенной мчим, гоняем
Огнедышащих коней. . .
Мы бессмертны, мы могучи,
Мы гигантскою рукой
Сетью нерв стальных певучих
Обмотали шар земной.
Пробуждая дебри, горы,
Побеждаем и творим.
Мы на суше, мы на море,
Мы и в воздухе парим. . .
Достиженья умножая,
Небывалое мы явим,
Темный хаос побеждая,
Перестройкой мира правим.

Ноябрь 1917 — февраль 1918

Александр Блок

7. ДВЕНАДЦАТЬ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.

На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
 На что такой плакат,
 Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут. . .

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы,
И говорит вполголоса:
 — Предатели!
 — Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
 Вития. . .

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб. . .
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как, бывало,
Брюхом шел вперед
И крестом сияло
Брюхо на народ? . .

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали. . .
 Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих кóсит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»...
И слова доносит:

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили —
Постановили:
На время — десять, нá ночь — двадцать пять...
...И меньше — ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.
Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни. . .

В зубах — сигарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в кабаке. . .

— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат. . .

— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята? . .

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни. . .
Оплечь — ружейные ремни. . .

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трись!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катюкою летит —
Електрический фонарик
На оглобелках...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катюку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

б

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

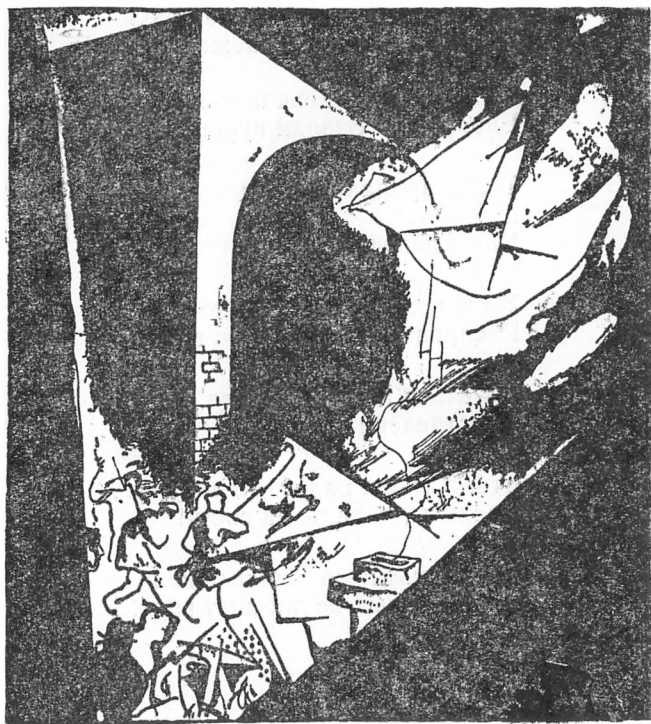
Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад «Миньон» жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреси!
Будет легче для души!

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Взводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что́, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шею —
Не оправиться никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил. . .
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил. . .

Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча. . . ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба, что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!
Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги. . .

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел. . .

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

Ох ты, горе горькое!
 Скука скучная,
 Смертная!
 Ужь я времячко
 Проведу, проведу...

Ужь я темячко
 Почешу, почешу...

Ужь я семячки
 Полушу, полушу...

Ужь я ножичком
 Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком!
 Выпью кровушку
 За зазнобушку,
 Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоя...

Скучно!

Не слышно шуму городского,
 Над невской башней тишина,
 И больше нет городского —
 Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
 И в воротник упрятал нос.
 А рядом жметесь шерстью жесткой
 Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
 Стоит безмолвный, как вопрос.
 И старый мир, как пес безродный,
 Стоит за ним, поджавши хвост.

Разыгралась чтой-то вьюга,
 Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
 Не видать совсем друг друга
 За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
 Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
 — Петька! Эй, не завирайся!
 От чего тебя упас
 Золотой иконостас?
 Бессознательный ты, право,
 Рассуди, подумай здраво —
 Али руки не в крови
 Из-за Катькиной любви?
 — Шаг держи революционный!
 Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
 Рабочий народ!

...И идут без имени святого
 Все двенадцать — вдаль.
 Ко всему готовы,
 Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
 На незримого врага...
 В переулочки глухие,
 Где одна пылит пурга...
 Да в сугробы пуховые —
 Не утянешь сапога...

В очи бьется
 Красный флаг.
 Раздается
 Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

12

...Вдаль идут державным шагом...
— Кто еще там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный,
— Кто в сугробе — выходи!...
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный...
— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!

— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Январь 1918

8. СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Владимир Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, Скифы — мы! Да, азиаты — мы, —
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал громá лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью и с любовью! . .

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений. . .

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады. . .

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах. . .
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И умирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет, — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне — вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами!

Не сдвинемся, когда свирепый Гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

Андрей Белый

9. СОВРЕМЕННОКАМ

Туда, во мглу Небытия,
Ты безвременным, мертвым комом
Катилась, мертвая земля,
Над собирающимся громом.

И словно облак обволок
Порядок строя мирового,
И прозирающий зрачок,
И прорастающее слово.

Толчками рухнувших Мессин,
Провалом грешной Мартиники
Среди неузнанных руин
Приподымался смысл великий.

Развили грозные огни —
Всё беспокойней, всё нестройней —
Нечеловеческие дни,
Нечеловеческие боины. . .

И я к груди земли приник
И понял: в гром землетрясений
Склоняет исполинский лик
Из дней глаголющий нам Генний.

Он — Справедливый Судия, —
Мерцая мрачным приговором,
Давно смятенного меня
Опламенил глухим прозором.

И видел там, за громом битв,
Восстанье Светлого Завета
В волне рыданий, и молитв,
И набегающего Света.

И ныне знаю: морок злой
Нас обуявших ослеплений

Перегорит, как ветхий слой,
И Солнце спустится, как гений, —

И громовая полоса,
Огнем палящая глазницы, —
Далекий грохот колеса
Золотордяной колесницы.

Январь 1918
Москва

10. ГОЛУБЬ

Вестью овеяны,
Души прострем —
В светом содеянный
Радостный гром.

В неописуемый,
В огненный год —
Духом взыскуемый
Голубь сойдет.

Март 1918
Москва

11. ИЗ ПОЭМЫ «ХРИСТОС ВОСКРЕС»

Россия,
Страна моя, —

Ты — та самая,
Облеченная солнцем Жена,
К которой
Возносятся
Взоры...

Вижу явственно я:

Россия,
Моя, —
Богоносица,
Побеждающая Змия...

Народы,
Населяющие Тебя,
Из дыма
Простерли
Длани

В Твои пространства, —
Преисполненные пения
И огня
Слетающего Серафима.

И что-то в горле
У меня
Сжимается от умиления.

*Апрель 1918
Москва*

Владимир Кириллов

12. ЖЕЛЕЗНЫЙ МЕССИЯ

Вот он — спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме приводов, в блеске машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали — явится в солнечных ризах,
В ореоле божественных тайн,
А он пришел к нам в дымах сизых
С фабрик, заводов, окраин.

Вот он шагает чрез бездны морей,
Непобедимый, стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.

Где прозвонит его властный крик —
Недра земные вскрываются,
Горы пред ним расступаются вмиг,
Полюсы мира сближаются.

Где пройдет — оставляет след
Гулких железных линий,
Всем несет он радость и свет,
Цветы насаждает в пустыне.

Новое солнце миру несет,
Рушит троны, темницы,
К вечному братству народы зовет,
Стирает черты и границы.

Знак его алый — символ борьбы,
Угнетенных маяк спасительный;
С ним победим мы иго судьбы,
Мир завоюем пленительный.

Апрель или май 1918

Сергей Есенин

13. ИОРДАНСКАЯ ГОЛУБИЦА

1

Земля моя золотая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.

То душ преображенных
Несчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.

А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь?

Лети, лети, не бойся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.

Небо — как колокол,
 Месяц — язык,
 Мать моя — родина,
 Я — большевик.

Ради вселенского
 Братства людей
 Радуюсь песней я
 Смерти твоей.

Крепкий и сильный,
 На гибель твою
 В колокол синий
 Я месяцем бью.

Братья миряне,
 Вам моя песнь.
 Слышу в тумане я
 Светлую весть.

Вот она, вот голубица,
 Севшая ветру на длань.
 Снова зарею клубится
 Мой луговой Иордань.

Славлю тебя, голубая,
 Звездами вбитая высь.
 Снова до отчего рая
 Руки мои поднялись.

Вижу вас, злачные нивы,
 С стадом буланых коней.
 С дудкой пастушеской в ивах
 Бродит апостол Андрей.

И, полная боли и гнева,
 Там, на окраине села,
 Мати Пречистая Дева
 Розгой стегает осла.

Братья мои, люди, люди!
 Все мы, все когда-нибудь
 В тех благих селеньях будем,
 Где протоптан Млечный Путь.

Не жалеете же ушедших,
 Уходящих каждый час, —
 Там на ландышах расцветших
 Лучше, чем в полях у нас.

Страж любви — судьба-мздоимец
 Счастье пестует не век.
 Кто сегодня был любимец —
 Завтра нищий человек.

О новый, новый, новый,
 Прорезавший тучи день!
 Отроком солнцеголовым
 Сядь ты ко мне под плетень.

Дай мне твои волосья
 Гребнем луны расчесать.
 Этим обычаем гостя
 Мы научились встречать.

Древняя тень Маврикии
 Родственна нашим холмам,
 Дождиком в нивы золотые
 Нас посетил Авраам.

Сядь ты ко мне на крылечко,
 Тихо склонись ко плечу.
 Синюю звездочку свечкой
 Я пред тобой засвечу.

Буду тебе я молиться,
 Славить твою Иордань...
 Вот она, вот голубица,
 Севшая ветру на длань.

<Июнь> 1918

Никифор Тихомиров

14. БРАТЬЯ

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятя —
Смерть и гибель для владык.

Я кую, ты пашешь поле,
Оба мы трудом живем,
Оба рвемся к светлой доле,
С бою каждый шаг берем.

Я сверлю земные недра,
Добываю сталь и медь,
Награжу тебя я щедро
За твои труды и снесь.

Наши руки мощью дышат,
Наши груди крепче лат,
Наши очи мезтью пышут,
Постоим за брата брат!

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятя —
Смерть и гибель для владык.

<11 июля> 1918

Василий Александровский

15. ВОССТАНИЕ

1

Тайна в глазах.
Взгляды порывисты, цепки.
Что-то растет.
Кто-то огромный идет.

Черные куртки и кепки
Плавают в сером тумане.
Втиснуты сжатые руки
В карманы.
В темных углах —
Страх.
Мрут и рождаются звуки.
Там, на крутых поворотах,
Гаснут огни.
Плотно закрыли ворота
Грязные пасти домов.
Чу!.. Шепот шагов.
Это — они...
Зовы во мгле задрожали:
— Братья!.. Братья!..
Лязг беспорядочный стали,
Злые проклятья...

Ширится тайна. Растет.
Небо краснеет.
В муках Великое зреет,
Идет.
Выстрелы гулкие, четкие.
Стекла посыпались на тротуар.
Пороха запах.
Стоны короткие.
Резкие крики. Пожар.
Прошрое будущим стиснуто в лапах,
Смерть ему! Смерть!
Улицы ревом наполнились.
Сроки исполнились,
Вспыхнула твердь.

2

Беспощадна смерть была
В ярком зареве восстанья,
Здесь сквозь злую боль страданья
Жизнь борьбой сердца зажгла.
В гуще серого тумана,
С свежей раной,

Перевязанной небрежно,
У ворот стоит рабочий,
Чутко вслушиваясь в мглу.
Завязался жаркий бой
Вновь,
И мятежно
Всколыхнулся воздух ночи.
В нижнем этаже к стеклу
Чья-то голова прильнула
И отпрянула: там кровь.
Зубы вдруг заскрежетали,
Точно ржавое железо,
Вспыхнул местью взгляд.
Волны гула
Трепетали
То усиленно, то реже,
Звали смелых
На защиту баррикад.
Окровавленное тело,
Как пружина,
Снова ринулось в туман, —
Цепи там рвались стальные
Молодого исполина,
Там тиран,
Что гнет ковал,
Умирал.

Золотые,
Огневые
Змеи жалили дома.
Тени таяли ночные,
Гасла тьма.

8

Рассвет.
В людей превращаются тени.
И тайны в глазах уже нет,
В них светится жажда сражений,
Побед.
Справляет свой праздник Борьба.

Откуда-то звонко
Горниста труба
Запела во вражеском стане.
И тотчас же тонко
Свистнули пули
В тумане.
Как улей,
Народ всколыхнулся.
Мускулы рук задрожали.
Рванулся
Вверх окровавленный флаг.
Ждали:
Подступит ли враг?
Нет.
Не идет.
Так развернутым строем,
Братья, вперед!
На гребни побед!
Мы старое строем,
Раздавим,
И в этой борьбе
О себе
Мы вечную память оставим.

Враг сломлен. Разбит.
Сквозь полог туманный и дымный
Лучи свои солнце струит,
А толпы — восторги и гимны.

4

Знамена. Плакаты.
И лозунги, бурей рожденные:
«Вся власть Советам!»
«Долой соглашателей!»
Гимны. Оркестров раскаты.
В солнце влюбленные
Жизни ваятели
Розовым, утренним светом
Хмельны.
Кружатся в воздухе песни,

Как птицы,
Счастьем они рождены;
В улицах узких им тесно —
К небу взвиваются.
Радость, великая радость на лицах, —
Праздник труда,
Красные флаги
Виснут с домов.
Машут из окон руками.
Дышат отвагой
Лица стрелков.
Красная арка
Цветами
Украшена,
Злоба, горевшая ярко,
Погашена.
Ныне крылаты
Души борцов.

Реют знамена, плакаты,
Гимны из солнечных слов.

<Июль — ноябрь> 1918

Василий Князев

16. ПЕСНЯ КОММУНЫ

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами, —
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами.

Всё в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга;

За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг и от плуга!

Пусть британцев орда
Снаряжает суда,
Угрожая Руси кандалами, —
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами.

Славен красный наш род,
Жив свободный народ, —
Все идут под знамена Коммуны.
Гей, враги у ворот!
Коммунары — вперед!
Не страшны нам лихие буруны!

Враг силен? Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами, —
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат,
Станут девушки в ряд,
Будут дети и жены бороться,
Всяк солдат-рядовой,
Сын семьи трудовой —
Все, в ком сердце мятежное бьется!

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами, —
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами!!!

<11 августа> 1918

17. ЗВОН ПЕРЕД БУРЕЙ

С вышки, вышки поднебесной,
Распахнув чугун дверей,
Выпускаю в мир окрестный
Стаю медных голубей.
Разлетайтесь, брызги меди,
Теша сердце звонаря,
Уносите о победе
Весть за синие моря:
Завтра, завтра рухнут своды
Черных тюрем мировых,
И обнимутся народы
На гнилых обломках их.

Жизнь несется ураганом,
Как упущенный экспресс, —
Каждый день дарит неожиданным,
Каждый час — родник чудес.
Что вчера душило, ныне —
Тает воском на глазах;
Неприступные твердыни
Рассыпаются во прах.
Где вы, замыслы титанов?
Потеряв терпенье, люд
В карлов жалких великанов
Превращает в пять минут!

Где незыблемые троны
И покорный им народ —
С каждым днем сильней короны
Вихрь с голов венчанных рвет!
Где державные палаты,
Мол, спасающий залив, —
Волны яростью объята,
Без конца растет прилив!
Ночь висит над синим морем...
Правьте к западу смелей!
«Будет буря, мы поспорим
И поборемся мы с ней!»

КРАСНЫЙ ЗВОНЪ

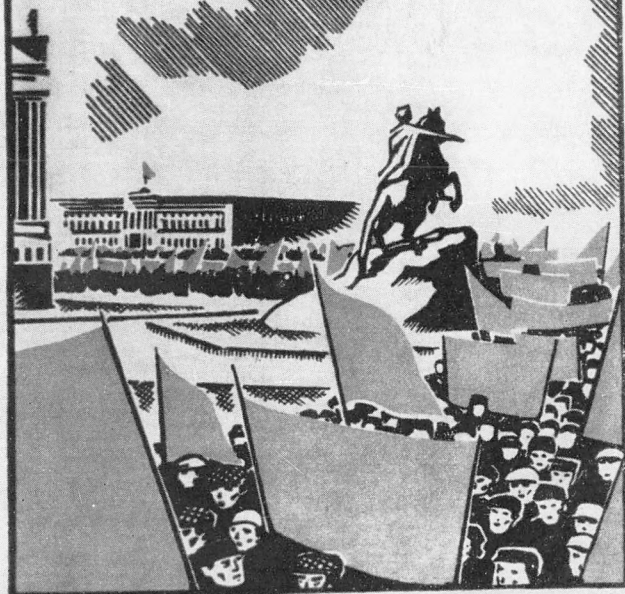
СТИХИ

С. СЕЕНКА
М. КЛАТОВА
П. ОРШИНА
А. ШИРЕВА

Песнь о великом
походе

Сергей Есенин

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. 1925

С вышки, вышки поднебесной,
Распахнув чугун дверей,
Выпускаю в мир окрестный
Стаи медных голубей.
Разлетайтесь, брызги меди,
Теша сердце звонаря,
И несите о победе
Весть за синие моря:
Завтра, завтра рухнут своды
Черных тюрем мировых,
И обнимутся народы
На гнилых обломках их!

1918

Филипп Шкулев

18. ГИМН КОММУНАРОВ

Мы, дети сильные Коммуны,
На свете любим правду, труд,
В душе и сердце вечно юном
Порывы светлые живут.
Поля, леса, луга и нивы
Наш дружный труд благословят,
Трудом мы рук своих счастливы,
В труде мы видим жизни клад!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы счастье и благо людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

У нас у всех одна забота,
Одной мечтою мы горим:
Гнилые тундры и болота
Мы в сад цветущий превратим...
И голод нам тогда не страшен
Средь сел и красных городов,

Когда заблещут ленты пашен
Червонным золотом хлебов. . .

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы счастье и благо людей. . .
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

Расти, цветы, Коммуна, краше
Под ярким пурпуром знамен,
На страх врагам, на счастье наше,
Во благо будущих времен!
Мы за Коммуну все стеною
Пойдем от плугов и станков,
И силой рати трудовой
Во прах сотрем своих врагов!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы благо и счастье людей. . .
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

Хвала труду и каплям пота,
Хвала мозолистым рукам,
Хвала всем любящим работу,
Хвала восставшим беднякам.
Хвала и пашням и заводам,
Взрастившим храбрых сыновей,
Хвала погибшим за свободу
В объятых тюрем и цепей!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы благо и счастье людей. . .
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

<Октябрь> 1918

**19. ПАМЯТИ БОРЦОВ,
ПАВШИХ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 г.**

Шли они шумной столицей
Дружно и ночью и днем,
Были отважны их лица,
Очи пылали огнем.

Шли они стройно рядами,
Смело и гордо вперед,
Храбро сражаться с врагами
За пролетарский народ.

Шли, не смыкаячи вежды,
Кровь молодую пролить,
С полною в сердце надеждой
Злого врага победить.

Зная, на алой их крови
Солнце свободы взойдет
И на распаханной нови
Бедный воспрянет народ. . .

Думы, мечты их свершились
Год лишь один миновал,
Слуги Ваала свалились,
Рухнул злодей-капитал.

Сила буржуев, как гуннов,
Рушится, гибнет, гниет,
Царство Великой Коммуны
Всюду со славой грядет.

Пахарь-бедняк и рабочий,
Славной Коммуны оплот,
Гордо вперяючи очи,
Соколом смотрит вперед.

Смелы их смуглые лица,
Дышит отвагою грудь,
Счастьем свобода-зарница
Их озаряет весь путь.

1918

Николай Полетаев

20. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Знамен кровавых колыханье
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье
В холодных и косых лучах.

Рядов сплоченных шаг размерный,
И строгость бледно-серых лиц,
И в высоте невероятной
Гудение железных птиц.

Не торжество, не ликование,
Не смехом брызжущий восторг, —
Во всем холодное сознание,
Железный, непреложный долг.

<7 ноября> 1918

Алексей Маширов-Салобитник

21. К ВОССТАНИЮ

Волнуемый, как океан безбрежный,
Я вам кричу в час битвы роковой:
Откликнитесь на призыв мой мятежный,
Вы, с детства обожженные грозой. . .

Я младше всех, но в пламени пожара
Окреп мой дух для новых битв и ран.
Для грозного, последнего удара
Сбирайтесь, угнетенные всех стран!

Горит весь мир в объятиях железных,
А новый мир — в восстании труда.
Всех ваших сил, всех ваших душ мятежных
Смыкайте огневые провода.

О, если молот ваш в тревоге повседневно
Заставил шар земной испуганно дрожать,
Ужель у вас не хватит силы гневной,
Чтоб рабские оковы разорвать...

Волнуемый, как океан безбрежный,
Я вам кричу, сжимая свой клинок:
К восстанию! И в стан ваш зарубежный
Бросаю ран моих пылающий венок!

1918

22. КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

О, солнечно-бурый
Октябрьский набат!
О, нежно-пурпурный
Цветок баррикад!
В раскатах восстаний
Твой пламень могуч.
Народных страданий
Серебряный ключ —
Он солнечным светом
Звенит, как живой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

Взращенный в невзгодах
В приволье родном,
На гневных заводах,
В подполье глухом,
В кровавые ночи
На бранных полях,
В призывах рабочих,
В солдатских сердцах,
Он вспыхнул с расцветом
Зари огневой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

И светлым зигзагом
Сверкнули штыки,

Уверенным шагом
Проходят полки
На север, восток
И на запад и юг,
Чтоб красный цветок
Взять под огненный круг.
Несется приветом
Их клич боевой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

<12 ноября> 1918

Владимир Кириллов

23. МАТРОСАМ

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы, —
Вам песнь огневая рубиновых слов.

Вы — солнце, вы — свежесть стихии соленой,
Вы — вольные ветры, вы — рокоты бурь,
В речах ваших звоны, морские циклоны,
Во взорах безбрежность — морская лазурь.

Врагам не прощали вы кровь и обиды
И знамя борьбы поднимали не раз,
Балтийские волны и берег Тавриды
Готовят потомкам пленительный сказ.

Как бурные волны, вы грозно вливались
Во дни революций на невский гранит,
И кровью орлиной не раз омывались
Проспекты, панели асфальтовых плит.

Открытые лица, широкие плечи,
Стальные винтовки в бесстрашных руках
Всегда наготове для вражеской встречи, —
Таковыми бывали вы в красных боях.

Подобно утесам вы встали, титаны,
На страже Коммуны, на страже свобод
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный Семнадцатый год.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веков!

<Ноябрь> 1918

Сергей Есенин

24. КАНТАТА

Спите, любимые братья!
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

<Ноябрь> 1918

Михаил Герасимов

25

Мы победим, клокочет сила
В нас — пролетариях всех стран.
Веками скрыто что бурлило —
Воспламенилось, как вулкан.

Мы, огнемечущая Этна,
Сорвали пыльный шлак оков.
Душа рабочая, бессмертна,
Воскресла из гробниц веков.

Зарей крылатою одеты,
Мы в небо дерзостно взлетим,
Громокипящею кометой
Прорежем Млечные Пути.

Космические миллионы,
Вонзимся в старый мир Стожар,
В созвездьях белых Ориона
Взвихрим восстания пожар.

Мы проведем на кратер лунный
Стальные стрелы красных рельс,
В лучисто-млечные лагуны
Вонзится наш победный рейс.

Мы рук мозолистых спаянем
Меридианы облегли,
Солнц электрических сияньем
Полярность неба обожгли.

Взрастили под полярным кругом
Цветущих тропиков леса,
И стали благодатным югом
Растопленные полюса.

Воздвигнем на каналах Марса
Дворец Свободы Мировой,
Там будет башня Карла Маркса
Сиять, как гейзер огневой.

Мы победим ударом взрыва
Рабочей армии всех стран,
Мы — вихрь невиданного взвива —
Воспламенились, как вулкан!

1918

Владимир Нарбут

26. РОССИЯ

Щедроты сердца не разменяны,
и хлеб — все те же пять хлебов.
Россия Разина и Ленина,
Россия огненных столбов!
Бредя тропами незнакомыми
и ранами кровотока,
лелеешь волю исполкомами
и колесуешь палача.
Здесь, в меркнувшей фабричной копоти,
сквозь гул машин вопит одно:
— И улюлюкайте и хлопайте
за то, что мне свершить дано! —
А там — зеленая и синяя,
туманно-алая дуга
восходит над твоею скинией,
где что — ни капля, то серьга.
Бесслезная и безответная!
Колдунья рек, трущоб, полей!
Как медленно, но всепобедная
точится мощь от мозолей.
И день грядет, и — молний трепетных
распластанные веера
на труп укажут за Совдепами,
на околешее Вчера.
И Завтра... веки чуть приподняты,
Но мглою даль заметена.
Ах, с розой девушка — Сегодня!
Ты —
обетованная страна.

1918
Воронеж

Велимир Хлебников

27. ВОЛЯ ВСЕМ

Вихрем бессмертным, вихрем единым
Все за свободой — туда.
Люди с крылом лебединым
Знамя проносят труда.
Жгучи свободы глаза,
Пламя в сравнении — холод,
Пусть на земле образа!
Новых напишет их голод...
Двинемся вместе к огненным песням,
Все за свободу — вперед!
Если погибнем — воскреснем!
Каждый потом оживет.
Двинемся в путь очарованный,
Гулким внимая шагам.
Если же боги закованы,
Волю дадим и богам...

1918

Александр Ширяевец

28. КРЕМЛЬ

Старинное перевенчалось с новым,
Иное всё: и веси, и поля.
Недоуменно смотрят на багровый,
Призывный флаг глаза твердынь Кремля.

Не льет лучей порфира самодержца,
Ушло бывшее под певучий звон.
Чуть бьется в страхе каменное сердце,
Всё ярче маяки стальных имен.

Откуда вырос, темный, многоликий,
Куда идет, вскипая и грозя?

И потемнел от дум Иван Великий,
Слезятся многолетние глаза.

Линяет свет пожара золотого,
Неслышно тает древняя тоска.
Недаром всё перевенчалось с новым —
Грядут, рокочут новые века!

1918

Садриддин Айни

29. МАРШ СВОБОДЫ

(На мотив «Марсельезы»)

1

О рабы! Подымайтесь из праха,
Красным знаменем мир озаря!
Сбросьте иго покорства и страха —
Засияла свободы заря.

Мы рассеем унынье и горе,
Мы неправду развеем, как дым.
Во всемирном безмерном просторе
Справедливость навек утвердим.

Отныне свобода свободна от пут.
Отмщенье царям и эмирам!
Отныне да властвует миром
Лишь труд! Свободный труд!

2

Венценосцам проклятым в угоду
Мы гремели цепями века.
Нашу кровь проливали, как воду,
Нашим потом кипела река.

Так пускай же погибнут тираны!
Пусть исчезнет насилье и гнет!
Пусть отныне изведают страны
Единения братского мед.

Отныне свобода свободна от пут.
Отмщенье царям и эмирам!
Отныне да властвует миром
Лишь труд! Великий труд!

з

Угнетатель в почете и славе
Наслаждение чашами пил.
Угнетенный во мраке бесправья
Только горе да горе копил.

Но взвивается песня восстанья
Над полночною тьмой бедняков.
Перестроим же вновь мирозданье —
Без цепей, кандалов и оков!

Отныне свобода свободна от пут.
Отмщенье царям и эмирам!
Отныне да властвует миром
Лишь труд! Священный труд!

1918

30. ВО СЛАВУ ОКТЯБРЯ

О, справедливости святое знамя —
Ты перед нами!
Ты в прах швырнуло царскую порфиру
На радость миру.

Ты, мудрое, горами и полями
Прошло как пламя.
Сожгло богов, что в страхе нас держали,
И их скрижали.

Мир старый, тот, что создан был веками,
Разрушен нами —
И новый мир, как бы чудесным даром,
Возник над старым.

Так воцарись же навсегда над нами,
Святое знамя,
Во имя попираемых столь долго
Труда и долга!

1918

Хаким-заде Ниязи Хамза

31. ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТЫ!

Воспрянь, взгляни: горят лучи —
Советы разбудили нас!
В огне борьбы ты получил
Свободу, знанья все ключи.

Да здравствуют Советы! Свой
Цветущий день, рабочий, встреть!
Всей нашей славе трудовой
Пусть удивится шар земной.

Царизма гнет, раба удел —
Всё это в прошлом, а сейчас
Ты — сколько б ни плясал, ни пел —
Найдешь ли радости предел?

Трудись и счастье приумножь,
Теперь бездействие — позор!
Пусть сгинет старой жизни ложь
И лицемерие святош!

Оставь поблеклой жизни сад —
Вороны пусть зимуют в нем!

Пусть пламенем сердца горят
У тех, кто новой жизни рад!

За муки ты вознагражден,
Бери сполна плоды надежд.
Надгробным камнем кто пленен,
Тому не с нами — мертвый он.

По самой светлой из дорог
Не в ночь — к заре иди смелей!
Нам для обмана сделать бог
Нечистых чистыми не смог!

Воспрянь, взгляни: горят лучи —
Советы разбудили нас!
В огне борьбы ты получил
Свободу, знанья все ключи.

1918

32. ПРОСНИСЬ!

Песня

Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!
Вечно здравствуй, власть Советов — наших светлых
дней оплот!

Разорвав свои оковы, сбросим стародавний гнет.
Истинного просвещения широко раскрыта дверь,
Пусть культурно и свободно сын рабочего живет.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Сгиньте, баи-кровопийцы, сгинь, мулла, и сгинь, ишан,
Кисею в версту длиною накрутивший на тюрбан.
Наше время наступило, наш рассвет пришел, друзья.
Процветай и крепи, дружба всех рабочих и крестьян.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Пусть учащиеся в школах обостряют ум и взгляд.
Сгинут пусть былые нравы, суеверья, шариат.
Пусть из нашей молодежи вырастут учителя,
И в народе просвещение пусть они распространят.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Эти дни освобожденья повториться могут ли?
Кто другой нам так поможет, как Советы помогли?
Если мы от светлой цели отворотим свои глаза,
То в грядущем имя наше сохраниться может ли?
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Нет, сегодня — день не смеха, не забав веселых день.
Личное сейчас — помеха. Общих дел сегодня день.
Стан перевязав покрепче, встань, трудящийся народ!
Знания радостного вехи мы заложим в этот день.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

1918

Ян Судрабкам

33. ПОХОДНАЯ ПЕСНЬ ПРОЛЕТАРИАТА

Хранимый утренней звездой,
Надежд исполненный, я с гор спустился,
И новый мир навстречу мне раскрылся,
И сквозь метель повеяло весной!

Остался позади удел раба.
О, сколько раз отчаянье терзало,
И падал я, и начинал сначала —
Мне придавала сил борьба.

Всё ополчилось на меня:
Насилье, подлость, ненависть, измена.

Но не смирить им дух мой дерзновенный —
Из племени бессмертных я.

Мой разум в битвах закален,
Держу я Землю на плечах могучих,
Мой дух пылает болью жгучей
С давнишних, канувших времен.

Кто пролетарию не верит, пусть тот
Коснется шрамов, нажитых веками.
Они огнем и кровью осиянны,
И радуга на них цветет!

Хранимый утренней звездой,
Надежд исполненный, я с гор спустился,
И новый мир навстречу мне раскрылся, —
Сияет он чудесной красотой!

Ее, как солнце, подниму в зенит
Я над планетой, вылепленной мною,
Когда замрет последний грохот боя,
Та красота весь мир объединит.

К желанным дням я устремляю взор,
Лишь к ним сквозь мятежи и войны
Мой дух стремится в песне вольной,
Как звездно-синий утренний простор.

1918

Павло Тычина

34. НА МАЙДАНЕ

На майдане возле церкви
революция идет.
— Где чабан? — толпа взметнулась: —
Он повстанцев поведет!

Ну, прощайте, ждите воли!
Эй, по коням! Шашки вон! —
Закипело, зашумело,
только марево знамен. . .

На майдане возле церкви
шепчут матери, грустны:
— Озари ты им дорогу,
светел месяц, с вышины!

На майдане пыль спадает.
Сна — не превозмочь. . .
Вечер.
Ночь.

1918

Демьян Бедный

35. ПРОВОДЫ

Красноармейская песня

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся,
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне,
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозей,
Что б осталось от Москвы,
От Расей?

Всё пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю.

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс,
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом,

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою, —

Не кровавый, пьяный рай.
Мироедский —
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

1918
Свияжск

Владимир Маяковский

36. ЛЕВЫЙ МАРШ

(Матросам)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.

Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу-историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздывает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там,
за горами гóря,
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружают нáнтятой,
стальной изливаются леевой, —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!

Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

<Декабрь> 1918

Егор Нечаев

37. СВОБОДА

После грозного ненастья,
После скорби долгих лет —
Полный братского участия,
Неизведанного счастья,
Засиял свободы свет.

Стихли ропот, голос стона,
Гнев молчание хранит.
У поверженного трона
Драгоценная корона
Смятым чепчиком лежит.

Потряслися тюрем своды,
Двери сорваны с петель,
Где поборники свободы
Выносили стойко годы
Пытки диких палачей.

Льются радостные звуки,
Не смолкая, там и тут.
Это дети слез и муки
В отворенный храм науки
Беспрепятственно идут.

Всех зовет их светоч знанья
С лаской матери родной;

Всюду праздник, ликование.
Краше нет переживанья
Дней свободы дорогой!

1918 или 1919

Михаил Герасимов

88. КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Как ярко угли-звезды тлеют
И неба синего слюда!
Но всех чудесней, всех светлее
Красноармейская звезда.

Она над миром пятикрыло
Нам новым сердцем расцвела,
Сколько бодрости и силы
В рабочие сердца влила!

Над снежной степью заблестала,
Вонзая стрелы в белый стан,
От Мюнхена и до Байкала
Взвихрила красный ураган.

Мечети Турции облиты
Ее грозовой красотой,
Египетские пирамиды
Венчались красною звездой.

Свой свет в подземные глубины
Вливает в рурских рудниках,
Винтовки, бомбы, карабины
В шахтерских вспыхнули руках.

Всё светозарнее и выше
Мерцают красные крыла,
На башне Эйфеля в Париже
Вдруг вспыхнула и зацвела,

Горящим молотом и плугом
Альпийские дробила льды,
Над Роной, Рейном и над Бугом
Звезды рубиновой следы.

Звенит в международной песне
Над синей армией труда,
Всех звезд ясней и всех чудесней,
Красноармейская звезда.

<Март> 1919

Ханс Пегельман

39. ГИМН РЕВОЛЮЦИИ

(Отрывок)

Света и солнца прекрасного,
неба высокого, ясного,
тяжкой неволи, гнета и боли.
детище —
революция,
ты, ненавидящая рабство,
жаждущая братства;
ты, что во имя правды
гневно восстала
против самого «всесильного»;
ты, что зажгла в сердцах миллионов
пламенем ярким и жарким
стремленье к свободе;
ты, что в себе воплотила
скорбь глубочайшую, боль горчайшую,
жажду любви и счастья исконную,
жертвы, за братство людей принесенные, —
всё, что высокого было и есть
в душе человека, —
мчись ураганом вперед
дорогой борьбы, что к свободе ведет,
в прах преврати, сметая с пути,

здание рабства, что расшатала поступь истории,
грязь и порок,
низость и тьму
изгони навек из души человека,
выкорчуй пни вражды и расчисти поля для посева
новых, здоровых семян.
И в плодотворном труде на развалинах встанет —
ослепительным светом залитый,
полный добра, и жизни, и счастья —
дворец трудового народа.

Мчись ураганом вперед,
дорогой борьбы, что к свободе ведет, —
революция!
К твоим ногам приношу я
последнюю лепту в борьбе сгорающей жизни:
всё — от тебя,
всё — для тебя!
В борьбе за идеи высокие
славится пусть твое
освященное кровью имя!

13 мая 1919
Луга

Сакен Сейфуллин

40. МАРСЕЛЬЕЗА КАЗАХСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Азамат, не склоняйся, воспрянь,
Рука об руку с братьями встань,
За свободу и равенство мы
С красным стягом пойдем против тьмы,
Кликнем клич мы: — Вперед! час настал
Сбросить тех, кто народ угнетал.

Азамат, встань бойцом в общий строй,
Ты на мир свои очи открой,
Знамя красное — сила твоя,
Все под красное знамя, друзья!

Мы не знали добра от царя.
Мы чиновникам верили зря.
Наш народ угнетали они,
За собак нас считали они,
И веками в невежестве нас
Ухитрялся держать вражий класс.

Азамат, встань бойцом в общий строй,
Ты на мир свои очи открой,
Знамя красное — сила твоя,
Все под красное знамя, друзья!

Слишком долго терпел царский гнет
Наш несчастный, отсталый народ,
Жертва жадных, жестоких господ,
Бессердечных и подлых людей,
Ловкачей и продажных судей.

Азамат, встань бойцом в общий строй,
Ты на мир свои очи открой,
Знамя красное — сила твоя,
Все под красное знамя, друзья!

Презирали народ богачи.
Их не трогали беды нищие,
Состраданья не знали они.
Из отчизны их нынче — гони!

Азамат, встань бойцом в общий строй,
Ты на мир свои очи открой,
Знамя красное — сила твоя,
Все под красное знамя, друзья!

Пусть исчезнет невежества след,
И бедняк после горестных лет
Пусть увидит — путь к счастью открыт,
И не будет забит и забыт.

Азамат, встань бойцом в общий строй,
Ты на мир свои очи открой,

Знамя красное — сила твоя,
Все под красное знамя, друзья!

Пусть отменится старый закон!
Лишь богатым удобен был он,
Тот чиновничий царский закон,
Словно дохлого ворона, — вон!

Азамат, встань бойцом в общий строй,
Ты на мир свои очи открой,
Знамя красное — сила твоя,
Все под красное знамя, друзья!

Пусть навеки исчезнет, сгниет
Тот закон, приносивший в народ
Унижение, рабство и гнет.
Пусть народ сам решает судьбу!
Пусть зовет красный стяг на борьбу!

Азамат, встань бойцом в общий строй,
Ты на мир свои очи открой,
Знамя красное — сила твоя,
Все под красное знамя, друзья!

<Август> 1919

Егор Нечаев

41. ПРИВЕТ 7 НОЯБРЯ 1919 ГОДА

Века в оковах и плену
Посредством виселиц и стали
Владыки грозные держали
Порабощенную страну —

Детей труда и нищеты,
Гася в них мысли и мечты.

Но этот дар не потушить
Ни лютой казнью, ни тюрьмою,

Ни замуравленной стеною.
Они должны и будут жить,

Шумя потоком вешних вод,
Зовя всех страждущих вперед!

И, слившись в бурный океан,
За скорбь, обиды и гоненья
Рабы восстали для отмщенья,
Сметая всё, как ураган.

И разом дрогнул старый мир,
Разбит насильников кумир.

Дыханьем радостным весны
На счастье русского народа
Пришла желанная свобода,
Воскресли рыцари-сыны.

Забыты скорбь и рабский страх,
Вся власть и право в их руках.

Пусть враг еще не сокрушен,
Он львицей раненою рыщет,
Предателей отчизны ищет, —
Но звон червонцев не силен.

И тает медленно их стан,
Как в утро раннее туман. . .

Еще нажим, еще напор
Несокрушимой рати властной —
День воли, радостный и ясный,
Безгранный мировой простор

Зальет потоками лучей
На благо вечное людей!

<7 ноября> 1919

Валерий Брюсов

42. ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жутью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты,

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ:
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет.

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик —
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневной
Шум ее, и гул, и гам,
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

Андрей Улит

43. КОММУНАРЫ

Блестят штыки, шаги грохочут,
Бойцы идут, равняя строй, —
То, вырвавшись из плена ночи,
Наш красный полк шагает в бой!

Над нами пламенеет знамя,
И льется песня, сердцу в лад, —
Кто для борьбы рожден, тот с нами!
Туда, где пушки бьют в набат!

Любимый, встань со мною рядом! ..
Чтоб сохранить любовь свою,
За долю светлую нам надо
Иль победить иль пасть в бою!

Пусть наша нежность, счастье наше
В борьбе не расслабляют нас,
Чтоб злобный враг нам не был страшен,
Чтоб гнев священный не угас!

Тебе всю душу отдала я, —
В дни радостей и в дни тревог
В душе поет не умолкая
Любви стремительный поток.

Пусть ныне огненною лавой
Кипит любовь у нас в груди, —
Шагаем мы на подвиг правый,
Бушует буря впереди!

Рокочет гром, дымят пожары —
Но нас вовек не разлучить.
Так в бой вступают коммунары,
Чтоб умереть иль победить!

1919

44. РОССИЯ

Страна родная! В грозный год
На грани, кровью разогретой,
И ты сверкнула в свой черед
Новорожденною кометой.

В твоём крещенье огнем
Гремят серебряные трубы,
И разбудил машинный гром
В полях бревенчатые срубы. . .

Советов кованая власть
Горит, как солнце, горделиво.
Страна громов, тебе ли пасть
Под гнетом злобного порыва?

О нет! Твое призванье — жить
И в грустных сумерках Европы
К любви и братству проложить
Неумирающие тропы.

Напрасно бешенством врагов
Куется злобная стихия —
Горит среди северных снегов
Воспламененная Россия.

<25 декабря> 1919

Валерий Брюсов

45. ПАРКИ В МОСКВЕ

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в Октябре?

Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.

То — народными пирожницами,
То — крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках:

Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испить,
Но они в толпе выскивали
Всей народной жизни нить.

И на площади, мне сказывали,
Там, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель:

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодрa, легка,
И тянулась нить рассученная
Вновь на долгие века!

<5 октября> 1920

46. ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ

(1917—1920)

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клетки,
Нищих вали по пути;

Догоняй поезда на уклонах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожа на мешках с крупой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;

В городах, бесфонарных, беззаборных,
Где пляшет нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай, —
Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнем опалей!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под гром,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы новые гимны поем?

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!

Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопя над встревоженным миром
Золотую зарю времен.

Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрах, в тоске, в нищете
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;

Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой всё властей, всё державней
Земные ведет племена!

<7 октября> 1920

Илья Эренбург

47. РОССИИ

Смердишь, распухла с голоду, сочатся кровь и гной
из ран отверстых.
Вопя и корчась, к матери-земле припала ты.
Россия, твой родильный бред они сочли
за смертный,
Гнушаются тобой, разумны, сыты и чисты.
Бесплодно чрево их, пустые груди каменеют.
Кто древнее наследие возьмет?
Кто разожжет и дальше понесет
Полупогасший факел Прометея?
Суровы роды, час высок и страшен.
Не в пене моря, не в небесной синеве —
На темном гноище, омытом кровью нашей,
Рождается иной, великий век.
Уверуйте! Его из наших рук примите!
Он наш и ваш — сотрет он все межи.
Забывтая, в полунощной столице,
Под саваном снегов таилась жизнь.
На краткий срок народ бывает призван
Своею кровью напоить земные борозды, —
Гонители к тебе придут, Отчизна,
Целуя на снегу кровавые следы.

1920

Мажит Гафури

48. ДАЙ РУКУ, ТОВАРИЩ!..

У тебя рука в мозолях,
Для страны металл ты варишь,
Протяни свою мне руку —
Я пожму ее, товарищ!

Дай мне руку, что кирпичной
Пропиталась пылью красной!
Дай мне руку, что у горна
Сталь щипцами сжала властно!

Дай мне руку, ту, что в поле
От работы загрубела!
Дай мне руку, что винтовкой
Может действовать умело!

Дай мне руку, из которой
Кровь лилась во время боя!
Дай мне руку, что разбила
Угнетенье вековое!

У тебя рука в мозолях,
И когда ты засыпаешь,
То под голову кладешь ты
Руку жесткую, товарищ.

Ты, Царицын отстоявший,
Целовавший стяг крылатый, —
Дай мне руку, мой товарищ,
Руку честную солдата!

Дай мне руку, мой товарищ,
Трудовую, золотую!
Как в уста целуют друга,
Эту руку поцелую.

1920

Сабит Муканов

49. СВОБОДА

К рабочим-казахам

Кланялся баям, чиновникам — тоже.
Ночью и днем всё аллаха тревожил.
За бесценюк свой труд продавал.
В тяжелой работе обветрена кожа.

Черного хлеба черствый кусок
Был платой тебе. Без хозяйки не мог
Глотнуть молока. И не мог откусить
Краешек курта — казахский сырок.

Целый день на работе: нельзя отдохнуть.
Спертый воздух в жилище — натружена грудь.
А кидали когда одевальную рвань,
Спешил ты себя, словно в шелк, обернуть.

Труд тяжелый тебя с колыбели давил.
Плечи устали, и не было сил.
В рабстве позорном изнемогал
И ничего у судьбы не просил.

Верил аллаху и верил в коран.
Но разве они исцелители ран?
Жалок был стон твой протяжный в ночи.
Плакался ветру, от слез ты был пьян.

Тучу на небе увидел вдруг ты
Необыкновенной такой густоты.
Ветер подул, превратился он в вихрь.
Скалы разрушил и снес он мосты.

Молния — следом стремительный гром —
Врагов поразила упрямым мечом.
Пали они, истекая в крови.
Аллах это, думаешь? Нет, нипочем!

То — могучие руки Кызыл Октября
Лед растопили упорный не зря:
Ты — свободен, весна твоя смело идет,
И в саду твсем розы на радость горят.

Ты свободен — с тобою вздохнула страна
После тяжелого, смрадного сна.
Стрелою помчись же грядущему вслед.
Страна расцветает — счастлива она!

1920

Владимир Сосюра

50. ВОЗМЕЗДИЕ

Мы в солнечной тоске века на вас трудились,
Мы из костей своих вам строили дворцы.
И, кроме мук, еще какую милость
Вы дали нам, живые мертвецы!

И серебро и золото, от устали тупея,
В сырой холодной мгле искали мы для вас.
И что вы дали нам культурою своею —
Врагу не пожелал бы я в злой час.

Мы вашим женщинам брильянты добывали,
И сестры шили им наряды на балы,
А после видели, как ночью танцевали
Те женщины, нарядны и светлы. . .

Вас сызмала в весенний розов цвет рядили,
Привыкли вы от жизни всё без боя брать.
За деньги, добытые нами, вас учили
Быть господами, править и карать.

Учились в шахтах мы ругаться
И водкой разум свой в получку заливать,
За долей по свету гоняться,
А сестры — тело продавать.

И поп с крестом в руке давал нам ножик в руки.
И за объедки с барского стола
На брата брата слал под божеские звуки,
И слепо бились мы, и морем кровь текла.

А бог на небе спал. Во тьме молчали дали.
И счету не было упавшим в тьму векам. . .
Мы на крестах своих пророков распинали
И в зыбких снах плели венки врагам.

Но вот настали дни, которых нету краше!
И мы увидели, где враг наш и где брат.
И высекло огонь возмездья сердце наше,
Мы сами облеклись в торжественный наряд. . .

Лакеи зла и тьмы! Коммуны звоны
Заупокойный гимн уже для вас гудят,
И рушатся дворцы, короны, троны,
И в грохоте борьбы зовет набат!

Уж небо обняли всемирные пожары.
И каждый шаг наш — ураган в цвету,
На головы врагов обрушены удары,
И мозг дрожащий стынет на лету.

А в поле — солнце, май. . . Освобожденья звоны. . .
Давно уже пробил расплаты грозный час. . .
И рушатся дворцы, короны, троны.
То мы идем. . . Дрожите! Ждите нас!

1920

Велимир Хлебников

51. ЛАДОМИР

(Отрывок)

И замки мирового торга,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.

Кто изнемог в старинных спорах
И чей застенок там на звездах,
Неси в руке гремучий порох —
Зови дворец взлететь на воздух.
И если в зареве пламен
Уж потонул клуб дыма сизого,
С рукой в крови взамен знамен
Бросай судьбе перчатку вызова.
И если меток был костер
И взвился парус дыма синего,
Шагай в пылающий шатер,
Огонь за пазухою — вынь его.
И где ночуют барыши,
В чехле стекла, где царский замок,
Приемы взрыва хороши
И даже козни умных самок.
Когда сам бог на цепь похож,
Хлоп богатых, где твой нож?
О девушка, души косой
Убийцу юности в часы свидания
За то, что девою босой
Ты у него молила подаяния.
Иди кошачьею походкой,
От нежной полночи чиста.
Больная, поцелуй чахоткой
Его в веселые уста.
И ежели в руке желез нет —
Иди к цепному псу,
Целуй его слюну,
Целуй врага, пока он не исчезнет.
Хлоп богатых, улю-лю,
Тебя дразнила нищета,
Ты полз, как нищий, к королю
И целовал его уста.
Высокой раною боля,
Снимая с зарева засов,
Хватай за ус созвездье Водолея,
Бей по плечу созвездье Псов!
И пусть пространство Лобачевского
Летит с знамен ночного Невского.
Это шествуют творяне,
Заменивши Д на Т.

Ладомира соборяне
С Трудомиром на шесте.
Это Разина мятеж,
Долетев до неба Невского,
Увлекает и чертеж
И пространство Лобачевского.
Пусть Лобачевского кривые
Украсят города
Дугою над рабочей выей
Всемирного труда.
И будет молния рыдать,
Что вечно носится слугой,
И будет некому продать
Мешок, от золота тугой.
Смерть смерти будет ведать сроки,
Когда вернется он опять,
Земли повторные пророки
Из всех письмен изгонят ять.
В день смерти зим и раннюю весной
Нам руку подали венгерцы.
Свой замок цен, рабочий, строй
Из камней ударов сердца.
И, чокаясь с созвездьем Девы,
Он вспомнит умные напевы
И голос древних силачей
И выйдет к говору мечей.
И будет липа посылать
Своих послов в совет верховный,
И будет некому желать
Событий радости греховной.
И пусть мещанскою резьбою
Дворцов гордились короли,
Как часто вывеской разбою
Святых служили костыли.
Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?
Вперед, колодники земли,
Вперед, добыча голодовки,
Кто трудится в пыли,
А урожай снимает ловкий.
Вперед, колодники земли,
Вперед, свобода голодать,

А вам, продажи короли,
Глаза оставлены — рыдать.
Туда, к мировому здоровью,
Наполните солнцем глаголы,
Перуном плывут по Днепровью,
Как падшие боги, престолы.
Лети, созвездье человечье,
Всё дальше, далее в простор
И перелей земли наречья
В единый смертных разговор.

1920

Валерий Брюсов

52. К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Всё вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дронишь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! яростно прынув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседают гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все — и пророк и незоркий, —
Глаза обратив на восток,
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке
Видят твой огненный скак.

Там, взыграв, там, кляня свой жребий,
Встречает в смятенье земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

<4 декабря> 1920

Анатолий Мариенгоф

53

(Из «Застольной беседы»)

Не туча — вороньи перья
Черным огнем твердь пламяют.
Знаете ли почему? Потому что: Октябрь сразил
Смертями каркающую птицу.

Где ты, Великая Российская Империя,
Что жадными губами сосала Европу и Азию,
Как два белых покорных вымени? . .

Из ветрового лука пущенная стрела
Распростерла
Прекрасную хищницу.

Неужели не грустно вам?
Я не знаю — кто вы, откуда, чьи?
Это люди другие, новые, —
Они не любили ее величья.

Нет, не приложу ума,
Как воедино сольются
Вытекшие пространства.

Смиренно на Запад побрело с сумой
Русское столбовое дворянство.

Многая лета,
Многая лета,
Многая лета
Здравствовать тебе — Революция.

<Январь> 1921

Сергей Обрадович

54. ОКТЯБРЬ

(1917—1921)

Четырехлетье голода и пыток,
Под улюлюканье, и свист, и вой...
Лохмотьями и язвами покрытый,
Октябрь с винтовкой и киркой.

Горланьте, дни, кричите, будни, шалым
Базаром пошлости и лжи!
Как змеи, вейтесь и острите жало
На солнечные рубежи, —

Рожденное в огне, не тлеет слово...
Несметны мы! Мы вечны, как огонь!
Мы, выкорчевывая пни былого,
Грозовым трактором взрываем сонь...

И каркайте, и каркайте над нами, —
Не потускнеет в смутные года
Пропитанное потом знамя
Труда!

<7 ноября> 1921

Николай Асеев

55. КУМАЧ

Красные зори,
красный восход,
красные речи
у Красных ворот
и красный — на площади Красной —
народ.

У нас пирогами
изба красна,

у нас над лугами
горит весна.

И красный кумач
на клиньях рубах,
и сходим с ума
о красных губах.

И в красном лесу
бродит красный зверь. . .
И в эту красу
прошумела смерть.

Нас толпами сбили,
согнали в ряды,
мы красные в небо
врубили следы.

За дулами дула,
за рядом ряд —
и полымем сдуло
царей и царят.

Не прежнюю спесью
наш разум строг,
но новые песни
все — с красных строк.

Гляди ж, дозирая,
веков Калита:
вся площадь до края
огнем налита!

Краснейте же, зори,
закат и восход,
краснейте же, души,
у Красных ворот,

красуйся над миром,
мой красный народ!

1921

Елизавета Полонская

56. ОКТЯБРЬ

1

Была ли злоба больше, чем любовь, —
Не знаю, но сильней была обида:
Она копилась тысячи веков,
И каждый день был в месяц Эвменидам.

Сын говорил отцу: мы завтра отомстим!
И пела мать: настанет час расплаты. . .
Счастливым — горе! Горе золотым!
Серебряным! И трижды смерть — богатым!

И в напряженье распростертых крыл,
Покинув землю меда, слез и млека,
Корабль Октябрьский мужественно вплыл
В свинцовый воздух будущего века.

2

Торжественные дни. От ночи до утра,
От утра до ночи колеблются знамена.
То Революции веселая игра,
То фейерверк Ее, бумажная корона!

Но будничной Ее угрюм и страшен лик,
В крови Ее рука, и в копоти, и в поте.
Она работница, и каждый с Ней привык
К необходимейшей и тягостной работе.

Прославим же, друзья, бесхитростную рать
Тех, что трудились с Ней и тяжело устали,
И с Марсовых полей уже не могут встать,
Тех, кто убит, и тех, что убивали.

1921

Огонь, веревка, пуля и топор
Как слуги кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов,
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

1921

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор — золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке,
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в переключке.

Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным, сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

1921

Горе тем, кто ослепли в огне
И завязли в будничной склоке, —
Никогда не забыть им о звонкой весне,
О звенящей весне на Востоке. . .

И когда на шумящие улицы
Робко падает день голубой,
Как мне хочется к ним вернуться
И тащить их вперед за собой. . .

Чтоб враги бубенцами не брякали,
Улюлюкать не смели на них,
Я хочу быть солнечным якорем
В эти новые трудные дни.

Пусть всё старое злобой щерится,
С них довольно кровавых причуд,
Я свое истощенное сердце
Им, как факел зажженный, вручу. . .

Каждый камень кричит громогласно,
Что он видел в предутреннем сне,
Как Октябрь наездником красным
Пролетел на стальном скакуне. . .

Будут дни, беззакатное солнце
Нас напоит горячим вином,
Ведь недаром прошлое гонится
За умчавшимся вдаль скакуном!

Ведь недаром костлявые пальцы
Простирает над нами Вчера,
Всё надеясь, что замертво свалится
Красный всадник у солнечных врат!

Никогда, никогда не сольются
День и ночь в одну колею,

Никогда не умрет Революция,
Не окончив работу свою.

Я хочу вам сегодня сказать:
Не пора ль из-под маски испуга
Посмотреть хорошенько в глаза
Без обмана и лжи друг другу?

Не пора ль перестать скулить
На огни из своих подворотен?
Мы из мглистых туманов пришли
Для великой и трудной работы!..

Верьте мне — близок праздничный час,
Льется солнце по нашим дорогам;
Эта жизнь будет храмом для нас,
Труд — веселым и солнечным богом.

1921

Галактион Табидзе

60. АРГОНАВТЫ НОВОЙ ЭПОХИ

Над изумрудными теми долинами
Льды голубые встали на страже.
Любо оттуда оку орлиному
Вмиг охватить низины и кряжи.

Фазис ревет под нагорьями старыми
С грустью и бешенством попеременно.
Словно он, поработанный чарами,
Рвется к иной судьбе, современной.

Некогда в залежах руд ископаемых
Было руно золотое нетленно.
Ныне на светлый путь вступаем мы,
Как аргонавты новой вселенной.

1921

Павло Тычина

61

Как бомба, пущенная пушкой;
земля вокруг солнца правит цикл.
Рысцей за нею лысый месяц, —
беззубо щурится в монокль.

О, сколько на земле беззубых
страшатся солнца и зыбей! . .
Земля, роди нам юных сердцем,
роди, земля, богатырей!

Идут народы бурей алой:
свобода тут! свобода тут!
Кровь отдают земле устало
и снова в землю тлеть идут.

На смену им встают другие,
сквозь гнев и муку, в звонах пуль,
мча революции стихии
в иной октябрь, в иной июль.

Вставай же, кто кудряв душою!
Республика, гряди смелей!
Грянь, море, свежую волною!
Роди, земля, богатырей!

Как бомба, пущенная пушкой,
земля вокруг солнца правит цикл.
Рысцей за нею лысый месяц, —
беззубо щурится в монокль.

Смотри, смотри: уж нет отрады,
дороги к людям нет сейчас.
Цвели, в былом, твои декады,
пока ты жалко не погас.

Пылай же, кто кудряв душою!
Республика, гряди смелей!
Грянь, море, свежую волною!
Роди, земля, богатырей!

1921

Василий Александровский

62

Верю я — мы грядущее выныччим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

Не беда, что на сердце ссадины,
Что расшиблено много лбов, —
Скоро к черту слетят перекладкины
Под напором с последних столбов.

Да, еще очень много старого,
Еще голод трясет за плечо,
Но не наше ли вспыхнуло зарево
Над Европой кровавым мечом!

Что ж бояться, что зубы оскалены
Побежденною ночью на нас? —
Перед нами сияют проталины,
Перед нами смеется Весна.

Напрягайте же разум и мускулы,
Закаляйтесь огнем трудовым,
Чтоб могло Воскресение русское
Воскресением стать мировым.

Мы возьмемся за труд не со стонами, —
В каждом есть сокровенное масс;
Будут звезды веселыми звонами
Перед утром приветствовать нас.

И когда перед нами открытая
Заалеет дорога к Весне,
Будет каждым достаточно выпито
Солнцепесенной радости дней. . .

Верю я — мы грядущее вынычлим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

<1 января> 1922

Велимир Хлебников

68. НЕ ШАЛИТЬ!

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях-рысаках
Чтоб катались, глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном-Волгою!

Я пошлю вперед
Вечеровые устрugi.
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои други!

<Февраль> 1922

Александр Безыменский

64. МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.

Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Ведь сами испытали
Мы подневольный труд.
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.

На душах цепь носили мы —
Наследье непроглядной тьмы.
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

И, обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работой
Богатство для других.

Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал борцов,
Нас — молодую гвардию
Рабочих и крестьян.

Мы поднимаем знамя!
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда!

Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял —
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

<Июнь> 1922

Демьян Бедный

65. ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Поэма

1917—7/XI—1922

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется — клубный делец накрахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный, —
Мечется каждый, тревожно-взволнованный
Гулом и криками, издали слышными;
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы —
Русский и немец, француз и еврей
Пробуют петли, сигналы, запоры:

— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки! —
С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
— Скорей!
— Скорей!
— Что же вы топчетесь, будто калеки?
Или измена таится и тут?
Духом одним с этой сволочью дышите?
— Слышите? ..
— Слышите? ..
— Слышите? ..
— Слышите? ..
— Вот они... Видите? Вот они, тут! ..
— Идут!
— Идут!

С силами, зревшими в нем, необъятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков,
Темных, размытых, разрытых, извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин,
Вышел — и всё изменилось вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,
В смутно-тревожное впав забвенье, —
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:
— Это — мое!!

Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье —
Это — мое!!
Библиотеки, театры, музеи,
Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье —
Это — мое!!

Воем ответила Улица Главная.
Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
Вмиг оцетинясь штыками и пиками,
Главная Улица — страх позабыт! —
Вся огласилась воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фырканием конским и дробью копыт.
Прыснули злобные пьяные шайки
Из полицейских, жандармских засад:
— Рысью... в атаку!
— Бери их в нагайки!
— Бей их прикладом!
— Гони их назад!
— Шашкою, шашкой, которые с флагами,
Чтобы вперед не сбирались ватагами,
Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,
Так их! Так!!
— В мире подобного нет безобразия!
— Темная масса!..
— Татарщина!..
— Азия!..
— Хамы!..
— Мерзавцы!..
— Скоты!..
— Подлецы!..
— Вышла на Главную рожка суконная!
— Высыпала им жандармерия конная!
— Славно работали тоже донцы!
— Видели лозунги?
— Да, ядовитые!
— Чернь отступала, заметьте, грозя.

- Правда ль, что есть среди рабочих убитые?
- Жертвы... Без жертв, моя прелесть, нельзя!
- Впрок ли пойдут им уроки печальные?
- Что же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные.
 Всюду кровавые смыты следы.
 Улица злого полна ликования,
 Залита светом вечерних огней.
 Чистая публика всякого звания
 Шаркает, чавкает снова на ней,
 Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
 Меряя срок своих чавканий вечностью,
 Веруя твердо, что с рабской судьбой
 Стерпится, свыкнется «хам огорошенный»,
 Что не вернется разбитый, отброшенный,
 Глухо рокочущий где-то прибой!

Снова...
 Снова.
 Бьет роковая волна...
 Гнется гнилая основа...
 Падает грузно стена.
 — На!..
 — На!..
 — Раз-два,
 Сильно!..
 — Раз-два,
 Дружно!..
 — Раз-два,
 В ход!!
 Грянул семнадцатый год.

— Кто там?
 Кто там
 Хнычет испуганно: «Стой!»?
 — Кто по лихим живоглотам
 Выстрел дает холостой?
 — Кто там виляет умильно?
 К черту господских пролаз!
 — Раз-два,
 Сильно!..

— Е-ще
Раз! . . .
— Нам подхалимов не нужно!
Власть — весь рабочий народ!
— Раз-два,
Дружно! . . .
— Раз-два,
В ход!!
— Кто нас отсюда тронет?
Силы не сыщется той!
.
Главная Улица стонет
Под пролетарской пятой!!

эпилог

Петли, узлы — колен исторической . . .
Пробил — второй или первый? — звонок.
Грозные годы борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью льстивому:
«Вы победители! Падаем ниц».
Хныканью также не верьте трусливому:
«Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть нашу Улицу числят задворками
Рядом с Проспектом врага — Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем, уже не живым?!

Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катилися вспять?
Но, отступая пред силой неравной,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрими звуками,
Громом живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний всемирный редут! ...

1917 — 7 ноября 1922

Эдуард Багрицкий

66. ОКТЯБРЬ

Неведомо о чем кричали ночью
Ушастые нахохленные совы;
Заржавленной листвы сухие клочья
В пустую темень ветер мчал суровый,
И волчья осень по сырм задворкам
Скулила жалобно, дрожмя дрожала;
Где круто вымешенным хлебом, горько
Гудя, труба печная полыхала
И дни червивые и ночи злые
Листвой кружились над землей убогой;
Там, где могилы стыли полевые,
Где нищий крест схилил над дорогой,
Шатался ливень, реял над избою,
Плевал на стекла, голосил устало,
И жизнь, картофельною шелухою
Гниющая, под лавкою лежала.

Вставай, вставай! Сидел ты сиднем много,
Иль кровь по жилам потекла водою,
Иль вековая тяготит берлога,
Или топор тебе не удержать рукою?
Уж предрассветные запели певни
На тынах, по сараям и оврагам.
Вставай! Родные обойди деревни
Тяжеловесным и широким шагом.
И встал Октябрь. Нагольную овчину
Накинул он и за кушак широкий
На камне выправленный нож задвинул —
И в путь пошел, дождливый и жестокий.
В дожди и ветры, в орудийном гуле,
Ты шел вперед, веселый и корявый,
Вокруг тебя пчелой звенели пули,
Горели нивы, пажити, дубравы!
Ты шел вперед, колокола встречали
По городам тебя распевным хором,
Твой шаг слышав, бешеные, ржали
Степные кони по пустым просторам,
Твой шаг слышав, туже и упрямей
Ладонь винтовку верную сжимала,
Тебе навстречу дикими путями
Орда голодная, крича, вставала!
Вперед, вперед! Свершился час урочный,
Всё задрожало перед новым клиром,
Когда, поднявшись над страной полночной,
Октябрьский пламень загудел над миром.

<7 ноября> 1922

Георгий Шенгели

67. ПЯТЬ ЛЕТ

Пять лет! Пять черепах железных!
О, танки времени — их строй
Прополз в безумствующих безднах,
В разгуле бури мировой.
И укатал в поля тугие

Набухший кровью чернозем, —
И освеженную Россию
Теперь мы плугом прогрызем. . .

Что видели! Какие были
Катились бредом над землей
Со дня, когда гудки провыли
Как бы архангельской трубой,
Когда спокойно и нескоро,
Винтом взрезая синеву,
Вошла мятежная «Аврора»
В порабощенную Неву!

Шел бой в Москве и в Петербурге;
Страна в жару хрипела — вновь,
Все вновь сермяжные хирурги
Штыком ей отворяли кровь.
Ей предвещали гибель злую
Крахмаленные лекаря, —
Но пела про судьбу иную
За мглой всходившая заря.

Ее — кто чуял? Лишь рабочий,
Вставать привыкший на заре,
Бродяга, знавший эти ночи
На баррикадах в октябре.
Салютовал ей треск мгновенный
Винтовок, взятых на прицел,
И Александр Благословенный
Нам о «Двенадцати» пропел.

Немногие певцу внимали
Из тех, кто внемлет звуку слов:
Иные на Урал бежали
В сень охранительных штыков
И там бессильно ожидали,
Что обратятся вспять века,
И, точно божий крест, лобзали
Кровавый кортик Колчака;

Иные, позабыв завсты
Патриотической тоски,

Вели на русские Советы
Иноязычные полки;
Иные, сбившись тесным рядом
И в канцеляриях засеяв,
Обрызгивали трупным ядом
Чуть зеленеющий посев.

Так старой жизни лжи бывалой
Пришел великий листопад,
И мертвых листьев покрывала
На робкой озими лежат,
И грянули зима и холод.
О, да! мы знаем этот сон:
Морозный мрак и грозный голод
В пурпурном трепете знамен.

Мы не забудем, как грозила
Нам гетманская булава;
Как на Дону крепчала сила
Под жадным лозунгом «Москва»,
Как шла она, послушна зову,
Детей вздымая на штыки,
Хватая в пьяную подкову
Красноармейские полки;

Как шаек рой в лесах скитался,
Как хлеб шел дымом в глубь небес
И на коммуну поднимался
Бандита яростный обрез;
Как, сея смерть зерном каленым
Губя и нас и тех равно,
Метался меж Днепром и Доном
Весь в пене бешенства, Махно.

Мы помним страшные вокзалы,
Их ярость хриплую, когда
Толпою брались одичалой
Изглоданные поезда;
Когда, во тьме таясь полночной,
Повиснувши на буферах,
Великий промысел мешочный
Страну развеивал, как прах;

Когда шагал в простор по шпалам
И полз в щелях пятнистый тиф,
Как груды дров, под снегом талым
Тела разбухшие сокрыв;
Когда чумой томил и маял
Клейменный трупами откос,
И панихиды сыто лаял
На пустырях бродячий пес. . .

Всё видели, всё пережили:
Кровь, голод, мрак, измену, мор, —
Но ни винтовок не сложили,
Не прекратили гневный спор.
И ныне радостно, широко
Гремит весенняя труба
О взятии Владивостока
Под сень советского герба.

И ныне у границ суровых,
У обгаренных рубежей
Стоят полки в надеждах новых,
В железной твердости своей, —
Теперь восходы и закаты,
Горя багряно над землей,
Нам освещают шлем крылатый
С пятиконечною звездой.

А там, на Волхове, в Кашире,
Уже клокочет строй турбин
И скоро-скоро кинет в шири
Безумье силовых лавин;
Там тяжело создает рабочий
Громады новых пирамид
И глубь над миром легшей ночи
Великолепно озарит. . .

Так вспомним, вспомним в день великий,
В день двадцать пятый октября,
И пушек рев, и стук мотыги,
И стон последнего царя,

И дрожь голодную, и пламя
Пожаров ярких — все пять лет,
И красное подыдем знамя,
Предвестье будущих побед.

<7 ноября> 1922

Петр Незнамов

68. ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА

Во-первых, во-вторых и в-третьих,
ведущий счет, считай века:
была дорога широка,
года прошли пятистолетьем.

Какие там еще недели
напластывались ряд на ряд,
коль век шагал, на самом деле,
от октября до октября.

Иным, как не таким, не быть им,
всем этим строкам, — заприметь, —
когда событие на событие
нагромождалось, отгремев.

Хвосты комет не так блестели,
как пара глаз в Крыму — внимай —
бойца с полуприкрытым телом,
когда он землю обнимал.

Твои враги еще жирели,
Россия, мнили: трын-трава! —
когда блокады ожерелье
Иван Непомнящий порвал.

Иван Непомнящий — он помнит,
он видел всё, он жил не зря:
легли пласты — веков огромней —
от октября до октября.

1922

Леонид Мартынов

69

Между домами старыми,
Между заборами бурыми,
Меж скрипучими тротуарами
Бронемашина движется.

Душки трепещут за шторами, —
Пушки стоят на платформе,
Смотрит упорными взорами
Славный шофер — Революция.

Руки у ней в бензине,
Пальцы у ней в керосине,
А глаза у ней синие-синие,
Синие, как у России.

1922

Платон Ойнуцкий

70. ПЕСНЯ СВОБОДЫ

В набатные, грозные дни
Призыв наш гремит неустанно:
Свободу себе обречем,
Низвергнем насилье тирана.

В тревожные, бурные дни
Мы смело идем в наступленье,
С пути богатеев сметем
И сбросим ярмо угнетенья.

В мятежные, яркие дни
Наш голос подобен прибою,
Якутский народ мы ведем
К победе дорогой прямою.

В застывшие, трудные дни
Быть каждый обязан героем,

Устроим усилья свои,
Темницы и тюрьмы откроем.

В ненастные, темные дни
Расправим могучие плечи
И выйдем в едином строю
Весеннему солнцу навстречу.

В кипящие радостью дни
Сверкнет нам заря молодая.
Мы счастье свое откуем,
Над миром наш молот вздымая.

В неистово-гулкие дни,
Бурля, словно вешние реки,
Врага одолеем в борьбе
И с прошлым покончим навеки.

Рассвета лучи горячи.
За нами великое право
На счастье, на светлую жизнь.
Грядущему нашему — слава!

1922

Эдуард Багрицкий

71. ОСВОБОЖДЕНИЕ

(Отрывки из поэмы)

1

За топотом шагов неведом
Случайной конницы налет,
За мглой и пылью —
Следом, следом —
Уже стрекочет пулемет.

Где стрекозиную повадку
Он, разгулявшийся, нашел?
Осенний день,
Сырой и краткий,

По улицам идет, как вол...

Осенний день

Тропой залятой

Медлительно бредет туда,

Где под защитою Кронштадта

Дымят военные суда.

Матрос не встанет, как бывало,

И не возьмет под козырек.

На блузе бант пылает алый,

Напруженный взведен курок.

И силою пятизарядной.

Оттуда вырвется удар,

Оттуда, яростный и жадный,

На город ринется пожар.

Матрос подымет руку к глазу

(Прицел ему упорный дан),

Нажмет курок —

И сразу, сразу

Зальется тенором наган.

А на плацдармах —

Дождь и ветер,

Колеса, пушки и штыки,

Сюда собрались на рассвете

К огню готовые полки.

Здесь:

Галуны кавалериста,

Папаха и казачий кант,

Сюда идут дорогой мгливой

Сапер,

Матрос

И музыкант.

Сюда путиловцы с работы

Спешат с винтовками в руках,

Здесь притаились пулеметы

На затуманенных углах.

Октябрь!

Внесен удар упорный

И ждет падения руки.

Готово всё:

И сумрак черный,

И телефоны, и полки.

Всё ждет его:

Деревьев тени,
Дрожанье звезд и волн разбег,
А там, под Гатчиной осенней,
Худой и бритый человек.

Октябрь!

Ночные гаснут звуки,
Но Смольный пламенем одет,
Оттуда в мир скорбей и скуки
Шарахнет пушкой декрет.

А в небе над толпой военной,
С высокой крыши,
В дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и вьется красный флаг.

2

Он струсил!

Английский костюм
И кепи не волнуют боле
Солдатской бунтовщицкой воли
И пленный не тревожат ум.
И только кучка юнкеров,
В шинелях путаясь широких,
Осталась верной.

Путь готов —
Для крепких, страстных и жестоких.
«Стой, кто идет?!»
Осенний дождь

И мрак, овейанный туманом,
Страшны, как смерть:
«Я — новый вождь!»
И мимо шагом неустанным,
В пустую ночь и в талый снег,
Сквозь блеск штыков и говор злобы,
Спеша, идет высоколобый,
Широкоплечий человек.

О вы, рожденные трудом,
О вас пройдет из рода в роды
Хвала! Вы пулей и штыком
Ковчег построили свободы.

Сергей Третьяков

72. МАРШ-ПЛАКАТ

Каждая хата!
Каждый завод!
Глаза — на запад!
Кулак — на взвод!

В молоте-серпе
Огни скользят.
Больше терпеть
Рабочим нельзя.

Европе впротемь
Звенит в ушах
Рабочих сотен
Тяжелый шаг.

Заводы наши
Ревут, пыхтя!
Товарищ немец,
Даешь Октябрь!

Довольно биться
В тугих когтях.
Э-гей, берлинцы,
Даешь Октябрь!

В баварский карцер
Идти ль, кряхтя?
Э-гей, баварцы,
Даешь Октябрь!

Сегодня солнце
У нас в гостях.
Э-гей, саксонцы,
Даешь Октябрь!

Вставай в железе,
Лицо коптя.
Э-гей, Силезия,
Даешь Октябрь!

Быть нашей буре
На всех путях.
Э-гей, на Руре,
Даешь Октябрь!

Пора. Виднеется
Простор уже.
Красноармейцы
Настороже.

К стене банкиров!
Долой растяп!
Рабочий мира,
Даешь Октябрь!

<7 ноября> 1923

Василий Казин

73. ЭПОХА

Наш каждый день неловко величав,
Увесистой испытанных столетий.
Отцам события родней детей кричат,
И на отцов глядят отцами дети.

Обыденным обедом стал нам бой,
И даже в радостях мы хмурим брови,
Ласкаем девушек — и вдруг сама собой
Рука становится суровой.

Дурманный ореол кумиров отблестал.
И кто склонится к милостям кумира,
Когда у нас какой-нибудь подвал
Вскипает в замыслах переустройством мира?

Пространств повязку, времени прибор
Прощупали сухим, но точным знаньем,
И жизнь свою не стали звать судьбой
И поручили собственным дерзаньям.

Иные стали признаки родства:
«Эй, за кого там задымилась рана —
Во имя хищнического торжества
Иль торжества трудящегося стана?!»

И вот отцам события кричат
Родней детей. Глядят отцами дети.
И что ни день — в пороховом рассвете,
И что ни день — неловко величав,
Увесистей испытанных столетий.

1923

Александр Безыменский

74. О ШАПКЕ

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Кто о женщине. Кто о тряпке.
Кто о песнях прошедших дней.
Кто о чем.
А я — о шапке
Котиковой,
Моей.

Почему в ней такой я гордый?
Не глаза ведь под ней, а лучи!
Потому, что ее
По ордеру
Получил.

.
В девятнадцатом в Киев на отдых
Я, усталый, приехать смог,
И, покою два дня лишь отдав,
На третий — в окопы лег.

Мы, голодные, жизнь творили!
Но знали: есть голод-волк.
В этот день мы без пуль покорили
Восставший девятый полк. . .
Да, о шапке. . .
И вот оттуда —
Я в Москву, на военный сбор,
И в Цека получил, как чудо,
Ордер
«На головной убор».
Ордер этот
В охапку.
В распределитель путь.
Получил я там — летом! —
Шапку,
Котиковую,
Не какую-нибудь.

.
И теперь вот, сейчас, сегодня,
Мимо салом заплывших витрин,
Я шагаю, знаменем подняв
Шапку военных годин.

И теперь, что-нибудь покупая,
Выбирая ли, роясь в вещах,
Я об ордере прежнем мечтаю
И новых, идущих днях.

И, прочтя бюллетень о банкноте
Или весть о борьбе биржевой,
Я гляжу на встревоженный котик
С думой грозовой:

Пусть катается нэпман на форде,
Проживает в десятках квартир. . .
Будет день:

Мы предъявим
Ордер
Не на шапку —
На мир.

1923

Сергей Есенин

75. ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ

(Отрывок из поэмы)

И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплакав.
И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил,
Но с того вот дня
Да на двести лет
Дуракам-царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подземный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд.
Мы сгребем дворян
Да по плечи им,
На фонарных столбах
Перевешаем!»

Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ

И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря,
Понимай как хошь
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.

Веселись, душа
Молодецкая.
Нынче наша власть,
Власть советская.
Офицерика
Да голубчика
Прикокошили

· · · · ·
Вчера в Губчека.
Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так еще
Подотрем вам нос!»

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.

А на по́мог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы, крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни нога́той вас не взять,
Ни реза́нами,
Вы гольем пошли гулять
С партизанами.
Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать,
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать,
Чтоб шумела рожь
И овес звенел,
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

<14 сентября> 1924

Владимир Маяковский

76. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

(Отрывок из поэмы)

Пройдут
года
сегодняшних тягот,
летом коммуны
согреет летá,
и счастье
сластью
огромных ягод

дозреет
 на красных
 октябрьских цветах.
 И тогда
 у читающих
 ленинские веления,
 пожелтевших
 декретов
 перебирая листки,
 выступят
 слезы,
 выведенные из употребления,
 и кровь
 волнением
 ударит в виски.
 Когда я
 итожу,
 то, что прожил,
 и роюсь в днях —
 ярчайший где,
 я вспоминаю
 одно и то же —
 двадцать пятое,
 первый день.
 Штыками
 тычется
 чирканье молний,
 матросы
 в бомбы
 играют, как в мячики.
 От гуда
 дрожит
 взбудораженный Смольный.
 В патронных лентах
 внизу пулеметчики.
 — Вас
 вызывает
 товарищ Сталин.
 Направо
 третья,
 он
 там.

шагал,
становился
и, глаз сощуря,
вонзал,
заложивши
руки за спину.
В какого-то парня,
в обмотках,
лохматого,
уоставил
без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто
душу тасил из-под фраз.
И знал я,
что всё
раскрыто и понято
и этим
глазом
наверное выловится —
и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.
Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.
Он
взвешивал
мир
в течение ночи,
а утром:
— Всем!
Всем!
Всем это! —
фронтам,
кровью пьяным,

рабам
 всякого рода,
в рабство
 богатым отданным.
Власть Советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным!
<Октябрь> 1924

Николай Асеев

77. ПОЭМА

Стоящие возле,
 идущие рядом
плечом
 к моему плечу,
сносимые этим
 огромным снарядом,
с которым и я лечу!
Давайте отметим
 и местность и скорость
среди ледяных широт,
и общую горечь,
 и общую корысть,
и общий порыв вперед.
Пора,
 разложивши по полкам вещи,
взглянуть в пролет,
 за стекло,
увидеть,
 как пенится, свищет и блещет
то время,
 что нас обтекло.
Смотрите,
 как этот крутой отрезок
нас выкрутил
 в высоту!

Следите,
как ветер —
и свеж и резок —
от севера
в тыл задул!
Ты, холод,
сильней семилетьем
шурши нам:
поднявшиеся на локтях,
сегодня
мы вновь
огибаем вершину,
название которой —
Октябрь!
Суровое время!
Любимое время!
Тебе не страшна вражда.
Горой ты встаешь
за тех из-за теми,
кто новое звал и ждал.
Ты помнишь,
как страшно,
мертво и тупо
бульвар грохотал листвой?!
Ты помнишь,
как сумрачно из-за уступа
нагретый мотался ствол?!
Озлобленно-зорко
мы брали на мушку —
кто не был
по-нашему рад,
и ночи не спали,
и хлеба осьмушку
ценили в алмазный карат.
Семь лет
провело не одну морщину,
немало
сломало чувств,

и юношу
 превращало в мужчину,
 как поросль
 в ветвистый куст.
 Семь лет
 не одни подогнуло колени.
 За эти
 семь лет —
 качнуло Японию,
 умер Ленин,
 Марс подходил к Земле.
 Он вновь поднялся,
 Октябрем разбитый,
 копейками дней звеня...
 (Товарищ критик,
 не я против быта,
 а быт —
 против меня!)
 Но нас
 Октября приучили были,
 бои у Никитских ворот, —
 прильнувши
 к подножкам автомобилей,
 сквозь быт
 продираться вперед.
 Суровое время!
 Огромное время!
 Тебе не страшна вражда.
 Горой ты встаешь
 за тех из-за теми,
 кто выучил твой масштаб.
 Ты, холод,
 сильней семилетьем
 шурши нам:
 поднявшиеся на локтях,
 сегодня
 мы снова
 увидим вершину,
 название которой —
 Октябрь!

<Октябрь> 1924

Александр Жаров

78. СЕДЬМОЙ ОКТЯБРЬ

В этот день, в этот час, в этот миг,
Когда землю знамена тревожат,
Когда вдумчивый ленинский лик
Светит в лицах живых молодежи, —
В этот день, в этот час, в этот миг
Я хотел бы
Быть на год моложе!

Не затем, чтоб вернуться назад,
К дням вчерашних бодрящих волнений.
Их и нынче несет на парад
Стройный строй молодых поколений:
Октябrevичей, Октябrevят —
Всех вписавших в сердца свои: «Ленин».

Всех пришедших сегодня спаять
Сердце с сердцем, шаг с шагом теснее,
Чтоб под ленинским знаком отдать
Жизнь заводам, полям и траншеям! ..
В этот день хорошо бы не знать,
Что Ильич, наш Ильич — в Мавзолее. . .

В этот миг, в этот час, в этот день,
День, который вождем заложен, —
Есть ли мысль, чем мысль о вожде,
Вдохновенней, острее и дороже?!
В этот миг, в этот час, в этот день
Я хотел бы
Быть на год моложе!

<7 ноября>. 1924

Хватит с него хохотать обезволенно
В до смерти веселящем газе,
Будет с него по ночам тихонько
Плакать в усы от писем,
Когда завздыхает в окопе гармоника,
Трупным мешая крысам.

И грозная дума в душе завелась,
И вот —
 вопреки поповским заветам —
Грянул безбожий лозунг:
 «ВЛАСТЬ
 СОВЕТАМ!»

Он шел домой. Он деревню разбудит.
Держися теперча, орлена казна!
Лучше ли станет? Кто его зна. . .
А только того, что было, — не будет.
Так хлынь с фронтов, шинельное море, —
 Эх-ма!

Все, кто мерзли, все, кто мерли,
Безвинные смертники — тьмущая тьма!
Астрахань,

 Тула,
 Рязань,
 Самара,

Старая Руза
 Красный Кут,
Слегка отдуваясь облачком пара,
Идут, идут, идут, идут. . .
Если бы весь этот пар от дыханья
 Сжать горизонту в тиски —
Встал бы туман человеческой тоски,
 Солнце одурманя
Если бы каждый солдатский вздох
 Спустить на доли и воды —
От урагана бы мир оглох,
 Согнулись громоотводы.
Если б из каждого нерва могли
 Высечь по искре хотя бы —
Ахнуло бы извержение Земли!

Так
и родился
Октябрь.
Как бочка, где бродят хмель и вода,
Вспучась от газов, взрывает обруч,
Россия во чреве растила удар,
Разнесший ее стародавний образ.
И дедкой за репку по пене по той
Айда!.. — катится на ширмах «Петрушка»:
Паук-протопоп,
Крича про потоп,
Мешок-буржуй на пушке,
Да в Крым, да в Кемь, да на Урал
На палочке генерал...
Эй, яблочко,
Куды ж ты котися?
К нам в ревком попадешь —
Не воротися.

1924

Сергей Есенин

80. ВОСПОМИНАНИЕ

Теперь октябрь не тот.
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года.
Я помню жуткий
Снежный день.
Его я видел мутным взглядом.
Железная витала тень
Над омраченным Петроградом.
Уже все чуяли грозу,
Уже все знали что-то,
Знали,
Что не напрасно, знать, везут
Солдаты черепах из стали.

Рассыпались...
Уселись в ряд...
У публики дрожат поджилки...
И кто-то вдруг сорвал плакат
Со стен трусливой Учредилки.
И началось...
Метнулись взоры,
Войной гражданской горя,
И дымом *пламенной* «Авроры»
Взошла железная заря.
Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли «матов»
Взметнулась надпись огневая:
«Совет Рабочих Депутатов».

*Январь 1925
Батум*

Иосиф Уткин

81. ОКТЯБРЬ

Наш старый дом, что мог он ждать?
Что видел он, мой терем дивный?
Покой снегов,
Тоску дождя,
Побой бешеного ливня.

И думалось — будут дуть
Печаль и ветер бесконечно
В его березовую грудь,
В его развинченную печку.

Но этот день
Совсем иной,
Еще невиданный доньше,
Он сделал осень нам — весной
И холод сделал нам теплыню!

В сыром углу,
Сырой стеной,

Где только мыши были прежде,
Величественно предо мной
Прошли возможные надежды.

И в этот день
Больная мать
Впервые, кажется, забыла
Чужих и близких проклинать,
Чужим и нам
Просить могилы.

Наш старый дом, что мог он ждать?
Что видел он, мой терем дивный?
Покой снегов,
Тоску дождя,
Побой бешеного ливня.

В перчатках — счастье не берут.
Закрытым ртом — не пообедать.
Был путь мой строг,
Был путь мой крут,
И тяжела была победа.

Но в прошлом рытвины преград.
И слышал я,
Соседки ныне
Моей старушке говорят
Об умном и хорошем сыне.

<7 ноября> 1925

Николай Ушаков

82. НОЧЬ НА 25-е

Дождь дымился в эту ночь
пересевом пыли.
Толкачи скользили прочь,
путались
и выли.

А депо кипело.
Там —
в паровозном зале
растревоженным цехам
ружья раздавали.

Шли цеха за счастье в бой,
разливаясь наспех,
как прорвавшийся прибой,
захлестнувший насыпь.

И над миром грянул гром!..
К утру подморозило,
небо глянуло серо —
как стальное озеро.

Утром шли на тихий Дон
папахи лохматые.

Выпал снег,
и таял он.

Было 25-е.

<Ноябрь> 1925

Михаил Зенкевич

83. МАТРОС С «ПОТЕМКИНА»

Гулко об остров Березань
Штормами Черное море шумит.
Лунная плещется бирюза —
Где лейтенант Шмидт?

И севастопольской белой стене
В зное пригрезилось, как умирал,
В саване тенью метнувшись по ней,
Матюшенко, красный адмирал.

В площадках цистерн загорелась нефть,
Иллюминирован пожаром порт.
Волны багровые, помутнев,
С молом вступили в тяжбу и спор.

С пушечным выстрелом, как вестовой,
Прибыл с «Потемкина» мертвый матрос.
Что развалился на мостовой,
Эй, матрос, не горюй, не трусь!

Зарево не догорело дотла,
Черные волны еще теплы, —
Ночью, спасаясь от петли,
Можешь в Румынию уплыть.

Только через двенадцать лет
Будет твоя услышана весть,
Гулко в октябрьском тумане в ответ
Грянет с «Авроры» матросское: «Есть!»

1925

Микола Бажан

84. ПЕСНЯ БОЙЦА

Бойцы выезжали, и лошади ржали
(В стремени нестройно сталь звенит),
А поле в терпкой дымке, а поле в дымке ржавой,
Слюна из конских губ — как травяная нить.

Дубрава зашумела над бойцами,
Подков печати на земле свежи,
Лязг сабель и ножен бряцанье
Слышны в ночной тиши.

И, на лбы надвигая папахи,
Глотали поля крепкий, сладкий дух.

Руки рабочие порохом пахнут,
От крови почернел засаленный кожих.

Ты понурился. Знаю я: в памяти дышат
Твои дети, жена твоя... Пусть!
Полюби же, боец, полюби же ты
В барабане семь медных пуль!

Бойцу ли спать, на страже стоя,
Чтоб взяли голою рукой?
Чего ж он будет стоять,
Боец такой?

Вы мстители теперь за них —
Так бей врага в упор! —
За детей растерзанных,
Замученных сестер!

Гулом славы овеванный, бейся,
Гордый званьем суровым своим,
Гордый званьем красногвардейца
И знаменем боевым!

И если вражий услышишь выстрел —
Винтовку, и на коня!
Глянь вперед и навстречу быстро
Погоняй!

Сквозь смерть и засады
Коня пускай!
Считай заряды,
Ран не считай!

Не бросай в ту пору
Безвестный путь!
Сердце пришпорив,
Патроны — на грудь!

В жестокой сече
Умри — не стой!

При каждой встрече
Встречаем бой.

Кто стал — убейте!
Приказ суров.
Кромсают ветер
Сотни клинков.

И мы — все сгорели в огне б
За черный уголь, за черный хлеб;
За черные руки рабочие
Мы дважды сгорели в огне б!

1925

Дмитрий Петровский

85. НОЧЬ

Вкруг сна, обернутого буркой,
Всю ночь горит костров дозор,
Всю ночь не перестанет хрумкать
Мой красный конь сухой позем.

И сон ушами — он тревожен —
Прядать, как конь, не устает:
Чуть чей-то шаг — висок на ложе,
И пуля чуткая поет.

А с вечера всегда, бывало,
Затянут песню запевалы:
«Чубарики, чубчики,
Чубари...»

И эта песня — как июль:
Ее поют костры и травы,
То запах от росы в гаю
Иль павшим марша хмурый траур.

В сон грюкают коня копыта,
И, слушая, уже не спит —
Уже всю жизнь напоминает
Вздыхающий кавалерист. . .

— Димитрий! — кто-то окликает
И, грезя, продолжает спать. —
Гляди, Десну переплывают:
Идут водою вперехват! . .

Я знаю: грезят, и не надо
Ответом снов их нарушать,
Я буркой укрываю небо,
Лежу, как ночь, не ворошась.

Петух? Иль зорю трубят? . . Дальше
Всё чутче сон. . . Скрипит плечо,
Как будто руки кто-то вяжет:
«Тесней закручивай еще!»

— Димитрий, мы в плену! . . Я связан! . . —
Соседу снился тот же сон,
И он взволнован, что развязан,
Проснувшись в солнца торжество.

— Седлай коней! Идут обхватом!
На левом фланге перешли! . . —
В ремни и ночь и бурку скатываем. . .
Рассвет, враги — и мы спешим.

Дадим сегодня жару катам!
Борьбу победой порешим:
Пусть каждый станет в мире братом,
Сиротству слезы осушив.
Война дворцам, мир пашням, хатам!
В победный рейд полки пошли. . .

1925

Эдуард Багрицкий

86. ДУМА ПРО ОПАНАСА

Посіяли гайдамаки
В Україні жито,
Та не вони його жали.
Що мусим робити?
Т. Шевченко («Гайдамаки»)

‡

По откосам виноградник
Хлопочет листвою,
Где бежит Панько из Балты
Дорогой степною.
Репухи кусают ногу,
Свищет житом пажить,
Звездный Воз ему дорогу
Оглоблями кажет.
Звездный Воз дорогу кажет
В поднебесье чистом —
На дебелие хозяйства
К немцам-колонистам.
Опанасе, не дай маху,
Оглядишь толково —
Видишь черную папаху
У сторожевого?
Знать, от совести нечистой
Ты бежал из Балты,
Топал к Штолю-колонисту,
А к Махне попал ты!
У Махна по самы плечи
Волосня густая:
— Ты откуда, человеце,
Из какого края?
В нашу армию попал ты
Волей иль неволей?
— Я, батько, бежал из Балты
К колонисту Штолю.
Ой, грызет меня досада,
Крепкая обида!
Я бежал из продотряда
От Когана-жида...

По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище!
Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито:
«Выгребайте из канавы
Спрятанное жито!»
Ну, а кто подымет бучу —
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять — и крышка!
Чернозем потек болотом
От крови и пота, —
Не хочу махать винтовкой,
Хочу на работу!
Ой, батько, скажи на милость
Пришедшему с поля,
Где хозяйство поместилось
Колониста Штоля?
— Штоль? Который, человече?
Рыжий да щербатый?
Он застрелен недалече,
За углом от хаты. . .
А тебе дорога вышла
Бедовать со мною.
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!
Дайте шубу Опанасу
Сукна городского!
Поднесите Опанасу
Вина молодого!
Сапоги подколотите
Кованым железом!
Дайте шапку, наградите
Бомбой и обрезом!
Мы пойдем с тобой далече,
От края до края! . . —
У Махна по самы плечи
Волосня густая . .
.
Опанасе, наша доля

Машет саблей ныне, —
Зашумело Гуляй-Поле
По всей Украине.
Украина! Мать родная!
Жито молодое!
Опанасу доля вышла
Бедовать с Махною.
Украина! Мать родная!
Молодое жито!
Шли мы раньше в запорожцы,
А теперь — в бандиты!

2

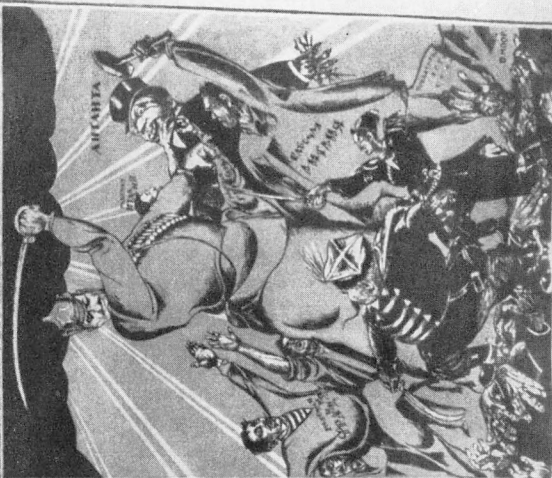
Зашумело Гуляй-Поле
От страшного пляса —
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса.
Опанас глядит картиной
В папахе косматой,
Шуба с мертвого равнина
Под Гомелем снята.
Шуба — платье меховое —
Распахнута — жарко!
Френч английского покроя
Добыт за Вапняркой.
На руке с нагайкой крепкой
Жеребьячье мыло,
Револьвер висит на цепке
От паникадила.
Опанасе, наша доля
Туманом повита, —
Хлеборобом хочешь в поле,
А идешь — бандитом!
Полетишь дорогой чистой —
Залетишь в ворота,
Бить жидов и коммунистов —
Легкая работа!
А Махно спешит в тумане
По шляхам просторным,
В монастырском шарабане,
Под знаменем черным.

Стоном стонет Гуляй-Поле
От страшного пляса —
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса. . .

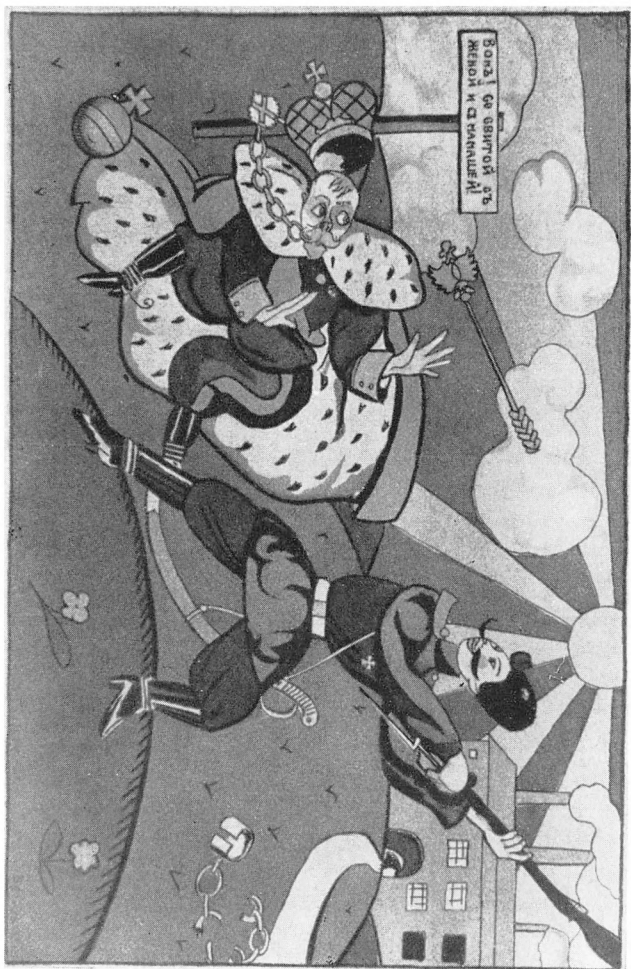
3

Хлеба собрано немного —
Не скрипеть подводам.
В хате ужинает Коган
Житняком и медом.
В хате ужинает Коган,
Молоко хлебает,
Большевицким разговором
Мужиков смущает:
«Я прошу ответить честно,
Прямо, без уклона:
Сколько в волости окрестной
Варят самогона?
Что посевы? Как налоги?
Падают ли овцы?»
В это время по дороге
Топают махновцы. . .
По дороге пляшут кони,
В землю бьют копыта.
Опанас из-под ладони
Озирает жито.
Полночь сизая, степная
Встала пред бойцами,
Издалека темь ночная
Тлеет каганцами.
Брешут псы сторожевые,
Запевают певни.
Холодком передовые
Въехали в деревню.
За церковною оградой
Лязгнуло железо:
«Не разыщешь прототряда:
В доску перерезан!»
Хуторские псы, пляшите
На гремучей стали:

О К Т Я Б Р Ъ 1 9 1 7 О К Т Я Б Р Ъ 1 9 2 0

ДА ЗАРАВСТВУЕТ ВСЕМИРНЫЙ КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ

Словно перепела в жите,
Когана поймали.
Повели его дорогой
Сизою, степною, —
Встретился Иосиф Коган
С Нестором Махною!
Поглядел Махно сурово,
Покачал башкою,
Не сказал Махно ни слова,
А махнул рукою!
Ой, дожил Иосиф Коган
До смертного часа,
Коль сошлась его дорога
С путем Опанаса! . . .
Опанас отставил ногу,
Стоит и гордится:
«Здравствуйте, товарищ Коган,
Пожалуйте бриться!»

†

Тополей седая стая,
Воздух тополиный. . .
Украина, мать родная,
Песня-Украина! . . .
На твоём степном раздолье
Сыромаха скачет,
Свищет перекасти-поле
Да ворона кричит. . .
Всходит солнце боевое
Над степной дорогой,
На дороге нынче двое —
Опанас и Коган.
Над пылающим порогом
Зной дымит и тает;
Комиссар, товарищ Коган,
Барахло скидает. . .
Растеклось на белом теле
Солнце молодое.
«На, Панько, когда застрелишь,
Возьмешь остальное!
Пары брюк не пожалею,

Пригодятся дома, —
Всё же бывший продармеец,
Хороший знакомый! . . .»
Всходит солнце боевое,
Кукурузу сушит,
В кукурузе ветер воет
Опанасу в уши:
«За волами шел когда-то,
Воевал солдатом.
Ты ли в сахарное утро
В степь выходишь катом?»
И раскинутая в плясе
Голосит округа:
«Опанасе! Опанасе!
Катюга! Катюга!»
Верещит бездомный копец
Под облаком белым:
«С безоружным биться, хлопец,
Последнее дело!»
И равнина волком воет —
От Днестра до Буга,
Зверем, камнем и травой:
«Катюга! Катюга! . . .»
Не гляди же, солнце злое,
Опанасу в очи:
Он грустит, как с перепоя,
Убивать не хочет. . .
То ль от зноя, то ль от стона
Подошла усталость,
Повернулся:
— Три патрона
В обойме осталось. . .
Кровь — постылая обуза
Мужицкому сыну. . .
Утекай же в кукурузу —
Я выстрелю в спину!
Не свалю тебя ударом,
Разгуливай с богом! . . . —
Поправляет окуляры,
Улыбаясь, Коган:
— Опанас, работай чисто,
Мушкой не моргая.

Неудобно коммунисту
Бегать, как борзая!
Прямо кинешься — в тумане
Омуты речные,
Вправо — немцы-хуторяне,
Влево — часовые!
Лучше я погибну в поле
От пули бесчестной! . .

Тишина в степном раздолье, —
Только выстрел треснул,
Только Коган дрогнул слабо,
Только ахнул Коган,
Начал сваливаться набок,
Падать понемногу. . .
От железного удара
Над бровями сгусток,
Поглядишь за окуляры:
Холодно и пусто. . .
С Черноморья по дорогам
Пыль несется плясом,
Носом в пыль зарылся Коган
Перед Опанасом. . .

5

Где широкая дорога,
Вольный плес днестровский,
Кличет у Попова лога
Командир Котовский.
Он долину озирает
Командирским взглядом,
Жеребец под ним сверкает
Белым рафинадом.
Жеребец подымет ногу,
Опустит другую,
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.
А по каменному склону
Из Попова лога
Вылетают эскадроны
Прямо на дорогу. . .

От приварка рожки гладки,
Поступь удалая,
Амуниция в порядке,
Как при Николае.
Головами крутят кони,
Хвост по ветру стелют:
За Махной идет погоня
Аккурат неделю.

.

Не шумит над берегами
Молодое жито —
За чумацкими возами
Прячутся бандиты.
Там, за жбаном самогона,
В палатке дерюжной,
С атаманом забубенным
Толкует бунчужный:
«Надобно с большевиками
Нам принять сраженье, —
Покрутись перед полками,
Дай распоряженье! . . .»
Как батько с размаху двинул
По столу рукою,
Как батько с размаху грянул
По земле ногою:
«Ну-ка, выдай перед боем
Пожирнее пищу,
Ну-ка, выбей перед боем
Ты из бочек днища,
Чтобы руки к пулеметам
Сами прикипели,
Чтобы хлопцы из-под шапок
Коршуньем глядели!
Чтобы порох задымился
Над водой днестровской,
Чтобы с горя удавился
Командир Котовский! . . .»

.

Прыщут стрелами зарницы,
Мгла ползет в ухабы,

Брешут рыжие лисицы
На чумацкий табор.
За широким ревом бычьим —
Смутно изголовье;
Див сулит полночным кличем
Гибель Приднестровью.
А за темными возами,
За чумацкой сонью,
За ковыльными чубами,
За крылом вороньим,
Омываясь горькой тенью,
Встало над землею
Солнце нового сраженья —
Солнце боевое. . .

6

Ну и взялися ладони
За сабли кривые,
На дыбы взлетают кони,
Как вихри степные.
Кони стелются в разбеге
С дорогою вровень —
На чумацкие телеги,
На морды воловьи.
Ходит ветер над возами,
Широкий, бойцовский,
Казакует пред бойцами
Григорий Котовский. . .
Над конем играет шашка
Проливною силой,
Сбита красная фуражка
На бритый затылок.
В лад подрагивают плечи
От конского пляса. . .
Вырывается навстречу
Гривун Опанаса.
— Налетай, конек мой дикий,
Копытами двигай,
Саблей, пулей или пикой
Добудем комбрига! . . —
Налетели и столкнулись,

Сдвинулись конями,
Сабли враз перехлестнулись
Кривыми ручьями...
У комбрига боевая
Душа занялася,
Он с налета разрубает
Саблю Опанаса.
Рубанув, откинул шашку,
Грозится глазами:
— Покажи свою замашку
Теперь кулаками! —
У комбрига мах ядреный,
Тяжелей свинчатки,
Развернулся — и с разгону
Хлобысть по сопатке! ..
.

Опанасе, что с тобою?
Поник головою...
Повернулся, покачнулся,
В траву скovyрнулся...
Глаз над левою скулою
Затек синевою...
Молча падает на спину,
Ладони раскинул...
Опанасе, наша доля
Развеяна в поле! ..

7

Балта — городок приличный,
Городок что надо.
Нет нигде румяней вишни,
Слаще винограда.
В брынзе, в кавунах, в укропе
Звонок день базарный;
Голубей гоняет хлопец
С каланчи пожарной...
Опанасе, не гадал ты
В ковыле раздольном,
Что поедешь через Балту
Трактом малахольным,

Что тебе вдогонку бабы
Затоскуют взглядом,
Что пихнет тебя у штаба
Часовой прикладом. . .
Ой, чумацкие просторы —
Горькая потеря! . .
Коридоры в коридоры,
В коридорах — двери.
И по коридорной пыли,
По глухому дому
Опанаса проводили
На допрос к штабному.
А штабной имел к допросу
Старую привычку —
Предлагает папиросу,
Зажигает спичку:
— Гражданин, прошу по чести
Говорить со мною.
Долго ль вы шатались вместе
С Нестором Махною?
Отвечайте без обмана,
Не испуга ради, —
Сколько сабель и тачанок
У него в отряде?
Отвечайте, но не сразу,
А подумав малость, —
Сколько в основную базу
Фуража вмещалось?
Вам знакома ли округа,
Где он банду водит? . .
— Что я знал: коня, подпругу,
Саблю да поводья!
Как дрожала даль степная,
Не сказать словами:
Украина — мать родная —
Билась под конями!
Как мы шли в колесном гrome,
Так что небу жарко,
Помнят Гайсин и Житомир,
Балта и Вапнярка! . .
Наворачивала удаль
В дым, в жестянку, в бога! . .

...:Одного не позабуду —
Как скончался Коган...
Разлюбезною дорогой
Не пройдутся ноги,
Если вытянулся Коган
Поперек дороги...
Ну, штабной, мотай башкою,
Придвигай чернила:
Этой самою рукою
Когана убило!..
Погибай же, Гуляй-Поле,
Молодое жито!..

Опанасе, наша доля
Туманом повита!..

8

Опанас, шагай смелее,
Гляди веселее!
Ой, не гикнешь, ой, не топнешь,
В ладоши не хлопнешь!
Пальцы дружные ослабли,
Не вытащат сабли.
Наступил последний вечер,
Покрыть тебе нечем!
Опанас, твоя дорога —
Не дальше порога.
Что ты видишь? Что ты слышишь?
Что знаешь? Чем дышишь?
Ночь горячая, сухая,
Да темень сарая.
Глеет лампочка под крышей, —
Эй, голову выше!..
А навстречу над порогом —
Загубленный Коган.
Аккуратная прическа,
И щеки из воска.
Улыбается сурово:
«Приятель, здорово!

Где нам суждено судьбою
Столкнуться с тобою! . . .»
Опанас, твоя дорога —
Не дальше порога. . .

ЭПИЛОГ

Протекли над Украиной
Боевые годы.
Отшумели, отгудели
Молодые воды. . .
Я не знаю, где зарыты
Опанаса кости:
Может, под кустом ракиты,
Может, на погосте. . .
Плещет крыжень сизокрылый
Над водой днестровской;
Ходит слава над могилой,
Где лежит Котовский. . .
За бандитскими степями
Не гремят копыта:
Над горячими костями
Зацветает жито.
Над костями голубеет
Непроглядный омут
Да идет красноармеец
На побывку к дому. . .
Остановится и глянет
Синими глазами —
На бездомный круглый камень,
Вымытый дождями.
И нагнется, и подымет
Одинокий камень:
На ладони — белый череп
С дыркой над глазами.
И промолвит он, почуяв
Мертвую прохладу:
«Ты глядел в глаза винтовке,
Ты погиб как надо! . . .»
И пойдет через равнину,
Через омут зноя,

В молодую Украину,
В жито молодое...
.

Так пускай и я погибну
У Попова лога,
Той же славною кончиной,
Как Иосиф Коган!..

<Июнь — июль> 1926

Михаил Светлов

87. ГРЕНАДА

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть? -
Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Граматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:

«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

<29 августа> 1926

Владимир Маяковский

88. НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!

Мне б хотелось
 про Октябрь сказать,
 не в колокол названивая,
не словами,
 украшающими
 тепленький уют, —
дать бы
 революции
 такие же названия,
как любимым
 в первый день дают!
Но разве
 уместно
 слово такое?
Но разве
 настали
 дни для покоя?
Кто галоши приобрел,
 кто зонтик;
радуется обыватель:
 «Небо голубо...»
Нет,
 в такую ерунду
 не рассказёньте
боевую
 революцию — любовь.

В сотне улиц
 сегодня
 на вас,
 на меня
упадут огнем знаменá.
Будут глотки греметь,
 за кордоны катя
огневые слова про Октябрь.

Юбилей!

А для нас — подсчет работ,
перемеренный литрами пот.
Знаем:
в графиках довоенных норм
коммунизма одежда и корм.
Не горюй, товарищ,
— Глаз на мелочь! — что бой измельчал:
приказ Ильича.
Надо
в каждой пылинке будить уметь
большевистского пафоса медь.

Зорче глаз крестьянина и рабочего,
и минуту

не будь рассеянной!
Будет:
под ногами заколеблется почва
почище японских землетрясений.
Молчит
перед боем, топки глуша,
Англия бастующих шахт.
Пусть
китайский язык мудрен и велик —
знает каждый и так, что Кантон
тот же бой ведет, что в Октябрь вели
наш рязанский Иван да Антон.

И в сердце Союза
война.

И даже

киты батарей
и полки.

Воры
с дураками засели в блиндажи
растрат
и волокит.

И каждая вывеска:

«Рабкооп» —

коммунизма тяжелый окоп.

Война в отчетах,

в газетных листах, —

рассчитывай,
режь и крой.

Не наша ли кровь
продолжает хлестать
из красных чернил РКИ?!

И как ни тушили огонь —

нас трое!

Мы

трое

охапки в огонь кидаем:

растет революция

в огнях Волховстроя,

в молчании Лондона,

в пулях Китая.

Нам

девятый Октябрь —

не покой,

не причал.

Сквозь десятки таких девяти,
мозг живой,

живая мысль Ильича,

нас

к последней победе веди!

<7 ноября> 1926

89. ОКТЯБРЬСКАЯ ПОГОДА

Мне не спится. На Неве смятенье,
Медь волны и рваная заря.
Мне не спится — это наводнение,
Это грохот пушек, вой завода,
И такая, как тогда, погода —
Двадцать пятый вечер Октября.

Знаю, завтра толпы и знамена,
Ровный марш, взметающий сердца,
В песне — за колонною колонна...
Гордый день! Но, глядя в очи году,
Я хочу октябрьскую погоду
Провести сквозь песню до конца!

Было так: Нева как зверь стонала,
Серые ломая гребешки,
Колыхались барки у причала,
И царапал стынущие щеки
Острый дождь, ложась, как плащ широкий,
Над гранитным логовом реки.

Пулеметы пели. Клювоносый
Ждал орел, нацелясь в грудь страны,
Но уже шли кронштадтские матросы,
Шли лавиной на мосту Дворцовом,
И была в их оклике суровом
Соль и горечь штормовой волны.

Во дворце дрожали адвокаты,
У костров стояли юнкера,
Но висел над ними час расплаты.
И сквозь дождь октябрьской непогоды
В переключке боевой заводы
Пели несмолкаемо: «Пора!»

Так об Октябре узнают дети.
Мы расскажем каждому из них,

Что на новом рубеже столетий
Вдохновенней не было напева,
Что в поэме горечи и гнева
Этот стих — был самый лучший стих!

1926

Владимир Луговской

90. ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки по следам Улагая,
То чешской, то польской, то русской речью —
За Волгу, за Дон, за Урал, в Семиречье.

По-чешски чешет, по-польски плачет,
Казачьим свистом по степи скачет
И строем бьет из московских дверей
От самой тайги до британских морей.

Тайга говорит,
Главари говорят, —
Сидит до поры
Молодой отряд.

Сидит до поры,
Стукочат топоры,
Совет вершат. . .
А ночь хороша!

Широки просторы. Лунь. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинуь!
Месяц комиссарит, обходя посты.
Железная дорога за полверсты.

Ах, мама моя, мама, крестьянская дочь,
Меня ты породила в несчастную ночь.

Зачем мне, мальчишке, на жизнь начихать?
Зачем мне, мальчишке, служить у Колчака?!
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо окоlesiца, налево лабуда».

...Радио... говорят. .
(Флагов вскипела ярь):
«Восьмого января
Армией пятой
Взят Красноярск!»

Слушайте крик протяжный —
Эй, Россия, Советы, деникинцы! —
День этот белый, просторный,
в мороз наряженный,
Червонными флагами выкинулся.

Сибирь взята в охапку.
Штыки молчат.
Заячьими шапками
Разбит Колчак.

Собирайте, волки,
Молодых волчат,
На снежные иголки
Мертвые полки
Положил Колчак.

Эй, партизан!

Поднимай сельчан:

Раны зализать
Не может Колчак.

Стучит телеграф:
Тире, тире, точка...
Эх, эх, Ангара,
Колчакова дочка!

На сером снеге волкам приманка:
Пять офицеров, консервов банка.

«Эх, шарабан мой, американка!
А я девчонка да шарлатанка!»
Стой!

Кто идет?
Кончено. Залп!!

1926

Сакен Сейфуллин

91. СОВЕТСКИЕ ПРОСТОРЫ

(Отрывок из поэмы «Советстан»)

Мой край, был неведом твой дивный простор...
Советское время пришло — и с тех пор
И в глуби земные,
И в чащи лесные,
И в дали степные
Пытливый проник человеческий взор.

Есть земли, куда не доскачешь верхом,
И много племен и народов кругом.
Под знаменем рдяным
В труде неустанном
Раскинутым станом
Живут здесь, как братья, в союзе одном.

Есть земли, где вечное лето стоит,
Где ветер прохладой людей не дарит.
Есть земли, где зимы
Стоят нерушимо
И вьюги над ними
Тайгу обрядили во льды, как в гранит.

А степи раскинулись пестрым ковром,
Ромашкой цветут и цветут васильком.
Земля золотая!
И ветер, играя,
Цветы облетая,
Просторы дарит благодатным дождем.

Взгляни-ка на карту — есть много морей,
Глотающих бивни стальных якорей,
 И к пристаням дальним
 В пути беспечальном
 По водам зеркальным
Всё больше и больше плывет кораблей.

Вот реки текут по цветущей стране,
И взор удивляется их ширине.
 Вода в полусонных
 Мерцает затонах,
 И сладко в зеленых
Густых камышах заблудиться волне.

Вот Волга волну голубую стремится,
Урал прорезает сибирский гранит.
 В песках их прибрежных
 Отрядов мятежных —
 Воителей прежних —
След Разина и Пугачева сокрыт.

Мир желтых песков неподвижен и наг,
И солнце — как смерти мучительный знак.
 О жгучее горе!
 В безбрежном просторе
 Безводное море —
Лежит, бездыханна, пустыня Бетпак.

Вот горный хребет вдалеке заблестал,
Где в недрах сокрыт драгоценный металл.
 В излом его линий
 Белеющий иней
 Ложится, где синий
Туман на широких плечах ночевал.

Владеешь богатыми недрами ты,
Леса и луга обступили хребты,
 Железом богата,
 Как скалы, крепка ты.
 О, как велика ты,
Страна, что с уральской глядишь высоты.

Алтай и Кавказ окаймляют страну,
Они охраняют ее ширину —
 Два старца седые,
 Как сторожевые,
 Кольчуги стальные
Надевшие, строго хранят тишину.

Гремя, паровоз рассекает простор,
И вдаль машинист устремляет свой взор.
 И поезд огромный
 Мчит полночью темной,
 И вихрь неумный
И бешеный ливень встречает в упор.
 Тра-та-та-та-та...
 Тра-та-та-та-та...
 Пред нами подъема
 Встает высота.
 Со скоростью ветра
 Летят километры
 К мосту от моста.
 Сердца стучат
 С колесами в такт:
 Тра-та-та-та-тат...
 Та-тат.

О родина храбрых — Советский Союз!
Труда поднимаем мы радостный груз.
Твоими детьми я по праву горжусь —
 Ведь крепче нет слава,
 Чем юноши — слава
 Страны величавой,
О родина храбрых — Советский Союз!

Мои комсомольцы без меры сильны.
На смену идут пионеры, сильны
 Лавиной могучей,
 Рекою кипучей,
 Походкой летучей,
Единой свободно верой сильны.

Вот дружно идет комсомольский отряд,
В руках загорелых знамена горят:

Вперед же скорее!
Открыты их шеи.
И, в воздухе рея,
Высокие песни над ними звенят.

Ты видишь? — вослед комсомольских рядов
Идут пионеры, и в такт их шагов.
Услышишь ты снова
Крылатое слово:
«Всегда мы готовы!» —
Они отвечают на клич «Будь готов!».

Жар галстуков красных у них на груди,
Свобода и счастье у них впереди,
Коммуна и братство. . .
О молодость, здравствуй!
Дружнее! Марш, раз-два!
Ликующей жизни навстречу иди!

Так будь же в науке отважен и тверд,
В грядущих боях — и бесстрашен и горд.
За новою славой
Единою лавой
Марш!левой! Правой!
Отжившее смело бросайте за борт.

1926

Муса Джалиль

92. НА ЗАВОДЕ «ОРЛЕС»

Впервые весь день на «Орлесе»
Под кровом просторных цехов
Я слушал веселые песни
Могучего хора станков.

И сердце мое веселело,
Когда, окрыляя меня,
В цехах неумолчно гремела
Симфония этого дня.

Движенья здесь быстры и ровны,
Здесь гул над станками парит.
Я вижу: тяжелые бревна
Танцуют гудению в ритм.

А девушки шутят друг с дружкой
За быстрым и ладным трудом.
Взлетают опилки и стружки
И на пол ложатся потом.

Скользит доска
Вослед доске.
Доска — в тисках.
Доска — в станке.

Злясь, зубами вгрызлась быстро
В доску острая пила
И со скрежетом, со свистом
Доску режет пополам.

Доски тонки,
Стружки клейки.
В клетки
На узкоколейке
За доской легла доска.
По узкоколейной ветке
Цокот, клекот
Вагонетки,
Тарахтящей в такт станкам.

Вижу: бревно, накренившись неровно,
С грохотом грозным разгон берет,
Грузною массой огромные бревна
Катятся в груды вперед.

Тогда на завод я впервые
Из тихой деревни попал.
И вот, поражен и взволнован,
Я ночь до рассвета не спал.

Я за полночь из дому вышел,
И в ясной ночной тишине

Казалось гуденье «Орлеса»
Бодрящею музыкой мне.

Как будто утроились силы,
Как будто сквозь дремную тишь
Под эту могучую песню
Уже не идешь, а летишь.
К нам тракторы едут в деревню,
И скоро и мы средь лугов
Услышим машинное пенье,
Подобное пенью станков.

Эти грохот и гул
Средь ночной тишины
Мне напомнили
Годы гражданской войны.
Снова темная ночь.
Винтовка в руке.
Вспышки выстрелов вражьих
Видны вдалеке.

Но всё ближе к нам
Яростный кашель орудий.
По траншеям к атаке
Готовятся люди.
Вот шрапнель
Разрывается над головой,
Вот винтовочный залп,
Как сигнал штурмовой,
Вот горячая, дробная
Речь пулемета. . .
И в атаку, в атаку
Идет пехота.
Это бой!
Это тот девятнадцатый год,
Что прошел
Чередюю больших непогод,
Что, гремя боевыми громами
Над нами,
Научил нас бесстрашью
И сделал бойцами.

В предутренний холодок,
Как петух голосистый,
Запел гудок.
Как он рано проснулся!
Как звонко поет,
Призывая рабочих
Идти на завод!
Заря встает.
Гудит гудок,
Гудок зовет:
Вставай, браток!
Гудок гудит:
Кончай еду!
Гудок гудит:
Пора к труду!
Гудок гудит:
Пускай станок!
Гудит гудок:
Обедать срок!
Гудит гудок:
За труд опять!
Гудок гудит:
Пора кончать!
И рабочий,
Как друга, гудок любя,
На него стал надеяться,
Как на себя.
По гудку
Начинались у нас забастовки
И рабочий бросал
На заводе труд.
По гудку пролетарии,
Взяв винтовки,
Для защиты Советов
На фронт идут.
Воедино сплотясь
Под гудки заводские,
Приготовив
Порох и сталь и свинец,
Мы господству
Отъевшейся буржуазии
Положили в Октябрьские дни конец.

А когда скончался
Владимир Ильич
И огромное горе
Нам горло сдавило —
Не гудков ли
Бодрящий и пламенный клич
Нас призвал к единенью
С могучею силой?
И гудок
Потому стал родным для рабочих,
Что воспитывал их
В многотрудные дни,
Чтоб, единство свое
Укрепив и упрочив,
Коллективом
Себя осознали они.

Не сразу я понял значенье
Речей заводского гудка.
Рабочие же понимают
Язык его наверняка.

Летят его песни в просторы,
Взвиваются под облака,
И в нашей деревне порою
Мы отзвуки слышим гудка.

И смысл его речи могучей
Для чуткого уха открыт:
О смычке рабочих с крестьянством
Гудок заводской говорит.

До свиданья, друзья! Пишите!
Я, вернувшись в деревню свою,
Расскажу о строительстве вашем
И победах в бескровном бою.

Мы живем от вас недалеко.
Приезжайте же к нам налегке,
Чтобы песни полей услышать,
Чтоб селу рассказать о гудке.

1926

Николай Асеев

93. ДВЕ ЭПИТАФИИ

(Отрывки из поэмы «Семен Проскаков»)

1

1917 года, при свержении Николки Романова, я, Проскаков Семен Ильич, работал на Ленском руднике, а всего проработал по разным рудникам Сибири 17 лет. И вот 1917 года я вступил в добровольную Красную гвардию и в партию большевиков. И тут же эта партия повела борьбу против эсеров, против учредилки, и наши Советы начали работать, вести в полном смысле и организовывать партию большевиков и повели борьбу с эсерами и с другими партиями за советскую власть, а когда организовывали Красную гвардию, то она работала под руками советов и выполняла все распоряжения советов.

Архив Истпрофа ЦК союза горнорабочих.

В тысячах
 повторенный имен,
из-под глухого
 земного покрова
я, партизан
 Проскаков Семен,
жить начинаю
 снова и снова...
Я проработал
 семнадцать лет
на рудниках
 и на шахтах Сибири...
Болью резал
 глаза мои
 свет;
ночь почивала
 на мне
 и на мире.
В сумерках шахты,
 оледенев,
переходя
 от забоя к забую,

с черной породой
наедине,
молча
я путь пробивал пред собою.
Этот упорный
и грозный труд,
скреп
и подпорок ломаемых
рокот,
грохот
обваливающихся груд
слышен
в моих
неприкрашенных строках.
В год,
когда первому
ясному дню
было дано
надо мною зардеться,
бросил я дом,
жену
и родню
и записался
в красногвардейцы.
Я пролетел,
просквозил,
проскакал
сквозь пули
японцев
и чехословаков,
прямо и упорно,
как эта строка,
черен
от угольной пыли
и шлака.
Я, рабочий,
шахтер,
большевик,
сумрачному
и охладелому
сердцу Республики
молвил: живи,

бейся
и делай великое дело.
Кто остановит
меня на пути?
Мертвый,
я раны свои простираю
к дальнему свету,
к новому краю,
всё пережив
и всё победив.

2

— Вы адмирал Колчак?

— Да, я адмирал Колчак.

.

Во время моего первого плавания... я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами. Я готовился к Южно-полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время...

У меня была мечта найти Южный полюс, но я так и не попал в плавание на Южном океане.

Допрос Колчака. Центрархив. Гиз., 1925.

Я,
отраженный в сибирских ночах
трепетом
тысячей звезд
партизаньих,
я, адмирал
Александр Колчак,
проклятый в песнях,
забытый в сказаньях.
Я,
погубивший мечту свою,
спутавший ветры
в звездном посеве,
плыть захотевший
на юг
и на юг
и отнесенный
далеко на север.

ДЕНИКИНСКАЯ БАНДА

Защищайте Советы! Защищайте свою волю, свою власть!

Обращение к крестьянам ДЕМЬЯНА БЕДНОГО.

Самый главный враг
наших Советов — это
Деникинская банда.
Она хочет уничтожить
Советы и вернуть
старую власть.
Она хочет грабить
наших крестьян и
рабочих.
Она хочет вернуть
старую Россию.
Она хочет вернуть
старую Россию.
Она хочет вернуть
старую Россию.

Вот почему мы
должны бороться
с Деникинской бандой.
Мы должны защитить
Советы и нашу
волю. Мы должны
защитить нашу
власть. Мы должны
защитить наших
крестьян и рабочих.
Мы должны вернуть
новую Россию.
Мы должны вернуть
новую Россию.

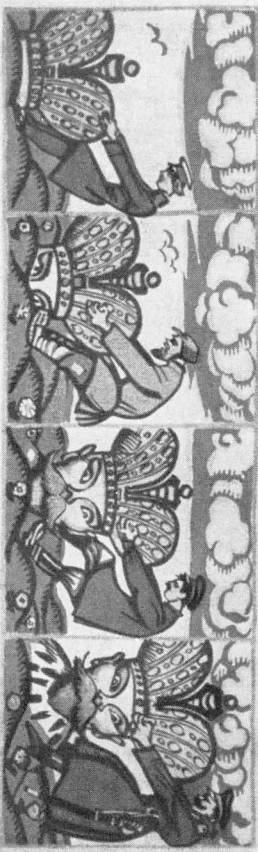
Самый главный враг
наших Советов — это
Деникинская банда.
Она хочет уничтожить
Советы и вернуть
старую власть.
Она хочет грабить
наших крестьян и
рабочих.
Она хочет вернуть
старую Россию.
Она хочет вернуть
старую Россию.
Она хочет вернуть
старую Россию.

Вот почему мы
должны бороться
с Деникинской бандой.
Мы должны защитить
Советы и нашу
волю. Мы должны
защитить нашу
власть. Мы должны
защитить наших
крестьян и рабочих.
Мы должны вернуть
новую Россию.
Мы должны вернуть
новую Россию.

Хорошо, что вы
знаете, что такое
Советы — это
лучше, чем старая
власть.

№ 48.

ЧУМАНА О ТОВА, КАТО МИЛТА-ОУГАТ ЛАПЕ ПИНА. ВЪЗНЕМУ ПУСЕЧЕНО ЗАЧЕТА СПИНО.

ЧУМАНА О ТОВА, КАТО МИЛТА-ОУГАТ ЛАПЕ ПИНА.

ЧУМАНА О ТОВА, КАТО МИЛТА-ОУГАТ ЛАПЕ ПИНА.

ЧУМАНА О ТОВА, КАТО МИЛТА-ОУГАТ ЛАПЕ ПИНА.

ЧУМАНА О ТОВА, КАТО МИЛТА-ОУГАТ ЛАПЕ ПИНА.

ЧУМАНА О ТОВА, КАТО МИЛТА-ОУГАТ ЛАПЕ ПИНА. ВЪЗНЕМУ ПУСЕЧЕНО ЗАЧЕТА СПИНО.

А. ПАВЛОВ

Я
предупреждаю других,
жаждущих славы
и льнущих ко власти;
уже
и уже
сходились круги
темных моих
человеческих странствий.
Плыть бы и плыть мне
к седой земле,
бредящей
именем адмирала,
так —
чтобы сердце,
на миг замлев,
хлынувшей радостью
обмирало.
Но — не иная земля
у плеча,
и не акулье скольженье
у шлюзов, —
путь мой
искривлен рукой англичан,
бег мой
направлен рукою французов.
И
не на штиля
немой бирюзе
встали миражами
жизни виденья:
кто-то мне путь и судьбу
пересек
темной,
суровой,
взлхмаченной тенью,
Я,
изменивший стихии родной,
вышедший биться
на сухопутье,

пущен
 болотам сибирским
 на дно,
путами тропок таежных
 опутан.
Я,
 никаких не открывший стран,
вижу теперь
 из могильного мрака —
жгучею болью
 бесчисленных ран
путь заградил мне
 Семен Проскаков.
Против народа
 безмерностью пагуб
оборотившему
 острие,
если б мне
 снова,
 сломав свою шпагу,
в Черное море
 бросить ее!
Июнь 1927

Владимир Маяковский

94. ХОРОШО!

Октябрьская поэма

1

Время --
 вещь
 необычайно длинная,
были времена —
 прошли, былинные.
Ни былин,
 ни эпосов,
 ни эпопей.

Шиш.
На шее
 кучей
 Гучковы,
 черти,
 министры,
 Родзянки...

Мать их за́ ноги!
Власть
 к богатым
 рыло
 воротит —
 чего
 подчиняться
 ей?!

Бей!!»
То громом,
 то шепотом
 этот ропот
сползал
 из Керенской
 тюрьмы-решета,
в деревни
 шел
 по травам и тропам,
в заводах
 сталью зубов скрежетал.
Чужие
 партии
 бросали швырком.
— На что им
 сбор
 болтунов
 дался?! —
И отдавали
 большевикам
гроши,
 и силы,
 и голоса.
До са́мой
 мужичьей
 земляной башки

докатывалась слава, —
лилась
и слыла,
что есть
за мужиков
какие-то
«большаки» —
у — у — у!
Сила!

8

Царям
дворец
построил Растрелли.
Цари рождались,
жили,
старели.
Дворец
не думал
о вертлявом постреле,
не гадал,
что в кровати,
царицам вверенной,
раскинется
какой-то
присяжный поверенный.
От орлов,
от власти,
одеял
и кру́жевца
голова
присяжного поверенного
кружится.
Забывши
и классы
и партии,
идет
на дежурную речь.
Глаза
у него
бонапартьи

и цвета
 защитного
 френч.
Слова и слова.
 Огнесловая лава.
Болтает
 сорокой радостной.
Он сам
 опьянен
 своею славой
пьяней,
 чем сорокаградусной.
Слушайте,
 пока не устанете,
как щебечет
 иной адъютантик:
«Такие случаи были —
он едет
 в автомобиле.
Узнавши,
 кто
 и который, —
толпа
 распрягла моторы!
Взамен
 лошадиной силы
сама
 на руках носила!»
В аплодисментном
 плеске
премьер
 проплывает
 над Невским,
и дамы
 и дети-пузанчики
кидают
 цветы и розанчики.
Если ж
 с безработы
 загрустится,

сам
себя
уверенно и быстро
назначает —
то военным,
то юстиции,
то каким-нибудь
еще
министром.
И вновь
возвращается,
сказав,
ворочать дела
и вертеть казну.
Подмахивает подписи
достойно
и старательно.
«Аграрные?
Беспорядки?
Ряд?
Пошлите,
этот,
как его, —
карательный
отряд!
Ленин?
Большевики?
Арестуйте и выловите!
Что?
Не дают?
Не слышу без очков.
Кстати...
об его превосходительстве...
Корнилове.
Нельзя ли
сговориться
сюда
казачков?!
Их величество?
Знаю.
Ну да!..

Молчит...
 но чувство,
 видать, велико́.
 Ее
 утешает
 усастая няня,
 выдавшая виды, —
 Пе Эн Милюков.
 «Не спится, няня...
 Здесь так душно...
 Открой окно
 да сядь ко мне».
 — Кускова,
 что с тобой?
 — «Мне скушно...
 Поговорим о старине».
 — О чем, Кускова?
 Я,
 бывало,
 хранила
 в памяти
 немало
 старинных былей,
 небылиц —
 и про царей
 и про цариц.
 И я б,
 с моим умишкой хилым, —
 короновала б
 Михаила.
 Чем брать
 династию
 чужую...
 Да ты
 не слушаешь меня?!
 — «Ах, няня, няня,
 я тоскую.
 Мне тошно, милая моя.
 Я плакать,
 я рыдать готова...»
 — Господь помилуй
 и спаси...

Звякая
 шпорами
 довоенной выковки,
 аксельбантами
 увешанные до пупов,
 говорили —
 адъютант
 (в «Селекте» на Лиговке)
 и штабс-капитан
 Попов.
 «Господин адъютант,
 не возражайте,
 не дам, —
 скажите,
 чего еще
 поджидаем мы?
 Россию
 жиды
 продают жидам,
 и кадровое
 офицерство
 уже под жидами!
 Вы, конечно,
 профессор,
 либерал,
 но казачество,
 пожалуйста,
 оставьте в покое.
 Например,
 мое положенье беря,
 это...
 черт его знает, что это такое!
 Сегодня с денщиком:
 ору ему:
 — эй,
 наваксь
 щиблетину,
 чтоб видеть рыло в ней! —

подходит
казатчина
и самокатчина.
Приказано
питерцам
идти на фронты,
а сюда
направляют
с Гатчины.
Вам,
которые
с Выборгской стороны,
вам
заходить
с моста Литейного.
В сумерках
тоньше
дискантовой струны
не галдеть
и не делать
заведенья питейного.
Я
за Лашевичем
беру телефон, —
не задушим,
так нас задушат.
Или
возьму телефон,
или вон
из тела
пролетарскую душу.
Сам
приехал,
в пальтишке рваном, —
ходит,
никем не опознан.
Сегодня,
говорит,
подыматься рано.
А послезавтра —
поздно.

Завтра, значит.
Ну, не сдобровать им!
Быть Керёнскому
биту и ободрану!
Уж мы подыдем
с царевой кровати
эту самую
Александрю Федоровну».

6

Дул,
как всегда,
октябрь
ветра́ми,
как дуют
при капитализме.
За Троицкий
дули
авто и трамы,
обычные
рельсы
вызмеив.
Под мостом
Нева-река,
по Неве
плывут кронштадтцы...
От винтовок говорка
скоро
Зимнему шататься.
В бешеном автомобиле,
покрышки сбивши,
тихий,
вроде
упакованной трубы,
за Гатчину,
забившись,
улепетывал бывший —

«В рог,
в бараний!
Взбунтовавшиеся рабы!..»
Видят
редких звезд глаза:
окружая
Зимний
в кольца,
по Мильонной
из казарм
надвигаются кексгольмцы.
А в Смольном,
в думах
о битве и войске,
Ильич
гримированный
мечет шажки,
да перед картой
Антонов с Подвойским
втыкают
в места атак
флажки.

Лучше
власть
добром оставь,
никуда
тебе
не деться!
Ото всех
идут
застав
к Зимнему
красногвардейцы:
Отряды рабочих,
матросов,
голи —
дошли,
штыком домерцав,
как будто
руки
сошлись на горле,

холеном
 горле
 дворца.
Две тени
 встало.
 Огромных и шатких.
Сдвинулись.
 Лоб о лоб.
И двор
 дворцовый
 руками решетки
стиснул
 торс
 толп.
Качались
 две огромных тени
от ветра
 и пуль скоростей, —
да пулеметы,
 будто
 хрустенье
ломаемых костей.
Серчают стоящие павловцы:
«В политику...
 начали...
 бáловаться...»
Куда
 против нас
 бочкаревским дурам?!
Приказывали б
 на штурм».
Но тень
 боролась,
 спутав лапы, —
и лап
 никто
 не разнимал и не рвал.
Не выдержав
 молчания,
 сдавался слабый —

уходил
от испуга,
от нервá.

Первым,
боязною одолен,
снялся
бабий батальон.

Ушли с батарей
к одиннадцати
михайловцы или константиновцы. . .

А Керенский —
спрятался,
попробуй,
вымань его!

Задумывалась
казачья башка.

И
редели
защитники Зимнего,
как зубья
у гребешка.

И долго
длилось
это молчанье,
молчанье надежд
и молчанье отчаянья.

А в Зимнем,
в мягких мебелиях
с бронзовыми вькрутами,
сидят
министры
в меди блях,
и пахнет
гладко выбритыми.
На них не глядят
и их не слушают —
они
у штыков в лесу.

Они
упадут
переспевшей грушею,
как только
их
потрясут.
Голос — редок.
Шепотом,
знаками.
— Кéренский где-то?
— Он?
За казаками. —
И снова молча.
И только
пóд вечер:
— Где Прокопович?
— Нет Прокоповича. —
А из-за Николаевского
чугунного мостá,
как смерть,
глядит
неласковая
Аврорьих
башен
сталь.
И вот
высоко
над воротником
поднялось
лицо Коновалова.
Шум,
который
тек родником,
теперь
прибоем наваливал.
Кто длинный такой?..
Дотянуться смог!
По каждому
из стекол
удары палки.
Это —
из трехдюймовок

шарахнули
 форты Петропавловки.
 А поверху
 город
 как будто взорван:
 бабахнула
 шестидюймовка Авророва.
 И вот
 еще
 не успела она
 рассыпаться,
 гулка и грозна, —
 над Петропавловской
 взвился
 фонарь,
 восстанья
 условный знак.
 — Долой!
 На приступ!
 Вперед!
 На приступ! —
 Ворвались.
 На ковры!
 Под раззолоченный кров!
 Каждой лестницы:
 каждый выступ
 брали,
 перешагивая
 через юнкеров.
 Как будто
 водою
 комнаты полня,
 текли,
 сливались
 над каждой потерей,
 и схватки
 вспыхивали
 жарче полдня
 за каждым диваном,
 у каждой портьеры.

По этой
 анфиладе,
 приветствиями óбранной
 монархам,
 несущим
 короны-клады, —
 бархатными залами,
 раскатистыми коридорами
 гремели,
 бились
 сапоги и приклады.
 Какой-то
 смущенный
 сукин сын,
 а над ним
 путиловец —
 нежней папашы:
 — Ты,
 парнишка,
 выкладай
 ворованные часы —
 часы
 теперича
 наши! —
 Топот рос
 и тех
 тринадцать
 сгреб,
 забил,
 зашиб,
 затыркал.
 Забились
 под галстук —
 за что им приняться?
 Как будто
 топор
 навис над затылком.
 За двести шагов...
 за тридцать...
 за двадцать...
 Вбегае
 юнкер:
 — Драться глупо! —

руки
лучей
с востока взмóлены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
в Смольный».

Умолк пулемет.
Угодил, толкóв.
Умолкнул
пуль
звонящий улей.

Горели,
как звезды,
границы штыков,
бледнели
звезды небес
в карауле.

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами.

Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы
уже —
при социализме.

7

В такие ночи,
в такие дни,
в часы
такой поры
на улицах
разве что
одни
поэты
и воры.

Сумрак
на мир
океан катнул.

Синь.
Над кострами —
бур.

Подводной
лодкой
пошел ко дну
взорванный
Петербург.

И лишь
когда
от горящих вихров
шатался
сумрак бурый,
опять вспоминалось:
с боков
и с верхов

непрерывная буря.
На воду
сумрак
похож и так —
бездонна
синяя прорва.

А тут
еще
и виденьем кита
туша
Авророва.

Огонь
пулеметный
площадь остриг.

Набережные —
пусты.

И лишь
хорохорятся
костры
в сумерках
густых.

И здесь,
 где земля
 от жары вязка́,
с испугу
 или со льда́,
ладони
 держа
 у огня в языках,
греется
 солдат.
Солдату
 упал
 огонь на глаза,
на клок
 волос лег.
Я узнал,
 удивился,
 сказал:
«Здравствуйте,
 Александр Блок.
Лафа футуристам,
 фрак старья
разлазится
 каждым швом».
Блок посмотрел —
 костры горят —
«Очень хорошо».
Кругом
 тонула
 Россия Блока...
Незнакомки,
 дымки севера
шли
 на дно,
 как идут
 обломки
и жестянки
 консервов.
И сразу
 лицо
 скупее менял,

мрачнее,
 чем смерть на свадьбе:
 «Пишут. . .
 из деревни. . .
 сожгли. . .
 у меня. . .»

библиотеку в усадьбе.
 Уставился Блок —
 и Блокова тень

глазееет,
 на стенке привстав. . .
 Как будто
 оба
 ждут по воде
 шагающего Христа.
 Но Блоку
 Христос
 являться не стал.

У Блока
 тоска у глаз.

Живые,
 с песней
 вместо Христа,

люди
 из-за угла.

Вставайте!
 Вставайте!
 Вставайте!

Работники
 и батраки.

Зажмите,
 косарь и кователь,
 винтовку
 в железо руки!

Вверх —
 флаг!

Рвань —
 встань!

Враг —
 ляг!

День —
 дрянь.
За хлебом!
 За миром!
 За волей!

Бери
 у буржуев
 завод!

Бери
 у помещика поле!

Братайся,
 дерущийся взвод!

Сгинь —
 стар.

В пух,
 в прах.

Бей —
 бар!

Трах!
 тах!

Довольно,
 довольно,
 довольно

покорность
 нести
 на горбах.

Дрожи,
 капиталова дворня!

Тряситесь,
 короны,
 на лбах!

Жир
 ёжь,
страх
 плах!

Трах!
 тах!

Тах!
 тах!

Эта песня,
перепетая по-своему,
доходила
до глухих крестьян —
и вставали села,
содрогая воем,
по дороге
топоры крестя.

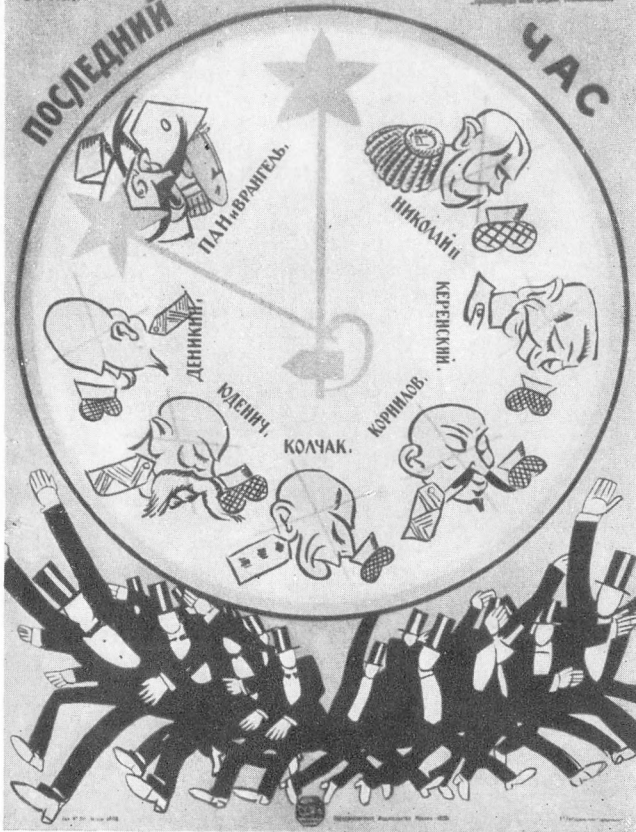
Но-
жи-
чком
на
месте чик
лю-
то-
го
по-
мещика.

Гос-
по-
дин
по-
мещичек,
со-
би-
райте
вещи-ка!

До-
шло
до поры,
вы-
хо-
ди,
босы,
вос-
три
топоры,
подымай косы.
Чем
хуже
моя Нина?!

Ба-
рыни сами.
Тащъ
в хату
пианино,
граммофон с часами!
Под-
хо-
ди-
те, орлы!
Будя —
пограбили,
Встречай в колы,
провожай
в грабли!
Дело
Стеньки
с Пугачевым,
разгорайся жарче-ка!
Все
поместья
богачевы
разметем пожарчиком
Под
пусть
петуха!
Подымай вилы!
Эх,
не потухай,
пет-
тух милый!
Черт
ему
теперь
родня!
Головы —
кочаном.
Пулеметов трескотня
сыпется с тачанок.
«Эх, яблочко,
цвета ясного.

ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Бей
справа
белаво,
слева краснова».

Этот вихрь,
от мысли до курка,
и постройку,
и пожара дым
прибирала
партия
к рукам,
направляла,
строила в ряды.

8

Холод большой.
Зима здоровá.
Но блузы
прилипли к потненьким.
Под блузой коммунисты.
Грузят дрова.
На трудовом субботнике.
Мы не уйдем,
хотя
уйти
имеем
все права.
В наши вагоны,
на нашем пути,
наши
грузим
дрова.
Можно
уйти
часа в два,
но мы —
уйдем поздно.
Нашим товарищам
наши дрова
пужны:
товарищи мерзнут.

Из «сюртэ женера́ль»,
из «интэ́ллидженс се́рвис»,
«дефензи́вы»
и «сигура́нцы»
выходит
разная
сволочь и стерва,
шьет
шинели
цвета серого,
бомбы
кладет
в ранцы.
Набились в трюмы,
палубы обсели
на деньги
вербовочного а́гентства.
В Новоросси́йск
плывут из Марсе́ля,
из Ду́вра
плывут к Арханге́льску.
С песней,
с виски,
сыты по-свински.
Кля́ями
вскопаны
воды холодные.
Смотрят
периско́пами
лодки подводные.
Плывут крейсе́ра,
снаря́ды со́ря.
И
миноно́сцы
с минами но́сятся.
А
по́верх
всех
с пу́шками
чудови́щной дли́нноты
сверх-
дредноу́ты.

Разными
 газами
 воняя гадко,
тучи
 пропеллерами выдрав,
с авиаматки
 на авиаматку
пе-
 ре-
 пархивают «гидро».
Послал
 капитал
 капитанов ученых.
Горло
 нащупали
 и стискивают.
Ткнешься
 в Белое,
 ткнешься
 в Черное,
в Каспийское,
 в Балтийское, —
куда
 корабль
 ни тычется;
конец
 катаниям.
Стоит
 морей владычица,
бульдोजья
 Британия.
Со всех концов
блокады кольцо
и пушки
 смотрят в лицо.
 «Красным не нравится?!
 Им голодно?!Рыбкой
 наедитесь,
 пойдя
 на дно».

А кому
на суше
грабить охота,
те
с кораблей
сходили пехотой.
«На море потопим,
на суше
потопаем».
Чужими
руками
жар гребя,
дым
отечества
пускают
пострелины —
выставляют
впереди
одураченных ребят,
баронов
и князей недорасстрелянных.

Могилы копайте,
гроба копите —
Юденича
рати
прут
на Питер.
В обозах
еды вкусятя,
консервы —
пуд.
Танков
гусеницы
на Питер
прут.
От севера
идет
адмирал Колчак,
сибирский
хлеб
сапогом толча.

кровью
 крашенная,
 трупы
 вѣтая,
 с кладью
 страшною
 шла в Ледовитый.
 Как храбрецы
 расстреливали кучей
 коммуниста
 одного,
 да и тот скручен.
 Как офицерá
 его
 величества
 бежали
 от выстрелов,
 берег вычистя.
 Как над серыми
 хатами
 огненные перья
 и руки
 холеные
 туго
 у горл.
 Но...
 «итс э лонг уэй
 ту Типерери,
 итс э лонг уэй
 ту го!»
 На первую
 республику
 рабочих и крестьян,
 сверкая
 выстрелами,
 штыками блестя,
 гнали
 армии,
 флоты катили
 богатые мира,
 и эти
 и те...

Свезли,
 винтовкой звякая,
богатых
 и кассы.
Теперь здесь
 всякие
и люди
 и классы.
Зимой
 в печурку-пчелку
суют
 тома шекспиры.
Зубами
 щелкают, —
картошка —
 пир им.
А летом
 слушают асфальт
с копейками
 в окне:
«Трансваль,
 Трансваль,
 страна моя,
ты вся
 горишь
 в огне!»
Я в этом
 каменном котле
варюсь,
 и эта жизнь —
и бег, и бой,
 и сон,
 и тлен —
в домовьи
 этажи
отражена
 от пят
 до лба,
грозою
 омываемая,

как отражается толпа
идущими
 трамваями.
В пальбу
 присев
 на корточки,
в покой
 глазами к форточке,
чтоб было
 видней,
я
в комнатенке-лодочке
проплыл
 три тыщи дней.

12

Ходят
 спекулянты
 вокруг Главтопа.
Обнимут,
 зацелуют,
 убьют за руп.
Секретарши
 ответственные
 валенками топают.
За хлебными
 карточками
 стоят лесорубы.
Много
 дела,
мало
 горя им,
фунт
 — целый! —
первой категории.
Рубят,
 липовый
чай
 выкушав.

— Мы
 не Филипповы,
мы —
 привыкши.
Будет
 обед,
 будет
 ужин, —
белых бы
 вон
 отбить от ворот.
Есть захотелось,
 пояс —
 потуже,
в руки винтовку
 и
 на фронт. —

А
 мимо —
незаменимый.
Стуча
 сапогом,
идет за пайком —
Правление
 выдало
урюк
 и повидло.
Богатые —
 ловче,
едят
 у Зунделовича.
Ни щей,
 ни каш —
бифштекс
 с бульоном,
хлеб
 ваш,
полтора миллиона...
Ученому
 хуже:

фосфор
нужен,
масло
на блюдец.
Но,
как нáзло,
есть революция,
а нету
масла.

Они научные.
Напишут —
вылечат.
Мандат, собственноручный,
Анатоль Васильича.
Где
хлеб
да мясá,
придут
на час к вам.
Читает
комиссар
мандат Луначарского:
«Так...
сахар...
так...
жирок вам.
Дров...
березовых...
посуше поленья...
и шубу
широкого
потребленья.
Я вас,
товарищ,
спрашиваю в упор.
Хотите —
берите
головной убор.
Приходит
каждый
с разной блажью:

Берите
пока што
ногу
лошажью!»
Мех
на глаза,
как баба-яга,
идут
назад
на трех ногах.

13

Двенадцать
квадратных аршин жилья.
Четверо
в помещении —
Лиля,
Ося,
я
и собака
Щеник.
Шапчонку
взял
оборванную
и вытащил салазки.
— Куда идешь?
— В уборную
иду.
На Ярославский. —
Как парус,
шуба
на весу,
воняет
козлом она.
В санях
полено везу,
забрал
забор разломанный.
Полено —
тушею,
тверже камня.

Как будто
вспухшее
колени
великанье.
Вхожу
с бревном в обнимку.
Запотел,
вымок.
Важно
и чинно
строгаю перочинным.
Нож —
ржа.
Режу.
Радуюсь.
В голове жар
подымает градус.
Зацветают луга,
май
поет
в уши —
это
тянется угар
из-под черных вьюшек.
Четверо сосуллек
свернулись,
уснули.
Приходят люди,
ходят,
будят.
Добудились еле —
с углей
угорели.
В окно —
сугроб.
Глядит, горбат.
Не вымерзли покамест?
Морозы
в ночь
идут, скрипят
снегами-сапогами.

Небосвод,
наклонившийся
на комнату мою,
морем
заката
облёт.
По розовой
глади
моря,
на юг —
тучи-корабли.
За гладь,
за розовую,
бросать якоря,
туда,
где березовые
дрова горят.
Я
много
в теплых странах плутал.
Но только
в этой зиме
понятной
стала
мне
теплота
любвей,
дружб
и семей.
Лишь лежа
в такую вот гололедь,
зубами
вместе
проляскав —
поймешь:
нельзя
на людей жалеть
ни одеяло,
ни ласку.
Землю,
где воздух
как сладкий морс,

бросишь
и мчишь, колеся, —
но землю,
с которою
вместе мерз,
вовек
разлюбить нельзя.

14

Скрыла
та зима,
худа и строга,
всех,
кто на́век
ушел ко сну.
Где уж тут словам!
И в этих
строках
боли
волжской
я не коснусь.
Я
дни беру
из ряда дней,
что с тыщей
дней
в родне.
Из серой
полосы деньки,
их гнали
годы-
водники —
не очень
сытенькие,
не очень голодненькие.
Если
я
чего написал,
если
чего
сказал —

тому виной
 глаза-небеса,
любимой
 моей
 глаза.
Круглые
 да карие,
горячие
 до гари.
Телефон
 взбесился шалый,
в ухо
 грохнул обухом:
карие
 глазища
 сжала
голода
 опухоль.
Врач наболтал —
чтоб глаза
 глазели,
нужна
 теплота,
нужна
 зелень.
Не домой,
 не на суп,
а к любимой
 в гости
две
 морковинки
 несу
за зеленый хвостик.
Я
 много дарил
 конфekt да букетов,
но больше
 всех
 дорогих даров

я помню
морковь драгоценную эту
и пол-
полена
березовых дров.
Мокрые,
тощие
подмышкой
дровинки,
чуть
потолще
средней бровинки.
Вспухли щеки.
Глазки —
щелки.
Зелень
и ласки
выходили глазки.
Больше
блюдца,
смотрят
революцию.
Мне легче, чем всем, —
я
Маяковский.
Сижу
и ем
кусок
конский.
Скрип —
дверь,
плача.
Сестра
младшая.
— Здравствуй, Володя!
— Здравствуй, Оля!
— Завтра новогодие —
нет ли
соли? —

Делю,
в ладонях вешаю
щепотку
отсыревшую.
Одолевая
снег
и страх,
скользит сестра,
идет сестра,
бредет
трехверстной Преснею
солить
картошку пресную.
Рядом
мороз
шел
и рос.
Затевал
щекотку —
отдай
щепотку.
Пришла,
а соль
не вáлится —
примерзла
к пальцам.
За стенкой
шарк:
«Иди,
жена,
продай
пиджак,
купи
пшена».
Окно, —
с него
идут
снега,
мягка
снегов,
тиха
нога.

Бела,
гола
столиц
скала.
Прилип
к скале
лесов
скелет.
И вот
из-за леса
небу в шаль
вползает
солнца
вша.
Декабрьский
рассвет,
изможденный
и поздний,
встает
над Москвой
горячкой тифозной.
Ушли
тучи
к странам
тучным.
За тучей
берегом
лежит
Америка.
Лежала,
лакала
кофе,
какао.
В лицо вам,
толще
свиных причуд,
круглей
ресторанных блюд,
из нищей
нашей
земли
кричу:

Я
землю
эту
люблю.
Можно
забыть,
где и когда
пузы растил
и зобы,
но землю,
с которой
вдвоем голодал, —
нельзя
никогда
забыть!

16

Под ухом
самым
лестница
ступенек на двести, —
несут
минуты-вестницы
по лестнице
вести.
Дни пришли
и топали:
— Дóжили,
вот вам, —
нету
топлив
брюхам
заводовым. —
Дымом
небесный
лак помутив,
до самой трубы,
до носа
локомотив
стоит
в заносах.

Положив
на валенки
цветные заплаты,
из ворот,
из железного зёва,
снова
шли,
ухватясь за лопаты,
все,
кто мобилизован.
Вышли
за́ лес,
вместе
взялись.
Я ли,
вы ли,
откопали,
вырыли.
И снова
поезд
ка́тит
за снежную
скатерть.
Слабеет
тело
без ед
и питья,
носилки сделали,
руки сплетя.
Теперь
запевай,
и домой можно —
да на руки
положено
пять обмороженных.
Сегодня
на лестнице,
грязной и тусклой,
копались
обывательские
слухи-свиньи.

Деникин
 подходит
 к сáмой,
 к тульской,
к пороховой
 сердцевине.
Обулись
 обыватели,
 по пыли печатают
шепотоголосые
 кухарочьи хоры:
— Будет...
 крупчатая!..
 пуды непечатые...
ручьи — чай,
 сухари,
 сахары.
Бли-и-и-зко беленькие,
береги кёренки! —
Но город
 проснулся,
 в плакаты кадрованный, —
это
 партия звала:
 «Пролетарий, на коня!»
И красные
 скачут
 на юг
 эскадроны —
Мамонтова
 нагонять.
Сегодня
 день
 вбежал второпях,
криком
 тишь
 порвав,
простреленным
 легким
 часто хрипя,

Лапа
 класса
 лежит на хищнике —
 Лубянская
 лапа
 Че-ка.
 — Замрите, враги!
 Отойдите, лишненькие!
 Обыватели!
 Смирно!
 У очага! —
 Миллионный
 класс
 вставал за Ильича
 против
 белого
 чудовища клыкастого,
 и вливалось
 в Ленина,
 леча,
 этой воли
 лучшее лекарство.
 Хоронились
 обыватели
 за кухни,
 за пеленки.
 — Нас не трогайте —
 мы
 цыпленки.
 Мы только мошки,
 Мы ждем кормежки.
 Закройте,
 время,
 вашу пасть!
 Мы обыватели —
 нас обувайте вы,
 и мы
 уже
 за вашу власть. —
 А утром
 небо —
 веча звонница!

Город бросили.
На молу —
 гóло.

Лодка
 шестивесельная
стоит
 у мола.
И над белым тленом,
как от пули падающий,
на оба
 колена
упал главнокомандующий.

Трижды
 землю
 поцеловавши,
трижды
 город
 перекрестил.

Под пули
 в лодку прыгнул...
 — Ваше
превосходительство,
 грести?
 — Грести! —

Убрали весло.
Мотор
 заторкал.
Пошла
 веселó
к «Алмазу»
 моторка.

Пулей
 пролетела
 штандартная яхта.

А в транспортах-галошинах
 далеко
 сзади

тащились
 оторванные
 от станка и пахот,

узлов
 полтора ста
 накручивая за́ день.
 От родины
 в лапы турецкой полиции,
 к туркам в дыру,
 в Дарданеллы узкие,
 плыли
 завтрашние галлиполийцы,
 плыли
 вчера шние русские.
 Впе-
 реди
 година на године.
 Каждого
 трясись,
 который в каске.
 Будешь
 доить
 коров в Аргентине,
 будешь
 мереть
 по ямам африканским.
 Чужие
 волны
 качали транспорты,
 флаги
 с полумесяцем
 бросались в очи,
 и с транспортов
 за яхтой
 гналось:
 «Аспиды,
 сперли казну
 и удрали,
 сволочи».
 Уже
 экипажам
 оберегаться
 пули
 шальной
 надо.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

ЛЕНИН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД

ВСТАВАЙТЕ!
ВСТАВАЙТЕ!
ВСТАВАЙТЕ!

РАБОТНИКИ
И БАТРАКИ

ЗАМНИТЕ
КОСАРЬ И КОВАТЕЛЬ

ВИНТОВУ
В ЖЕЛЕЗО РУКВИ

ВВЕРХ—
ФЛАГ!

РВАНЬ—
ВСТАТЬ!

ВРАГ—
ДРАГ!

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ
ХОРОШО! ОКТЯБРЬСКАЯ
ПОЭМА

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ ОКТЯБРЬСКАЯ ПОЭМА

ХОРОШО!
1917

ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Два
 миноносца-американца
стояли
 на рейде
 рядом.

Адмирал
 трубой обвел
стреляющих
 гор край:

— Ол
райт. —
И ушли
 в хвосте отступающих свор, —
орудия на город,
 курс на Босфор.

В духовках солнца
 горы
 жаркобе.

Воздух
 цветы рассиропили.

Наши
 с песней
 идут от Джанкоя,
сыпятся
 с Симферополя.

Перебивая
 пуль разговор,
знаменами
 бой
 овевая,
с красными
 вместе
 спускается с гор

песня
 боевая.

Не гнулась,
 когда
 пулеметом крошило,
вставала,
 бесстрашная,
 в дожде-свинце:

«И с нами
 Ворошилов,
первый красный офицер».
Слушают
 пушки,
 морские ведьмы,
у-
 ле-
 петывая
 во винты во все,
как сыпется
 с гор:
 — «Готовы умереть мы
за Эс Эс Эс Эр!» —
Начштаба
 морщит лоб.
Пальцы
 корявой руки
буквы
 непослушные гнут:
«Врангель
 оп-
 раки-
 нут
в море.
 Пленных нет».
Покамест —
 точка
 и телеграмме
 и войне.
Вспомнили —
 недопахано,
 недожато у кого,
у кого
 доменные
 толки да зóри.
И пошли,
 отирая пот рукавом,
расставив
 на вышках
 дозоры.

Хвалить
 не заставят
 ни долг,
 ни стих
 всего,
 что делаем мы.
 Я
 пол-отечества мог бы
 снести,
 а пол —
 отстроить, умыв.
 Я с теми,
 кто вышел
 строить
 и месть
 в сплошной
 лихорадке буден.
 Отечество
 славлю,
 которое есть,
 но трижды —
 которое будет.
 Я
 планов наших
 люблю громадьё,
 размаха
 шаги саженьи.
 Я радуюсь
 маршу,
 которым идем
 в работу
 и в сраженья.
 Я вижу —
 где сор сегодня гниет,
 где только земля простая —
 на сажень вижу,
 из-под нее
 коммуны
 дома
 прорастают.

И меркнет
 доверье
 к природным дарам
с унылым
 пудом сенца́,
и поворачиваются
 к тракторам
крестьян
 заскорузлые сердца.
И планы,
 что раньше
 на станциях лбов
задерживал
 нищенства тормоз,
сегодня
 встают
 из дня голубого,
железом
 и камнем формась.
И я,
 как весну человечества,
рожденную
 в трудах и в бою,
пою
 мое отечество,
республику мою!

18

На девять
 сюда
 октябрей и маёв,
под красными
 флагами
 праздничных шествий,
носил
 с миллионами
 сердце мое,
уверен
 и весел,
 горд
 и торжествен.

Сюда,
 под траур
 и плеск чернофлажий,
пока
 убитого
 кровь горяча,
бежал,
 от тревоги,
 на выстрелы вражи,
молчать
 и мрачнеть,
 кричать
 и рычать.

Я
 здесь
 бывал
 в барабанах стучащих
и в мертвом
 холоде
 слез и льдин,
а чаще еще —
просто
 один.
Солдаты башен
 стражей стоят,
подняв
 свои
 островерхие шлемы,
и, злобу
 в башках куполов
 тая,
притворяются
 церкви,
 монашьи шельмы.

Ночь —
 и на головы нам
луна.
Она
 идет
 оттуда откуда-то...

Оттуда,
 где
 Совнарком и ЦИК.
Кремля
 кусок
 от ночи откутав,
переползает
 через зубцы.
Вползает
 на гладкий
 валун,
на секунду
 склоняет
 голову,
и вновь
 голова-лунь
уносится
 с камня
 гололого.
Место лобное —
для голов
 ужасно неудобное.
И лунным
 пламенем
 озарена мне
площадь
 в сияньи,
 в яви
 в денной. . .
Стена —
 и женщина со знаменем
склонилась
 над теми,
 кто лег под стеной.
Облил
 булыжники
 лунный никель,
штыки
 от луны
 и тверже
 и злей,

и,
как нагроможденные книги, —
его Мавзолей.
Но в эту
дверь
никакая тоска
не втянет
меня,
черна и вязка́, —
души
не смущу
мертвизной, —
он бьется,
как бился
в сердцах
и висках,
живой
человечьей весной.
Но могилы
не пускают, —
и меня
останавливают имена.
Читаю угрюмо:
«товарищ Красин».
И вижу —
Париж,
и из окон Дóрио...
И Красин
едет,
сед и прекрасен,
сквозь радость рабочих,
шумящую морево.
Вот с этим
виделся,
чуть не за час.
Смеялся.
Снимался около...
И падает
Войков,
кровью сочась, —

и кровью
 газета
 намокла.
За ним
 предо мной
 на мгновенье короткое
такой,
 с каким
 портретами сжѣлись, —
в шинели измятой,
 с острой бородкой,
прошел
 человек,
 железен и жилист.
Юноше,
 обдумывающему
 житье,
решающему —
 сделать бы жизнь с кого,
скажу
 не задумываясь:
 «Делай ее
с товарища
 Дзержинского».
Кто костями,
 кто пеплом
 стенам под стопу
улеглись...
 А то
 и пепла нет.
От трудов,
 от каторг
 и от пуль,
и никто
 почти —
 от долгих лет.
И чудится мне,
 что на красном погосте
товарищей
 мучит
 тревоги отравы.

В мире
насилия и денег,
тюрем
и петель витья —
ваши
великие тени
ходят,
будя
и ведя.
— А вас
не тянет
всевластная тина?
Чиновность
в мозгах
паутину
не свйла?
Скажите —
цела?
Скажите —
едина?
Готова ли
к бою
партийная сила? —
Спите,
товарищи, тише...
Кто
ваш покой отберет?
Встанем,
штыки ощетинивши,
с первым
приказом:
«Вперед!»

19

Я
земной шар
чуть не весь
обошел, —
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо.

А в нашей буче,
боевой, кипучей, —
и того лучше.
Вьется
улица-змея.
Дома
вдоль змеи.
Улица —
моя.
Дома — мои.
Окна
разинув,
стоят
магазины.
В окнах
продукты:
вина,
фрукты.
От мух кисея.
Сыры
не засижены.
Лампы
сияют.
«Цены
снижены».
Стала
оперяться
моя кооперация.
Бьем
грошом.
Очень хорошо.
Грудью
у витринных
книжных груд.
Моя
фамилия
в поэтической рубрике.
Радуюсь я —
это
мой труд

вливается
в труд
моей республики.

Пыль
взбили
шиной губатой —
в моем
автомобиле
мои депутаты.
В красное здание
на заседание.
Сидите,
не советите
в моем
Моссовете.
Розовые лица.
Револьвер
желт.

Моя
милиция
меня
бережет.
Жезлом
правит,
чтоб вправо шел.
Пойду
направо.
Очень хорошо.
Надо мною
небо.

Синий
шелк!
Никогда
не было
так
хорошо!
Тучи-
кочки
переплыли летчики.
Это
летчики мои.

Встал,
 словно дерево, я.
Всыпят,
 как пойдут в бои,
по число
 по первое.
В газету
 глаза:
молодцы — вѣнцы!
Буржуям
 под зад
наддают
 коленцем.
Суд
 жгут.
Зер
 гут.
Идет
 пожар
сквозь бумажный шорох.
Прокуроры
 дрожат.
Как хорошо!
Пестрит
 передовица
угроз паршой.
Чтоб им подавиться.
Грозят?
 Хорошо.
Полки
 идут
у меня на виду.
Барабану
 в бока
бьют
 войска.
Нога
 крепка,
голова
 высока.

Пушки
ввозятся, —
идут
краснозвездцы.
Приспособил
к маршу
такт ноги:
вра-
ги
ва-
ши —
мо-
и
вра-
ги.
Лезут?
Хорошо.
Сотрем
в порошок.
Дымовой
дых
тяг.
Воздуха́ береги.
Пых-дых,
пых-
тят
мои фабрики.
Пыши,
машина,
шибче-ка,
вовек чтоб
не смолкла, —
побольше
ситчика
моим
комсомолкам.
Ветер
подул
в соседнем саду.

В ду-
хах
про-
шел.
Как хо-
рошо!
За городом —
поле.
В полях —
деревеньки.
В деревнях —
крестьяне.
Бороды —
веники,
Сидят
папаши.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
попишет
стихи.
Что ни хутор,
от ранних утр
работа любá.
Сеют,
пекут
мне
хлебá.
Доят,
пашут,
ловят рыбицу.
Республика наша
строится,
дыбится.
Другим
странам
пó сто.
История —
пастью гроба.
А моя
страна —
подросток, —

твори,
выдумывай,
пробуй!
Радость прет.
Не для вас
уделить ли нам?!
Жизнь прекрасна
и удивительна.
Лет до ста
расти
нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости.
<Февраль — август> 1927

Николай Асеев

95. ОНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Революцию сравнивают —
кто с любимой,
кто с вихрем,
кто с тканью,
цветущей пестро,
кто с валом девятым,
кто с бурей,
кто с дымом,
плывущим
над взметывающимся
костром.
Костер отгорит,
и любимая бросит,
умолкнут валы,
и выцветет ткань,

делам Октября
ни на миг не забыться:
они продолжают.
На плечи навьючив
тяжелые вьюки
госпланов,
госзаймов,
заданий
и дел,
идем,
как в семнадцатом
шли во вьюге,
века подпирая
тяжестью тел.
Идем
и не верим,
что где-то воздастся:
за путь нам награда —
тревоги годá;
и новое в мире
растим государство,
не виданное
нигде
никогда.
И дальние взоры
и давние страны
усилие наше
влечет и томит;
их нашими
ломит тяжелыми ранами
и радует
нашими радостями.
И мы,
замощая ухабы и ямы,
подмог не торопим,
не требуем жалости;
в одно призываем
мы верить упрямо:
она продолжается.
Ко дну оседает
тревоги осадок.

Расти,
наша сила,
на день со дня,
чтоб нынешний
первый
сочтенный десяток
окреп и возрос
и считался на сотни.
Года
не идут вспять,
с годами
нельзя спать.
Года
не горят в дым,
нельзя
угасать им.
Годов
не сгасить пыл,
в них вечен
запас сил.
Идти заодно
с годами всегда,
где руки не слабнут,
глаза не смежаются.
И знать,
и помнить,
и верить в одно:
она — продолжается!
1927

Александр Жаров

96. ОСЕННЯЯ ПРЕЛЮДИЯ

А. В. Луначарскому

Я почти не знал
Поры неволи,
Ей в лицо
Проклятьем не гремел.
Я — из тех,

Кто опоздал в подполье
И в тюрьму немного не успел.

Я, друзья мои,
Из той породы,
У которой в грозные часы,
В октябре семнадцатого года,
Не было
Намека на усы.

Но и я
С неукротимым пылом
Нес свои тринадцать с чем-то лет
Так, чтобы скорее можно было
Возложить их
На алтарь побед.

Не один
Такой вот шустрый мальчик
Поднимался юнгой на корабль...
Я — из тех,
Которых нежно нянчил
И растил
В своих боях Октябрь.

Он носил нас
По своим невздам
И купал нас в радостях своих...
Из друзей, прошедших путь походов,
Многих нет
Теперь уже в живых...

А у тех,
Кого десятилетье
Сохранило на своей заре,
Есть уже
Малюсенькие дети,
Говорящие... об Октябре.

Знают все они,
Что значит — Ленин...
Знают:
С ним пришла земли весна.

Неразрывной
Цепью поколений
Жизнь страны моей
Укреплена.

Ну и что ж,
Что в грозную погоду
У теперешней,
Как говорят, «комсы»
Осенью семнадцатого года
Не было намека на усы? ..

Стали мы
Надежным мостом к новым
Людям, подрастающим гурьбой...
Мы за них
Теперь пойдем на бой
И за вас,
Обласканных суровой
И благословенною судьбой!

<11 ноября> 1927

Василий Каменский

97. ДЕСЯТЬ

Рабочий!
Крестьянин!
Вставай, победитель, вставай, —
Единой смыкайся грудью:
Сегодня во имя строительства
Празднуем юбилей многотрудью.
Скованных десять лет —
наша победа — награда:
Мы прочно сидим в седле,
мы плотно шагаем
в отрядах,
Великой борьбою обучены,
славим завет Ильича.

Мускулы сталью закручены,
а кровь, как огонь, горяча.
Массы морскими волнами
плещутся в натиске яром:
Маковым полем.— над головами
рдеют знамена пожаром.
Штормом взывает земля,
«Интернационалом» бушующая.
Советская власть Кремля
зажала в тиски буржуя.
Классовый враг жесток —
держит отточенный нож.
Эй, пролетарский Восток,
военную мощь умножь.
Шире открой глаза,
будь начеку, на вышке.
Помни, что Ленин сказал
о временной лишь передышке.

Помни: враг
Всегда у врат.
Готовым будь,
Чтоб в путь —
Во всеоружье сил и мер
Стать на защиту ССР.

Рабочий!
Крестьянин!
Воин труда!
Вставай,

победитель, вставай, —
стройся единым строем:

Сегодня
во имя строительства
Да будет наш труд —
героем.
Десять тяжелых годин
крепили октябрьскую волю,
А теперь еще шире в груди
для жизнетворных раздолий.
Каждый в работе спокоен —
силы энергией льются:
Наш большевистский воин
всегда на посту революции.

Под крылом Красной Армии нашей
и под партийным крылом,
Мы ли всю землю не вспашем
тракторами напролом!
Электричеством скоро оденем
заводы, деревни и города.
И если не хватит денег —
хватит золотого труда.
Индустрия! Промышленность!
Кооперативы!
Днепрострой! — пути велики.
Достиженья, проекты — ретивы, —
социалистические маяки.
Сомкнувшись под ленинским стягом,
Станем в работе стройны.
Сегодняшний праздник — присягой
да будет Советской страны.
Десять годин, как сто,
отстояли.
Радуйся! Ратуй!
Десять стальных мостов
перекинули
Мировому Пролетариату.

<13 ноября> 1927

Борис Пастернак

98. К ОКТЯБРЬСКОЙ ГОДОВЩИНЕ

1

Редчал разговор оживленный.
Шинель становилась в черед.
Растягивались в эшелоны
Телятники маршевых рот.

Десятого чувства верхушкой
Подхватывали ковыли,
Что этот будильник с кукушкой
Лет на сто вперед завели.

Бессрочно и тысячеверстно
Шли дни под бризантным дождем.
Их вырвавшееся упорство
Не ставило нас ни во что.

Всегда-то их шумную грудю
Несло неизвестно куда.
Теперь неизвестно откуда
Их двигало на города.

И были престранные ночи
И род вечеров в сентябре,
Что требовали полномочий
Обширней еще, чем допрежь.

В их августовское убранство
Вошли уже корпия, креп,
Досрочный призыв новобранцев,
Неубранный беженцев хлеб.

Могло ли им вообразиться,
Что под боком, недалеке,
Окликнутые с позиций
Жилища стоят в столбняке?

Но, правда, ни в слухах нависших,
Ни в стойке их сторожевой,
Ни в низко надвинутых крышах
Не чувствовалось ничего.

2

Под спудом пыльных садов,
На дне летнего дня —
Нева, и нефти пятном
Расплывшаяся солдатня.

Вечерние выпуска
Газет рвут нарасхват.
Асфальты. Названья судов.
Аптеки. Торцы. Якоря.

Заря, и под ней, в западне
Инженерного замка, подобный
Равномерно-несметной, как лес, топотне
Удаляющейся кавалерии, — плеск
Литейного, лентой рулетки
Раскатывающего на роликах плит
Во всё запустенье проспекта
Штилетную бурю толпы.

Остатки чугунных оград
Местами целеют под кипой
Событий и прахом попыток
Уйти из киргизской степи.

Но, тучи черней, аппарат
Ревет в типографском безумьи, —
И тонут копыта и скрипы кибиток
В сыпучем самуме бумажной стопы.

Семь месяцев мусор и плесень, как шерсть,
На лестницах министерств.
Одинокий, как перст, —
Таков Петроград,
Еще с Государственной думы
Ночами и днями кочующий в чумах
И утром по юртам бесчувственный к шуму
Гольтепы.

Он всё еще не искупил
Провинностей скипетра и ошибок
Противного стереотипа
И сослан на взморье, топить, как Сизиф,
Утопии по затонам,
И, чуть погрузив, подымать эти тонны
Картона и несть на себе в неметенный
Семь месяцев сряду пыльный тупик.

И осень подходит с обычной рутинной
Крутящихся листьев и мокрых куртин.

Густая слякоть клейковиной
 Полощет улиц колею:
 К виновному прилип невинный,
 И день, и дождь, и даль в клею.

Ненастье настигает скаты,
 Гремит железо пласт о пласт,
 Свергает власти, рвет плакаты,
 Натравливает класс на класс.

Костры. Пикеты. Мгла. Поэты
 Уже печатают тюки
 Стихов потомкам на пакеты
 И нам под кету и пайки.

Тогда, как вечная случайность,
 Подкрадывается зима
 Под окна прачечных и чайных
 И прячет хлеб по закромам.

Коротким днем, как коркой сыра,
 Играют крысы на софе
 И, протасив по всей квартире,
 Укатывают за буфет.

На смену спорам оборонцев —
 Как север, ровный Совнарком,
 Безбрежный снег и ночь, и солнце,
 С утра глядящее сморчком.

Пониклый день, серье и быдло,
 Обидных выдач жалкий цикл,
 По виду — жизнь для мотоциклов
 И обданных повидлой игл.

Для галок и красногвардейцев,
 Под черной кожи мокрый хром.
 Какой еще заре зардеться
 При взгляде на такой разгром?

На самом деле ж это — небо
Намыкавшейся всласть зимы,
По всем окопам и совдепам
За хлеб восставшей и за мир.

На самом деле это где-то
Задетый ветром с моря рой
Горящих глаз Петросовета,
Вперенных в небывалый строй.

Да, это то, за что боролись.
У них в руках — метеорит.
И будь он даже пуст, как полюс,
Спасибо им, что он открыт.

Однажды мы гостили в сфере
Преданий. Нас перевели
На четверть круга против зверя.
Мы — первая любовь земли.

<Ноябрь> 1927

Михаил Светлов

99. ПИРУШКА

Пробивается в тучах
Зимы седина,
Опрокинутся скоро
На землю снега, —
Хорошо нам сидеть
За бутылкой вина
И закусывать
Мирным куском пирога.

Пей, товарищ Орлов,
Председатель Чека.
Пусть нахмурилось небо,
Тревогу тая, —
Эти звезды разбиты
Ударом штыка,

Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.

Пей, товарищ Орлов!
Пей за новый поход!
Скоро выпрыгнут кони
Отчаянных дней.
Приговор прозвучал,
Мандолина поет,
И труба, как палач,
Наклонилась над ней.

Льется полночь в окно,
Льется песня с вином,
И, десятую рюмку
Беря на прицел,
О веселой теплушке,
О пути боевом
Заместитель заведующего
Запел.

Он чуть-чуть захмелел —
Командир в пиджаке:
Потолком, подоконником
Тучи плывут,
Не чернила, а кровь
Запеклась на штыке,
Пулемет застучал —
Боевой «ундервуд»...

Не уздечка звенит
По бокам мундштука,
Не осколки снарядов
По стеклам стучат —
Это пьют,
Ударяя бокал о бокал,
За здоровье комдива
Комбриг и комбат...

Вдохновенные годы
Знамена несли,

Десять красных пожаров
Горят позади,
Десять лет — десять бомб
Разорвались вдали,
Десять грузных осколков
Застряли в груди. . .

Расскажи мне, пожалуйста,
Мой дорогой,
Мой застенчивый друг,
Расскажи мне о том,
Как пылала Полтава,
Как трясся Джанкой,
Как Саратов крестился
Последним крестом.

Ты прошел сквозь огонь —
Полководец огня,
Дождь тушил
Воспаленные щеки твои. . .
Расскажи мне, как падали
Тучи, звеня
О штыки,
О колеса,
О шпоры твои. . .

Если снова
Тифозные ночи придут,
Ты помчишься,
Жестокие шпоры вонзив, —
Ты, кто руки свои
Положил на Бахмут,
Эти темные шахты благословив. . .

Ну, а ты мне расскажешь,
Товарищ комбриг,
Как гремела «Аврора»
По царским дверям
И ночной Петроград,
Как пылающий бриг,
Проносился с Колумбом
По русским степям;

Как мосты и заставы
Окутывал дым
Полыхающих
Красногвардейских костров,
Как без хлеба сидел,
Как страдал без воды
Разоруженный
Полк юнкеров. . .

Приговор прозвучал,
Мандолина поет,
И труба, как палач,
Наклонилась над ней. . .
Выпьем, что ли, друзья,
За семнадцатый год,
За оружие наше,
За наших коней! . .

<Ноябрь> 1927

100. БОЕВАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ

Гуди над батальоном,
Знакомая пальба,
Труби над батальоном,
Десятая труба.
Опять передо мною
Огонь и свинец,
Весь мир передо мною,
Как Зимний дворец. . .
Время свершает
Десятый полет, —
К британскому флоту
«Аврора» плывет.
Скоро над миром
Запляшет картечь,
Двенадцатидюймовая
Наша речь.
Снова встал у пушки
Старый канонир.
Что ты будешь делать,
Старый мир?

Снова ли затрубишь
В боевой рог
Или покорно
Ляжешь у ног?
Лошадям не терпится
Перейти вброд
Новый, тяжелый
Одиннадцатый год.
Ну, а мне не терпится —
В боевом огне
Пролететь, как песня,
На лихом коне.
Я пока тихонько
Сижусь и пою,
Я пока готовлю
Песню мою. . .
Гуди над батальоном,
Знакомая пальба,
Труби над батальоном,
Десятая труба!

<Ноябрь> 1927

Якуб Колас

101. БОРЦАМ ЗА ОКТЯБРЬ

Буря дол и небо застилала дымом,
Вы навстречу буре шли неудержимо.

Бушевало море, волны рокотали,
Вы вперед шагали, вас манили дали.

Раскалялись пушки, грохотали громы,
Вы их не слышали, шли сквозь буреломы.

Разрывали цепи, вековые пути,
А за каждой кочкой — враг жестокий, лютый.

Города горели, полыхали хаты,
Не хотел сдаваться старый мир проклятый.

Каледин, Корнилов, Колчак и Деникин
Вас сломить пытались в ненависти дикой.

Суда и десанты слала заграница,
Не прошли убийцы, не смогли пробиться.

Ваша сила вражий натиск тот сломала,
На дорогах трудных вас легло немало.

А дороги ваши — горы, перевалы,
Вы их одолели, смерть вас не пугала.

Пройден путь почетный, пройден путь заметный,
Пусть враги грозятся, их потуги тщетны!

Пусть войну готовит Чемберлен за морем.
Брошено по свету много наших зерен.

Зерна правды, света проросли не втуне,
Стали близкой явью думы о Коммуне.

1927

Сергей Городецкий

102. ОДИННАДЦАТЫЙ ГОД

СССР! Он весь растет,
Летит за ленинской звездой,
Не удержать его полет
Былого рваною уздой.

Лохмотья прочь! Смелей порыв!
Пусть от работы ноют плечи,
Мы одолеть должны наплыв
Всех тягот, всех противоречий.

Открыв воздушные пути,
Пропеллером мы небо гложем,
Но ни проехать, ни пройти
Своей землей еще не можем.

Полярные громады льда
Винтами «Красина» взрывая,
Мы вдруг краснеем от стыда
Под хлесткой розгой Лудорвая.

Взнуздав и Волхов и Куру
Турбинами Электростроя,
Мы деревенских крыш дыру
Обветренной соломой кроем.

Поймав историю в капкан
Диалектических законов,
Мы терпим всё еще туман
Церковных ладанов и звонов.

Нет! Нет! Невежества тайгу,
Спиртного змея людоедство,
Звериный сон в грязи, в снегу —
Былого подлое наследство —

Мы можем, смеем, мы должны
Набегом юности проворной,
Напором мускулов стальных
Преодолеть в борьбе упорной!

Взгляни на карту! Как медведь,
Ломая клеть меридианов,
Союз на полюс поглядеть
Прилег к седому океану.

И словно горсть посевной ржи,
Рассыпанная в пустошь мира,
Тысчонка городов лежит,
Кой-где рассеянная сиро.

Кругом бегут леса стремглав,
И воют реки по безлюдью.
Земля глядит из диких трав
Кой-где распаханною грудью.

В просторах дикой тишины
Глотают бешеные ветры
Едва родящейся страны
Несчитанные километры.

Тираны знали с давних лет:
Для трона крепче нет подножья,
Дороги к рабству лучше нет,
Чем тьмы народной бездорожье.

Но загорались очаги,
И горны молнии ковали.
Тиранства дерзкие враги
Рождались, падали и звали.

В подполье каждая доска,
В Сибири каждая тропинка
Потела кровью бедняка
Перед Октябрьским поединком.

И вот одиннадцатый год,
Как месть и смерть, огонь и злоба,
Сметая всё, что жизнь гнетет,
Громаду вынули из гроба.

Взгляни на карту. Не узнать
Смиренной родины Толстого!
Бушует юная весна,
Снося развалины былого.

Слепых губерний темнота
Восстала радугами наций,
Пустынь иссохшие уста
Уже с каналами роднятся.

Сверкают дали всё густей
Огнями домны алозвездной,
И тонет в стройке областей
Тоска заплеванных уездов.

Руками врубовых машин
И жалом бурова стального
Тепло мы тянем из глубин
На стройку счастья мирового.

Мы человечество ведем
На волю из позорной клетки.
И смотрит будущим вождем
Питомец каждой семилетки.

Не каркайте за рубежом
На юную Страну Советов!
Дотла мы прошлое сождем
Лучами ленинского света!

Да! Не хватает чугуна!
Да! Заострен кулацкий сектор!
Но труса праздновать вольна
Лишь обывательская секта.

Труднее было. Мы снесли!
Опасней было. Не сдались мы!
Нас ожидают не вдали
Неслыханные катаклизмы.

И одолеем мы везде
Былого дряхлое уродство,
Мы всем владеем, овладев
Орудиями производства.

Их сами мы должны создать
Из нашей крови, коль нет денег!
К лишениям нам не привыкать,
Но кандалов мы не наденем!

Дружней напор! Смелей порыв!
Пусть от работы ноют плечи,
Мы одолеть должны наплыв
Всех тягот, всех противоречий.

<7 ноября> 1928

Николай Дементьев

103. СТУДЕНТЫ В ДЕВЯТНАДЦАТОМ ГОДУ

Холод.
Голод.
И нет в общежитии дров.
На заштопанных окнах
Блестят, как в музее, караты.
Пар валит к потолку.
А по трубам, как кровь,
Леденеет вода —
И взрывается вдруг радиатор.

В рваных валенках,
В серых ошметках калош,
В рыжих «польтах»,
Похожие на оборотней,
Истощенные голодом,
Все как один — молодежь —
Отправляются в лес по дрова
По морозцу,
В пургу —
На субботник.

Лес лежит перед ними,
Как вспухшая капля чернил
На холодном листе
Глазированной солнцем бумаги.
Дом лесничего,
Сад его — мертвый.
Их закочил
Многоградусный бред.
Растопи его
Жаром отваги!

Раздоби его визгом
Зубастых
Ощеренных пил,
Разруби колуном на куски,
Расщепи топорами

Ты,
Голодное войско,
Да так, чтобы пар повалил,
Чтобы жар полыхал
Верст на двадцать кругом
И над вами!

И действительно:
Горсточка серых людей,
Чуть хлебнув поутру
Недоваренную чечевичу,
Взгрела первым ударом
Декабрьский
Простуженный день...
И того разморило,
И стало ломить поясницу.

«Гул прошел по трущобам»,
Как кто-то когда-то писал.
Сосны падали,
Ели невзвидели света.
Кучка, горсточка,
Сорок студентов,
А залп,
Как из гаубиц,
От грозно обрушенных веток.

Все в царапинах, в ссадинах
Руки, лицо — не болят.
Не гудят и не ноют
Ходьбой утомленные ноги.
Шаг за шагом,
Удар за ударом,
И всё — штабеля,
Штабеля
Вдоль полотен
Железной дороги!

Всё — тебе,
В твой гангреной пылающий рот,
Паровоз,
Наш защитник,

Помощник и днями и ночью.
Всё — для вас,
Для товарищей,
Мерно ушедших
На фронт
Умирать за республику,
За города,
За рабочих!

Два десятка студентов,
Едва уцелевших в тылу,
Посылают горячий,
Пропахший смолою подарок...

.
А вернувшись с субботника,
Люди заснули в углу
На промерзшем полу
И дышали сгустившимся паром.

Хлеба не было.
В вузы никто не ходил.
В трубах пухла вода.
Мертвой ватой
Покрылись карнизы...
И студенчество слушало
Мерную поступь годин:
Шел Колчак,
Шел Деникин,
Рождался в крови
Коммунизм.

<Октябрь> 1928

Михаил Рудерман

104. ОКТЯБРЬ

Кривой забастовок,
Штандартом войны,
Зарубками в памяти
Крепкие даты.

На шатких границах
Усталой страны
Солдаты! Солдаты!
Солдаты! Солдаты!
Сквозь стужу,
Сквозь строй офицерской толпы,
Сквозь ропот теплушек,
Сквозь гул одичалый
Рабочий призыв
Прозвучал как начало,
Начало великой Октябрьской борьбы!

Назад повернулся
Мерцающий штык,
Размыты пустые
Ложбины окопов.
На север! На север!
Мерлушковым скопом
На Питер!
Потопом
Попер фронтовик.
Решимость — в глазах
И в подсумках — свинец.

В нахмуренном Смольном
Огни и дозоры,
И вот бронированный корпус «Авроры»
Наводит орудья
На Зимний дворец!

Так буря рождалась,
Чтоб стать ураганом,
Так миг становился
Огромным, как век,
Так с волей железной
И черным наганом
К великой победе
Прошел человек!

Пусть муки Поволжья!
Пусть выжженный хутор!

Седых матерей
Неутешная грусть.
И крики голодных,
Раздетых, разутых,
И мертвое тело товарища — пусть.
Над миром —
Огонь пятикрылого знака!
Вскипает прибой
Молодых голосов
И длится металла и мысли
Атака
В громадах сверкающих корпусов,
В аулах, в глухих кишлаках
И селеньях
И клубы и школы
Народа полны!
Мы бьемся с отвагой
И прежним терпеньем
На этих
Иных Перекопах страны!

Республика!
В край буревой непогоды,
С равнин Беломорья
До горных озер,
Идут закаленные
Нужные годы,
Встает молодой
Удивленный простор.

<7 ноября> 1928

Шали Кекилов

105. СТАРОЕ НЕ ВЕРНЕТСЯ!

Злое старое время,
С чем ты можешь сравниться?
Только с черною тучей,
Только с мраком темницы!

Но однажды великий
Гром на севере грянул,
Стрелы молний блеснули, —
И народ мой воспрянул!

Освежающий ливень
Хлынул с облачной кручи.
Резкий ветер повеял —
И рассеялись тучи.

Разлилась по просторам
Животворная влага.
Слава светлому чуду,
Чуду красного флага!

О сверкающем солнце
В новых песнях поется.
Злое старое время
Никогда не вернется!

1928

Виссарион Саянов

106

Семнадцатилетние мальчики,
Вы запомнили пули и топот,
Те дороги, которые юность,
Как дружную песню, вели,
В полуночных разведках,
В перестрелках накопленный опыт
И вечерние дали
Завещанной вьюгам земли.

Знаю, в Смольном тогда
Вы стояли в ночном карауле,
И Ильич, улыбаясь,
Встречал из-за Нарвской ребят.
Наша юность прошла,
Эти годы давно промелькнули,

Но они посейчас
В нашем сердце немолчно гудят.

Вместе с нами росли
И деревья высокого сада,
Мы не знали тоски,
Но кипело волнение в крови. . .
Вечерами теснятся дожди,
На рассвете приходит прохлада.
Поколение наше,
Ты меня трубачом назови.

Барабанщиком ставь
В ряд большого пехотного строя.
Я учу тебя песням,
Выдай на руки нынче ж ружье,
Чтобы вместе с тобой
На просторы грядущего боя
На октябрьской заре
Пробивалось сердце мое.

То — совсем поутру,
То — в двенадцать часов пополуночи,
Проходя по путям,
Под раскаты грохочущих труб,
Я опять узнаю
Тех, которые больше не юноши, —
Мужская упрямая складка
Легла возле губ.

Я их вновь узнаю
Среди сабель и пик эскадронов,
В тихом дне типографий
И в сумраке угольных шахт,
Прохожу торопясь,
Только за плечи запросто тронув,
Как в походном строю,
По команде равняя свой шаг.

Сразу буря берет нас
И снова выносит на берег
Пятилетки труда
И заводских ударных бригад.

Поколение наше
Берет все барьеры Америк.
Сто дорог впереди,
Ни одной не осталось назад.

Но, ровесники бури,
Сыновья трудового народа,
Если грянет война
И в полях закружится метель,
Мы готовы опять
К перестрелкам большого похода,
Мы начистим штыки
И привычно скатаем шинель.

<Июль> 1929

Египше Чаренц

107. 25—26 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

(Отрывок)

Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые. . .

А. Пушкин

И тучи и Нева темна,
Нева колотится в гранит,
и над дворцами пелена
дымообразная висит.
Как бы незримая рука
сегодня угрожает им.
По беспредельным мостовым
потоком движется сплошным
встающий на борьбу народ:
он без конца идет, идет. . .

И тучи. Серая река,
взволнована и широка,
качает волны. Вдалеке —
грузно сидящая в реке

«Аврора». Зимний, словно пес,
застыл и смотрит пред собой.
Страх всё растёт. И страх двойной
в безликий ужас перерос,
любой минутою сгущен,
всё тяжелей и резче он.
Страх всё растёт. И там, вдали,
за Зимним, близко от Невы,
там, где неукротимы львы,
которые в стихи вошли
великого поэта, — там
на улице орудий ряд.
...И пальцы тонкие дрожат
у женщины. Стоит она,
тревогою поражена.
Ей страшно — и она бледна.
Не удержать ее рукам
винтовки, чей приклад — как лед,
и холод давит и гнетет.
Дыханье вихрей и дождей
пронизывает до костей.
Всё ищет женщина врага, —
так где ж он? Пусты берега.
Страх всё растёт.

Но почему
здесь эта женщина? И страх
зачем застыл в ее глазах
и на лице? В туман и в тьму,
в неповторимый ход минут
кто женщину поставил тут?
Страх всё растёт.

Страх всё сильней,
хотя едва не рядом с ней —
ведь до него подать рукой —
ее знакомец дорогой,
ее возлюбленный. Она
его так любит. Так нежна
она к нему. И, как герой,
она сражается с «ордой»
большевиков по целым дням, —
и страх гнетет. Хотя вон там
ее любимый трубадур,

но страшно ей вдвойне, втройне.
Дворцы в какой-то пелене:
туман на них глядит в упор.

Так обрати сюда свой взор —
на профиль, нежный, как фарфор,
и тонкий, словно медальон,
на эти руки, что дрожат.
Вот эта женщина — солдат,
чей амазонский батальон
от бедствий защищать готов
глухие комнаты дворцов,
где некогда царил устав
екатерининских забав...

И страх всё возрастает...

.....
Там,
поближе к разъяренным львам,
где точит медленная мгла
Сената стену, где скала,
как бы сорвавшаяся с гор,
на смутной площади легла,
и высока и тяжела,
и руку с высоты простер
великий царь в сырой простор, —
там, недалеко от столпа,
стоит с оружием в руках
и смотрит на дворцы толпа.
Растет, как испытанье, страх.
Ты сможешь ли воспеть в стихах
величье мглы и этот вал,
который троны расшатал...

.....
Страх всё растет. И, словно в дым,
предсмертный миг в туман ушел, —
и Медный всадник так тяжел,
что конь шатается под ним...

.....
Страх всё растет.
И, где река

туманом скрыта, широка,
волну вздымает за волной, —
там высится совсем иной,
тяжелый, неприступный дом.
Был монастырь когда-то в нем,
потом учились в доме том,
кадриль водили, вновь и вновь
играли в ревность и любовь.
И был любой аристократ
взять в жены институтку рад. . .
А нынче здесь как будто бой,
весь дом за гранями оград,
все переулки, площадь, сад
суровой заняты толпой.
Здесь нынче встали в свой черед
машины бомбометных рот
и пулеметов виден строй.
Здесь армия в гнезде своем, —
такую где еще найдем?
Страх всё растет.

И здесь сейчас
в одной из комнат небольших
подвижный человек затих.
Он, улыбаясь, щурит глаз.
И сразу вдруг, взглянув назад,
весь повернулся. И опять
работает прилежно он.
По одному, чтоб не мешать,
к нему идут. За ним стоят
в дверях два красных часовых.
Не в тезисы ли погружен,
работает прилежно он?
Но только звякнул телефон,
со стулом вместе, сразу, вдруг,
он повернулся. Он из рук
не выпускает трубки. Строг
и озабочен человек.
И вдруг как будто бы толчок
потряс его: — «Аврора»? . . Да . . .
Все держатся? . . Ну, что ж. . . — Тогда
минута обратилась в век.
Он думает. Он онемел

всего на миг один. Потом
он дышит в трубку жарким ртом.
Приказ он кратко отдает,
его приказ:

«Начать обстрел!»

.
Страх всё растет.

<Ноябрь> 1929

Всеволод Рождественский

108. РАССТАВАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

.
В грозе и буре рухнул век,
Насилья ночь кляня.
Родился новый человек
Из пепла и огня.

Ты в эти дни была сестрой
В косынке до бровей,
И ты склонялась надо мной,
Быть может, всех родней.

А в Октябре на братский зов,
Накинув мой бушлат,
Ты шла с отрядом моряков
В голодный Петроград.

И там, у Зимнего дворца,
Сквозь пушек торжество,
Я не видал еще лица
Прекрасней твоего!

Я отдаю рукам твоим
Штурвал простого дня.
Простимся, милая! С другим
Не позабудь меня.

Во имя правды до конца
На вечные века

Вошли, как жизнь, как свет, в сердца
Слова с броневика.

В судьбу вплелась отныне нить
Сурового пути.
Мне не тебя, а жизнь любить!
Ты, легкая, прости.

<1929>

Александр Прокофьев

109. МЫ

Мы — это воля людей, устремленных только вперед,
вперед!

От Белого моря до Сан-Диего слава о нас идет.
Огромные наши знамена — красный бархат и шелк,
Огонь, и воду, и медные трубы каждый из нас прошел.
В семнадцатом (глохни, романтика мира!) мы бились,
как черти, в лоск.
Каждый безусым пошел на фронт, а там бородой оброс.
В окопах выла стоймя вода, суглинок встал на песок.
Снайперы брали офицеров прицелом под левый сосок.
И вся страна была в огне — и мы по всем фронтам.
Шпиг и солдатский английский френч мы добывали
там...

Земля, война, леса, война... Земля была пуста.
Мы перебили всех ворон, всех галок на крестах!
Мы взяли вновь свою страну, мы в громе битв клялись,
Мы били белых под Орлом, под Жмеринкой дрались...
За этот бой, где пала сплошь кровавая роса,
Нас всех, оставшихся в живых, берут на небеса!
Но нам, ребята, не к лицу благословенный край...
Я сам отправил четверых прямой дорогой в рай.
Тут арифметика проста — гудит свинцовый рык.
Четыре порции свинца — в обрез на четверых.
Таков закон моей страны, ее крутая речь.
Мы все обязаны ее, Высокую, беречь...
Мы — миллионы людей бесстрашных, те, что разрушили
гнет.

По всем иноземным морям и странам слава о нас идет.
На тысячу верст знамена — красный бархат и шелк,
Огонь, и воду, и медные трубы каждый из нас прошел.
1930

Иосиф Уткин

110. О ЮНОСТИ

Мне говорят:
Мол, мы не дышим маем,
Мол, юности расцветок не берем.
Ах, чудачки!
Они не понимают:
Мы юношествовали с Октябрем.
Быть современником
Огромной славы: Ленин,
Включать в артерии
его
высокий ток!
Кто был моложе нас?
Какое поколение?
Когда, скажите?
Кто?

Мне говорят:
Учитесь трелям Фета, —
Льют соловьи,
Грохочет водоем;
Ах, чудачки,
Друзьям, как эстафету,
Мы, умирая,
Песнь передаем.
И эта песнь — простреленной, пропетой,
Как кольт,
Как молоток в работе под рукой.
Какой, скажите мне,
Из всех поэтов
Был больше нас поэт?

Скажите мне,
Какой?

Мне говорят:
История с колена
Вам метит в грудь...
Враг жив... не забудь...
Ах, чудаки!
Всё наше поколение
Над баррикадами поднять готово грудь.

Нас и не грел
Камин благополучья,
В сибирских рудниках
Нас шлепал адмирал.
Но рабский страх
Нас никогда не мучил.
И никогда
Осмысленней и лучше
Никто еще
Не жил,
Не умирал!..

<7 ноября> 1930

Александр Прокофьев.

111. РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Такое нельзя не вспомнить. Встань, девятнадцатый год!
Не армии, скажем прямо, — народы ведут поход!
Земля — по моря в окопах, на небе — ни огонька.
У нас выпадали зубы с полуторного пайка.
Везде по земле железной железная шла страда...
Ты в гроб пойдешь — не увидишь, что видели мы тогда.
Я всякую чертовщину на памяти разотру,
У нас побелели волосы на лютом таком ветру.
Нам крышей служило небо, как вóрон летела мгла,
Мы пили такую воду, которая камень жгла.
Мы шли от предгорий к морю, — нам вся страна отдана,
Мы ели сухую воблу, какой не ел сатана!

Из рук отпускали в руки окрашенный кровью стяг.
 Мы столько хлебнули горя, что горе земли — пустяк!
 И все-таки, все-таки, все-таки прошли сквозь огненный
 шквал.
 Ты в гроб пойдешь — и заплачешь, что жизни такой
 не знал!
 Не верь ни единому слову, но каждое слово проверь.
 На нас налетал ежечасно многоголовый зверь.
 И всякая тля в долине на сердце вела обрез.
 И это стало законом вечером, ночью и днем,
 И мы поднимали снова винтовки наперевес,
 И мы говорили: «Ладно, когда-нибудь отдохнем».
 Бери запоздалое слово и выпей его до дна,
 Коль входит в историю славы единственная страна.
 Ты видишь ее раздольный простор полей и лугов...
 Но ненависть ставь сначала, а после веди любовь!
 Проверьте по документам, которые не солгут, —
 Невиданные однолюбы в такое время живут.
 Их вытянула эпоха, им жизнь и смерть отдана.
 Возьми это верное слово и выпей его до дна.

Стучи в наше сердце, ненависть! Всяк ненависть
 ощетинь!

От нас шарахались волки, когда, мертвецы почти,
 Тряслись по глухому снегу, отбив насмерть потроха.
 Вот это я понимаю, а прочее — чепуха!
 Враги прокричали: «Амба!»

«Полундра!» — сказали мы.

И вот провели эпоху среди ненавистной тьмы.
 Зеленые, синие, белые — сходились друг другу в масть,
 Но мы отстояли, товарищ, нашу советскую власть.

1930

Перец Маркиш

112. ОКТЯБРЬСКИЕ СТИХИ

Путь — в гору! Ввысь! Прямее переходы!
 День ото дня увереннее шаг!
 Мы с лампами на лбах раскалываем годы,
 Как антрацит в седых глубинах шахт!..

И даль шумит, день ото дня огромней,
И в каждом шаге — родовая боль.
Как уголь, глыбами мы катим время к домне,
Переплавляющей всемирную юдоль.

Сплетаются пути, как руки человечьи,
И дали ширятся, день ото дня светлей,
И движется грядущее навстречу
Стогами золотистыми с полей. . .

Песчинка слабая и исполинский камень
Стать молотом хотят и молят об одном,
И алчут одного: «Возьмите нас руками
И киньте в горн, и мы смешаемся с огнем!»

Дорога — в гору! Ввысь! Прямее переходы!
И горькой кровью битв разит от кирпича. . .
Мы с лампами на лбах крушим и колем годы,
Как в шахтах уголь колетса сплеча.

Наш пульс гремит, как толпы на рассвете,
И сердце пенится, как океанский вал,
Как телеграфные столбы, стоят столетья. . .
Эй, в гору, в гору, ввысь — и через перевал!

Мелькают города, и даль лежит — огромна.
Взывает к полночи рожок грузовика. . .
И уголь глыбистый проглатывает домна,
Переплавляющая ржавые века.

Мы — молодость страны, мы — в силе и расцвете
И чувствуем себя день ото дня бодрей,
И, стоя на горе в развернутой заре,
Встречаем первое октябрьское столетье!

1930

Виктор Гусев

113. ОКТЯБРЬСКИЙ СМОТР

Не глядя на непогоду,
 презирая протесты дождей,
Идут молодые художники
 к полотнищам площадей.
Они не жалеют красок,
 они не жалеют трудов,
И вспыхивают плакаты
 на улицах городов.
И вот выплывает в небо
 холодная луна.
Осталась до годовщины
 короткая ночь одна.
И кажется мне —
 начиная
 пятнадцатый свой год,
Октябрьская революция
 совершает ночной обход.
Она проверяет твердость
 армии своей,
Она проверяет оружие,
 она проверяет людей.
И прежде всего она спрашивает
 каждого из нас:
— Под знаменем партии Ленина
 идет ли рабочий класс? —
И мы отвечаем —
 впрочем,
 надо сказать точнее —
Автомобили АМО
 за нас отвечают ей,
Молодые кузнецкие домны
 чугуном отвечают ей,
И ясли ей отвечают
 ровным дыханьем детей.
Ее приветствуют школы
 каракулями ребят,

Ей орденом салютуют
герои ударных бригад.
И хоть работы немало
и некогда им присесть,
— Вперед! —
говорит Революция.
И они отвечают:
— Есть... —

Она проходит дальше,
и спрашивает она:
— А что моя Красная Армия,
по-прежнему ли сильна? —
Вопрос ее затихает,
встреченный тишиной.
Нельзя говорить часовому,
а армия — часовой.
И это лучше ответа,
недаром вопят в ночи
Французские генералы,
бухарские басмачи.
Недаром сжимается злобно
в расшитых шевронах рука.
Овладевают техникой
дивизии РККА.
Умножь ее на соревнование
и силы попробуй учесть.
— Готовьсь, —
говорит Революция.
И бойцы отвечают:
— Есть! —

Она проходит дальше,
и хочет она узнать:
Быть может, сошла на Европу
Гуверова благодать?
Но полицейские залпы
оттуда гремят в ответ.
Глогает газ безработный —
самый дешевый обед.
С грохотом рушатся биржи,
пылает банкиров закат.
— «Рот фронт», — говорят ей компартии
на сорока языках.

Миллионы угрюмых рабочих
они ведут за собой.

— В бой, —

говорит Революция.

И они отвечают:

— В бой! —

И дальше идет Революция.

И рапорт ей отдает

Мой девятьсот девятый,
довольно отважный год.

Он в призывных комиссиях
стоит, к обороне готов.

Его врачи выслушивают,
и он говорит — здоров.

И нам дают назначенье
и круглую ставят печать.

Наша приходит очередь
Республику защищать.

Мы, конечно, молоды,
но поступь у нас тверда.

— Вперед, —

говорит Революция.

И мы отвечаем:

— Да! —

Не глядя на непогоду,
презирая протесты дождей,

Идут молодые художники
к полотнищам площадей.

Они не жалеют красок,
они не жалеют трудов.

И вспыхивают плакаты
на улицах городов.

И вот выплывает в небо
холодная луна.

Осталась до годовщины
короткая ночь одна.

<Октябрь> 1931

Вера Инбер

114. ВПОЛГОЛОСА

К годовщине Октября

1

Даже для самого красного слова
Не пытаюсь притворяться я.
Наша память — это суровая
Неподкупная организация.
Ведет учет без пера и чернила
Всему, что случилось когда-либо.
Помнит она только то, что было,
А не то, что желали бы.
Например, я хотела бы помнить о том,
Как я в Октябре защищала ревком,
С револьвером, в простреленной кожанке.
А я, о диван опершись локотком,
Писала стихи на Остоженке.
Я писала лирически-нежным пером,
Я дышала спокойно и ровненько,
А вокруг, отбиваясь от юнкеров,
Исходили боями Хамовники.
Я хотела бы помнить пороховой
Дым на улице Моховой
Возле университета.
Чуя смертный полет свинца,
Как боец и жена бойца,
Драться за власть Советов,
Невзирая на хлипкий рост,
Ходить в разведку на Крымский мост.
Но память твердит об одном лишь:
«Ты этого, друг мой, не помнишь».
История шла по стране напрямик,
Был полон значения каждый миг,
Такое не повторится.
А я узнала об этом из книг
Или со слов очевидцев,
А я утопала во дни Октября
В словесном шитье и кройке.
Ну что же! Ошибка не только моя,

Но моей социальной прослойки.
Если б можно было, то я
Перекроила бы наново
Многие дни своего бытия
Закономерно и планоно.
Чтоб раз навсегда пробиться сквозь это
Напластование фактов,
Я бы дала объявление в газету,
Если б позволил редактор:
«Меняю уютное, светлое, теплое,
Гармоничное прошлое с ванной —
На тесный подвал с золотушными стеклами,
На соседство гармоники пьяной».
Меняю. Душевной болью плачú.
Но каждый, конечно, в ответ: «Не хочу».

2

Пафос мне не свойствен по природе.
Буря жестов. Взвихренные волосы.
У меня, по-моему, выходит
Лучше то, что говорю вполголоса.
И сейчас, средь песенного цикла,
Вызванного пафосом торжеств,
К сожаленью, слаб, как я привыкла,
Голос мой. И не широк мой жест.
Но пускай не громко, неужели
Не скажу о том, что, может быть,
Есть и у поэта достижения,
О которых стоит говорить?
Он (поэт), который с неохотой
Оторвался от былой главы,
Он, который в дни переворота
С революциями был на «вы»,
Он, который, вырванный с размаху
Из своих ненарушимых стен,
Был подвержен страху смерти, страху
Жизни, страху перемен, —
Он теперь, хоть он уже не молод
И осталась жизни только треть,
Меньше ощущает жизни холод
И не так боится умереть.

И ему почти уже неведом
Страх перед последнею межой.
Это есть поэтова победа
Над своей старинною душой.
И живя и ярче и полнее,
Тот, о ком сейчас я говорю,
Это лучшее, что он имеет,
Отдает сегодня Октябрю.

<Ноябрь> 1932

Борис Корнилов

115. ОСЕНЬ

Деревья кое-где еще стояли в ризах
и говорили шумом головы,
что осень на деревьях, на карнизах,
что изморозью дует от Невы.

И тосковала о своем любимом
багряных листьев бедная гульба,
и в небеса, пропитанные дымом,
летела их последняя мольба.

И Летний сад. . . и у Адмиралтейства —
везде перед открытием зимы
одно и то же разыгралось действие,
которого не замечали мы.

Мы шурили глаза свои косые,
мы исподлобья видели кругом
лицо России, пропитой России,
исколотое пикой и штыком.

Ты велика, Российская держава,
но горя у тебя невпроворот, —
ты, милая, не очень уважала
свой черный, верноподданный народ.

И, как балда — не соразмеря силы
и не поморщив белого чела, —
навозные взяла в ладони вилы
и шапками кидаться начала.

За ночью ночь — огромная и злая
беда твоя, империя, беда!
И льет тебе за шиворот гнилая
окопная и трупная вода,

окружена зеленоватой тьмью,
и над тобою вороны висят, —
вонзай штыки в расплавленную землю
и погляди, голубушка, назад. . .

А осень шла. Ее походка лисья,
прыжки непостоянны и легки,
и осыпались, желтые, как листья,
и оголяли фронт фронтовики.

Не дослужив до унтерских нашивок,
шагали бывшие орлы и львы —
их понесло, тифозных и паршивых,
соленым ветром, дунувшим с Невы.

Шагали, песней утешаясь дошлой —
спасением и тела и души,
и только грязь кипела под подошвой,
и только капли капали, как вши.

Пусть выдают на фронте по патрону,
по сухарю, по порции свинца
и горестно скрипят за оборону,
за гибель до победного конца.

И осень каплет над российским Ваней,
трясет дождя холодной бородой,
поганю водой увещеваний,
а также и окопную водой.

Свинцовое, измызганное небо
лежит сплошным предчувствием беды.
Ты мало видела, Россия, хлеба,
но видела достаточно воды.

Твой каждый шаг обдуман и осознан,
и много невеселого вдали:
сегодня — рано, послезавтра — поздно,
и завтра в наступление пошли.

Навстречу сумрак тягостный и дымный,
тупое ожидание свинца,
и из тумана возникает Зимний
и баррикады около дворца.

Там высекают языками искры
светильники победы и добра,
они, прекраснодушные министры,
мечтают подработать под «ура».

А мы уже на клумбах, на газонах
штыков приподнимаем острие, —
под юбками веселых амазонок
смешно искать спасение свое.

Слюнявая осенняя погода
глядит — мы подползаем на локтях,
за нами гром семнадцатого года,
за нами революция, Октябрь.

Опять красногвардейцы и матросы —
Октябрьской революции вожди,
легли на ветви голубые росы,
осенние, тяжелые дожди.

И изморозь упала на ресницы
и на волосы старой головы,
и вновь листает славные страницы
туманный ветер, грянувший с Невы.

Она мила — весны и лета просишь,
как отдыха и песен бытие. . .
Но грязная, но сумрачная осень —
воспоминанье лучшее мое.

<Ноябрь> 1932

116. ОНА В ЭНСКОМ УЕЗДЕ

Пышные дни — повиновная в этом,
от Петрограда и от Москвы
била в губернию ты рикошетом,
обороняясь, ломая мосты.

Дрябли губерний ленивые туши,
ныли уездов колокола,
будто бы эхом, ударившим в уши,
ты, запоздавшая на день, была. . .

В городе Энске — тоска и молчанье,
земские деятели молчат,
ночью — коровье густое мычанье,
утром — колодцы и кухонный чад.

Нудные думы, посылки солдату
и ожидание третьей зимы, —
ветер срывает за датую дату,
только война беспокоит умы.

А на окраине, за серой казармой,
по четвергам — неурядица, гам;
это на площади — грязной, базарной —
скудное торжище по четвергам.

Это — смешную затеяли свару,
мокрыми клочьями лезет земля,
бедность, качаясь, идет по базару —
и ужасает паденье рубля.

Славно разыграно действие по актам —
занавес дайте, довольно войны!

И революция дует по трактам,
по бездорожью унылой страны,

лезет огнем и смятением по серым,
вялым равнинам и тощим полям, —
будет работа болтливым эсерам,
земским воякам с тоской пополам.

Встали они — сюртуки нараспашку,
ветер осенний летит напрямик,
он чесучовую треплет рубашку
и освежает хотя бы на миг.

Этой же осенью, вялой и хмурой,
в черное небо подъемля штыки,
с послетифозною температурой
в город вступают фронтовики —

те, что в окопах, как тучи, синели,
черною кровью ходили в плену,
на заграждениях рвали шинели
и ненавидели эту войну.

Вот и пришли повидаться с родными
кости да кожа, покончив с войной,
передохнуть, — но стоят перед ними
земские деятели стеной.

Как монументы. Понятно заранее:
проповедь будет греметь свысока
и благородное негодование
хлынет, не выдержав, с языка.

Их, расторопных, не ловят на слове,
как на горох боязливых язей, —
так начинается битва сословий
и поражение «народных друзей».

Земец недолго щебечет героем —
звякнули пламенные штыки,
встали напротив сомкнутым строем,
замерли заживо фронтовики.

Песни о родине льются и льются.
Надо ответное слово — и вот
слово встает: — По врагам революции,
взво-од. . .

Что же? Последняя песенка спета,
дальше команда: — Отставить! —
как гром. . .

Кончилось лето.
Кончилось лето —
в городе дует уже Октябрем.

<Ноябрь> 1932

Владимир Луговской

117. ОКТЯБРЬСКИЕ СТИХИ

Мы жили в ребристом мире,
пели и горевали,
Надолго не обижались,
радовались без затей.
Мы кипятили чайники
на дымных кострах перевалов
И синюю тень самолета
распластывали на высоте.

Камень не перегорает,
и дерево не тонет.
Молодость не умирает,
работа не выдает.
Вот оно, наше будущее, —
в теплых ковшах бетона.
С ним по земле неслыханной
идем
вдвоем.

Я поднимаю голос
мужественный и грубый,
Герои мои не приходят
со мной толковать по ночам.

Меня воспитали трудности,
а не парадов трубы,
А песня сама поется —
важно ее начать.

Герои ко мне не приходят,
я прихожу к героям.
Это мои товарищи,
я с ними учился и рос.
В одно и то же мы верим,
одно и то же мы строим
В клокочущем напряжении,
в капустном дыму папирос.

И это не так уж просто:
мы пели и горевали,
Мы ели, что приходилось,
как люди, мучились мы.
И часто меня томили
глухие ходы рояля,
Рассвет, разрезающий сердце,
сумеречные холмы.

Всё подлинное и живое
в товарищах моих горело.
Весь мир человеческих песен
не был для них чужим,
Но выше, чем жизнь человека,
наше суровое дело,
Ценою утрат и лишений
освободившее жизнь.

Жизнь,
но не ту, что манит
исподволь и украдкой:
— Вот теплая кружка счастья,
держи и губы макай. —
Слышишь,
землю обходит
тоска золотой лихорадки,
Маленький Чарли Чаплин
в зевающих башмаках.

За ним мускулистые летчики,
задумчивые авантюристы,
Веселые самоубийцы, —
романтика милых бродяг,
Вся гвардия старого мира
под радужным флагом корысти.
Я поднимаю взмахом
наш одноцветный флаг.

Проклятая волчья похлебка!
Сколько людей ты взбесила,
Зарезала гложущей страстью —
первыми добежать,
Грабить чужое счастье,
грабить чужие силы
И воспевать свободу
кражи и грабежа.

Один загребает счастье
в бессмысленной лотерее,
Он выкатил жирные грудки,
как цирковой борец.
Белая яхта удачи
несет озаренные реи.
Плывите, красивая барышня —
звезда одиноких сердец!

В ярости и тревоге
шли революции сроки,
На пепле спаленного хлама
она поднялась,
пряма.
Мы приняли, как присягу,
ее боевые уроки:
Знание конечной цели,
ясную силу ума.

Мы взяли наживу грабителей —
награбленное именье,
Конфисковали счастье,
сиявшее всем напоказ,

Чтобы открыть дорогу
 таланту, уму и уменью,
Творческому соревнованью
 стомиллионных масс.

Революция уничтожает
 все пошлости и прикрасы,
Она бережет всё лучшее,
 что создано было людьми.
Единственный класс человечества,
 уничтожающий классы,
Увидел немалое счастье —
 освобожденный мир.

На нас еще огрызаются,
 как боровы у корыта,
Лоточники старых идей,
 сплавляющие благодать.
Они потихоньку тянут
 падаль полузарытую,
Но судьбы таких всеядных
 не трудно уже угадать.

Возле жестокой стройки
 бродят, куплетами тенькая,
Гнусавые кадилоносцы,
 юродствующие враги.
Мы жили в ребристом мире,
 врагов мы ставили к стенке,
И эта елейная сволочь
 не спутает наши шаги.

И первая честь поэта —
 слышать, как рушат и роют
Могучие корни жизни
 старую глушь земли,
Быть рупором и сигналом,
 гореть, как мои герои, —
Они на дрожжах революции
 здорово подросли.

Многообразье времени,
 список побед и несчастий
Силой правдивой мысли,
 твердой строкой одеть,
Быть начинателем сдвигов,
 целым звеном,
 а не частью,
Смело шагать через прошлое
 в мире живых идей.

И, отшвырнув ударом,
 добрым ударом слова,
Псаломщиков нашей славы,
 копеечные умы,
Наполнить пронзительным смыслом
 землю, добытую снова,
Рассвет, разрезающий сердце,
 сумеречные холмы, —

Всё, что насильем и голодом
 скрывалось от века до века,
Всё, что глаза не видали,
 чем не дышала грудь,
Всё подлинное и живое,
 что свойственно человеку,
Который только вступает
 на свой настоящий путь.

<Ноябрь> 1932

Джек Алтаузен

118. «ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

(Отрывок из поэмы)

И, поднимаясь
Выше
Вместе с нами,
Вздувая домны,

В сотни труб
Трубя,
Ты всё бушуешь —
Ленинское знамя,
Из всех боев
Выносим мы
Тебя!

На выжженных
Плантациях
Китая,
Где ленинцев
Стегают,
Режут,
Жгут, —
Бушуешь ты,
Кровавый след кидая,
Из спин
Из наших
Вырезанный жгут.

Сквозь дым,
Сквозь шторм
Несется наш корабль,
Нас до зубов
Октябрь
Вооружил.
Земля,
Мы сквозь тебя
Продернем кабель —
Из самых жарких
Комсомольских жил!!!

Чтоб Косарев,
Прорвав
Чужую зону,
Минуя сотый шквал
И сотый мол,
По жилам нашим,
Как по телефону,
Приветствовал
Гавайский комсомол!

Мы выросли
В борьбе,
Не зная грани.
Кипят ковши
Расплавленных пород.
Двигатели
Ленинских сгораний
Будут долго
Двигать нас
Вперед!

Друзья мои,
Ребята!
Мы — не горстка.
Прислушайтесь:
Везде наш смех звенит.
Ядрами
Из труб Магнитогорска
Первый дым
Врывается
В зенит.

Бросается он вверх
Бросками барса,
Колотит
По небесным
Парникам.
Мы сквозь забои
Черного Кузбасса
Должны пробиться
К рурским горнякам! . .

Озарены
Леса,
Луга
И шири. . .
Гроза и гром —
Двойной удар
Сильней. . .
Должны же люди
В жирном Йоркшире

Когда-нибудь восстать
Против свиней,

Камнями
Шкуры толстые
Обсыпать.
Не думал Гувер
В тишине кают,
Что волны
Разъяренной
Миссисипи
Ему под сердце
Скоро подойдут.

Пускай прошит
Иглою
Подводных лодок
Весь тихоокеанский
Водоем, —
По проводу прямому
Наших глоток
В миллионы вольт
Мы ток передаем! . .

И этот ток
Найдет их
И достанет,
Всех хищных рыб
Лишит
Подводных льгот.
Земля!
Мы слышим
Первый гул восстаний
Со всех широт твоих,
Со всех долгот.

1932

119. ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА

Фрагмент I
«ПУТИЛОВЕЦ»

В багровом пламени рожден,
Под алым знаменем рожден,
Теперь Путиловец-завод
В народе Красным наречен.

«Путиловец», родной гигант, живешь ты больше сотни
лет.
Тебе привет от сердца шлет рабочий ветеран-поэт.
Я славлю твой великий путь, омытый кровью трудовой,
Я славлю нынешний твой день, вошедший в песни подвиг
твой.
Исакий, Крепость и Дворец — три давних недруга
твоих, —
Ты, старый большевик, боец, стоял бесстрашно против
них.
В твоих объятиях росли герои нынешних времен,
И каждый выкован тобой, подобно стали закален.
Ты, если издали взглянуть, спокойным кажешься
на вид,
Ты, как высокая гора, туманным облаком повит.
Но сколько скрытого огня под скромным обликом твоим.
Взрастивший армию труда, ты стоек и непобедим.
В тебе вулканом клокотал народа справедливый гнев,
Ты против трех своих врагов в атаку ринулся, как лев.
И люди двинулись на штурм, и горизонт пылал,
багров.
Кто в этой схватке победит, в жестокой схватке двух
миров?
Разверзлись тучи, разрешась от бремени, меча грома,
Мечами молний грозových рассечена густая тьма.
В цехах — шипение паров и молота тяжелый стон,
Вулканов лавой огневой свинцовый сумрак озарен.
Железа лязг и гул грозы всё заглушает в этот миг.
То голос сердца твоего, священный ярости язык.

Ты долго этот гнев копил, и в тиглях плавился металл.
Жестокой тирании гнев терпеть не в силах, ты восстал.

Восстал с оружием в руках, святой решимостью объят,
И, сотрясая целый мир, забил неистово в набат.

Поэма подвигов твоих в суровом рождена бою,
И я, рабочий твой поэт, — я о тебе сейчас пою.

1929

Фрагмент 4
В ТУ НОЧЬ

В ту ночь винтовок мощный хор, свободу славя,
грохотал.
Весь Питер песнями звенел, гремел разбуженный металл.
И пулеметы на валах не умолкали до утра.
И, как симфония борьбы, крепчало гулкое «ура!».

Мортиры речь свою вели, штыки щетинились, остры,
И полыхали на углях красногвардейские костры.
«Аврора» подала сигнал, зарокотал могучий бас.
«Эй, ухнем!» — грянула она, и наступил восстанья час.

«Эй, ухнем!» — подхватили все, сигналом тем окрылены.
На правый бой, на грозный бой идут рабочие сыны.
С винтовками наперевес идут в атаку и поют:
«Вся власть Советам!» Их девиз: «Владыкой мира будет
труд!»

Орудий ухали стволы, гранаты меткие рвались.
Все выстрелы, все голоса в одну симфонию слились.
«За власть Советов! — хор гремел. — Кто против нас —
с дороги прочь!
Рабочей диктатуре путь мы расчищали в эту ночь».

И, как гадюки, во дворце свернулись недруги в клубок,
Засели в Зимнем юнкера, но всё равно их срок истек.

Бежал Керенский за рубеж, в отрепье женское одет.
С «Авроры» орудийный гул катился беглецу вослед.

Был златокудрый пионер на радость людям всей земли
В ту ночь рожден, и Октябрем его народы нарекли.

1932

Валериан Гаприндашвили

120. ОКТЯБРЬСКИЕ СТРОКИ

С первым ураганом Октября
Гимны зазвучали новым ладом.
Грозными пожарами горя,
Небеса свергались огнепадом.

Те, кому чужда за свет борьба,
В мрак бежали, голову понуря.
И пока есть в мире труд раба,
Пусть октябрьская не смолкнет буря,

Чтоб на знамени планеты всей
Серп и молот красовались гордо,
Чтобы голос новых октябрей
Вдохновлял рабочие когорты.

Праздник ныне: к нам пора пришла
Зрелого, большого созиданья.
Ленинским питомцам нет числа,
И предела нет их ликованью.

Всюду хоры заводских гудков,
И ряды богатырей всё шире.
Труд советский убедил врагов,
Что настала наша эра в мире.

Трактором вздымаем целину,
Строим гэс, течение рек ломая.
Старый, мрачный быт идет ко дну,
Началась отныне жизнь иная.

Не уступим в мире никому
Ленина и ленинское знамя —
Выше гор оно. В огне, в дыму
Дней борьбы — оно всегда над нами.

Всё, что мы возводим, возведем,
Изваянием встает прекрасным.
В этот век, возглавленный трудом,
Нас взорвать — мечты врагов напрасны.

Прорвана блокада многих лет, —
Исчезают совы на рассвете.
Никогда не знал таких побед
Ни один народ на всей планете.

Вот богатыри труда в строю —
Мощное бесчисленное войско.
И они грядущее куют
В наступлении своем геройством.

1932

Петрусь Бровка

121. ЗЕМЛЯ

Надрывалась земля
В своей муке исконной,
Человеческим голосом
Умоляла ты нас:
— Засевайте меня,
Убирайте любовно,
Чтобы жар в груди моей
Не погас.

Мы же рвали ее
На клочки,
На делянки,
На полоски худые
Межой раскроив.
Подрастали
Сымоны, Рыгоры да Янки

И делили полоску
Одну на троих.

А декабрь приходил,
Посиневший от стужи,
Вихрь в амбарах пустых
На цимбалах играл,
Мы же только, ремень подтянув,
Да потуже,
Хлеб свой горький пекли
С лебедой пополам.

Из мякины тот хлеб
Был и горек и жёсток,
Застревал
На распухшей цинготной десне.
Выходили
Под стать мертвецам на погостах
И недолго встречали свою
По весне.

Много бед мы узнали
В нашей длинной дороге
И голодной тоски
За порожним столом,
Чёрный ветер бил в стекла,
И днем на пороге
Часто смерть появлялась
С холодным челом.

Но пришел наш черед,
Расквитались мы с ней,
Мы прогнали царя,
И жандармов, и пристава,
Чтобы ты нам,
Земля,
Расцвела покрасней,
Чтоб хватало для всех
Хлеба чистого.

А теперь мы избавим тебя
От невзгод,

С новым плугом идем,
Кормим калием,
Чтоб дарила ты нас
Каждый год,
Каждый год
Не одним,
А тремя урожаями.

1932

Лика Купала

122. ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ

Россия царских дней была
Тюрьмой, а дни ночами были.
И гнет, и барщина, и мгла
Трудящихся душили.

Паны, купцы торги вели,
Рабочим людом помыкали.
Холмы могильные росли,
Попы молебны завывали.

Над краем казней и бесправья
Торжествовал венчаный кат...
Так было в дни самодержавья,
Пятнадцать лет тому назад.

«Вставай, проклятьем заклеименный!»
И вот, хозяева судьбы,
Кандалные забыли звоны
И цепи сбросили рабы!

И пролетарий встал могучий —
Алело знамя, как заря —
И двинулся мятежной тучей
На бой с сатрапами царя.

Восстал судья всего былого
Ярмо низринуть самовластья,

На месте гнета векового
Всеобщее построить счастье.

Страна Советов — наша сила!
И знают пять материков
Про то, как внешних ты теснила
И била внутренних врагов!

Чье счастье глубже, ярче, шире?
Красуйся ж в радости крылатой,
Пока единственная в мире,
Отчизна пролетариата!

Словами ленинскими вспенен
Всемирный пролетариат.
Рабочие, чье знамя — Ленин,
Пути в коммуны проторят.

1932

Перец Маркиш

123. ВОПЛОЩЕНИЕ

И камню, может статься, не легко,
Когда его резец жестокий режет. . .

Быть может, отзвуком на стон его, на скрежет,
На срезках изрубцованных его
Исторгнется из тьмы и выявится в свете
Слепая клинопись тысячелетий. . .

Быть может, болью скрытую своей
Исходит дерево, когда, влекомый к сини,
Под натиском весны бушуют в древесине
И раздирают ствол зародыши ветвей.

Но только нам, владыкам из владык,
Наследникам времен и поколений,
Дано постичь материи язык
И мудрые законы воплощений.

Быть может, плачет глина в тишине,
Пока ваятель бьется над замесом
И плоть аморфную то сплющивает прессом,
То на медлительном калит огне...

Но только нам, единственным из всех,
Питомцам бурь и песнопевцам штормов,
Дано осмыслить боль, и сдвиги ветхих веж,
И выплеск вещества сквозь косный панцирь формы.

Не мерим чисел мы и времени не числим,
Как счета им стрела в полете не ведет.
Как ей на тетиву закрыт обратный лет,
Так нам возврат к исходным дням немислим.

Уж даль распахнута. И, ею окрылясь,
Нам стелют вихри путь по судьбам, по годинам...
Мы смотрим в прошлое лишь в помысле едином:
Не для того, чтоб с ним свою упрочить связь,
А чтоб в грядущее стремительней войти нам.

Да, может быть, и камень терпит боль,
Когда его резец жестокий режет...

И только нам доверено судьбой,
И только мы единственные в силе
На стыке тьмы и светоносных зорь
Прославить и осмыслить скорбь
И в воплях, в скрежете, в стенаньях укоризны
Расслышать первый вскрик рождающейся жизни.

1932

Тициан Табидзе

124. ЗДРАВИЦА

Здесь когда-то Григол Орбелиани
Начал здравицу давних дней,
Или «Пир возле стен Еревана»,
После битвы победной своей.

«Там, где битва гремела, бушуя,
Тихий сумрак вечерний лежит,
У костров бивуачных, пируя,
Победившее войско сидит».

Ереванская крепость упала,
И турецкий сардар убежал,
Долго пламя войны полыхало,
Над руиною черной дрожа.

И лежали под каменной кручей
Трупы беженцев, втопанных в грязь,
Ливни мыли их, щебнем колючим
Ветер их засыпал, торопясь.

И в Аракса неистовом шуме
Вопль сиротский к Араксу приник,
И отец проклинал, обезумев,
День рожденья детей-горемык.

В горных дебрях зима их кончала,
Враг в долине приканчивал их,
Волчья стая по следу рычала
И бросалась на еле живых.

Стала яма в ущелье знакомом,
Словно зверю нора, дорогá,
Человек называл ее домом,
От ужасного прячась врага.

Разоритель крестьянского мира,
Поджигатель и деспот большой,
Назывался он Карабекиром,
За жестокость был прозван «пашой».

Но не только здесь турки сжигали,
И не надо искать за горой,
И свои здесь своих убивали,
Брату брат рыл могилу порой.

Чтобы крови поток этот лился,
Верно, кто-то на небе решил,

Вот тогда человек и явился,
Человек этот Лениным был.

Нынче курд с армянином не в ссоре,
Тюрк в грузинах не видит врагов,
О вражде, как о прошлом позоре,
Пионер рассказать вам готов.

Пионерская дробь барабана,
Слышен в поле пастуший рожок,
Сон веков над грозой Еревана,
Над Иракли-тапа глубок.

Нет, мы Карса, как предки, не брали,
Новым людям дан новый удел,
Но зачтутся им в будущих далях
Героических тысячи дел.

Вот оно, столкновение классов,
Поколение вступает в борьбу,
Мы с ним вместе, и сборище масок
Темных происков будет в гробу.

Вот то место, где сам Орбелиани
Свою здравицу написал,
Или «Пир возле стен Еревана»,
Где он с войском своим пировал.

И вблизи Еревана мы тоже,
Сад Сардарский нам пир украшал,
В новой здравнице сад этот ожил,
Но новее всех здравниц — ваша!

Мы поэты Кавказа! Не книзу —
Путь наш в гору и только вперед,
Где фундамент социализма
Так уверенно строит народ.

Кто видал разоренные страны,
Где в ущельях из трупов редут,
Превращенные в хаос поляны
И долины, где царствовал труд?

Это кладбище — крик без ответа,
Сотни верст, где пустыне лежать,
Да, друзья, это долг наш — об этом
Поколеньям о всем рассказать.

Здесь не здравицы гордое слово,
Тут и слезы и дрожь! А потом —
Кто светлей нас, нежней и суровой,
Лучше нас скажет миру о том!

Пусть и голос свирели чудесной
Для народа звучит до конца,
А за нами, товарищи, песня,
Что надежду вселяет в сердца!

1932

Максим Рыльский

125. ПРАВНУКУ

Когда мой правнук
Полетит из Кисва
На Ямайку
Поговорить с товарищем,
Попить вечернего чаю
Или на выставке побывать;
Когда под ним,
Как на карте,
Что висит над моей кроватью,
Расстелется схематичный океан
И зачернеют
Точки островов —
Атомы земной Коммуны, —
Пусть он тогда вспомнит
Тех,
Кто упрямо и неустанно побеждали
Пространство,
Время
И общественное неравенство.
Правнук мой!

Ты, в клетках своего веселого тела,
В мозгу, в крови и в костях
Несущий какую-то неуловимую частицу
Моего далекого «я», —
Улыбнись!
Мы многое любили на свете:
Запахи трав и цветов,
Длинные ресницы на лицах румяных детей,
Песню в вечернем тумане,
Жаждающие руки страсти
В колыпании ночи,
Паруса далекие,
Плывущие, как ясные лепестки,
По теплому синему морю,
Гордые линии белых домов,
Нежного слова бархат
И сталь отважного слова,
Мы любили страданья свои
И детские свои радости, —
Ах, многое, многое
Мы любили!

А всё ж,
Когда ударил девятый вал,
Когда заскрипели высокие мачты,
Когда под тучей мелькнул буревестник, —
Прочь,
Как ненужный балласт,
Бросили те, что меж нами
Не напрасно лучшими звались,
Всё,
Что связывало и смягчило сердца.
Нежность они прокляли,
Любовь о камни разбили,
Сурово стиснули зубы
И изо всех
Цветов радуги
Выбрали один
Красный.
Правнук мой!
То была не картинная битва,
Знакомая по старинным книгам:

Ни коней с раздутыми ноздрями,
Ни широких блестящих мечей,
Ни седел, украшенных алмазами,
Ни епанчей, вышитых золотом! . .
Не было то и словесной борьбой,
Беспечными рапирами острот
В светлой и переполненной зале. . .
Нет!

Пулеметов ритмичная музыка,
Геометрия орудийных траекторий,
Алгебра забастовок,
Безработицы страшная арифметика,
Оторванные руки и ноги,
Отравленные газом глаза, —
Так развивалась
Эта трагедия.

Пулеметы — нашим рукам!
Орудия — нашим рукам!
Безработные — в наши ряды!
Забастовки — в мощные берега революции!
Долой войну меж трудящимися!
Пусть живет война за трудящихся! —
Таков был дальнейший путь.

Всех,
Кто сыто жевал
Вырванный у голодных хлеб,
Всех,
Кто лживым словом
И дымом кадильным
Туманил мозг рабов,
Всех,
Кто угнетал, обманывал, карал, топтал, —
Всех в кипучую морскую глубину,
Прочь!
Вот таков был этот путь.

Тогда
Среди бурлящего моря
Возник могучий —

Наш —
Остров.
Это не был остров блаженных,
Нарисованный в старинной книге,
Ягненок там не играл со львом,
Уже не суровым,
Островитяне веселые
Не срывали в счастливом безделье
Золотых от солнца плодов.
Там шла
Борьба за металл, за уголь и зерно,
Там за каждый шаг
Платили кровью и потом, и мозгом.
Цифра,
Суровость,
План,
Приказ,
Единодушие,
Упорство —
Таков был стиль той поры,
Мой правнук!

Из морских соленых глубин
Выплывали широкооротые акулы,
Хватали куски,
Подстерегали живую добычу,
Грызлись и за плоть живых и за трупы,
И каждый от берега шаг
Превращался в яростный, злой поединок.
Веслом по акульей голове,
Чтоб расколосся череп!
Пускай океан
Кровавой пеной играет,
Омывая наши
Гранитом окованные
Берега!..

А той порой
Те же огрубевшие в труде,
Самоотверженные руки
Несли отовсюду
Камень, железо, известь,

Строили, работали, творили
Свой простой и великий,
Солнцем пронизанный
Дом.
Правнук!
Мое кудрявое дитя!
Почувствуй мой поцелуй
На своем загорелом лбу!
Пойми:
Эта нелегкая работа —
Была для нас веселей всего!
Знаю отлично:
В книжках старинных
Ты читал об острове упорном,
О здании, о башне высокой,
Где горели ночью и днем
Огненные рубиновые буквы:
«Соединяйтесь, пролетарии
Всех стран!»
Ты читал, как осторожно, лукаво и хищно
Подходили туманы,
Бури и призраки,
Как искали на этом острове
Тепла и защиты
С чужих кораблей моряки,
Которые сквозь ночь —
На башне высокой —
Прочитали мощные, огневые,
Рубиновые слова.
Ты читал их, эти дивные, страстные книги,
Эти в строки вошедшие крики отважных,
Слова, где отразились всплески моря,
Стон, мука, агония и творчество,
Смерти кровь и кровь рожденья!
Ты читал,
Как шире и шире,
Пробивая темные тучи,
Разливался красный круг
От букв высоких и звездных,
Как от них перескочил огонь
На моря, острова, континенты,
Как во всех отдаленных краях

Ожили и запели
Рубиновые, немолчные буквы...
Лети же, лети,
Дитя мое теплое,
На Ямайку к друзьям в гости,
И вспомни, улыбнись... Я уже вижу
Влажную улыбку в глазах твоих юных.

1932
Остер

Сабит Муканов

126. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОСЕНЬ

Шестнадцать лет
Живет, цветет страна,
Чья осень каждая —
Как ранняя весна.

Так здравствуй, большевичка молодая,
И в ясный день рожденья твоего
Прими в подарок песнь: она простая,
Она — родник из сердца моего.

Твоим теплом теплы слова поэта,
Твоей зарей знамена зажжены.
Октябрьским солнцем ласково согреты
Фабричный дым и нежный смех жены.

Прости, родная, если я припомню
Весну другую, мачеху весну:
Она швыряла нас в каменоломни
И вешала на ближнюю сосну.

Она тарантулом впивалась в губы,
Нагих, бездомных в каторгу гнала.
Смеялась вслед. Ей, видно, были любы
Жестокие, кровавые дела.

Руками беспощадными за шею
Хватала и душила. Я синел.
Но я не знал, как мне бороться с нею,
И слова против вымолвить не смел.

К себе простоволосая кликуша,
Скосив глаза, раскрыв беззубый рот,
Скликала беков, баев — всех, кто душит,
Кто обирает, мучает народ.

В семнадцатом ее Октябрь прикончил!
И ты взошла на гребень баррикад,
Твой смелый смех балтийских льдинок звонче.
Когда весна их гонит на Кронштадт.

Твоими первыми словами были:
— Я большевичкой выросла в борьбе.
Зажжем мы солнце, чтоб лучи светили
Всем, кто борьбу избрал в удел себе!

И с той поры с тобой мы неразлучны,
И, верю, вечно так мы будем жить,
И, что ни год, дружнее жить и лучше,
И нас уж никому не разлучить!

Так и растем мы — вместе со страной,
И небеса всё голубее, чище.
Пройди, подруга, по стране родной
И посети рабочие жилища.

Иди в аулы и колхозы; там
По-новому дехканину живется.
Степнячка, что доверилась мечтам,
Ждет с песней тракториста у колодца.

Имена и ханские дворцы
Мы заняли. . . Вот это перемена!
В своих огнистых галстуках юнцы —
Детишки наши — слушают Шопена.

Ты на площадки, в ясли загляни,
Взгляд удержи на материнских лицах.
Смех юности послушай, что звенит
На зависть нашим самым певчим птицам.

Ты посмотри, подруга, в закрома:
Там просто горы золотого хлеба.
Коровники утеплены... Зима
Нам не страшна, когда нагрянет с неба.

Народа неустанная рука
Плотины строит, школы и заводы,
Взвывает стратостат за облака
И на воду спускает теплоходы.

Она ласкала и тебя, сестра,
Как яблоню на утреннем откосе,
С тобою потеплели вечера,
Сторонкою идет, сутулясь, осень...

Цвети и пой! Но забывать нельзя,
Что время битв еще не миновало.
По всей земле живут твои друзья,
Но и врагов живет еще немало.

Ты не боишься? Да, ты прав, мой друг.
Не бойся их — они тебя пугают.
Винтовок верных никогда из рук
Твои защитники не выпускают.

Ученьем Ленина страна озарена.
Нас партия ведет вперед, и это
Порукою, что не свернет страна
С великой магистрали пятилеток.

Мы до конца сумеем пронести
Октябрьский стяг, что освящен борьбою.
Шестнадцать солнц встречало нас в пути,
Шестнадцать солнц, добытых нами с бою!

1933

Борис Корнилов

127. ТРИПОЛЬЕ

(Отрывки из поэмы)

ИЗМЕНА

И последнее солнце
стоит над базаром,
и выходят вперед
командир с комиссаром.

Щеки, крытые прахом,
лиловые
в страхе,
ноги, гнутые страхом,
худые папахи.

Бело тело скукожено,
с разумом — худо,
в галифе поналожено
сраму с полпуда.

Русый волос ладонью
пригладивши гладкой,
командир поперхнулся
и молвил с оглядкой:
— Подведите к начальнику,
добрые люди,
я скажу, где зарыты
замки от орудий. . .

И стояла над ними
с душой захоловувшей
Революция,
матерью нашей скорбя,
что таких прокормила
с любовью
гаденышей,
отрывая последний кусок от себя.

И ее утешая —
родную, больную, —
Шейнин злобой в один задыхается дых:
— Трусы,
сволочь,
такого позора миную,
честной смерти учитесь
у нас, молодых.

Даже банде — и той
стало весело дядям,
целой тысяче хриплых
горластых дворов:
— Что же?
Этих вояк
в сарафаны нарядим,
будут с бабой доить
новотельных коров. . .

— Так что нюхает нос-от,
а воздух несвежий:
комиссаров проносит
болезнью медвежьей. . .
— Разве это начальники?
Гадово семя. . .

И прекрасное солнце
цвело надо всеми.
Над морями,
над пахотой
и надо рвами,
над лесами
сказанья шумели ветра,
что бесславным — ползти
дальше срока червями,
а бессмертным —
осталось прожить до утра.

допрос

В перекошенной хатке
на столе беспорядки.
Пиво пенное в кадке,

огуречные грядки
и пузатой редиски
хвосты и огрызки.

Выпьют водки.
На закусь —
бок ощищенный рыбий...
Снова потчуют:
— На-кость,
без дыхания выпей!
Так сидят под иконой
штаб
и батько Зеленый.

Пьет штабная квартира,
вся косая, хромая...
Входят два конвоира,
папахи ломая.

— Так что, батька, зацапав
штук десяток за космы,
привели на допрос мы
поганных кацапов...
Атаман поднимается:
— Очень приятно!

По лицу его ползают мокрые пятна.
Поднимается дьякон
ободранным лешим:
— Потолкуем
и душеньку нашу потешим...

Комсомольцы идут
стопудовой стеною,
руки схвачены проволокой
за спиною.
— Говорите, гадюки,
последнее слово,
всё, как есть,
говорить представляем самим...
Здесь и поп и приход,
и могила готова:

похороним,
поплачем
и справим помин. . .

Но молчат комсомольцы,
локоть об локоть стоя
и тяжелые черные губы жуя. . .
Тишина.
Только злое дыханье густое
и шуршащая
рваных рубах чешуя.

И о чем они думают?
Нет, не о мокрой
безымянной могиле,
что с разных сторон
вся укрыта
осеннею лиственной охрой
и окаркана горькою скорбью ворон.

Восемнадцатилетние парни —
могли ли
биться, падая наземь,
меняясь в лице?
Коммунисты не думают о могиле
как о всё завершающем страшном конце.

Может, их понесут
с фонарем и лопатой,
закидают землею,
подошвой примнут, —
славно дело закончено
в десять минут,
но не с ними,
а только с могилой горбатой.

Коммунисты живут,
чтобы с боем,
с баяном
чернолесьем,
болотами,
балкой,

бурьяном
уводить революцию дальше свою
на тачанках,
на седлах, обшитых сафьяном,
погибая во имя победы в бою.

— Онемели?

Но только молчанье — не выход. . .

Ну, которые слева —
еврейские. . .

вы хоть. . .

Вы — идейные!

Вас не равняем со всеми;

Украину сосали,
поганое семя.

Всё равно вас потопим

с клеймом на сусалах:

«Это христопродавец» —

так будет занятней. . .

Агитируйте там

водяных и русалок —

преходящее, ваше, собаки, занятие.

И выходит один —

ни молений, ни крика. . .

Только парню такому

могила тесна;

говорит он,

и страшно, когда не укрыта

оголенная

черной губою

десна.

— Не развяжете рук

перебитых,

опухших,

не скажу, как подмога

несется в дыму. . .

Сколько войска и сабель,

тачанок и пушек. . .

И Зеленый хрипит:

— Развяжите ему!

Парень встал, не теряя
прекрасного шика,
рукавом утирая
изломанный рот. . .
Перед ним — Украина
цветами расшита,
золоченые дыни,
тяжелое жито;
он прощается с нею,
выходит вперед.

— Перед смертью
ответ окончательный вот наш:
получи. . .
И, огромною кошкой присев,
бьет Зеленого диким ударом наотмашь
и бросается к горлу
и душит при всех.
Закорузлые пальцы
всё туже и туже. . .
Но уже на него
адъютантов гора, —
арестованных в угол загнали
и тут же
в кучу пулю за пулей
часа полтора.

1933—1934

Михаил Исаковский

128. ПРОЩАНИЕ

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону. . .
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.

— Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай.

И родная отвечала:
— Я желаю всей душой —
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны — небольшой.

А всего сильнее желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой.

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
— А еще тебя прошу я, —
Напиши мне письмецо.

— Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Всё равно, — сказал он тихо. —
Напиши. . . куда-нибудь.

<Апрель> 1935

Алексей Сурков

129. КОНАРМЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги.
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход.

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях, на большие дела.
По курганам горбатым,

По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости.
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем,
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем.

1935

Михаил Светлов

130. ПЕСНЯ О КАХОВКЕ

Каховка, Каховка — родная винтовка...
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет...

Под солнцем горячим, под ночью слепую
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?

Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза...

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка наша жила...

Под солнцем горячим, под ночью слепую
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

1935

Михаил Голодный

131. ПЕСНЯ О ЩОРСЕ

Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
Голова обвязана,
Кровь на рукаве,
След кровавый стелется
По сырой траве.

— Хлопцы, чьи вы будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем
Раненый идет?

— Мы сыны батрацкие,
Мы за новый мир,
Щорс идет под знаменем —
Красный командир.

В голоде и в холоде
Жизнь его прошла,
Но не даром пролита
Кровь его была.

За кордон отбросили
Лютого врага,
Закалились смолоду,
Честь нам дорога. —

Тишина у берега,
Смолкли голоса,
Солнце книзу клонится,
Падает роса.
Лихо мчится конница,
Слышен стук копыт,
Знамя Щорса красное
На ветру шумит.

1935

Якуб Колас

132. ОСЕННЕЕ

1

Поднимает гомон ветер непокорный
На суровый лад.
Холодеет. Звезды ярче ночью черной.
Дни идут на спад.
Сгорбленная осень под руку с ветрами
В слякоти бредет,
Отсыревшим ставнем хлопает по раме,
Мокнет у ворот.
Кончилось лето. Отзвенели песни,
Громы бурных гроз.
В юности я думал: есть ли что прелестней
Летних теплых рос?
Тосковал по лету, как по той любимой,
Что взяла покой,
И венки сплетал ей я из дум, палимых
Страстью и тоской.
С той поры немало сплыло дней суровых,
Много лет прошло.

И на свет гляжу я нынче с вышек новых
В новое стекло.
Вижу и читаю новые скрижали —
Вот встают они:
Вольные дороги, солнечные дали,
Без конца — огни. . .
Позабыв печали, я люблюсь гордо
Родиной своей,
Наполняют сердце дивные аккорды,
Гимн великих дней.
Оттого сегодня не тужу о лете,
О своей весне
И о том, что тихо навевал мне ветер
В юношеском сне.

2

ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ

Много гибло в драках жизней человечьих
Из-за пастбищ чахлых,
Из-за пашни хилой.

Стерegli мы наши межи, хаты, печи,
Гнулись на полосках
С детства до могилы.
Не жили — коснели на глазах с повязкой.
Был весь свет закрыт нам,
Не было раздолья.
Нынче это лихо — только злая сказка,
Дикий сон о прошлом,
Память о неволе.

Выйдите на поле да взгляните, братцы:
Не окинешь глазом —
Так простору много!
Вот он, край привольный, есть за что нам браться. . .
Широко легла ты,
Сельская дорога!

Поисчезли межи — сумрачные знаки
Жуткого бездолья
И судьбы проклятой,

Ныне — ширь, безбрежность, где ветры-гуляки
Ходят сановито,
Как сватья когда-то.

Этаких просторов и паны не знали
И не будут знать их,
Не увидят боле.

Сорняки те злые мы с полей убрали,
Что сосали соки
Из несчастной голи.

С каждым днем быстрее жизнь свой лик меняет...
И земля не та уж,
И не те уж люди.

Как туман от солнца, боль-злосчастье тает
В нашей жизни новой,
В неумолчном гуде.

Вкруг сегодня глянешь — не узнаешь края:
Выросли поселки
Вместо топей, гатей,
А взамен лучины, весело блистая,
Ильичевы лампы
Светят в каждой хате.

Пролегли стрелою сквозь леса, сквозь недра
Полотном накатным
Ровные дороги.
Едешь — сердцу радость. Числишь километры,
А их много-много,
И они так строги!

А во время жатвы высыплют бригады,
Загрохочет трактор,
Загудят машины.
Снилась ли нам в прошлом эта жизнь-отрада,
Труд такой совместный
Дружною общиной?

Колыбель с собою мать не тащит боле
В час горячей жатвы
На плечах несчастных.

Детского рыдания не слышать на поле:
Наши дети в яслях
И в садах прекрасных.

И о наших детях нынче мы не тужим:
Свет им разгорожен,
Им дороги гладки,
Чтоб расти и выйти поколеньем дюжим,
Новым поколеньем
Большевистской складки.

Наши дети нынче — сами командиры,
Летчики-герои,
Доки инженеры.
То они достигли ледников Памира,
На далекий полюс
Пробивают двери.

Кто штурмует небо, кто стоит в дозоре,
Где никто доселе
Не ходил на свете?
Кто соединяет с дальним морем море?
Это наши люди,
Это наши дети!

Вот таких героев, преданных и верных,
Воспитала мудро
Партия родная.
Сходит мгла с просторов, вольных и безмерных,
Родником кипучим
Юность бьет живая.

Оттого я ныне, на ущербе лета,
Не тужу о лете,
Как тужил, бывало,
Ибо радость-песня нами не пропета,
А весна звучит мне
И в листе завялом.

1935

Александр Твардовский

133. СТРАНА МУРАВЬЯ

(Отрывок из поэмы)

— Мой дед родной — Мирон Фролов —
Нас, молодых, бодрей.
Шестнадцать пережил попов
И четырех царей.

Мы, как подлесок, все под ним
Росли один перед другим.

И, приподнявшись от земли,
Все кланялись ему.
И шли в заводы, в шахты шли,
В солдаты и в тюрьму.

Шли, заполняли белый свет, —
Жить не при чем в семье.
Брели, — и где нас только нет,
Фроловых, на земле!

Живут в Москве, и под Москвой,
В Сибири от годов.
Есть машинист, есть летчик свой,
Профессор есть Фролов.

Есть агроном, есть командир,
Писатель даже есть один.

И все — один перед другим, —
Хоть на меня смотри, —
Росли под дедом под своим,
В него — богатыри.

Шесть ран принес с гражданской я,
Шесть дырок, друг родной.
Когда б силенка не моя —
Хватило бы одной.

По всем законам — инвалид,
Не плуг бы мне — костыль. . .
А после здесь уж был я бит,
Добро что богатырь.

Делил луга, взимал налог
И землю нарезал,
И свято линию берег,
Что Ленин указал.

Записки мне тогда под дверь
Подсовывал Грачев:
«Земли себе сажень отмерь
И доски заготовь».

Фроловы были силачи.
Грачевы были богачи.

Грачевы — в лавку торговать,
Фроловы — сваи загонять.
Грачевы — сало под замок,
Фроловы — зубы на полок.

Мой враг до гроба и палач,
Вот в этот день и час,
Где ты на свете, Степка Грач,
И весь твой подлый класс?

И в смертный срок мой вспомню я,
Как к милости твоей
Просить ходила мать моя
Картошек для детей.

Как побирушкой робко шла
По дворне по твоей,
Полкан Иванычем звала
Собаку у дверей. . .

Да я и не про то теперь. . .
За землю мстил Грачев.

Земли, так и писал, отмерь
И доски заготовь.

Подстерегли меня они
В ночь под Успеньев день —
Грачевы, целый взвод родни
Из разных деревень.

Жилье далеко в стороне,
Ночь, ветки по глазам.
И только палочка при мне, —
Для сына вырезал.

И первый крикнул Степка Грач:
— Стой тут. И — руки вверх!
Не лезь в карман, не будь горяч —
Засох твой револьвер. . .

Сдавай бумаги, говорят,
Давай отчитывайся, брат!

Стою. А все они с дубьем,
Я против банды слаб.
Ну, шли б втроем, ну, вчетвером,
Ну, впятером хотя б. . .

Лощинка, лес стоит немой,
Тишь-тишина вокруг.
Кричать? — Кричать характер мой
Не позволяет, друг. . .

А тени сходятся тесней,
Минута настает.
И тех, которые пьяней,
Пускают наперед.

Троих я сбил. А сзади — раз!
И полетел картуз. . .
И только помню, как сейчас,
За голову держусь.

Лежу лицом в сырой траве,
И звон далекий в голове.

И Грач толкает сыновей:
— Скорей! Грех, господи... Скорей!..

Да, помню точно сквозь туман,
Прощался я: «Сынок!..
Прости, что палочку сломал,
Подарок не сберег.

Прощай, сынок. Расти большой.
Живи, сынок, учись,
И стой, родной, как батька твоя,
За нашу власть и жизнь!..»

Потом с полночи до утра
Я полз домой, как мог.
От той лощинки до двора
Кровавый след волок.

К крыльцу отцовскому приполз,
И не забуду я,
Как старый наш фроловский пес
Залаял на меня!

Хочу позвать: — Валет! Валет!..
Не слушается рот.
Ты говоришь, на сколько лет
Такая жизнь пойдет?..

Так вот даю тебе ответ
Открытый и сердечный:
Сначала только на пять лет...
— А там?..

— А там — на десять лет.

— А там?..

— А там — на двадцать лет.

— А там?..

— А там — навечно...
— И это твердо, значит?

— Да.

— Навечно, значит?

— Навсегда...

Эй, друг родной, сказать любя,
Без толку носит черт тебя!..

Да я б на месте на твоём,
Товарищ Моргунок, —
Да отпусти меня райком —
Я б целый свет прошел пешком,
По всей Европе напрямиком
Прополз бы я, проник тайком,
Без тропок и дорог.
И правду всю рабочий класс
С моих узнал бы слов:

Какая жизнь теперь у нас,
Как я живу, Фролов.
И где б не мог сказать речей,
Я стал бы песню петь:
«Душите, братья, палачей,
Довольно вам терпеть!»

И шел бы я, и делал я
Великие дела.
И эта проповедь моя
Людей бы в бой вела.
И если будет суждено
На баррикадах пасть,
В какой земле — мне всё равно, —
За нашу б только власть.

И где б я, мертвый, ни лежал,
Товарищ Моргунок,
Родному сыну завещал:
Иди вперед, сынок.

Иди, сынок. Расти большой.
Живи, сынок, учись.
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!

1934—1936

Я верю,
что скоро врагу зашататься,
Что время фашистов
уже сочтено,
и, может быть,
очень скоро кронштадтцы
увидят друзей
в кронштадтском кино.
Экран засияет
светло и открыто,
то ливнем омыт,
то зноем палим...
Кронштадтцы увидят —
«Мы из Мадрида» —
документальный фильм.
Там будут:
и факелы взорванных танков,
и «Юнкерсов»
падающие орлы,
и бегство
наемников —
Мола и Франко —
бросая оружие,
обратно
в Берлин!
И может быть,
вовсе не на экране —
Из Барселоны в Неву
крейсер испанский
под флагом багряным
в гости к «Авроре»
придет наяву!
Я верю,
я знаю:
будет отбита
фашистская нечисть
и выжжена в дым,
и мы из Кронштадта и вы из Мадрида
сроднимся
и встретимся,
и победим!

<1 ноября> 1936

Михаил Исаковский

135. ПЕСНЯ О РЕВОЛЮЦИИ

На заре, на зорюшке туманной,
По скупым, неласковым полям
Это я — оратай безымянный —
Сеял хлеб с тоскою пополам.

Это я по городам и селам
Ощупью искал твоих следов;
Звал тебя я песней невеселой,
Ждал тебя я тысячу годов.

Это я холодными ночами
Думу передумывал твою.
Это я с винтовкой за плечами
Шел сражаться за тебя в бою.

Сквозь леса, сквозь дебри вековые
Ты мою услышала тоску,
Ты одна — за тыщу лет впервые —
Руку протянула мужику.

Под его нечесаную крышу
Принесла счастливое житье.
От тебя от первой я услышал
Имя настоящее свое.

И твоим дыханием согретый,
Ласкою обласканный твоей,
Прохожу я по Стране Советов
Как хозяин суши и морей.

Я не знаю, чрез какие реки,
По каким пройду еще местам,
Только знаю, что тебя вовеки
Никому в обиду я не дам.

1936

Михаил Голодный

136. ПАРТИЗАН ЖЕЛЕЗНЯК

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан.

Он шел на Одессу,
А вышел к Херсону —
В засаду попался отряд.
Полхлеба на брата,
Четыре патрона
И десять последних гранат.

«Ребята, — сказал,
Повернувшись к отряду,
Матрос-партизан Железняк, —
Штыком и гранатой
Мы снимем засаду,
И десять гранат — не пустяк!»

Сказали ребята:
«Херсон перед нами,
И десять гранат — не пустяк!»
Прорвались ребята,
Пробились штыками,
Остался в степи Железняк.

Веселые песни
Поет Украина,
Веселая юность цветет,
Подсолнух высокий,
И в небе далекий
Над степью кружит самолет.

В степи под Херсоном
Высокие травы,

В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан.

1936

Павло Тычина

137. ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ

Я сторонюсь чужих и чуждых
болот родимых, мелких бродов,
сияет радугою дружбы
мне единение народов.

Оно такой встает вершиной!
Оно таким дыханьем дышит!
Ударишь громом в сердцевину —
и гром другой в горах услышишь.

И гром другой взрывает дали
и радуется, молодея,
что встала радуга из стали,
сердца народов дружбой грея.

И сам ты вдруг — как гром над кровлей,
как молниями озаренный,
как будто выпил на здоровье
из родника воды студеной.

Ой, выпил, выпил да утерся,
и припадаешь снова, снова,
и открываешь первородство
в глубинах языка чужого.

Его коснешься ты — всё мягче,
всё легче он тебе сдается, —

хоть слово сказано иначе,
но суть в нем наша остается.

Как будто так: в руках подкова
упругая всё гнется, гнется,
и разом вдруг — чужое слово
в родной язык родным ворвется!

То не язык, не просто звуки,
не слов блуждающие льдины,
в них слышен труд, и пот, и муки —
живой союз семьи единой.

В них шум лесов, цветенье поля
и волны радости народной.
В них разум класса, кровь и воля
от давних дней и по сегодня.

И вносишь ты чужое слово
в язык прекрасный и богатый.
А это входит всё в основу
победы пролетариата.

1936

Джамбул Джабаев

138. ГИМН ОКТЯБРЮ

В руки я снова с любовью беру
Спутницу радостных песен — домбру,
В сторону гляну — и песня моя
Льется, весенним потоком звеня.
Сед я, столетний, но всеми любим,
Перед великим народом своим
Крыльями счастья взмахнул и пою
Радостный гимн Октябрю.
Сед я, столетний, но думами юн,
Палец мой нежен к созвучию струн.

Песня, рождаясь, приходит на той
Звонкой, торжественной и молодой!
Славен поэт, если сердцем горяч,
Славен поэт, если сын Октября.
Славен источник, который дает
Славу поэту, а песне полет.
Этот источник — Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем. . .
Помню я горькие дни в пустырях.
Не было теплой зари Октября,
Ханы разбили домбру на куски,
И как иссохшее русло реки
Песня была. Помутнели лады. . .
Я, как цветок без дождя, без воды,
Рос на распутье последней орды.
Я, как олень, потерявший следы,
Выхода сердцем искал из беды.
В светлых глазах становилось темно;
Думал я: видно, и мне суждено
Где-то украсить голодную степь
Белым своим ожерельем костей.
Грозами грянул, кострами сверкнул
Грозный Октябрь, и старый Джамбул
Солнце увидел и солнечный стан.
Ленин великий повел караван —
Русских, казахов, киргиз и дунган. . .
Радостен в радостной песне Джамбул.
Песня Джамбула зовет на борьбу,
Песня на подвиг зовет и на труд,
В песне народные думы живут.
Если источник на свет не проник,
Разве струится гремучий родник?
Если прилив не зальет берега,
Разве напьется в озерах сайга?
Если каналы в степи не прорыть,
Разве голодную степь покорить?
Если росой не покрыта земля,
Разве цветы зацветут на полях?
Счастья источник — Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем!

<6 ноября> 1937

139. ОКТЯБРЬСКИЕ СТИХИ

1

Здравствуй, милая! Откуда
Вновь ты смотришь на меня?
Ночь полна глухого гуда.
За окном — снопы огня.

То прожектор шарит в звездах,
Проверяет наш зенит:
Глубоко ли дышит воздух,
Высоко ль мотор звенит.

Сознаюсь: сегодня ночью
Я в историю влюблен,
В эти мчащиеся клочья
Песен, призраков, знамен,

В дождь, в ночной гудок тревожный,
В каждый смутный знак и след,
Помогающий, сколь можно,
Молодеть на двадцать лет.

Здравствуй, милая! Пришла ты
Ветром в комнату мою.
Твой встревоженный, крылатый,
Легкий облик узнаю.

За тобой, моей сестрою,
Ранней спутницей моей —
Котлованы наших строек,
Берега чужих морей.

За тобою — рельсы, версты,
Встречи с веком молодым,
Корректуры первых версток
И махорки сладкий дым.

Ты несла в политпросветы
Боевых агиток гнев,
Ты встречала час рассвета,
На ветру оледенев.

Ты товарищей встречала
Меж снастей, баркасов, барж.
Ты у волжского причала
Прокричала «Левый марш».

Я терял тебя из виду,
Но в толпе мелькала ты.
Мне казалось, только выйду
Из житейской тесноты,

Оглянусь, сосредоточусь,
Всё, что мелко, истребя,
И опять вернется почесть
Называть на «ты» тебя.

Здравствуй, милая! Дай руку.
Мы пройдем по городам,
Мимо башен, виадуков,
Маяков, ангаров, дамб.

Встретим мы друзей, конечно,
В Горьком, в Киеве, в Баку.
Только б список бесконечный
Втиснуть в ломкую строку.

Только бы сказать смиренней,
Проще, тверже и прямей:
— Здравствуй, первый день творенья,
Праздник юности моей!

2

...И школьники столпятся удивленно
И, не дыша, впиваясь в каждый звук,
Услышат о вселенной, удаленной
От нас на годы световых разлук;

О маленьком неукротимом шаре,
Летящем в черном бархате пустот;
О телескопах, что уперлись, шаря,
В ночную твердь, в бездонный бархат тот;

Об истине, добытой кровью лучших;
О книгах, что сжигались на кострах;
О столь известных неблагополучьях,
Как нищета, невежество и страх;

Об угнетенных черных странах мира,
Где что ни пядь — засада и редут. . .
И, как на снежное плато Памира,
На первую ступень они взойдут.

Но сколько ступеней преодолеть им!
Как долго, над обвалами клонясь,
Шагать по каменным мильонолетиям
От ледниковых пращуров до нас!

Они увидят сплюснутые хари
Тех пращуров, когда найдут следы
Бежавшей прочь орды в Гвадалахаре
И свастику на знамени орды.

И вся дымясь, и вся дыша ненастьем,
В кровоподтеках, в саже, в клочьях тьмы,
Внезапно распахнет ворота настесь
История пред нашими детьми.

Я вижу этот час в колхозной школе;
За окнами — зеленый хвойный край.
О молодость! Расти на вольной воле,
Исполни правдой, радуйся, играй!

Пройдут года. Пройдет за датой дата.
Тебе большое счастье суждено.
Недаром было сказано когда-то,
Что молодость и родина — одно.

Нет! Это еще не о главном!
 Раздвиньтесь же, стены! Пора!
 Наполнитесь грохотом славным
 На крышах Москвы, рупора!

Ты, песня, потоком стогорлым
 Всю Красную площадь залей.
 Пусть мальчик с серебряным горном
 Подыметя на Мавзолей!

Протрубит он славу полетам рекордным,
 Рукам человеческим, усилиям упорным,
 Изогнутым крекингам, пламенным горнам,
 Металлу, и нефти, и залежам горным,
 И хлебу колхозных полей.

Протрубит он вечную славу
 Всем павшим за дело любви
 В зеленых степях Украины,
 На Волге, Кубани, Дону,
 На горных тропинках Кавказа,
 В дремучей сибирской тайге,
 В ненастьях Балтийского взморья,
 У Каспия в солончаках.

И снова затрубит он зорю,
 На Запад направив трубу,
 Изменников насмерть позоря,
 Скликая друзей на борьбу.
 И зов электрическим током
 Вонзится в сознания и сны,
 Ударит по тросам причалов и докам,
 По дамбам и шахтам германской страны.

И трубный призыв, не слабея,
 Помчится на Дальний Восток,
 Туда, к партизанам Чапая,
 В живой человеческий поток.
 И голос ответный прорвется сквозь пули,
 Сквозь желто-лиловое пламя пальбы:

«Мы живы. Мы, рикши и кули,
Мы боремся. Мы не рабы».
И мальчик на Север затрубит
И к полюсу звук донесет.
Он толщу молчанья разрубит,
Морозную твердь потрясет.
Там четверо только и дышат
За вьюгой, за скрежетом льдин.
И родину ясно услышат
Все четверо, встав как один,
И крикнут в молчанье и вьюгу:
«Ты слушаешь? Здравствуй, Москва!»

А мальчик горячему Югу
Затрубит сигнал, — и едва
Расплещется эхо в скалистых извивах
Астурии, — прынув на полном скаку,
Оттуда протянутся молнии: «Viva!
Viva Rússia! Viva Mosku!»

И снова на Запад, и снова
На Север, на Юг, на Восток,
Порывами вихря сквозного
Подхваченный, ринется ток.

Он — синяя вспышка контакта.
Он — молнии острый зигзаг.
Он — века великая вахта.
Он — слезы у нас на глазах.

<Ноябрь> 1937

Алексей Сурков

140. ОКТЯБРЬ

Вот — конец предыстории,
Завязка начал:
Тьма и сырость на взморье,
Гранитный причал,
Флотских лент полосатые радуги.

Пар шипел,
Трап скрипел,
Ветер шлюпки качал,
Непокорный,
Холодный,
С Ладоги.

Жгли махорку.
Затворы трогали.
Примыкали штыки.
Говорили:

— На улице Гоголя —

Броневики. —

Говорили:

— В Зимнем засели

Юнкера.

— Ладно... Справим там новоселье

До утра.

Шли к мостам
Без шутки, без песни.
Раз-два... раз...
Раз-два... раз...
Старый Лесснер,
Новый Лесснер,
Парвиайнен,
Айваз...

Шли с Путиловского завода,
С «Вестингауза»,
От «Скорехода»,
Шли из колпинской дали,
Шли от Торнтонга,
Шли от Паля,
Шли в рядах боевых
Из Обухова,
С Пороховых.

Нет конца боевому порядку,
Каждый ряд из гранита высечен.
Человек к человеку,

Десяток к десятку,
Сотня к сотне.
Тысяча к тысяче.

— Подровняйте ряды,
Затворы проверьте!
Настежь двери в завтра откроем!
Это Красная гвардия
Входит в бессмертье
Большевицким
Железным строем.

С моря дыханье ночи сырое.
Сдвинулся влево времени руль.
Мерно и твердо шагают трое —
Красногвардейский патруль.
Трое с винтовками.
Этой тройке
Время вручило на власть мандат.
Шаг отмеряя от Невского к Мойке,
Тихо рассказывает солдат:

— Был на побывке. . . Вышел в поля —
Как на ладони лежит округа.
Вся в сорняке, тоскует земля,
Ждет не дождется нашего плуга.
Барин в именье злой, как волк,
Ждет и грозит бедноте окольной.
Всё я обдумал и вывел полк
Большевикам на подмогу — в Смольный.

Снова мерность шагов.
И снова
Ветер, черная рябь канала.
И в беседу вставляет слово
Старый слесарь из Арсенала:

— Если вслушаться в ночь, как будто
Только наши звенят шаги,
Будто время нынче обуто
В семиверстные сапоги,

Подошли к последней черте —
Каждый миг ожидания долог...

Ночь.
Шаги.

Молодой мечте
Отвечает студент-технолог:
— Как мы к Смольному шли с утра,
Камни пели и сердце пело.
Если Ленин сказал:

— Пора... —
Значит, время наше спрело...

Дрогнули в окнах
Железные шторы,
В страхе попадали в ночь фонари.
Шестидюймовая глотка «Авроры»
Взревела:

— Исполнился срок!
Бери!.. —

Над жизнью нашей,
Темной и бедной,
Над нашей
Втопанной в грязь судьбой,
Гневной грозой,
Песней победной,
Зовущей к бессмертной славе трубой
Эхо гремит:

— «Это есть
наш последний
и решительный
бой...»

1937

Михаил Троицкий

141. ВЕЧЕР ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ

Еще сентябрьским перламутром
Блится ясный небосвод,
Когда художник рано утром
Пустую площадь обойдет.

Рисует на клочках бумаги,
Он словно видит в чертеже —
Воображает он уже
Эмблемы, лозунги и флаги,
Домов нарядное убранство,
И миноносцы вдоль Невы,
И необъятной синевы
Как бы ожившее пространство,

Где в росчерках прямых и смелых,
Выравнивая мощный лёт,
В порхании листовок белых
Воздушный пролетает флот.
Сверканье стройное парада,
Гудящих танков грозный ряд,
И всё, что мы увидать рады,
И всё, что каждый вспомнить рад.

.

И я приду, воображая
В суровой простоте стиха —
И час, когда, словно чужая,
Пустынна площадь и тиха,
И громыханье меди жаркой,
И песню, что подхватит хор,
И шум шагов под гулкой аркой,
И светлый площади простор,
Что, нас охватывая сразу,
Ведет по кругу своему;
И я обрадуюсь всему,
Что моему явилось глазу,
Звучало слуху моему
И что в груди моей звучало.

Припоминая каждый год
Его торжественный приход,
Люблю я праздника начало —
Приготовлений и забот
Степенный, чинный обиход.

Со всенародным он движеньем,
С торжественным значеньем дня

Живет в моем воображенье
И ныне радует меня.

.

Еще в мазках простых и грубых
Огромный праздничный портрет,
Еще в домах культуры, в клубах
Ни сыгралок, ни спевок нет;
Тем больше привлекают взоры

Заметки быстрые газет:
О темах праздничных бесед,
И пожелания, и сборы,
И сталеваров договоры —
Обычай многих славных лет.

Но вот, сменяя день обычный,
Весь транспарантами горя,
Приходит он, от всех отличный,
Чудесный вечер Октября!

Так не похож ни на вчерашний,
Ни на другой. Ни на какой!
И звон часов Кремлевской башни!
Сегодня тоже не такой.

Одно мы чувствуем, наверно,
Пока часы звонят в Кремле,
Пока торжественно и мерно
Разносят волны «Коминтерна»
Великий гимн по всей земле.

И кажется, что всюду в мире
Аккорды стройные звучат. . .
По всей земле сейчас не спят,
Внимая голосу в эфире.

А он разносится вещаньем
По всем морям и берегам —
Народам братским обещаньем
И гордым вызовом врагам.

<6 ноября> 1940

Самед Вургун

142. ДВАДЦАТАЯ ВЕСНА

Развернуты мечтаний паруса,
Прошедшего открыты чудеса.
И сотен лет не хватит наглядеться
На этот мир, где воля и краса.

На небе звезды синие горят,
А люди счастье на земле творят:
Из мертвых глыб, из глины, из руды
Дворцы мы строим и растим сады.
С природой мы сдружились в добрый час,
Наследство драгоценное у нас.
Мир много бедствий испытал в былом,
Героям славу вечную поем.
О человек, издревле славен ты.
Твой ум и труд, крылатые мечты,
Усилье твердой творческой руки
Руины превратили в цветники.
Земля — твой пьедестал, но, сердцем смел,
Навстречу солнцу в небо ты взлетел.
Раскат грозы, морского утра тишь —
Всё в жарком сердце бережно вместишь.
Тебе земля широкая дана,
Простор морей и кряжей крутизна.
Ты сам — поэт, художник и творец,
Всего начало и всему венец.
Как творческих усилий торжество,
Стучат удары сердца твоего.
Но тот, кто сам не разбивал преград,
Своим твореньям никогда не рад,
Померкнет для него надежды день,
Зарю мечты покроет ночи тень.

1

Весь город у открытого окна,
Под ним Хазара пенится волна.
Зажглись рассветной кромкой небеса.
Сейчас и утро разомкнет глаза.
Ты слышишь ли рояль издали?

Как песнь его могуча и легка!
И миготом от меня уходит сон.
Я в песни эти издавна влюблен.
Поет над мирной улицей рояль.
И девушка задумалась, и вдаль
Ее глаза сейчас устремлены,
Любовью и мечтой опьянены.
Давайте назовем ее — Бахар,
Всего лишь ей двадцатая бахар.
Свежа, светла, как майский день, она,
Ее игрой заслушалась страна.
И, двадцать лет собрав в букет, Бахар
Несет народу первомайский дар.

.
По клавишам летит ее рука,
И песнь о счастье слышится легка.
Как над сердцами властвует она,
Каким очарованием полна.
И в каждом звуке говорят без слов
Поэта сердце, юность и любовь,
И в каждой песне слышен свой напев —
Весна, победа, радость или гнев.
Заставит камень говорить она,
И может зверя покорить она.
И каждая влюбленная душа
Ту песню слушает, едва дыша.
Мотив ее то нежен, то суров,
Мечта достичь не может берегов.
Порой, как ветер, пролетит она,
И, как мечта, поднимется волна.
Любвных песен нежная тоска
Сердца волнует многие века. . .
Играй, Бахар! Кругом шумит весна,
И песня соловьиная слышна.
Ведь песни — наши верные друзья,
И ненавидят грусть они, как я.
Ты дочь свободной молодой страны,
Ты дочь весны, и ты творец весны.
Тебе всего лишь двадцать весен, ты
Приносишь в мир дыханье красоты.
Волшебница, играй, открой байрам,
Чтобы войти с платочком в танец к нам.

Согрета солнцем тишина.
Бахар в одежде золотой.
Пришла двадцатая весна
Ее республики родной.
Прекрасный наш Баку одет
В шелка и кумачовый цвет.
С балконов бьется шелк знамен
И над дорогами встает,
Потоком праздничных колонн
Свободный движется народ.
Цветут улыбки на губах,
И солнце ясное в глазах.
И крепнет мощь сердец и рук,
Веселый смех звенит струной,
И пляшут девушки вокруг
Яллы — весенний танец свой.
Баку! Весельем, торжеством
Пусть музыка звучит кругом.
О армия! Парад начни,
Своим могуществом блесни,
Пусть скажет родина: «Сыны,
Которых выкормила я,
Мои просторы берегут
И охраняют мирный труд!»
Гордится армией народ,
И славит воинов страна,
Сияет солнцем небосвод,
Команда четкая слышна. . .
Под облака знамена взвей,
И пусть гремит салют побед.
Мы кровью красили своей
Свободы знамя в красный цвет.
Пусть слышит твой могучий шаг
И навсегда притихнет враг.
Мир слышит гром твоих шагов.
Крепка отчизна и сильна,
Вдоль черноморских берегов
Стоит гранитная стена.
Народ могуч, Союз велик,

И в этот майский светлый миг
Припомни славных 26.
Их подвиг славы — наша честь!

1940

Саломея Нерис

148. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

(Отрывок из поэмы «Путь большевика»)

Передо мною площадь Красная,
Кровью крещенная.
О, солнечное утро ясное,
Даль озаренная!

Стоит безмолвно Кремль, сурово...
Как много, много помнит он!
Провидел ли в ночи бывшего
Он утро будущих времен?

Здесь Разина четвертовали...
И слез и гнева полные,
Над Волгой ветры бушевали —
Друзья степные, вольные.

Стоит безмолвно Кремль, сурово...
Как много, много видел он!
Провидел ли в ночи бывшего
Он утро будущих времен?

И траурные свечи елей
Стоят, меж башен выстроясь...
Чу, слышишь — снова загремели,
Запыхали выстрелы...

Был долог путь борьбы кровавой,
Народ к победе Ленин вел.
Еще не свергнут был двуглавый
Смертельно раненный орел.

Еще метался он порою...
Но, одолев ночную мглу,
Руками голыми герои
Свернули голову орлу.

Едва забрезжив, день свободы
Пылал боями трудными:
Еще насущный хлеб народа
Был пожираем трутнями.

Еще костлявой тенью голод
По темным городам шагал,
Но славной диктатуры молот
Победу день и ночь ковал.

Спят революции солдаты
Под траурными елями,
И красным знаменем крылатым
Могилы их овеяны.

Сияют имена пред нами,
Бессмертьем озаренные...
Для нас священно ваше знамя
И воля непреклонная!

1940

Павел Коган

144. ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Сажень косая, твердый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими, любыми,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучась, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,

Мы будем строги и прямы,
Они украсят и припудрят,
И все-таки

 пробьемся мы!
Но людям Родины единой,
Едва ли им дано понять,
Какая иногда рутина
Вела нас жить и умирать.
И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я — патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю.
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахнуло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох как пес от ностальгии
В любом кокосовом раю.
Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

1940—1941

Михаил Кульчицкий

145. ПОКОЛЕНИЕ ЛЕНИНА

(Отрывок из поэмы «Самое такое»)

Где никогда не может быть ничья.

Турочкин

...И встанут
 над обломками Европы
прямые,
 как доклад,
конструкции,
 прозрачные, как строфы

из неба,
 стали,
 мысли и стекла.
Как моего поколения мальчики,
фантастикой Ленина
заманись, —
работа в степени романтики —
вот что такое
коммунизм!
И оранжевые пятаки
 отсверкали,
как пятки мальчишек,
 оттуда
в теперь.
И — как в кино —
проявились медали
на их шинелях.
И червь,
финский червь сосет
у первых трупы,
плодя — уже для шюцкоров —
червят.
Ведь войну теперь начинают
 не трубы —
сирена.
И только потом — дипломат.
Уже опять к границам сизым
составы
 тайные
 идут,
и коммунизм опять
 так близок —
как в девятнадцатом году.
Тогда
матросские продотряды
судили корнетов
 револьверным салютцем.
Самогонщикам —
десять лет.
 А поменьше гадов
запирали
 «до мировой революции».

Помнишь — с детства —
рисунок:
 чугунные пути
Человек сшибает
 с земшара
 грудью! —
Только советская нация
будет
и только советской расы люди...
Если на фуражках нету
 звезд,
повяжи на тулью —
 марлю...
 красную...
Подымай винтовку,
 кровью смазанную,
подымайся
 в человечесий рост!
Кто понять не сможет,
 будь глухой, —
на советском языке
 команду в бой!
Уже опять к границам сизым
составы тайные идут,
и коммунизм опять так близок,
как в девятнадцатом году.

<Март> 1941

Витаутас Монтвила

146. ПЕСНЯ РЕВОЛЮЦИИ

Земля навек запомнит Мак-Магона,
дверь революции закрыл убийца старый,
он залил кровью алые знамена,
что подняли в Париже коммунары.

На Пер-Лашез они погибли рано
за будущий Интернационал.

Но годы шли,
и падали тираны,
короны с королей народ срывал.

Мечты расстрелянных,
из-под земли вставая,
дух беспокойства
сеяли в умах.
Росла волна
революционно-огневая,
и вот Октябрь
в бессмертных встал боях.

Волна к волне,
волн этих — миллионы,
прорвавшись в мир, смывают все барьеры.
С дороги прочь, убийцы мак-магоны!
с дороги прочь, тираны тьеры!

Не удержать вам этих волн могучих,
не побороть вам
бури этой грозной!
Вы слышите
раскаты гроз грядущих?
Вас наводнением смоем рано или поздно!

1941

Ольга Берггольц

147. СТИХИ О ЛЕНИНГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКАХ

Нет в стране такой далекой дали,
не найдешь такого уголка,
где бы не любили, где б не знали
ленинградского большевика.

В этом имени — осенний Смольный,
Балтика, «Аврора», Петроград.
Это имя той железной воли,
о которой гимном говорят.

В этом имени бессмертен Ленин,
и прославлен город на века,
город, воспринявший облик гневный
ленинградского большевика.

Вот опять земля к сынам возвала,
крикнула: — Вперед, большевики! —
Страдный путь к победе указала
ленинским движением руки.

И, верны уставу, как присяге,
вышли первыми они на бой,
те же, те же смольнинские стяги
высоко подняв над головой.

Там они, где ближе гибель рыщет,
всюду, где угроза велика.
Не щадить себя — таков обычай
ленинградского большевика.

И идут, в огонь идут за ними,
все идут — от взрослых до ребят,
за безжалостными, за своими,
не щадящими самих себя.

Нет, земля, в неволю, в когти смерти
ты не будешь отдана, пока
бьется хоть единственное сердце
ленинградского большевика.

Сентябрь 1941

Ян Судрабкалн

148. РУССКОМУ НАРОДУ

Насколько в даль проникнуть может взгляд —
В веках растет могучий дуб славянства,
И золотые желуди горят
Среди ветвей зеленого убранства.

Там сказочные птицы распевают,
Внизу журчит живой воды родник.
Полнеба дуб ветвями обнимает,
Корнями в землю глубоко проник.

О русская душа! Твой дивный свет
К добру и правде призывает вечно.
Высокой страстью нас влечет поэт,
Пастух пленяет чистотой сердечной.

Людьми с отзывчивым, но твердым сердцем,
О русский край, ты был всегда богат.
Каким бы ты невзгодам ни подвергся,
Вновь после бури расцветал твой сад.

Не раз на угнетателей свой меч
Ты поднимал, страданьем закаленный.
Восстал народ и бремя сбросил с плеч,
Стон рабства смолк в стране освобожденной.

О чем тысячелетьями мечтали,
То выросло из желудей твоих,
И мы идем в сияющие дали, —
Великий Ленин ясно видел их.

Фашистский волк лютует на земле,
Ему навстречу кинулся ты смело.
Визжит чудовище, когда во мгле
Твои сверкают огненные стрелы.

Настанет срок — рассеется затменьё,
Мир обновится с головы до пят.
И память рабства порастет презреньем,
Сойдут мозоли на руках солдат.

Бесценная на землю кровь течет,
Но светел ты лицом на поле боя,
Когда зарей алеет небосвод,
Кружатся жаворонки над тобою.

В одеждах ярких, что носили деды,
Вокруг тебя семья племен стоиґ.
В твоём привольном доме в день победы
Для всех народов будет стол накрыт.

В искусстве русском, в русской речи есть
И мощь, и тонкость, мысль и страсти пламя,
Там издавна звучит свободы весть,
И Пушкин предсказал ее стихами.

Народ России, в грозную годину,
Как пчелы в улей, все к тебе летят.
Друзья свободы вокруг тебя едины,
С тобой они дракона победят.

В тот день, склонясь над павшими в борьбе,
Зашелестят ветвей зеленых своды.
И вечно будет русский дуб к себе
Звать всех, кто жаждет мира и свободы.

<Октябрь> 1941

Абулькасим Лахути

149. ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ

Октябрь на поле боевом
победно демонстрирует,
В огне войны, под гул и гром,
победно демонстрирует,
Как знамя, дружбу ста народов
Октябрь над миром поднял,
Он мощь свою перед врагом
победно демонстрирует;
Как лев, сражающий шакалов,
рычит он грозным рыком,
И, потрясая всё кругом,
победно демонстрирует.
Народ наш с армией своей
един душой и сердцем,

Он смерть врагу в единстве том
 победно демонстрирует.
Вандалов гитлеровских орды
 идут чумой кровавой,
Но человек пред дикарем
 победно демонстрирует.
Где бьются грозно жизнь и смерть —
 народ таджикский бьется,
Он доблесть древнюю мечом
 победно демонстрирует.
Друзья, я вижу, как чуму
 Октябрь одолевает
И, кудри увенчав венком,
 победно демонстрирует.

1941

Борис Пастернак

150. 1917—1942

Заколдованное число!
Ты со мной при любой перемене.
Ты свершило свой круг и пришло.
Я не верил в твое возвращенье.

Как тогда, четверть века назад,
На заре молодых вероятий,
Золотишь ты мой ранний закат
Светом тех же великих начатий.

Ты справляешь свое торжество,
И опять, двадцатипятилетье,
Для тебя мне не жаль ничего,
Как на памятном первом рассвете.

Мне не жалко незрелых работ,
И опять этим утром осенним
Я оцениваю твой приход
По готовности к свежим лишениям.

Предо мною твоя правота.
Ты ни в чем предо мной неповинно,
И война с духом тьмы неспроста
Омрачает твою годовщину.

<6 ноября> 1942

Василий Лебедев-Кумач

151. ОКТЯБРЬСКАЯ ЗВЕЗДА

Гремит война, отчизну потрясая,
Суровый мрак окутал города.
Но ты горишь, горишь, не угасая,
Великая Октябрьская звезда.

В грозе и в буре ты взошла над нами,
И в светлый путь с тобою мы пошли,
И ты, звезда, венчала наше знамя,
Святое знамя трудовой земли.

Над родиной сверкая четверть века,
Сегодня ты особенно светла, —
За право жить, за счастье человека
Ты вновь народы в битву подняла.

Звезда земли, любимой и свободной,
Ты нас ведешь на грозный, правый бой,
Везде нам светит знак твой благородный,
И каждый воин осенен тобой.

Ты всюду с нами в битве исполинской —
И в час побед, и в тяжкий смертный час,
Отцовским словом, лаской материнской
Ты греешь сердце каждому из нас.

В тебе слились все думы об отчизне,
Весь жаркий пыл отваги молодой, —
Ведь всё, что было радостного в жизни,
Всё связано с Октябрьской звездой.

Свободы нашей пламень пятикрылый
Не угасить злодеям никогда!
Вперед, друзья! Ударим с новой силой!
За родину, за всё, что сердцу мило,
Веди нас в бой, Октябрьская звезда!

<Ноябрь — декабрь> 1942

Степан Щипачев

152. ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ГОДОВЩИНА

На четверть века стал взрослее век,
Но не забыл я день в Октябрьском громе,
Неву, и мокрый петроградский снег,
И стекла, выбитые в сером доме.
Плакаты, камни, кровь на мостовой —
Всё утверждало: в будущее верьте!
И знамя реяло над головой,
Овеянное Ленина бессмертьем.

Вся в шрамах Родина. Ревет металл,
Встает железа и огня ограда,
Как будто бой октябрьский не стихал
До этих дымных дней у Сталинграда.
Как и тогда, мы проливаем кровь,
Как и тогда, защитное надели,
Чтоб счастье вновь нашло наш мирный кров
И радость стала к детской колыбели.

<Декабрь> 1942

Иоханнес Семер

153. ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Прошло уже четверть века
С тех пор,
 как спиной к народу,
Закрыв глаза на несчастья,
Зимний стоял дворец. . .

Но, миру неся свободу,
Ударил выстрел «Авроры», —
Настал конец самовластью,
Застою настал конец!

Мы помним,
Как из изгнания
Вернулся в Россию Ленин:
Финляндский вокзал, и встречу,
И голос с броневика. . .
Промчались годы — и ныне
Сбылись его предсказания:
Настала новая эра,
Несущая свет в века.

Дымят заводские трубы,
И кажется — флаги реют. . .
В степную ширь устремились
Могучие трактора;
В бескрайних степях колхозных
Стеною пшеница зреет,
Сбирать урожай комбайны
Колонной идут с утра.

Горят плавильные печи,
Их отсветы — в небе чистом;
Как будто из преисподней
Течет чугуна поток. . .
Ты видишь: вот кран подъемный
Хватает рукой когтистой
Большую стальную балку —
Как самый сладкий кусок. . .

Растет за городом город,
Встает завод за заводом.
Единое сердце бьется
У всех советских людей,
Одно
 владеет стремленье
Огромным моим народом:
По ленинским жить заветам
На благо земли своей!

А ныне степные дали
И гор высоких громады
Охвачены дымом битвы —
И мы на борьбу встаем.
Зедь вражье хищное стадо
По землям отчизны мчится,
Грозит захватить пшеницу,
Взращенную Октябрем!

Но мы
 из великой жатвы
Зерна
 не дадим
 ни горсти!
Соломинки
 враг не вырвет
Из наших больших снопов.
Назад —
 по мостам из трупов
Уйдут незваные гости. . .
Земля! Глубокие ямы
Готовь для наших врагов.

Правды Октябрьской сила
Вечно владеет нами!
Жатву десятилетий
Мы ль отдадим, дрожа?
Каждый куст придорожный,
Каждый ручей и камень
Гибелью угрожают
Рыцарям грабежа!

Да! Мы к врагу питаем
Ненависть и презренье!
Пусть эти чувства в битве
Родину окрылят!

Пепел черных пожарищ,
Горе и оскорбленья
Только фашистской кровью
Можешь ты смыть, солдат!
1942

Андрей Балодис

154. СЫНУ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

На танке грозном ты, в руках оружие сжато, —
Свободу нам несешь, как в год перед войной.
Ты дорог Латвии, и, как родному брату,
Цветами девушки путь устилают твой.

На шлеме всинском багряным пятилучьем,
Нам озаря жизнь, горит твоя звезда.
О, как твой ясен взор, каким ты стал могучим,
Темницы рушишь ты, рука твоя тверда.

С фашизмом кончено, навек уходит горе, —
У смерти вырваны, смеются люди тут...
Омытые росой, поля шумят, как море,
Из пепла города спасенные встают.

О, как светлеешь ты лицом своим суровым,
Когда тебя обнять ребенка мать несет
И шлет тебе поклон старик седоголовый, —
Свободы страж, тебе у нас почет!

Мы вместе с русскими и встарь тевтонов били,
России новый свет мы видели, борясь, —
С тех пор как мы в семью советскую вступили,
Народа нашего жизнь снова началась!

Россию любим мы, и не померкнет пламя,
Зажженное навек Великим Октябрем,
За старшую сестрой железными рядами
Мы, латыши, счастливые, идем!

1944

Ярослав Смеляков

155. ПОРТРЕТ

Сносились мужские ботинки,
армейское вышло белье,
но красное пламя косынки
всегда освещало ее.

Любила она, как отвагу,
как средство от всех неудач,
кусочек Октябрьского флага —
осеннего вихря кумач.

В нем было бессмертное что-то:
останется угол платка,
как красный колпак санюлота
и черный венок моряка.

Когда в тишину кабинетов
ее увлекали дела, —
сама революция это
по каменным лестницам шла.

Такие на резких плакатах
печатались в наши года —
прямые черты делегатов,
молчащие лица труда.

1945

*Александр Абашели***156. ПОТОМКАМ**

В блаженные мечтанья погружен,
Как часто я душой нетерпеливой
Лечу к народам будущих времен
И упиваюсь песней их счастливой.

Пройдут года, и песнь затмят мою
Великие певцы родного края,
Но смело я пред будущим стою,
Свои стихи над миром поднимая.

Остановитесь, дети торжества,
Пронизанные светлыми лучами!
Я слышу ваши дивные слова,
Но не склоню я рукопись пред вами!

В цепи веков мне выпало звено,
Хоть малое, но полное значенья.
Всю вечность озарило нам оно
И осветило будущие звенья.

Я видел сам, как вспыхнул первый луч,
Еще и ныне в яростной погоне,
Преследуя остатки черных туч,
Несутся в небе огненные кони.

Я знаю: ваш благословенный век
Затмит веков высокие примеры,
Но никогда не сможет человек
Увидеть вновь рождение новой эры.

Мы прикасались на своем веку,
На зависть всем грядущим поколениям,
К броне «Авроры» и к броневнику,
С которого пророчествовал Ленин.

О, как еще вы будете листать
Страницы дней, которые впервые
Сумели старый мир пересоздать,
Сломав его устои вековые!

Но никому не будет уж дано
Увидеть то, что видели мы сами,
Что нам впервые было суждено
Запечатлеть для вечности стихами.

1946

Эмилиан Буков

157. ОКТЯБРЬ НА ГРАНИЦЕ

Из-за Днестра долетело дыханье свободы...
Мне ж с колыбели достались таежные цепи.
Тени жандармов, как плети косые, в те годы
Пали на наши родные дубравы и степи.

Ветер Октябрьский будил нас мятежным призывом
Вербы метались, осенние листья теряя.
Воды Днестра рассекали течением бурливым
Сердце народа, единство молдавского края.

К нам не вернутся веки былые невзгоды.
Встала твердыня свободы над Прутом-рекою.
Наши привольные степи и светлые воды
Мы охраняем от недруга твердой рукою.

Крепни, Молдавия, край, Октябрем обновленный,
Свежей водой напоенный из чистой криницы!
Рощи дубовые, буков могучие кроны
Строем зеленых фуражек стоят на границе.

1946

Мамед Рагим

158. ОКТЯБРЬ

Твой стяг над миром русский взвил народ.
Ты всех народов воля и оплот.
Ты нам помог завоевать свободу
В Стране огней, где был владыкой гнет.

Ты близкой сделал радостную даль,
И мы изгнали из дому печаль.
Мечта о счастье стала явью, счастьем,
Страна окрепла и оделась в сталь.
И зацвела республика моя, —
В союзе с нею братья и друзья.

Ворвался в мир огонь твоих лучей —
И стал наш день светлей и горячей.
Взглянул я — солнце в дверь мою стучится,
И ходит свет по комнате моей.
Стоят на страже света храбрецы —
Твои неодолимые бойцы.

Мы вырастили пышные сады,
Мы городами шумными горды.
Стоим, Октябрь, мы у ворот Востока
И сторожим отчизну от беды.
Тобой нам свет неугасимый дан,
Могучим сделал ты Азербайджан.

Как наглядеться мне на край родной?
Звенит с Мингечаура голос мой.
Мы рождены, чтоб воздвигать и строить,
На всей земле рассеять мрак ночной.

Принес и к нам весну ты бурным днем,
Апрель пришел вослед за Октябрем.

Враг злобу неизбывную таит,
Но всё мощнее родина стоит,
Дома вздымает выше, выше в небо.
Где степь дышала — вырос Сумгаит.
По кирпичу кладем мы счастья дом,
Отчизну поднимаем мы трудом.

Создал тебя великий русский брат.
С твоей дороги не свернем назад.
Ее в боях мы кровью оросили,
И маки в поле, словно кровь, горят.
Ты — наше сердце, нашей правды свет.
Нам без тебя на свете счастья нет.

1946

Аркадий Кулешов

159. БЫЛИНА О БОГАТЫРЕ

Со дня своего рожденья
не знал богатырь покоя:
Четырнадцать стран чужеземных
пошли на него войною.

Его пеленала дорога,
суровые бури качали.
На шлеме его сверкала
звезда огневыми лучами.

От детских забав веселых
он с первых же дней отказался —
На том на игрушечном сером
коне никогда не катался.

Манили его не забавы —
он шел через холод и голод.
И после войны кровавой
он взялся за серп и молот.

Повсюду завод за заводом
вставал под рукой исполина,
И следом за ним летели
сказки, песни, былины.

Не соколы, а самолеты
взлетали с его ладони,
Гремели по рельсам чугунным
его чугунные кони.

Он молотом бил на заводе,
с серпом выходил он в поле,
Чтоб враг никогда не осилил
его ни на суше, ни в море.

Могучий, тридцатилетний,
окончивший бой кровавый,
Готовый на труд и на подвиг,
стоит он, оваянный славой.

О мощи его богатырской
народы повсюду знают.
Его Октябрем величают,
былины о нем слагают. . .

1947

Винцас Миколайтис-Путинас

160. ФРАГМЕНТЫ В ЧЕСТЬ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

1

Хмурая полночь.
Глухие кварталы.
Толпы шумящие на перекрестках.
Ходит, как ржавый резец по металлу,
По сердцу горечь речей этих жестких:
— Разве живем мы на свете?
Солнце — и то нам не светит,

Не одолеть и ему
Кузниц копящую тьму.
Рушатся горы не сами —
Мы их долбим до конца.
Ходят машины не сами —
Наши их движут сердца.
Строя дворцы за дворцами,
Всё отдаем мы труду —
Кормим богатых, а сами
Мерзнем и терпим нужду.
Стонут на фабриках дети,
В саже, грязи и дыму.
Разве живем мы на свете?
Нет, он похож на тюрьму!
И, громыхая цепями,
Из нередеющей тьмы,
Мы вопрошаем ночами:
— Разве мы люди? Кто мы?

2

Серое небо.
Нева и матросы.
Вождь говорит, и в октябрьские ночи
Каждое слово, что он произносит,
Молотом по наковальне грохочет:
— Люди труда, мы восстали,
Слышат нас дальние дали!
К солнцу шагая упорно,
Борозды мы провели,
Чтобы колосьями зерна
Мира и счастья взошли!
Новые силы созрели —
Недругу нас не сломать.
За справедливые цели
Жизнь мы готовы отдать.
Смело мы в битву шагаем,
И, выступая из тьмы,
Самый прямой выбираем —
Путь революции мы!

В рощах, морозным туманом клубящихся,
 Ветер опавшие листья метет.
 Чайанья революционных трудящихся
 До отдаленных домчались широт.
 И не сдержат уже ярость людскую, —
 Так океанский вскипает прилив, —
 Рвется из каждого сердца, ликуя,
 Мощный призыв:

— Здравствуй, победа, победа великая
 Тех, кто к свободе тянулся из тьмы,
 Кто не согнулся под тяжкой веригою
 Рабства — и вышел навек из тюрьмы.
 Силы, дремавшие долго, восстали,
 Ринулись в битву — и пала тюрьма,
 Люди, воспрянув, могучими стали
 И не потерпят отныне ярма!

Не раскололась пальбой тишина еще.
 Гаснут в багровом дыму облака.
 Снова удар — громовой и решающий.
 Сжата в последнем усилье рука.
 С песней шагают рабочих колонны,
 Словно несется поток штормовой.
 Старые матери, сестры и жены
 Их провожают с надеждой живой.

Нет, не пройдут дни октябрьские даром!
 Нет, не остынет без жизни душа!
 Сталь, закаленная кровью и жаром,
 Вспашет равнины, от ржавчины старой
 Землю очистить спеша.

Новая осень за осенью следует.
 Ленинским мир озаряется гением.
 Щедрый Октябрь, окрыленный победою,
 Майское миру дарует цветение.

Синие дали в туманах нетающих.
В братском союзе — народы свободные.
В трудных походах и битвах решающих
Был им Октябрь звездой путеводною.

Смело шагая тропой нетореною,
Брали трудом за вершиной вершину мы.
Творчество, в каждом из нас пробужденное,
Делало сильными нас и едиными.

Мощь укрепляется в соревновании.
Светел наш путь, пятилетками пройденный.
Дальних светил затмевая сияние,
Звезды строительств сияют над Родиной.

Землю, политую потом и кровью,
Мы засеваем великой любовью.
Силу рождая
И закаляя,
Солнцем над нами горя,
С недругом в бой
Ведет нас родной
Ленин — Вождь Октября!

1947

Теофилис Тильвитис

161. ОКТЯБРЬСКИЕ МЫСЛИ

Гроза окончилась, и тучи мчатся мимо,
Пусть как угроза — гром над далями полей.
Но солнце Октября льет свет неугасимый
На землю Родины моей.

Мы поняли, кто слаб, кого колеблет ветер,
В ком сила есть, кому опасность не страшна.
Всё человечество — должник Страны Советов
И знает, что свой долг вернет оно сполна.

Как много нужно всем и разума и силы,
Чтоб подготовить мир к его грядущим дням!
Для всей земли маяк — Октябрь. . . Народ России
На долгие года примером будет нам.

За жертву, что принес во имя мира в мире,
Народы головы склоняют перед ним.
Я поднял ввысь плакат. Всё радостней, всё шире
Гремит вокруг салют, как гром, неудержим.

Не призрак по земле, по всей Европе бродит —
Идеи Октября, — им все века светить!
Идеям Октября, ведущим мир к свободе,
Никто и никогда не преградит пути.

1947

Гамзат Цадаса

162. ОКТЯБРЬ

Теперь, на склоне лет, я постоянно
О прошлой жизни думаю своей,
И жалко мне, что я родился рано,
Что сгублено так много лучших дней.

Ведь если только в прошлое взглядеться, —
До Октября, скажите, что я знал?
Я был мальчишкой — и не видел детства,
Я зрячим был, но света не видал.

Мне жаль моих друзей и однолеток,
Кого в живых уж нету, кто не смог
Увидеть столько солнечного света,
Который ты, Октябрь, в стране зажег.

1947

Александр Твардовский

163. МОЛОДОСТЬ

Вчера еще были и мы молодежь,
Да время торопит, не балуя.
Едва на четвертый десяток свернешь —
И сказано: годы немалые.

Но время для нас, для страны — времена,
Века из веков озаренные.
В четвертый десяток вступает страна,
Октябрьской бурей рожденная.

И мужества возраст ей впору как раз, —
Страницы тех лет перелистаны.
И старше она уже многих из нас,
Но всех нас моложе поистине.

Моложе. И будет моложе вовек
В своем недряхлеющем мужестве.
Так молод бывает всегда человек,
Который с грядущим в содружестве.

И молодость родины — дело и мысль,
Что Лениным нам заповеданы.
То шум городов, что при нас поднялись
На землях, до нас не разведанных.

То слава победная наших полков —
Нетленная родины молодость.
То зелень густая столетних дубов,
Пробившихся нынче из желудя

То тяжкий бетон величавых плотин
На реках, надежно обузданный.
И молодость родины — ты, гражданин,
Работник, не знающий усталости.

О родина, гордость и радость моя,
Бескрайны края твои мирные,
Но слава, но правая правда твоя —
Сегодня намного обширнее.

И встретить готовы любую напасть
Твой доблестный опыт и выучка.
Как славная в битвах гвардейская часть,
Ты шествуешь миру на выручку.

<7 ноября> 1948

Константин Симонов

164. КРАСНОЕ И БЕЛОЕ

Мне в этот день была обещана
Поездка в черные кварталы,
Прыжок сквозь город, через трещину,
Что никогда не зарастала,
Прикрыта, но не зарубцована
Ни повестями сердобольными,
Ни честной кровью Джона Брауна,
Ни Бичер-Стоу, ни Линкольнами.
Мы жили в той большой гостинице
(И это важно для рассказа),
Куда не каждый сразу кинется
И каждого не примут сразу,
Где ежедневно на рекламе,
От типографской краски влажной,
Отмечен номерами каждый,
Кто осчастливлен номерами;
Конечно — только знаменитый,
А знаменитых тут — засилие:
Два короля из недобитых,
Три президента из Бразилии,
Пять из подшефных стран помельче
И, уж конечно, мистер Черчилль.
И в этот самый дом-святилище,
Что нас в себя, скривясь, пустил еще,
Чтобы в Гарлем везти меня,
За мною среди бела дня

Должна

заехать

негритянка.

Я предложил: не будет лучше ли
Спуститься — ей и нам короче.
Но мой бывалый переводчик
Отрезал, что ни в коем случае,
Что это может вызвать вздорную,
А впрочем — здесь вполне обычную,
Мысль, что считаю неприличным я,
Чтоб в номер мой входила черная
— Но я ж советский! — Что ж, тем более,
Она поднимется намеренно,
Чтоб в вас, советском, всюю болью
Души и сердца быть уверенной. —
И я послушно час сидел еще,
Когда явилась провожатая,
Немолодая, чуть седеющая,
Спокойная, с губами сжатыми.
Там у себя — учитель в школе,
Здесь — и швейцар в дверях не сдвинется,
Здесь — черная, лишь силой воли
Прошедшая сквозь строй гостиницы.

Лифт занят был одними нами.
Чтоб с нами сократить общение,
Лифтер летел, от возмущения
Минуя цифры с этажами.
Обычно шумен, но не весел,
Был вестибюль окутан дымом
И ждал кого-то в сотнях кресел,
Не замечая шедших мимо.
Обычно.

Но на этот раз
Весь вестибюль глазел на нас.
Глазел на нас, вывертывая головы,
Глазел, сигар до рта не дотащив,
Глазел, как вдруг на улице на голого,
Как на возникший перед носом взрыв.

Мы двое были белы цветом кожи,
А женщина была черна,

Но ведь это в столице, а что же тогда
От Москвы вдалеке, за февральской метелью!
Так он думал, из дальней страны человек,
Этот город суровый увидев воочью,
Перед фарами пылью крутящийся снег,
Переулки, афиш шелестящие клочья
Да никчемность трамвайных завьюженных рельс.
И над всем вековые кремлевские башни.
Был великим фантастом британец Уэллс,
Стало страшно Уэллсу от были тогдашней.
Всё он понял еще до кремлевских ворот.
Предстоящая встреча добавит немного:
Вся Россия во мгле, полудикий народ.
К омертвенью и тлену прямая дорога.
Эта схватка миров не похожа на ту,
Что ему представлялась в часы вдохновений.
Не к вождю марсиан — в темноту, в пустоту
Шаг за шагом его поднимали ступени,
Двое рослых, в военной одежде, людей
От парадных дверей до приемного зала.
Проводили его коридорами, где
Под глубокими сводами свет вполнакала.
Под ногами паркет, позабывший про воск.
Распахнулась тяжелая дверь кабинета...
Что там думает этот загадочный мозг
Истощенной России, державы Советов?
У вождя кабинет протопили вчера,
Но сегодня прохладно в его кабинете.

И внакидку пальто, и сидеть до утра.
И работать с мечтой о свободной планете.
Вот британскому гостю движеньем простым
Предлагает он кресло, обитое кожей:
— Не угодно ли чаю, пока не остыл?
Удивительный чай, без варенья, но всё же... —
А по окнам струя снеговая как бич,
Без конца и без края страна за стеною...
— Ну, а все-таки, что же, Владимир Ильич,
Вы решаете делать с погибшей страной? .. —
Натянулась беседы суровая нить,
Гость открыто сочувствует, смотрит жалея.

— Мы республику нашу хотим осветить,
Чтобы, знаете, было работать светлее. . . —
И по карте, от Пинских болот до Кремля,
От Кремля над тайгой — и руки не хватило:
— Разве может погибнуть такая земля,
Разве можно такой напророчить могилу? —
От движенья пальто соскочило с плеча,
По просторам страны заскользила указка,
И поплыли тогда в кабинет Ильича
За виденьем виденье, за сказкою сказка.
Будто дикие реки сибирских равнин
Перекрыли плотины бетонные наши,
И струится высокая сила турбин,
И летят провода над безмолвием пашен.
Будто вся до конца задымилась тайга,
Засветилась она заводскими огнями.
Будто реки бросают свои берега
И уходят дорогой, указанной нами,
Будто мертвую степь заливают вода
И лимонные рощи в степи вырастают,
А на месте пустынь — города, города,
И над ними — машин светлокрылые стаи.
Гость ушел раздраженным, он в Лондоне даст
Интервью о поездке своей за границу
И о том, что сидит утопист и фантаст
За кремлевской стеной в азиатской столице.
Нам не спорить о том, к нам стучится весна.
Нам мечтать вдохновенно и радостно строить,
Но душа торжеством до избытка полна.
И поэтому хочется крикнуть порою:
— Что ж, мечтатель Уэллс, слышишь нынче меня
Под чугунным надгробьем, замшелым
и ржавым, —
Что, Россия во мгле? Нет, Россия в огнях!
Нет, в сверканье и славе родная держава!
Это знамя Советов пылает огнем,
Освещая просторы Австралий и Азий.
А о Марсе мечтать? Мы мечтаем о нем.
Коммунистам — и это не область фантазий!

1950

Александр Твардовский

166. О ЮНОСТИ

Мы знаем грядущему цену
И знаем, что юность права
Не как молодая трава,
Что старой приходит на смену,
Чтоб так же отжить до зимы.

Нет, юность с другою задачей
В наш след заступает горячий,
В то дело, что начали мы,
К заветной направившись цели.

Дано ей на том же пути
За нами, но дальше идти,
Исполнить, что мы не успели,
И вспомнить, возможно, о нас
С вершины иных пятилеток —
О наших героях, поэтах,
Министрах — с улыбкой подчас.

Но пусть она, юность родная,
Поднявшись стремительно ввысь,
Не вздумает там занестись,
Отметки отцам выставляя.

Нет, пусть она в душу возьмет,
Что в славе ее безграничной
Мы всё же повинны частично
И знали о ней наперед.

И знали о ней и мечтали,
Когда еще были юнцы,
А ранее — наши отцы
Смотрели в те самые дали.

И, подвиг свершая один
За времени навесью дымной,
Без нас они брали свой Зимний,
А мы еще с ними — Берлин.

Усиленным эхом звучал орудийный удар;
Блеснув над Невой, он разжег небывалый пожар.
Борьба продолжалась, но в Зимнем потухли огни.
Настали суровые, неповторимые дни, —
Бессмертной страницей в историю входят они.

Проникнута мыслью, блистательна и горяча,
Народ поднимала призывная речь Ильича,
И Ленина слово дошло до несчетных сердец.
Нева встрепенулась, обстрелянный дрогнул дворец.
Неволе и гнету пришел долгожданный конец.

1947

БАЛЛАДА О СПАСЕННОМ ПАСТУХЕ

Кто сочтет водовороты Бзыбь-реки,
Что грохочет по ущелью среди гор? . .
Вот взошел пастух на зыбкие мостки
И глядит на воду быструю в упор.

Вспоминает он, как пламя занялось
Над избой его, что князем сожжена,
Как последних со двора сводили коз. . .
Князь безжалостен, и власть его сильна. . .

«Перед князем я слабее комара:
Может, с жизнью расставаться мне пора. . .
Камнем в воду — и прощай моя тоска;
Под волнами смерть найду на дне глухом! . .»

Но шагает незнакомец по мосткам, —
Он следил на берегу за пастухом.

— Рыбы много ли в реке?
— Как в сотнях рек. . .
— Деньги, что ли, уронил?
— Давно их нет. . .
— В чем же дело? —

А пастух ему в ответ:
— Друг, какой ты любопытный человек!
Может, лучше. . . — и на воду показал,
Прочертив дугу по воздуху, пастух.

Незнакомец посмотрел ему в глаза —
В них такое, что опасно молвить вслух...
И сказал он очень тихо:

— Дорогой,
Время попусту не стоит тратить нам;
Разве можно горевать над Бзыбь-рекой,
Если мир сегодня треснул пополам!..
С этой вестью городами послан я
К вам сюда, где тропы горные круты:
Власть — Советам,
Мир — народам,
А земля...
А земля — таким хозяевам, как ты!..

И стоит пастух, со лба стирает пот:
То поймет его слова, то не поймет.

— К светлым дням привел страну рабочий класс!
Всех князей своих к чертям прогнал народ... —
И стоит пастух, с него не сводит глаз:
То поймет его слова, то не поймет.

Сел опять пастух на зыбкие мостки,
Долго смотрит на кипенье Бзыбь-реки...

А как встал пастух — совсем другой пастух:
На такого б не хватило прежних двух.
И глядит он, и шагает он не так:
Горы слушают его могучий шаг!..

Сосчитать у нас с тобой не хватит сил,
Сколько жизней дорогих от смерти спас,
Сколько заново для жизни воскресил
Золотого Октября великий час!

Если мы с тобой и живы и сильны,
Если есть у нас и песни и цветы,
Если веселы и молоды, как ты,
Если внуками, как я, окружены, —

То за это всей душой любой из нас
Прославляет Октября великий час.

1952

Евгений Винокуров

168. ПОСЛЕ ЗАЛПА

Когда огнем рвануло
Из пушечных отверстий,
Качнулся шпиль от гула
На Адмиралтействе.

Конь дико прянул, стоя
На двух копытах задних,
Едва сдержал уздою
Коня
могучий всадник.

С хранилища преданий
В огне у перекрестка,
С тяжеловесных зданий
Осыпалась известка.

И в грозном снаряженье
Ораторы России
Отчизны возрожденье
В ту ночь провозгласили.

Они
в раскатах, в звоне,
В распахнутых бушлатах
Кричали. . .

Их ладони
Лежали на гранатах.

Всю ночь о высшей мере,
О наступившем сроке,
О будущем
гремели
Плечистые пророки.

Развил знамена ветер,
Клинки блеснули сабель,
Всё стало ясно в свете
Пылающих усадеб.

И снова с мощным вздохом
Орудья разрядились. . .

Так началась эпоха,
В которой мы
родились!

<Март> 1953

Николай Грибачев

169. ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Нет осенью тепла, а всё же,
Как там земля ни холодей,
Иного летнего дороже
Тепло живое этих дней.

Оно, родившись от сиянья
Прекрасных помыслов и дел,
Все покрывает расстоянья
И за чужой летит предел.

За высью гор, за океаном,
Куда и верст не сосчитать,
Всё отсветом стоит багряным,
Что нашей осени под стать.

Всё бодрствует, напоминая,
Что сбудутся людей мечты,
Что есть еще судьба иная,
Помимо войн и нищеты.

И мир, что в жажде неизбывной
Надеждой новою согрет,
Всё ловит дружбы гул призывный,
Всё смотрит в мирный наш рассвет!

<5 ноября> 1953

170. ХОДОКИ

В зипунах домашнего покроя,
Из далеких сел, из-за Оки,
Шли они, неведомые, трое —
По мирскому делу ходоки.

Русь металась в голоде и буре,
Всё смешалось, сдвинутое враз.
Гул вокзалов, крик в комендатуре,
Человечье горе без прикрас.

Только эти трое почему-то
Выделялись в скопище людей,
Не кричали бешено и люто,
Не ломали строй очередей.

Всматривались старыми глазами
В то, что здесь наделала нужда,
Горевали путники, а сами
Говорили мало, как всегда.

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним, —
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

Эти трое мало говорили.
Что слова! Была не в этом суть.
Но зато в душе они скопили
Многое за долгий этот путь.

Потому, быть может, и таились
В их глазах тревожные огни
В поздний час, когда остановились
У порога Смольного они.

Но когда радушный их хозяин,
Человек в потертом пиджаке,
Сам работой до смерти измаян,
С ними говорил накоротке,

Говорил о скудном их районе,
Говорил о той поре, когда
Выйдут электрические кони
На поля народного труда,

Говорил, как жизнь расправит крылья,
Как, воспрянув духом, весь народ
Золотые хлебы изобилья
По стране, ликуя, понесет, —

Лишь тогда тяжелая тревога
В трех сердцах растаяла, как сон,
И внезапно стало видно много
Из того, что видел только он.

И котомки сами развязались,
Серой пылью в комнате пыля,
И в руках стыдливо показались
Черствые ржаные кренделя.

С этим угощением безыскусным
К Ленину крестьяне подошли.
Ели все. И горьким был и вкусным
Скудный дар истерзанной земли.

<Ноябрь> 1954

Сергей Смирнов

171. НАКАНУНЕ

Вся столица флагами расцвечена.
Блеск витрин. Гирлянды фонарей. . .
Не теряй предпраздничного вечера,
Выходи на улицу скорей.

Выходи — такое время дорого,
Неприменно друга пригласи.
Всё зовет — от красных звезд над городом
До зеленых лампочек такси.
Как магнит,

 сегодня площадь древняя.
Бьют часы, серебряно звуча.
По соседству с хвойными деревьями —
Мавзолей, стена из кирпича.
Дышит ветер синими просторами,
Океанской свежести сродни.
И бегут на все четыре стороны
Абсолютно мирные огни.
Посмотри на световые поясы —
В них

 огни Дуная и Янцзы,
Точки ясных окон возле полюса,
Где буран коварнее грозы. . .
Лейся, свет, на улицы и здания.
Вейтесь, флаги, сердцу говоря,
Что земля —
 во власти ожидания
К нам идущей даты Октября!

<6 ноября> | 1955

Евгений Евтушенко

172. РАЗГОВОР С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Я тревожусь,
 что не по возрасту
в окружении всяческих дел
разучился ходить по воздуху —
притяженья
 не одолел.
По задымленным шляхам
 копытами
кони красных отрядов бьют.

На обрыве
 перед бандитами
комсомольцы Триполья поют.
Умирать не хочется до смерти!
И поют и поют,
 а вдали
голоса,
 голоса красnodонские
откликаются
 из-под земли.
Мои руки ·
 к оружию
 рвутся.
Я ведь тоже уже молодой!
И склоняется
 Революция
над горящей моей головой.
Говорит мне простое и нужное:
«Собирайся,
 товарищ,
 в путь.
Только ты не проси оружия —
ты оружие сам добудь».
Я встаю.
 Я выдержу.
 Сдюжу я!
Не сгибаясь,
 весь на виду,
безоружный
 иду за оружием,
без друзей
 за друзьями иду!
Ни уютной тепленькой сырости,
ни сгибающим спину годам,
ни мещанской постыдной сытости
Революцию
 я
 не продам!

1955

Таир Жароков

173. В ОКТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ

Люблю я в эту пору осень,
Когда сквозь красную листву
Почти стальная неба просинь
Напоминает мне Неву...

Вот и сегодня утром снова,
Багряным садом проходя,
Я встретил друга фронтового —
Укрылись вместе от дождя.

«Смотри-ка, чувствовала рана,
Что будет дождь», — заметил он,
Но дождик перестал неожиданно,
Очистив синий небосклон.

И заиграли вдоль аллеи
В прохладных капельках лучи...
Здесь мы расстались, а вернее —
Людской поток нас разлучил.

Весь город двинулся на площадь,
Как будто разлилась заря:
То ветер шелк знамен полощет
В великий праздник Октября!

Вот, шар земной подняв на плечи
С крылатым голубем на нем,
Идут спортсмены... Им навстречу —
Рукоплесканий дружный гром.

Вот пронесли снопы пшеницы —
Знак покоренной целины...
Куда ни глянешь — всюду лица
Улыбками озарены.

И я опять увидел друга:
Лихой танцор, он и сейчас
Ходил вприсядку в центре круга
И вызывал на перепляс.

Смотрели девушки влюбленно,
Старался юный баянист. . .
Мне на плечо тихонько с клена,
Кружась, слетел янтарный лист.

Да, в эти дни люблю я осень,
И звон листвы, и неба цвет.
Мы торжествуем тридцать восемь
Победных лет,
Октябрьских лет!

1955

Михаил Исаковский

174. 25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Я снова думал, в памяти храня
Страницы жизни своего народа,
Что мир не знал еще такого дня,
Как этот день — семнадцатого года.

Он был и есть начало всех начал,
И мы тому свидетели живые,
Что в этот день народ наш повстречал
Судьбу свою великую впервые;

Впервые люди силу обрели
И разогнули спины трудовые,
И бывший раб хозяином земли
Стал в этот день за все века впервые;

И в первый раз, развеяв злой туман,
На безграничной необъятной шири
Взошла звезда рабочих и крестьян —
Пока еще единственная в мире. . .

Николай Браун

176. 24 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Он в этот вечер здесь, за этим
Столом, у этого окна,
Знал, перед будущим в ответе, —
Задача будет решена!
Теперь всё ясно: то, что было
Несвоевременно вчера,
Не может ждать и до утра...
Он окунул перо в чернила.
Рука торопится: пора!
Сегодня. Завтра будет поздно.
Сегодня — или никогда!
Россия ждет.
В молчанье грозном
Притихли села, города.
Россия ждет.
Иссякли сроки,
И всё висит на волоске.
Бегут уверенные строки,
Мысль горяча. Перо в руке
Не дрогнет.
Слабых убеждая,
Оно с друзьями говорит.
Но мысль, перо опережая,
Уже в грядущее глядит.
Уже расчетом полководца
Она готовит близкий бой,
Нелегкий бой, но сердце бьется.
Оно всей кровью, всей судьбой,
Всей силой высшего прозренья
Победу видит впереди —
В ней революции спасенье.
Иной дороги нет.
Веди!..

Не утихал октябрьский ветер,
Качался тополь за окном,
В тот миг единственный свидетель
Строк, переполненных огнем.

Скорей же в бурю; в ночь, в дорогу!
Он сам, как буря, окрылен.
Перо скрипит. . .
Еще немного —
И настезь дверь откроет он.

1956

Михаил Дудин

177. СОСНЫ НА БЕРЕГУ

А. Пунценку

Неправда! Есть еще в пороховницах
Запас хороший пороха сухого.
И есть еще на глубине души
Святая неистраченная совесть.
Она-то и дает, наверно, право
Глядеть в глаза, и верить, и любить,
И обнимать с надеждою за плечи
Редеющих, как зимний лес, друзей.

Я каждый день хожу сосновой рощей
По берегу янтарного залива,
Где ветер, набегающий со взморья,
Гудит в вершинах и несет по склону
Сыпучий снег с песком сыпучих дюн,
Где грозно замерзающее море
Кувалдами тяжелыми колотит
В береговой белеющий припай.

Давно я знаю, что покоя нету,
Что счастье человека вне покоя,
Что время выдувает из души
Всю накипь неудачи и сомненья,
Как ветер, набегающий со взморья,
Сдувает пену с бесконечных волн.

«Пройдет и это» — мудрость Соломона
Не нашему характеру сродни.
Мы любим землю. Мы земные люди.

Мы жили больше в помыслах грядущим
И очень мало для себя самих.
Гремел Октябрь над нашей колыбелью
Раскатами «Авроры». Резал уши
В два пальца свист метели продувной.
Походные костры и бивуаки,
Забутые могильные курганы
И серый пепел страсти и раздумий
На рано поседевших волосах.

Мы не сдались. Мы, словно эти сосны
По берегу, все в ссадинах и шрамах,
Корявые, высокие, прямые,
Ломаемся, но не умеем гнуться.
Мы глубоко в земле сплелись корнями,
Мы в небесах вершинами сплелись.
И бурю, налетающую с моря,
Встречаем грудью, как всегда, в упор.

Реедем мы. Но выстоять нам надо.
Уже встает, уже шумит подлесок,
Поддерживая нас и подпирая,
Вершинами вытягиваясь к солнцу,
По-своему шумит. . .

1956

Георгий Леонидзе

178. ЗНАМЯ

«Со знаменем черно-красным. . .»

Руставели

Как-то однажды в городе Праге,
Когда говорил я о нашем флаге,
Чешский ученый меня спросил:
— Каким было в прошлом знамя грузин?
Знамени цвет говорит о многом.
Немало прошли вы по древним дорогам.

Сколько соседних с вами племен
Давно утонуло в пучине времен,

А вы, великие солнцепоклонцы,
Вы и сейчас смотрите на солнце,
Хоть азиатский меч, разъярясь,
Грузию рассекал не раз.

Чешский историк меня спросил,
И я ответил ему на это:
— Знаете вы, что такое кизил?
Знамя грузин кизилового цвета,
Но, окаймленное черной каймой,
Оно казалось судьбою самой.

Цвет кизила —
Это символ крови.
Землю и луг,
Стены и кровли
Пропитал кровью родной народ.
Кровь эту — знамя в себе несет,
О годах мрачных, точно тюрьма,
Напоминает кайма.

В древности черно-багряное знамя
Реяло, билось, пылало над нами.
Под алым крылом барабан — доли
Оглашал тревогою доли,
И пьяные от разгула орды
Со страхом взирали на стяг этот гордый.

На пламенеющем шелке его,
Что пронесился в горах над полями,
То проступало, как торжество,
Алого цвета победное знамя,
То подымалась одна кайма —
Черного цвета крошечная тьма.

И казалось,
Бились в сраженьи —
Смерть и жизнь,
Солнце и тени,
Зло и добро в дыму и пыли
Друг на друга яростно шли.

Когда напрягались мы до предела,
Вороном знамя наше чернело —
Тогда наступала Крцанисская ночь,
Которой, казалось, не превозмочь.
Казалось, на плечи валились громы,
Казалось, рушится мир огромный,
Но гордо в молниях непогод
Стоял израненный наш народ.

Не уступил он черному цвету
Ни этих вершин, ни земли вот этой —
Он вытерпел участь свою громовую
И, веря в утреннюю зарю,
Дал оборвать кайму роковую
Бурей дышащему Октябрю.
Отныне у Грузии красное знамя:
В новую эру вступили мы,
Сейчас над страной полыхает крылами
Яркое пламя без дымной каймы.

1956

Владимир Луговской

179. БАЛЛАДА О НОВОМ ГОДЕ

У статуи Родена
мы пили спирт-сырец —
Художник,
два чекиста
и я — полумертвец.
Весь выбритый до глянца,
с тифозной головой,
Я слушал,
нет, мы слушали
метели волчий вой.
Коптилка догорала,
музей был тих и пуст,
Лишь двигался
по залам
полов морозный хруст.

Шушукалась
с портретами
слепая темнота,
Да крысы пробегали
величиной
с кота.
И холод, холод, холод —
войны и тыла
гость.
И голод, голод, голод —
железной воблы
кость.
Чекисты пили истово,
кожанками шурша.
Кипела у художника
широкая душа.
Он славил Микеланджело,
Давида возносил,
Я гнал стихи Верхарна,
гнал
из последних сил.
«Ревела буря, дождь шумел», —
крепчали голоса.
Сверкали
на портретах
вельможные глаза.
Метель
огнем неистовым
неслась издалека.
Чекисты пили истово
и пели «Ермака».
Разгромлена Германия,
Европа
в стылой мгле,
Но трубы Революции .
гремят
по всей земле.
Ты слышишь этих труб призыв
в той бездне.
за окном?
Довольно нам читать азы.
Идемте напролом!

Коммуна руки тянет к нам.
 Она спешит, светла.
 Неужто кровь остыла в нас,
 костер сгорел дотла?
 Товарищи, за коммунизм!
 Вот он —
 встает в снегах!

Гремели трубы за окном,
 взметая снежный прах.
 Наташа, девушка,
 ждала
 в хибарке без огней,
 Но я в ту яростную ночь
 не вспоминал
 о ней.

Зачем любить,
 копить добро,
 других опережать,
 Когда приходит коммунизм,
 вот он —
 рукой подать!

И пели трубы чистые,
 преграды все
 круша.

Чекисты пили истово,
 кожанками шурша.
 Пойдут они
 по улице,
 зайдут в старинный дом.
 Там до утра потрудятся
 и выйдут вшестером.
 И впереди старик пойдет —
 полковник
 с бородой,

Потом два пана,
 а потом
 поручик молодой.

Тяжелая работа.
 Нелегкая судьба.
 Полночные аресты,
 полночная пальба.

Земной кружился
старый шар
среди крови, дел и слов.
Двенадцать било,
но у нас
ведь не было часов.
Ждала Наташа
всё ждала, она смутна была
Под полушубком дедовским —
дочь сказок и тепла.
Вильгельм Второй в Голландии
пил грустное вино.
И Черчилль интервенцию
ковал
к звену звено.
Входил Дзержинский в ВЧК —
неполный ламп накал.
И Ленин елку
для ребят
на праздник зажигал.
Год восемнадцатый ушел —
солдат и чародей,
Молекула
в земной судьбе,
коLOSS для всех людей.
Там, за морями, шум пиров,
поют колокола.
У нас дорога в коммунизм
в снегах, в крови легла.
Но мы придем к нему, друзья,
клянемся — мы придем!
Стаканы сдвинем!
Гаснет свет.
Метель качает дом.
Мы будем верить,
будем жить
так гордо,
как теперь
Год девятнадцатый вошел!
Откройте ветру
дверь!

<6—8 января> 1957

Павел Антокольский

180. ОКТЯБРЬСКИЙ ВИХРЬ

Октябрьский вихорь спящих будит
На бурных митингах своих,
Не шутит он, а грозно судит
О всем, что было, есть и будет, —
Октябрьский вихрь, октябрьский вихрь.

Он в корабельной свищет снасти,
Казнит последышей династий,
Сулит купечеству ненастье,
Банкротов губит биржевых,
Скликает пригороды в город
И, распахнув свой потный ворот,
С одною смертью насмерть спорит
И оставляет жизнь в живых.

С ним подружились мы однажды,
Когда на Кремль солдаты шли.
Рты запеклись от жгучей жажды.
Мы были голодны. Но каждый
Мечтал о счастье всей земли.

О, тусклый отблеск туч свинцовых
На ржавой жести крыш дворцовых,
О, грязь в домах, о, страх жильцов их
Пред благодушием солдат!
О, как нам весело бывало,
Когда рядом людского шквала
История передавала
Свой наспех писанный мандат!

Гнилым низинам нет пощады
Со стороны нагих крутизн.
Пускай погибнет кров дощатый,
Пускай бездомна и нища ты, —
Ты навсегда прекрасна, Жизнь!

Твой выбор прям без оговорок.
Твой взор навеки чист и зорок.

Пройдет и двадцать лет и сорок,
 Немало будет горьких тризн.
 Сегодня будем слушать речи,
 Провеет ум, расправим плечи,
 Но знаешь — ради первой встречи
 Дай нам твое бессмертье, Жизнь!

<6 ноября> 1957

Константин Ваншенкин

181. ОКТЯБРЬ

Оставив наше мирное жилье,
 В урочный час,
 в погоду, в непогоду —
 Свершаем путешествие свое
 К исходному семнадцатому году.

Не просто экскурсанты в выходной,
 Что сквозь стекло глядят на экспонаты.
 Опять,
 в который раз очередной,
 Идем туда —
 под песни и гранаты.

И я с другими рядышком шагал
 Сквозь дождь и снег,
 в безмолвии и в гаме,
 И я Октябрь годами постигал,
 Как жизнь, что постигается годами.

Он с каждым разом в облике ином
 Являлся, нашей сделавшись судьбою:
 Он в детстве был неясным сладким сном,
 Октябрьским красным флагом и стрельбою.

Он в юности отчаянно манил
 Соленым ощущением простора,
 Отвагою живущих в сердце сил
 И ленточкою с надписью «Аврора».

Но всё равно он был еще тогда
Лишь праздником, осенним Первомаем.
Летят года...

И в зрелые года
Вновь для себя Октябрь мы открываем.

Мы к Октябрю сквозь время подошли,
И ясно нам,
его путем идущим,
Что это философия Земли
Сегодня и тем более в грядущем.

...Мы вновь и вновь
свершаем дальний путь,
Туда, где пламенеет эта дата.
И нам волнение сдавливает грудь,
Как лента пулеметная когда-то.

<Ноябрь> 1957

Ярослав Смеляков

182. ШЕСТИДЮЙМОВКА «АВРОРЫ»

Зимним утром, неспешно и праздну,
и не весел и вроде не зол,
размышляя о мелочи разной,
я вдоль невского берега шел.

И как раз в эту самую пору —
я узнал ее всем существом! —
мне впервые явилась «Аврора»
в неподвижном величье своем.

.. По-граждански нескладно одетый,
замирая от счастья тайком,
шел я тихо по палубе этой,
запорошенной мирным снежком.

И потом, оглянувшись неловко,
в тишине, словно мальчик какой,

легендарной той шестидюймовки
я несмело коснулся рукой.

Сразу пальцы недвижными стали,
я не смог их тогда развести:
ощущение бури и стали
я унес осторожно в горсти.

Что мне мелкие счастье и горе,
что с того, что сутулиться стал,
если я на самой на «Авроре»,
озаренный и бледный, стоял!

И меня через доли и горы
по дорогам далеким
ведет
указующий палец «Авроры»,
устремленный — всё время! — вперед!
<Ноябрь> 1957

Виссарион Саянов

183. РЕВОЛЮЦИЯ

Я — твой поэт, Революция,
Я — твой поэт навсегда,
Везде твои песни льются
И светит твоя звезда.

Я шел за тобой без страха
И честно тебе служил,
И мощь твоего размаха
Всем сердцем я полюбил.

Я — твой поэт, огнеликая
И вечно глядящая в даль,
Простая в труде, великая,
Чье сердце тверже, чем сталь.

В мужестве необоримом
Никто не сравнится с тобой,
И годы проходят мимо,
Исчезая в мгле голубой.

Родина и Революция
Навеки в слове одном,
И песни о них поются
В любимом краю моем.

Ты строишь светлые зданья,
Ведешь миллионы в бой,
У народа — одно призванье:
Всегда быть вместе с тобой.

Тебе я служу, любимая
И светлая, до конца,
Вовеки непобедимая,
Как твоих сыновей сердца.

<Ноябрь> 1957

Леонид Мартынов

184. ВАС НЕ БЫЛО ЕЩЕ...

Вы
Видели ее,
Когда она настала?
Она взяла свое.
Свергала с пьедестала
Всех, кто пытался влезть
Низвергнутым на смену.
Прыть, краснобайство, лезть —
Всё потеряло цену.

На пыльной мостовой
С опавшею листвою
Керенок прах мешала,
По-своему решала.

Сорила шелухой
Подсолнухов лущеных.
Казались чепухой
Сомнения ученых.
Казались пустяком
И саботаж и фронда
В сравненье с мужиком,
Упорно прущим с фронта.
И были ерундой
Европы пересуды
В сравнении с нуждой
Оборванного люда.

Шла осень горячо.
Шли толпы. Страшен гнев их.
Вас не было еще
И в материнских чревах,
Когда дрались отцы
И кровь из ран хлестала.
Вас не было, юнцы,
Когда она настала —
На горе меньшинству
И большинству на счастье,
Настала наяву,
Чтоб стать Советской властью!

«5 ноября» 1957.

185

Я знаю, чем была
Ты в нимбе старой славы,
Качая величаво
Свои колокола.

Уж ты не обессудь:
Я вовсе не поклонник
Рыдающих гармоник, —
Совсем не в этом суть!

Была ты избяной,
Была ты деревянной,

Тележную и санной,
Лучинной и свечной.

Но были вместе с тем
Отели, скетинг-ринги
И всякие новинки,
Машинки всех систем.

Хоромы, терема —
Всё это были ширмы,
За ними были фирмы,
Торговые дома.

Любил народ честной
Нехитрое веселье,
Цветные карусели
Вертелись на Страстной.

Месила ты кисель,
Но тресты и картели
Вертели, как хотели,
Всю эту карусель,

Чтоб ты в конце концов,
Усталая от пляса,
На пушечное мясо
Пошла, страна отцов.

Пошла-то ты пошла,
Да посшибала главы
Двуглавого орла.

... Я знаю, чем была
Ты в нимбе древней славы,
Качая величаво
Свои колокола.

1957

Алексей Суржов

186. ОКТЯБРЬСКИЙ ТРИЦТИХ

1

Где раньше скользили нарядные яхты,
В Неву из Кронштадта плывет пароход.
По правому борту — причалы брандвахты,
По левому борту — Балтийский завод.

Волна набегаёт свинцовым накатом
И брызгами бьёт по усам моряков,
По черным шинелям, по влажным бушлатам,
По остро отточенным иглам штыков.

Трепещущих вымпелов ленты косые
Взлетают по фалам и падают в тень.
Ну, разве ты думал, что это Россия
Форштевнем врезается в завтрашний день?

2

Беснуется ветер лихой, окаянный.
Безлюдный, беззвездный ночной Петроград.
На ленточке надпись «Андрей Первозванный»,
Наган, и винтовка, и пара гранат.

Пришел он сюда из свеаборгской дали,
Готовый врага победить или пасть.
Его с «Первозванного» первым позвали
Отнять у буржуев Россию и власть.

Гремящими залпами слева и справа
Дорогу ему разметает стрельба.
Матрос этот — наша бессмертная слава,
В века вознесенная наша судьба.

Покончив с тревогами жизни подпольной,
 С восставшими радость победы деля,
 Он прибыл, как было условлено,
в Смольный,
 Чтоб, именем партии, встать у руля.

Вот он по ступенькам взбежал торопливо.
 Вот он, сквозь толпу продираясь, идет.
 Его узнают, улыбаясь счастливо,
 Жмут руку ему, пропускают вперед.

В гремящем овацией актовом зале
 Так тесно, что яблоку негде упасть.

Тут всем, кто стоял в коридоре, сказали:
 — Ильич объявляет Советскую власть!

1957

Сулейман Рустам

187. МОЯ ПЕСНЯ

Ярким заревом мир горит,
когда говорят — Октябрь!
 Снова сазом душа звенит,
когда говорят — Октябрь!

Солнце с севера вдруг взошло,
стало в мире теплей, светлей,
 Новым праздничным светом оно
озарило глаза людей, —
 Все народы за Лениным вслед
потянулись, пошли смелей.

К коммунизму нас Ленин звал,
когда засиял Октябрь!
 Прогремел «Интернационал»,
когда засиял Октябрь!

Там, где с Лениным были мы, —
 не страшили метель, пурга.
Там, где Ленин нас вел вперед, —
 там народ изгонял врага,
И рождалась победа там,
 где ступала его нога.

Видим Ленина светлый лик,
 когда говорим — Октябрь!
Слышим ясный его язык,
 когда говорим — Октябрь!

Все лишения черных дней,
 постоянной нужды тиски
Правдой, волей стальной своей
 победили большевики.
Не однажды о грудь мою
 притуплялись врагов штыки.

Вспоминаем всегда бои,
 когда говорим — Октябрь!
Ярко, празднично светят дни,
 когда говорим — Октябрь!

Что ж, что были пути круты
 на фронтах в боевые дни, —
Не пугали, а звали нас
 всё вперед и вперед они. . .
Правды вечной, большой, простой
 нам светили всегда огни.

Пали цепи с рабочих рук,
 когда прогремел Октябрь!
Путь широкий открылся вдруг,
 когда прогремел Октябрь!

И воздвигнул я дружбы мир
 в сердце юношеском своем,
Я на страже его стою
 острым, четким, стальным пером,
Закаленным в былых боях,
 жизнью выкованным стихом!

И вздымается грудь горой,
 когда говорят — Октябрь!
Гордо плещется стяг родной,
 когда говорят — Октябрь!

Знает северный друг меня,
 мой любимый, мой русский брат;
Поседели виски мои,
 как его — много лет назад. . .
Бились вместе на фронте мы,
 край его, как родной, мне свят.

Пусть враги раскрывают пасть,
 когда наступает Октябрь!
Мы поем, веселимся всласть,
 когда наступает Октябрь!

Есть ли где человек такой,
 что счастливее, чем поэт?
Через сердце мое идет
 караван вдохновенных лет. . .
Это — строки мои стихов,
 воли масс отраженный свет.

Наливается силой грудь,
 когда говорят — Октябрь!
И не страшен мне трудный путь,
 когда говорят — Октябрь!

И знаменами праздник свой
 украшаем мы каждый год.
Не вмещается в этот мир
 радость всех, что в сердцах живет.
Вижу родину нашу я,
 нашу партию, наш народ.

Их я вижу в сердце всегда,
 когда говорят — Октябрь!
Вижу — светит Кремля звезда,
 когда говорят — Октябрь!

1957

Расул Гамзатов

188. ГОРЦЫ У ЛЕНИНА

В это время уже в дагестанских горах
Люди песни о нем и слагали и пели.
С этим именем на пересохших губах
Умирали бойцы в Араканском ущелье.

В тесноте наших дымных и бедных лачуг
Узнавали легенды о нем друг от друга.
И когда пел о Ленине песню ашуг,
Снова петь эту песню заставляли ашуга.

Знали имя его,
Но в горах никогда
Не видали хотя б небольшого портрета...
В Дагестане тяжелые были года,
Были жаркие битвы и жаркое лето.

Как мечтают морозной зимой о весне
И как в полдень палящий мечтают о тени,
Так уставшим измученным людям во сне
Снился Ленин.

Им казалось:
Он был выше сосен и гор,
Вынет шашку —
Враги разбегаются в страхе.
Им казалось, что острый, как лезвие, взор
И блестит и горит из-под черной папахи.

И когда собрались в путь-дорогу к нему,
Снарядились в столицу послы Дагестана,
Насекли кубачинцы
Огромную шашку ему
И в Анди приготовили
Бурку на великана.

Повезли ему трубку
С алмазами чистой воды,
Повезли ему шитые шелком кисеты.

А еще Дагестан —
Весь,
От Каспия до Цумады —
Передал ему теплое слово привета.

И пошли через горы, поля, города,
На ветру обжигая широкие лица,
Горцы,
Много выдавшие,
Но никогда
Не бывавшие в светлой советской столице.

А в Москве дорогой, а в Москве трудовой
От зари и до ночи кипела работа...
У кремлевской стены молодой часовой
Отсалютовал им, пропуская в ворота.

Отворились им двери во всю свою ширь.
Всё здесь было приветливо, строго и просто,
И в приемную вышел к ним
Не богатырь,
А простой человек невысокого роста.

И в кремлевских палатах,
Средь стен расписных,
Как-то ласково щурясь от яркого света,
Словно старый их друг, он сидел среди них,
Говорил, как с друзьями,
И спрашивал даже совета.

Незаметно и быстро часы пронеслись,
И послы Дагестана так счастливы были,
Что когда уж совсем уходить собрались,
То чуть-чуть про подарки свои не забыли.

И с улыбкой Ильич посмотрел на гостей,
Взял и бурку и шашку с насечкой горящей,
Взял и трубку
И, чтоб не расстроить друзей,
Им тогда не признался,
Что он некурящий.

И сказали они:
«В нашем горном краю
Никогда твоего не видали портрета.
Ты, Ильич, фотографию дай нам свою —
Самым лучшим подарком для нас будет это».
И посланцы народа спешили домой,
По пути обсуждая идеи и планы.
И несли они горцам портрет дорогой,
Где написано Лениным:
 «Красному Дагестану».

1957

Аалы Токомбаев

189. КЕМ МЫ БЫЛИ И КЕМ СТАЛИ

(Из истории нашего народа)

Киргизский народ мой! Ты с древних времен
Был вечно в тревоге, гоним, угнетен.
Еще до прихода в мой край Магомета
Ты был и покоя и счастья лишен.
Казалось, что мир необъятного света
Для нас был в игольном ушке заключен.

Бывали порой времена и другие,
Когда утихали набеги лихие.
Но коротки были счастливые дни,
Как будто сквозь сумерки эти немые
Мигали и гасли коптилок огни,
Теряя во мраке лучи золотые.

И всё, что добыто народным трудом,
Во тьме и беде забывалось потом.
Лишь знаки на камне века сохраняли,
Не смыло водой, не свело их огнем.
Теперь лишь ученые их разгадали,
Да эпос народный поет о былом.

Бывало, киргизы, согласно преданью,
Чтоб связь поддержать на большом расстоянии,
С гонцом посылали камчу и платок.
И это служило к тому указаньем,
Что верить гонцу получивший их мог
И с ним мог отправить обратно посланье.

Неграмотен был мой киргизский народ,
Не знал ничего, кроме вечных невзгод.
Людей образованных было немного —
Четыре муллы да один скотовод.
Муллы воспевали и славили бога
И новый народу готовили гнет.

Вот так проходили века за веками,
Был скован народ мой двойными цепями,
И бедам своим он не видел конца.
Два коршуна вечно летали над нами —
Нужда и невежество — два близнеца,
Нас рвали на части своими когтями.

И если б не встала над миром заря,
Не вспыхнули ярко огни Октября,
Угас бы народ мой, как гасли народы
Под игом тиранов, под властью царя.
Но поднято Лениным знамя свободы,
Взошло наше солнце, лучами горя.

И тьма отступила, не выдержав света,
Воспрянул народ мой под властью Советов,
Расправил он крылья прозревшим орлом,
И мир его встретил улыбкой привета,
И видит он друга в соседе своем.
Спасибо Компартии нашей за это.

Учиться мы начали с самых азов,
Чтоб выразить мысль, не хватало нам слов.
Октябрь пробудил наш язык и сознание,
Сажал он за книги детей, стариков,

И всяк, приобщившись к источнику знания,
Уж ринуться в море науки готов.

Не знали кино и театра мы прежде,
В науке, искусстве мы были невежды.
Но светлые думы хранили в сердцах,
Ни ночью, ни днем не смыкали мы вежды,
Искали оазис в пустынных песках, —
Нашли . . . и сбылися мечты и надежды.

Неграмотных больше в стране моей нет,
Для всех засиял просвещения свет.
Кровавый режим капитала минуя,
Со скоростью новых советских ракет
Прошли этот путь мы, от счастья ликуя,
Лишь в сорок годов, вместо тысячи лет.

Столетние деды считали, бывало,
Что книги нам небо само посылало,
Обертку от чая считали святой,
Хранили года, словно дар небывалый.
А ныне рассеялся мрак вековой
И солнце над нашей страной засияло.

В тех скалах, куда было страшно взглянуть,
Куда даже барс не прокладывал путь,
Нашли мы несметные груды богатства —
И уголь, и нефть, и железо, и ртуть,
И, глядя на наше великое братство,
Тянь-Шань перед нами раскрыл свою грудь.

Когда б не Октябрьское алое знамя,
Не свет просвещенья — что было бы с нами?
Мы были б кочевники, дикий народ, —
И мы бы исчезли, как скифы, с годами.
А ныне Компартия в путь нас ведет,
И счастье мы строим своими руками.

Как славный корабль, наш Советский Союз
Везет на борту драгоценный свой груз, —

Под знаменем дружбы сплотились народы,
И не было в мире тесней этих уз.
А спутники в небе чертят обороты,
И в сетке земля, словно спелый арбуз.

Советский Союз! Ты мудрейший на свете,
Ты первый дал спутника нашей планете,
И светит он ей пятикрылой звездой,
Летает над нею быстрее, чем ветер,
И всем он укажет лучистой стрелой,
Что путь к коммунизму и ясен и светел!

1957

Илья Эренбург

190. СПУТНИК

Есть нечто милое в самом том слове
С далеких, незапамятных времен,
Хоть многим кажется, что это — внове,
Хоть ошарашен мир и окрылен.
Не знаю, догадаются, поймут ли,
Увидев искру в голубой дали,
Какой невидимый и близкий спутник
Уж сорок лет кружит вокруг Земли.
В глухую осень из российской пущи,
Средь холода и грусти волостей,
Он был в пустые небеса запущен
Надеждой исстрадавшихся людей.
Ему орбиты были незнакомы,
Он оживал в часы сухой тоски,
О нем не говорили астрономы,
За ним следили только бедняки.
Что испытал он, в спехе пролетая,
Запущен рано, нестерпимо нов,
Над горем стародавнего Китая,
Над голодом бразильских пастухов?
Его боялись на допросе выдать,
Он был судим, и был он осужден.
Я помню — пролетал он над Мадридом,
И люди улыбались: это — он!

Он осветил последние минуты
Заложников, он мчался вокруг Земли,
Его видали тени Равенсбрука,
Индийцы разговоры с ним вели.
Он вспыхивал и пропадал надолго,
Никто его путей не объявлял,
Но в смертный час над потрясенной Волгой
Он будущее мира отстоял.
Его не признавали: «Это — опыт»,
В сердцах твердили: «Это — русских дурь»,
Пока не увидали в телескопы
Его кружение средь звездных бурь.
Не знаю, догадаются, поймут ли. . .
Он сорок лет бушует надо мной,
Моих надежд, моей тревоги спутник,
Немыслимый, далекий и родной.

1957

Вадим Шефнер

191. КАМНИ ПОД АСФАЛЬТОМ

Самосвал с дымящеюся лавою,
Выхлопов летучие дымки. . .
Словно тучи, грузно-величавые
Двигутся дорожные катки.

К вечеру зальют асфальтом улицу —
Скроются булыжины от нас.
Молча камни на небо любят,ся,
Видя белый свет в последний раз.

С «москвичами», «волгами», прохожими,
Зорями, рекламами кино,
С днями, друг на друга не похожими,
Им навек проститься суждено.

Я и сам за скорое движение,
В тряске я удобств не нахожу,

Я люблю асфальт, —
но с уважением
На каменья старые гляжу.

Много здесь поезжено, похожено
В давние нелегкие года,
Много в мостовую эту вложено
Горького, безвестного труда.

Крепостным голодным было любо ли
Камни эти на горбу таскать!
Если бы не их булыга грубая —
Нашему б асфальту не бывать.

Здесь рабочие за баррикадами,
Царский отражая батальон,
Замертво на эти камни падали,
Боевых не выронив знамен.

В их руках мозолистых, натруженных
Каждый камень яростью дышал —
Безоружных первое оружие,
Бунтарей булыжный арсенал!

В дни, октябрьским светом озаренные,
К схватке изготовясь штыковой,
Шли матросы революционные
По булыжной этой мостовой.

И, шагая в бой по зову Партии
На защиту Родины своей,
Первые отряды Красной гвардии
Шаг свой отпечатали на ней.

Помнят ночи долгие, бессонные,
Голод, и блокаду, и войну
Эти камни, кровью окропленные,
Камни, не бывавшие в плену! . .

Помнят ополчение всенародное,
Помнят, как по этой мостовой
Танки на позиции исходные
К недалекой шли передовой.

...Пусть, полна движенья, обновленная
Улица смеется и живет,
Пусть к Дворцовой площади колоннами
В праздники идет по ней народ.

Пусть поет и торжествует новое, —
Не столкнуть с пути нас никому!

Под асфальтом камни спят суровые,
Основаньем ставшие ему.

1958

Эдуардас Межелайтис

192. ТРУБЫ

О, фабричные трубы мои,
Вы не так уж давно перестали мне грезиться
Жутких висельников черными трупами
На изогнутом крюке месяца.

Не по трубам ли, не по трубам ли
Солнца диск, раскаленный в горниле,
Катился блестящей монетою,
И от сажи и копоти меркнул он между уступами
Грязных стен на фабричной окраине этой!

Трубы, трубы и трубы!
Целый лес их тянулся до серых небес, и под ним
Разнесчастную песнь нищеты петь учил меня жестко
и грубо
Вой фабричных сирен, ударявший по струнам стальным.

В трубах, трубах и трубах, в их жерлах обугленных
Дым и копоть ютились, подобно печали в груди людской.
Восклицательным знаком, о трубы, вы врблены
В песнь отца: «Это есть наш последний, решительный
бой!»

Трубы, трубы и трубы!
Вы сегодня — земные колонны, на которых как будто бы
держится небо.

Великаны,
Несущие солнце, как будто буханку хлеба!

1958

Александр Твардовский

198. ДОРОГА ДОРОГ

Дорога дорог меж двумя океанами,
С тайгой за окном иль равнинами голыми,
Как вехами, вся обозначена кранами —
Стальными советского века глаголями.

Возносят свое многотонное кружево
Они над землей — не вчера ли разбуженной,
Сибирью, по фронту всему атакуемой,
С ее Погорюй — Потоскуй — Покукуями.
Встают над тылами ее необжитыми,
Что вдруг обернулись «Магнитками» новыми,
Над стройками, в мире уже знаменитыми,
И теми, что даже не наименованы...

Краина, что многих держав поместительней,
Ты вся, осененная этими кранами,
Видна мне единой площадкой строительной,
Размеченной грубо карьерами рваными,
Вразброс котлованами и эстакадами,
Неполными новых проспектов порядками,
Посадками парков, причалами, складами,
Времянками-арками и танцплощадками...

В места по прозванию «не столь отдаленные»,
Хотя бы лежали за дальними далями,
И нынче еще не весьма утепленные
Своими таежными теплоцентралями, —

В места, что под завтрашний день застолбованы.
Вступает народ, богатырь небалованный.

Ему — что солдату на фронте — не в новости
Жары и морозы железной суровости,
Приварок, в поэмах и песнях прославленный,
И хлеб, тягачами на место доставленный.

Не стать привыкать — за привалами редкими
Ему продвигаться путями неторными.
Он для Семилетки взращен Пятилетками
И целой эпохи походными нормами,
Годами труда, переменами столькими,
Краями, для дел богатырских привольными,
Своими большими и малыми стройками —
В прослойку с большими и малыми войнами.

Какие угрюмые горы с ущельями
В снегах прогревая бивачными дымами,
Прошел он навывлет стволами-тоннелями,
Мостоми сцепив берега нелюдимые!
В какие студёные дебри суровые
Врубаясь дорог протяженными клиньями,
Он ввез города на колесах готовые,
К столицам своим подключив их на линии!

Он знает про силу свою молодецкую,
Народ, под великий залог завербованный,
Всё может! И даже родную советскую
Словцом помянуть, с топора окантованным.
Хозяин! А время крутое, рабочее —
Не время для слов умилительной кротости.
Вселенная — пусть она встала на очередь,
Забот на Земле остается до пропасти.
Простора довольно для нынешних подвигов,
Что в завтрашнем блеске со счёту не сбросятся. . .

. . . А где мое слово, что было бы подлинным,
Тем самым, которое временем спросится?

Пусть оно будет не самое громкое,
Но только бы правдой бестрепетной емкое,

Пускай не из стали оно, не навечное,
Но только бы слово от сердца сердечное,

Простое, земное — пускай не надзвездное,
Веселое к месту и к месту серьезное.

Но только бы даль в нем была богатырская,
Как русское это раздолье сибирское,

Как эта моя, осененная кранами,
Дорога дорог меж двумя океанами.

<7 ноября> 1959

Александр Прокофьев

194. ДЕНЬ ВТОРОЙ

Промчался день, и ночь упала,
И на земле зажглась звезда,
Вокруг «Авроры» закипала
Темно-свинцовая вода.

И кто-то вдруг ее разгладил,
И начался не за горой,
А здесь, в грозовом Петрограде,
Великой эры день второй.

И широко врывался в семьи,
В дома его могучий свет,
А чтоб штыки вонзились в землю —
О мире принят был декрет.

Потом летел он через горы,
За перевал, за перевал, —
Ведь тем же днем радист с «Авроры»
Его —

всем! всем! — передавал.

1959

Андрей Малышко

195. МОЯ УКРАИНА

1

Проходит ночь, горит восход.
Века берут на караул:
Мой край родной идет вперед,
А позади — восстаний гул.

«Мы не рабы!» — рванулся крик
Из прошлых дней, сметая страх.
Путь революции возник,
Весь в терниях и весь в цветах.

Из светлых снов, из темных шахт
Ты поднималась, как со дна,
И сделала свой первый шаг,
Судьба моя, моя страна!

Пусть устилают твой простор
Надежды, нивы, россыпь рос,
И синь Днепра, и зелень гор,
Мой край родной, отчизна гроз!

2

За тех, что сгнули в бою,
За них, за нежных сыновей,
Ты душу нежную свою
В напев печальный перелей.

Они уснули над Донцом,
В полях Триполья, у Карпат,
Они лежат боец с бойцом,
Как с другом друг,
Как с братом брат.

В глуши черниговских лесов
Останки танков, тягачей. . .

Оттуда звуки голосов
Мне слышатся в тиши ночей.

В фугасной копоти, в пыли,
Они приходят в сны мои —
Сыны родной моей земли,
Сыны одной со мной семьи.

Их нет...
В неведомую даль,
В зарю, в голубоватый дым
Неугасимая печаль
Плывет, как реквием по ним,

Из душ отцов и матерей,
Детей и всех, кто их любил.
И клены с пологом ветвей
Стоят над тишиной могил.
И соловей летит сюда,
Как только наступает май.
Трудясь и празднуя — всегда
Их добрым словом поминай,
Мать Украина!

3

Отстою
Труды и помыслы твои
И пронесу любовь твою
Сквозь все невзгоды и бои.

На чей бы ни ступил порог,
Я вспомню золотой рассвет,
Колокола и даль дорог,
И без тебя мне счастья нет!

Калины пламя в сентябре,
И золото осенних нив,
И рябь стальная на Днестре,
И синих заводей разлив.

А в сердце запах спелой ржи,
И зерна чувствует ладонь.
Вот так бы и лететь всю жизнь
На твой немеркнущий огонь!

4

На небе пылают Стожары и в сердце пылают моем,
В семье богатырских народов мы сами до неба встаем.

Ты слышишь, проходят минуты и годы — ни шагу назад.
Ты видишь, как сад зацветает — бессмертного Ленина
сад.

В нем, гордая силой великой и юная, точно весна,
Стоит вся в цвету Украина, родная моя сторона.

Гляди: то не зарево в небе, не вешняя плещет река —
То Партии алые стяги летят, словно птицы, в века.

И вдаль убегает дорога, и трубами кличет в поход,
По ленинским вещим заветам отчизна шагает вперед.

И дружные наши народы в горячем труде — не в бою —
Встречают мою Украину,
Отчизну родную мою.

1959

Леонид Мартынов

196. ОКТЯБРЬ

Октябрь
Опавшую листву
Топтал, швырял, кружил,
Но с грезящими наяву
Фантастами дружил.

Он звездоплвателя сны
Не посчитал за блажь,
И вот поэтому с луны
Сияет вымпел наш.

Октябрь порвал немало уз,
И, грубо говоря,
Проветрились чертоги муз
Ветрами Октября.

Он, кривде затыкая пасть,
Обуздывал корысть.
Свободой упивалась всласть
Новаторская кисть.

И озарилась мгла кулис
Новаторским лучом.
Ведь вот откуда мы взялись
И выросли на чем!

1960

Петрусь Бровка

197. НАШ ВЕК

Тревожный, грозный и зовущий,
Войною начинался ты.
Рожденью твоему присущи
Траншеи, взрывы и кресты.

Не хлеб ты сеял, а железо
От рубежа до рубежа.
В твой лоб венки терновые врезан —
Колючей проволоки ржа.

Твой рваный плащ из дымных зарев
Прикрыть ранения не мог —
Скрещенья сабельных ударов,
Незаживающий ожог.

Среди развалин и разора
Ты мрачно брел, в крови по грудь,
Но залпы крейсера «Аврора»
Тебе иной открыли путь.

Не всюду сломлена жестокость,
Еще ты дышишь тяжело,
Но увенчал твое чело
Не дым войны, а свет с востока.

Овеян свежестью рассветной,
Ты выпрямляешься. Пора!
Мир пред тобою — многоцветный,
Открытый, жаждущий добра.

1960

Наум Коржавин

198

Где вы, где вы?
В какие походы
Вы ушли из моих городов?
Комиссары двадцатого года,
Я вас помню с тридцатых годов.
Вы вели меня, люди стальные.
Отгоняли любую беду,
Хоть вы были совсем не такие,
Как бывали в двадцатом году.
Озаренней, печальнее, шире,
Непригодней для жизни земной...
Больше дела вам не было в мире,
Как в тумане скакать предо мной.
Словно все вы от части отстали,
В партизаны ушли навсегда...
Нет. Такими вы не были — стали,
Продираясь ко мне сквозь года.
Вы легко побеждали, но всё же
Оставались всегда ни при чем.
Лишь в Мадриде встречали похожих,
Потому что он был обречен.
О, как вы отрешенно скакали,
Зная правду, но веру храня,

И меня за собой увлекали,
 Отрывали от жизни меня...
 И летел я, коня погоняя,
 Прочь куда-то в пыли и в дыму.
 Почему — я теперь уже знаю,
 А куда — до сих пор не пойму.
 Я не думал о вашей печали,
 Я скорбел, что живу как во сне,
 Но однажды одни вы умчались
 И с тех пор не являлись ко мне.
 И пошли мои взрослые годы,
 В них не меньше любви и огня...
 Но скажите, в какие походы
 Вы идете теперь без меня?

1960

Сергей Смирнов

199. СОРОК ПЯТЫЙ ОКТЯБРЬ

Пусть — глубокая осень,
 пусть — погода осенняя,
 А у нас —
 замечательное настроение!
 В чем причина?
 Да в том,
 что — у всех на примете —
 Сорок пятый Октябрь
 Зашагал по планете,
 И всё светлое,
 мирное, молодое
 Рукоплещет ему
 В миллиарды ладоней.

Здравствуй, праздник,
 С бесправием кончивший счеты!
 Здравствуй, праздник
 Великих итогов
 работы!

В честь тебя — молодого
и ставшего старше —
Пусть гремят наши песни
И ширятся марши.
Пусть тебя осеняет
знамен полыханье.
Пусть планета
Твое ощущает дыханье!

Ты соратник
всего трудового народа.
Мы с тобой постигаем
Все тайны природы,
Пролагаем пути
И возводим строенья,

И у нас —
Замечательное настроенье!

<8 ноября> 1962

Роберт Рождественский

209. СТИХИ О МОЕМ ИМЕНИ

Ояру Вацетису

Мне говорят:
«Послушайте,
упрямитесь
чего вам?
Пришла пора
исправить
ошибки отцов.
Перемените имя,
Станьте
Родионом.
Или же
Романом
в конце концов. . .»

Мне это повторяют...
А у меня на родине
в начале тридцатых,
в круговерти дней,
партийные родители
называли
Робертами
спеленатых,
розовых,
орущих парней...
Кулацкие обрезы
ухали страшно.
Кружилась над Алтаем
рыжая листва...
Мне шепчут:
«Имя Роберт
пахнет иностранщиной...»
А я
усмехаюсь
на эти слова...
Припомнитесь,
тридцатые!
Вернись,
тугое эхо!
Над миром неустроенным
громыхни опять.
Я скажу о Роберте,
о Роберте Эйхе!
В честь его
стоило
детей называть!
Я скажу об Эйхе.
Я верю:
мне знаком он —
большой,
неторопливый, как река Иртыш...
Приезжал в Косиху
секретарь крайкома.
Веселый человечисце.
Могучий латыш.

Он приезжал
в морозы,
по-сибирски лютые,
своей несокрушимостью
недругов
разя.
Не пахло
иностранщиной!
Пахло
Революцией!
И были у Революции
ясные
глаза...
А годы над страной
летели громадно.
На почерневших реках
дождь проступал, как сыпь...
Товарищ Революция!
Неужто
ты
обманута?!
Товарищ Революция,
где же
твой
сын?
В какую мглу
запрятан?
Каким
исхлестан ветром?
Железный человечиче.
Солдат Октября.
Какими
подлецами
растоптан,
оклеветан?..
Неужто,
Революция,
жизнь его —
зря?!
От боли,
от обиды
напрягутся мышцы.

Но он и тогда
 не дрогнет,
 все муки
 стерпя.

В своем последнем
 крике,
в последней самой
 мысли,
товарищ Революция,
он верил
в тебя! ..
Да будет ложь
 бессильной.

Да будет полной
 правда...
Ты слышишь, Революция,
 знамен багровых
 плеск?

Во имя
Революции —
торжественно и прямо —
навстречу письмам
 Эйхе
встает
партийный съезд!
Рокочет «Интернационал»
 весомо и надежно.

И вот,
проклиная
 жестокое
 вранье,

поет
Роберт Эйхе! —
мой незабвенный тезка...
Спасибо вам,
 родители,

за имя
мое...
Наверно, где-то ждет меня
 мой последний день.
Кипят снега над степью.

Зубасто встали надолбы...
Несем мы имена
 удивительных
 людей.
Не уронить бы!
Не запятнать бы!
1962

Андрей Вознесенский

201. ЛОНЖЮМО (Отрывки из поэмы)

АВНАВСТУПЛЕНИЕ

*Посвящается слушателям
школы Ленина в Лонжюмо*

Вступаю в поэму, как в новую пору вступают.
Работают поршни,
 соседи в ремнях засыпают.
Ночной папироской
 летят телецентры за Муром.
Есть много вопросов.
 Давай с тобой, Время, покурим.

Прикинем итоги.
 Светло и прощально
горящие годы, как крылья, летят за плечами.

И мы понимаем, что канули наши кануны,
что мы, да и спутницы наши, —
 не юны,
что нас провожают
 и машут лукаво
кто маминым шарфом, а кто —
 кулаками...

Земля,
ты нас взглядом апрельским проводишь,
лежишь на спине, по-ночному безмолвная.

Простите за дерзость,
 что я этой темы касаюсь,
 простите за трусость,
 что я ее раньше не трогал.

Вступаю в поэму. А если сплешаю,
 прости меня, Время, как я тебя часто прощаю.

Струится блокнот под карманным фонариком.
 Звонит самолет не крупнее комарика.
 А рядом лежит
 планета — в облаках алебастровых
 как Ленин,
 мудра и лобаста.

Этот — в гольф. Тот повержен бриджем.
 Царь просаживал в «дурачки»...
 ... Под распарившимся Парижем
 Ленин
 режется
 в городки!

Раз! — распахнута рубашка,
 раз! — прищурился глаз,
 раз! — и чурки вверх тормашками
 (жалко, что не видит Саша!) —
 Рраз!

Рас-печатывались «письма»,
 раз-летясь до облаков, —
 только вздрагивали бисмарки
 от подобных городков!

Раз! — по тюрьмам, по двуглавым —
 ого-го! —
 Революция играла
 озорно и широко!

Раз! — врезалась бита белая,
как авроровский фугас, —
так, что вдребезги империи,
церкви, будущие берии —

Раз!

Ну играл! Таких оттягивал
«паровозов»! Так играл,
что шарахались рейхстаги
в 45-м наповал!

Раз! . .

. . . а где-то в начале века
человек, сощуривши веки,
«Не играл давно», — говорит.
И лицо у него горит.

В этой кухоньке скромны тумбочки,
и, как крылышки у стрекоз,
брезжит воздух над узкой улочкой
Мари-Роз,

было утро, теперь смеркается,
и совсем из других миров
слышен колокол доминиканский,
Мари-Роз,

прислоняюсь к прохладной раме,
будто голову мне нажгло,
жизнь вечернюю озираю
через ленинское стекло,

и мне мнится — он где-то спереди,
меж торговых, машин, корзин,
на прозрачном велосипедике
проскользил,

или в том кабачке хохочет,
аплодируя шансонье?

или вспомнил в метро грохочущем
ослепительный свист саней?

или, может, жару и жаворонка?
или в лифте сквозном парит,
и под башней ажурно-ржавой
запрокидывается Париж —

крыши сизые галькой брезжат,
точно в воду погружены,
как у крабов на побережье,
у соборов горят клешни,

над серебряной панорамою
он склонялся, как часовщик,
над закатами, над рекламами,
он читал превращенья их,

он любил вас, фасады стылые,
точно ракушки в грустном стиле,
а еще он любил Бастилию —
за то, что ее срыли!

И сквозь биржи пожар валютный,
баррикадами взвив кольцо,
проступало ему Революции
окровавленное
лицо,

и глаза почему-то режа,
сквозь сиреневую майолику
проступало Замоскворечье,
все в скворечниках и маевках,

а за ними — фронты, юденичи,
Русь ревет со звездой на лбу,
и чиркнет фуражкой студенческой
мой отец на кронштадтском льду,

вот зачем, мой Париж прощальный,
не пожар твоих маляров —
славлю стартовую площадку
узкой улочки Мари-Роз!

Он отсюда
мыслил
ракетно.
Мысль его, описав дугу,
разворачивала
парапеты
возле Зимнего на снегу!

(Но об этом шла речь в строках
главки 3-й, о городках.)
· · · · ·

1962—1963

Эдуардас Межелайтис

202. ДВАДЦАТЫЙ

1

Двадцатый век, тебе обязан я.
Латинские магические цифры — XX
волшебных два икса,
вы знаменуете собой все чудеса!
Как Фауст — антиподу своему
лукавцу Мефистофелю, с его
ехидной неотступною усмешкой, —
Двадцатый век, обязан я тебе.
Тебе обязан я, мое число!
Ты скованность материи
бездушной
в движенье превратило наконец.
Мое число, обязан я тебе:
ты драгоценнейшее в человеке —
мозг —
в лабораторию творящей мысли
преобразило!
Ты, мой Мефистофель,
скрестив четыре молнии
конфликта,

две цифры — XX — века моего,
как арку Триумфальную, воздвиг.
И лед моей остывшей в жилах
крови

оттаял, заструился, как родник.
И сердце, остановленное болью,
окаменевшее от стужи сердце,
струящейся подхлестнутое кровью,
вдруг ожило, задвигалось, пошло.
И мозг отяжелевший, как зимою
неотопленный лабораторный зал,
где толстым инеем покрылись
трубы,

вдруг загудел и заработал
вновь.
Любовь к земле
почувствовал я снова,
как Фауст первую любовь.

2

Отныне
драгоценнейшее в человеке —
мозг — превращен
в лабораторный зал.
Как циклотрон, гудит он. По его
переплетающимся трубам мчится
мысль. И бегут мельчайшие
частицы

мысленья. И по ним
несется мысль.
И мысль — материя.
Твердь тверди.
Тело тела.
Сердце сердца.
Взрыв —
и мысль дробится.
Ее элементарная частица
подобна атому.

И спрятаны в нутро

Освободиться хочет атом мысли.
Лишь он, добившийся
освобожденья,
становится то бронзовой
скульптурой,
то новыми кварталами домов,
то словно стих летящей ракетой,
то как ракета мчащимся стихом.
А мертвая материя не знает
ни времени, ни протяженья в мире.
И ничего не создает она.
Остывшее не знает превращенья.
Лишь атомы освобожденной мысли
в звезду преобразуют эту землю.
Дробите ж ядра мысли
беспокойной,
высвобождайте их из мрака сна!
Мозг — циклотрон.
По трубчатым сосудам
несется мысль.
И, набирая скорость,
по ней мышленья атомы бегут,
и, вырвавшись, выходят
на свободу,
и превращаются в живую жизнь.

3

Тебя я славлю,
мой Двадцатый век,
тобою порожденный человек —
тебя я славлю!
Над магистралью звезд,
как триумфальные ворота, ставлю
скрещенья цифр:
XX век — XX век!

1966

Алексей Сурков

203. ЭСТАФЕТА

Белоголовые товарищи мои!
Пусть отгремели давние бои
И над землей не молкнет гул труда,
Большое счастье предвещая людям, —
Мы, старые солдаты, никогда
Огней костров походных не забудем.

Всё это начиналось в Октябре,
Перед началом эры, на заре —
У Зимнего, у Пулковских высот,
Где взрывами фонтанила земля
И взрывам откликнулся пулемет
У древних стен московского Кремля.

А разве мы хотели воевать —
Топтать посевы, жечь и убивать,
Мы, люди, оглушенные войной
В полесских топях, на седых Карпатах,
Мы, люди, бредившие тишиной
В своих окопных норах распроклятых?

Но чтоб вернуть на земли тишину-
Нам было суждено убить войну.
Тогда усталость мы превозмогли.
Тогда на Волге, на Днестре, на Каме,
На всех фронтах израненной земли
Солдаты оцетинились штыками.

Неизгладим в народном сердце след
Тех вечной славой осененных лет.
Не позабудет гордая душа,
Всё претерпевшая душа солдата,
Свинцовый плеск ночного Сиваша
И нашу кровь на талом льду Кронштадта.

Белоголовые ровесники мои,
Великих войн и строек ветераны!

Пусть осенью нас беспокоят раны —
Придет весна, и расцветут тюльпаны,
И запоют в дубравах соловьи.
И с песнями труда навстречу лету,
По Ленину сверяя свой маршрут,
Октябрьский красный флаг, как эстафету,
В мир коммунизма внуки понесут.

<3 февраля> 1967

ПРИМЕЧАНИЯ

За пятьдесят лет советской власти вышло немало литературных сборников и альманахов, посвященных Октябрю. Среди них были и книги, в которых делалась попытка собрать лучшие поэтические произведения на Октябрьскую тему. В начале 20-х годов были выпущены сборники «Красный звон» (Пг., 1919), «Октябрь 1917—1921» (Саратов, 1921), «Сборник революционных стихов для декламации» (М., 1921), «Антология революционной поэзии» (М., 1924) и др. Наиболее значительным из сборников подобного рода был «Октябрь в поэзии» (Л., 1924). В книгу вошли стихи поэтов «Пролеткульта» (В. Александровского, В. Кириллова, М. Герасимова, И. Садофьева, А. Крайского), «Главная Улица» Д. Бедного, «Левый марш» В. Маяковского, несколько стихотворений Н. Асеева, С. Третьякова, Н. Клюева, А. Безыменского. Помимо названных авторов были включены и очень слабые стихотворения Е. Мялиевой, Е. Панфилова, И. Ионова. Имена Блока, Брюсова, Есенина, Тихонова в сборнике отсутствовали. Случайность отбора авторов оказалась связанной со случайным отбором самих стихотворений (особенно у поэтов «Пролеткульта»).

В 1926 г. один из участников книги «Октябрь в поэзии» И. Ионов составил сборник «Октябрьские дни» (Л., 1926), куда вошли стихотворения и поэмы поэтов «Пролеткульта», комсомольских поэтов, произведения В. Маяковского, С. Третьякова, П. Орешина, В. Нарбута. Этот сборник, как и названные выше, так же недостаточно полно представлял Октябрьскую тему в творчестве советских поэтов. И все же в отличие от сборника 1924 г. в сборник «Октябрьские дни» были включены тематически более определенные произведения.

Одновременно с указанными издавались сборники, составленные из стихотворений и поэм, так или иначе связанных с Октябрьской темой, но последняя не была здесь четким композиционным стержнем книги. Эти сборники при широте содержания были ограничены или местными рамками (например, «Вьюжные дни», сборник сибирских поэтов революции, Ново-Николаевск, 1926), или же групповыми (например, «Крестьянские поэты Октябрю», М., 1927).

В 30—50-х годах, хотя и вышло большое число сборников, посвященных Октябрьской революции, так и не появилась книга, в которой были бы собраны лучшие произведения русской советской поэзии об Октябре. Таким образом, настоящее издание является, по существу, первым опытом широкого освещения Октябрьской темы, взятой в

историческом разрезе, и не только в русской поэзии, но и в поэзии народов СССР.

С Октябрьской темой связаны, разумеется, и многие другие темы советской поэзии — тема интернационализма, гражданской войны и в первую очередь Ленинская тема («Библиотека поэта» готовит к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина специальный сборник «Ленин в советской поэзии»). Но во избежание чрезмерного расширения тематических рамок сборника, при котором он утратил бы свою определенность и должен был бы вместить в себя практически всю советскую поэзию «гражданского состава», подбор произведений в данном издании мотивируется прежде всего темой Октябрьской революции.

Произведения в основном располагаются по датам их появления в печати (даты, означающие время первой публикации текста, заключаются в угловые скобки), по датам их написания (если известны точные авторские даты), затем идут произведения, точная дата которых не установлена, так как ввиду охвата широкого круга имен исчерпывающее обследование всей периодики не представлялось возможным.

Произведения сгруппированы в четырех хронологических разделах: 1917—1921, 1922—1940, 1941—1945, 1946—1967.

В примечаниях даются сведения о первой публикации произведения и источнике, по которому печатается текст. Если ссылка на источник текста отсутствует, это означает, что текст печатается по первой публикации. Для поэтов народов СССР в настоящем издании сведения о первой публикации не приводятся.

Печатаются стихотворения по собраниям сочинений и изданиям «Библиотеки поэта», а также по наиболее авторитетным в текстологическом отношении сборникам, представляющим, как правило, последнюю авторскую редакцию текста.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

1917—1921

1. Глава из стихотворной повести «Про землю, про волю, про рабочую долю». Повесть печаталась в отрывках в «Рабочем пути» и «Правде» в октябре — ноябре 1917 г. Для второго отдельного издания повести (М., 1920—1921) была написана XVIII гл. пятой части и «Заключение». Печ. по Собр. соч., т. 2, М., 1964, с. 137. Повесть Бедного — первый отклик на Октябрьскую революцию, поэтическая летопись событий, ей предшествовавших. Чуть ли не половину повести занимают «вставные номера»: злободневные сатирические стихотворения, басни, фельетоны, шуточные песни, эпиграммы, сопровождающие рассказ о жизненном пути главных героев повести — солдата Ивана, рабочего-коммуниста Клим и невесты Ивана, Маши, в прошлом батрачки, а к концу повести — агитатора-большевички в Москве. «Правда» — орган ЦК Коммунистической партии, создана по инициативе петербургских рабочих. Начала выходить 22 апреля (5 мая) 1912 г. в Петербурге. *Смольный* — осенью 1917 г. в Петро-

граде, в здании б. Смольного института для благородных девиц помещался Центральный Комитет партии большевиков и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов с Военно-революционным комитетом. *Милюков П. Н.* (1859—1943) — лидер кадетов, министр иностранных дел во Временном правительстве. Прозвище «Дарданельский» было дано Милюкову за его политику продолжения войны. Дарданеллы — один из черноморских проливов, который старались захватить империалистические круги России. *Церетели И. Г.* (р. 1882) — один из лидеров меньшевиков, министр почт и телеграфов во Временном правительстве. *Авксентьев Н. Д.* (1878—1943) — лидер эсеров, министр внутренних дел во Временном правительстве после июля 1917 г. *Каледин Д. М.* (1861—1918) — атаман контрреволюционного казачьего Войска Донского. *Корнилов Л. Г.* (1870—1918) — верховный главнокомандующий русской армии, в 1917 г. безуспешно пытался установить в стране военную диктатуру. Поход Корнилова на Петроград был приостановлен большевиками. *Бывши в Думе депутатом Керенский А. Ф.* (р. 1881) был депутатом IV Государственной думы, лидером группы «трудовиков». С марта 1917 г. — эсер. *Предпарламентик* — Временный Совет республики (Предпарламент), был образован эсерами и меньшевиками 21 сентября 1917 г. *Идет сраженьё*. Имеется в виду Октябрьское восстание в Петрограде.

2. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1964, с. 88. *Скиталец-Моряк* (Легучий Голландец) — капитан из морских легенд, осужденный вместе со своим судном на вечные скитания по морям.

3. Печ. по кн.: «Избранное», «Библиотека поэта» (М. с.), Л., 1952, с. 90.

4. «Красная нива», 1929, № 46, с. 3. Печ. по сб.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 399.

5. «Пламя», Пг., 1918, № 27 (7 ноября). Печ. по Полн. собр. соч., т. 2, М., 1956, с. 12. *Блаженный стропила соборовы тщетно возносит, пощадю моля*. В октябрьские дни 1917 г. в Москве был поврежден рядами собор Василия Блаженного. «*Слава*» — военный корабль Балтийского флота, героически погиб в бою с немецкой эскадрой в октябре 1917 г. *С моста в Гельсингфорсе*. Накануне Октября 1917 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) вспыхнуло восстание матросов против контрреволюционно настроенного командования.

6. Сб. «Динамо-стихи», Пг., 1918, с. 23. Печ. по кн.: «Стихотворения», Л., 1934, с. 95.

7. «Знамя труда», 1918, 18 февраля (3 марта). Печ. по Собр. соч., т. 3, М.—Л., 1960, с. 347. Поэма была начата 8 января 1918 г. и вчерне закончена «в порыве, вдохновенно, гармонически цельно» (т. 3, с. 625) 28 числа этого же месяца. В «Записке о „Двенадцати“», составленной в 1920 г., поэт признавался: «В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914 г.

Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)». Далее Блок сообщал: «Поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда пронсящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства» (т. 3, с. 474). Г. Блок приводит слова поэта, сказанные в 1920 г.: «„Двенадцать“ — какие бы они ни были — это лучшее, что я написал. Потому что тогда я жил современностью» (Г. Блок, Герои «Возмездия». — «Русский современник», 1924, № 3, с. 184). При жизни автора поэма вышла отдельной книжкой в издательстве «Революционный социализм» в 1918 г. и в трех изданиях в издательстве «Алконост» (первое и второе издания 1918 г. были иллюстрированы художником Ю. Анненковым). Кроме того, поэма была напечатана в ряде провинциальных и зарубежных издательств, переведена на французский, немецкий, итальянский, польский, болгарский, еврейский, древнееврейский и другие языки. *Двенадцать*. К названию поэмы близкое отношение имеют две пометы Блока на рукописи: первая — в начале 7-й главки: «„Двенадцать“ (человек и стихотворений)», вторая — в 10-й: «И был с разбойником. Жило двенадцать разбойников». Последняя фраза — измененная цитата из «Кому .на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова. По евангельским преданиям, Христос имел 12 апостолов. 12 человек насчитывал и красногвардейский патруль на улицах революционного Петрограда. «*Вся власть Учредительному Собранию*». «Под лозунгом «вся власть Учредительному собранию», — писал В. И. Ленин, — скрывается лозунг «долой Советскую власть» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, с. 242). В начале января 1918 г. Учредительное собрание, заседавшее в Таврическом дворце, было распушено. Помимо этого события в поэме Блока отмечены многие подробности январских дней 1918 г. в Петрограде: патрули красногвардейцев, злобные и бессильные «демонстрации протеста» контрреволюционных элементов, самосуды, стрельба на улицах, революционные песни и призывы, пустынные и тревожные улицы ночного города, задуваемые вьюгой. *Бубновый туз* — в царской России знак каторжника. *Керенки* — денежные знаки Временного правительства. *Не слышно шума городского* и далее — иронические измененные строки популярного романа на слова Ф. Глинки:

Не слышно шума городского,
 На невских башнях тишина,
 И на штыке у часового
 Горит двурога луна.

Невская башня — у Блока — здание б. Городской думы на Невском проспекте. *Вперед, вперед, вперед, рабочий народ!* — измененная строка из революционной песни «Варшавянка» (вольный перевод с польского Г. М. Кржижановского). *Впереди — Исус Христос*. По словам К. Чуковского, Блок в ответ на замечание Н. Гумилева о том, что «внезапное появление Христа есть чисто литературный эффект», сказал: «Мне тоже не нравится конец «Двенадцати». Я хотел бы, чтобы этот конец был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа.

И я тогда же записал у себя: „К сожалению Христос“ (К. Чуковский, Александр Блок как человек и поэт, П., 1924, с. 27—28). 18 февраля 1918 г. Блок заметил в записной книжке: «Что Христос идет перед ними (красногвардейцами. — *Ред.*) — несомненно. Дело не в том, «достойны ли они его», а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого?» (А. Блок, Записные книжки, М., 1965, с. 388—389).

8. «Знамя труда», 1918, 20(7) февраля. Печ. по Собр. соч., т. 3, М.—Л., 1960, с. 360. Стихотворение написано в течение двух дней — 29 и 30 января 1918 г., сразу же после окончания «Двенадцати». Эпиграф из стих. Вл. Соловьева «Панмонголизм». *Тьма* — в древнерусском счете сотни тысяч, великое множество. *Провал и Лиссабона, и Мессины!* Столица Португалии город Лиссабон дважды был разрушен землетрясением — в XIV и XVII в.; в 1908 г. подземными толчками был уничтожен и южноитальянский город Мессина. *Пестум* — древнегреческая колония в Южной Италии, разгромленная в конце IX в. арабами. *Эдип* — герой древнегреческого мифа, разгадавший загадку фантастического существа *Сфинкса* (тело льва, голова человека) и тем самым спасший родной город от несчастья. *Галльский* — французский. *Гунн* — кочевник, племена гуннов в IV—V вв. опустошили страны Западной Европы; в переносном значении — варвар, наильник.

9. «Эпоха», кн. 1, М., 1918, с. 7. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 361. *Мартиника* — остров в Вест-Индии. В 1902 г. наблюдалось сильное извержение вулкана Мартиники.

10. «Наш путь», 1918, № 1, с. 13, без загл. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 382.

11. «Знамя труда», 1918, 12 мая. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 401.

12. «Грядущее», 1918, № 4, с. 37. Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 233. *Мессия* — божественный посланец, который якобы должен явиться на землю для уничтожения зла и установления «царства божия».

13. «Литературное приложение» № 1 к газ. «Известия ВЦИК», М., 1918, 22 августа. Печ. по Собр. соч., т. 2, М., 1961, с. 54. *Иорданская голубица*. По евангельским преданиям, на Иисуса после крещения в реке Иордане ниспустился дух божий, принявший вид голубя. *Апостол Андрей* — ближайший ученик Иисуса, брат апостола Петра. По летописным сказаниям, апостол Андрей проповедовал в древней Руси. *Древняя тень Маврикия*. . . *Нас посетил Авраам*. Комментарием к этой строфе могут послужить слова Есенина из его брошюры «Ключи Марни» (М., 1920): «...Символическое древо, которое означает «семью». . . В Иудее носило имя Маврикийского дуба, под которым Авраам встречает св. Троицу». Авраам — по Библии, патриарх, родоначальник, образец благочестия.

14. «Красная газета», 1918, 11 июля, под загл. «Мы — братья». Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 457.

15. «Пролетарский сборник», кн. 1, М., 1918, с. 5, без 4-й главы. Орывки из поэмы публиковались в «Правде» в июле — ноябре 1918 г. В 1919 г. поэма вышла отдельным изданием. Печ. по сб. «Годы», 1932, с. 88, в который поэма вошла в сокращенном виде.

16. «Красная газета», вечерний выпуск, 1918, 11 августа. Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 274. Стихотворение было положено на музыку А. С. Митюшиным и стало популярной революционной песней. По свидетельству Н. К. Крупской, это стихотворение любил слушать В. И. Ленин в последние месяцы жизни (Н. К. Крупская, О Ленине, М., 1965, с. 96).

17. «Красная газета», 1918, 8 октября. Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 278. «*Будет буря, — мы поспорим*» и т. д. — строки из стихотворения Н. М. Языкова «Пловец», ставшего известной песней.

18. «Коммунар», 1918, 16 октября. Печ. по сб.: «У истоков русской пролетарской поэзии. Е. Е. Нечаев, Ф. С. Шукулев, А. М. Гмырев», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 286.

19. «Всходы», 1918, № 7, с. 18. Печ. по кн.: «У истоков русской пролетарской поэзии», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 287. *Вежды — веки. Ваал* — древнее семитское божество, символ всепоглощающей жажды богатства.

20. «Горн», 1919, № 2-3, с. 3. Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 334. Стихотворение написано под впечатлением демонстрации трудящихся в первую годовщину Октябрьской революции.

21. «Петроградская правда», 1918, 20 октября и «Грядущее», 1918, № 3, с. 11, под заглавием «Призыв». Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 286.

22. «Петроградская газета», 1918, 12 ноября. Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 288.

23. «Правда», 1918, 6 ноября, с подзаг.: «Героям Октябрьской революции». Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 235.

24. «Зарево заводов», Самара, 1919, № 1, с. 24. Печ. по Собр. соч., т. 2, М., 1961, с. 68. Текст «Кантаты» состоял из трех частей. Первая часть была написана М. П. Герасимовым, вторая — С. А. Есениным, а третья — С. А. Клычковым. «Кантата» посвящена памяти бойцов, павших в Москве в боях за Великую Октябрьскую социалистическую революцию, и написана к открытию на Кремлевской стене мемориальной доски, исполненной С. Т. Коненковым.

25. «Вестник путей сообщения», 1918, № 13, с. 28. Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 197.

26. «Советская земля», Харьков, 1921, с. 6. *Пять хлебов*. Имеется в виду евангельское предание о пяти хлебах, насытивших пять тысяч человек. *Разин* С. Т. (ум. 1671) — донской казак, возглавивший восстание казаков и крестьян в XVII веке. *Скинния* — по библейскому сказанию, переносный храм; здесь — святилище, священное место.

27. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (М. с.), М.—Л., 1960, с. 169.

28. «Недра», кн. 1, М., 1923, с. 301. *Иван Великий* — колокольня, «собирающая» вокруг себя группу кремлевских соборов. Прекрасный образец русского зодчества XVI—XVII вв. Герцен называл «Ивана Великого» часовым в белой одежде, который сторожит покой Кремля.

29. Печ. по Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, М., 1961, с. 271.

30. Печ. по Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, М., 1961, с. 273.

31. Печ. по кн.: «Избранные произведения», Ташкент, 1951, с. 20.

32. Печ. по кн.: «Избранные произведения», Ташкент, 1951, с. 24. *Ишан* — духовник. *Шариат* — мусульманский религиозный закон.

33. Печ. по кн.: «Стихи», М., 1964, с. 34.

34. Печ. по «Антологии украинской поэзии в 2-х томах», т. 2, М., 1958, с. 29.

35. «Беднота», 1918, 15 декабря, в тексте стихотворной повести «Красноармейцы» (9-я глава). Печ. по Собр. соч., т. 3, М., 1964, с. 214. Незадолго до создания песни состоялась беседа Д. Бедного с В. И. Лениным. «Вам следует, — говорил, по словам поэта, Ленин, — в своих агитационных обращениях постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, «распроклятая злодейка служба царская», а теперь служба рабоче-крестьянскому, советскому государству, — раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно, выполняя революционно-народный долг, — прежде шли воевать за черт знает что, а теперь за свое, и т. д.» (Демьян Бедный, Собрание сочинений, т. 5, с. 287). Песня в 1922 г. положена на музыку Д. С. Васильевым-Буглаем.

36. «Искусство коммуны», 1918, 22 декабря. Печ. по Полн. собр. соч., т. 2, М., 1956, с. 23. Написано в день выступления поэта в Матросском театре б. Гвардейского экипажа (17 декабря 1918 г.). Там, перед революционными моряками Балтийского флота, Маяковский и прочитал впервые этот марш.

37. «Пламя», 1919, № 52, с. 12. Печ. по кн.: «У истоков русской пролетарской поэзии», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 129.

38. «Красная Армия», Самара, 1919, № 3, с. 3. Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 200. *От Мюнхена и до Байкала*. Имеется в виду революционное движение, возникшее в странах Запада и Востока (в тексте говорится о Германии, Франции, Румынии, Турции, Египте) под влиянием Октябрьской революции.

39. Печ. по «Антологии эстонской поэзии в 2-х томах», т. 2, М.—Л., 1959, с. 68.

40. Печ. по кн.: «Избранное», Алма-Ата, 1958, с. 44.

41. «Избранное», М., 1955, с. 188. Печ. по кн.: «У истоков русской пролетарской поэзии», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 134.

42. Сб. «В такие дни. Стихи. 1919—1920», М., 1921, с. 19. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1961, с. 434.

43. Печ. по кн.: «Антология латышской поэзии», Рига, 1955, с. 376.

44. Сб. «1917 — Октябрь — 1919»; «Грядущее», 1919, № 7-8, с. 7. Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 292.

45. «Красный воин», 1921, 28 июля. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1961, с. 432. *Парки* (римск. миф.) — три сестры-старухи, в чьих руках находится чело-веческая судьба. Одна из сестер держит прялку, другая прядет нить жизни, третья отрезает ее. *Калита Иван* — московский князь (1325—1341), собиратель русской земли.

46. «Художественное слово», II, М., 1921, с. 13. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1961, с. 430.

47. «Раздумья», Пг., 1922, с. 31. Печ. по Собр. соч., т. 3, М., 1964, с. 382.

48. Печ. по кн.: «Антология татарской поэзии», Казань, 1957, с. 246.

49. Печ. по кн.: «Избранное», Алма-Ата, 1960, с. 15. *Кызыл* — красный.

50. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», М., 1960, с. 25.

51. Отдельное издание (литографированный оттиск, 50 экз.), Харьков, 1920. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (М. с.), М.—Л., 1960, с. 285. В поэме сплетаются две темы: призыв к борьбе и мечты о грядущем обществе справедливости и счастья. *Лобачевский Н. И.* (1792—1856) — математик, создатель неевклидовой геометрии. Положения Лобачевского, подлинное понимание которых пришло спустя много лет после их опубликования, совершили переворот в представлениях о природе пространства. *И будет молния рыдать, что вечно носится слугой.* Здесь и далее Хлебников пишет о грядущих научных открытиях и преобразовании природы. *Нам руку подали венгерцы.* В 1919 г. в Венгрии произошла пролетарская революция. *Свой замок цен, рабочий, строй из камней ударов сердца.* Прибегая к метафоре, Хлебников писал, что в будущем денежной единицей станет удар сердца. *Перуном плывут по Днепровью* и далее. Киевский князь Владимир Святославич (ок. 960—1015), принявший христианство в качестве государственной религии на Руси, повелел в дни крещения сбросить в Днепр языческих идолов.

52. Сб. «В такие дни. Стихи. 1919—1920», М., 1921, с. 11. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1961, с. 431. *Алым всадником — мчись!* — Подразумевается апокалипсический всадник, вестник грядущего нового мира.

53. Сб. «Тучелед», М., 1921, с. 6.

54. «Правда», 1921, 7 ноября. Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 318.

55. Сб. «Бомба», Владивосток, 1921, с. 16. Печ. по Собр. соч., т. 1, М., 1963, с. 123. *Калита* — см. примеч. 45.

56. Сб. «Под каменным дождем», Пг., 1923, с. 25. *Эвмениды* (греч. миф.) — богини-мстительницы.

57. «Орда», Пг., 1922, с. 9. Печ. по Собр. соч., т. 1, М., 1958, с. 63.

58. «Орда», Пг., 1922, с. 15. Печ. по Собр. соч., т. 1, М., 1958, с. 65.

59. Сб. «Звон солнца. Стихи и поэмы», М., 1923, с. 141. Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 101. Часть третья из поэмы «Будни».

60. Печ. по кн.: «Полвека. Стихи и поэмы», Тбилиси, 1959, с. 168. *Аргонавты* — герои греческого мифа, отважные мореплаватели, в поисках золотого руна заплывшие в Колхиду на корабле «Арго». *Фазис* — древнегреческое название р. Рион.

61. Печ. по «Антологии украинской поэзии в 2-х томах», т. 2, М., 1958, с. 32. Из цикла «В космическом оркестре».

62. «Правда», 1922, 1 января, под загл. «Алая дорога». Печ. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 102.

63. «Известия», 1922, 5 марта. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (М. с.), Л., 1960, с. 188.

64. «Юный коммунист», 1922, № 5, с. 6. Текст стихотворения сопровождался следующим примечанием: «Песнь немецких юных пролетариев «Молодая гвардия» должна стать гимном РКСМ. Припев «Wir sind die junge Garde des proletariats» переводчик заменяет более подходящим к русским условиям припевом „Мы молодая гвардия рабочих и крестьян“». Печ. по кн.: «Избранные произведения в 2-х томах», т. 1, М., 1958, с. 7.

65. «Правда», 1922, 7 ноября. Печ. по Собр. соч., т. 4, М., 1964, с. 441. Поэма посвящена пятилетию советской власти.

66. «Известия Одесского губисполкома, губкома КП(б)У и губпрофсовета», 1922, 7 ноября. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1964, с. 274.

67. «Известия», 1922, 7 ноября. Печ. по кн.: «Избранные стихи», М., 1939, с. 62. *Александр Благословенный* — А. Блок. *Гетманская булава* — власть Скоропадского на Украине, длившаяся около года (1918). *На Дону крепчала сила*. В 1918—1919 гг. под властью генерала Краснова на Дону было объявлено независимое от России государство, ставшее прибежищем для контрреволюционеров, спасавшихся от советской власти. *Махно Н. И.* (1884—1936) — главарь анархо-кулацкого движения на Украине. *О взятии Владивостока*. В 1922 г. Владивосток был освобожден от интервентов. *На Волгове, в Кашире*. В этих местах были заложены первые советские гидро- и электростанции.

68. Сб. «Пять столетий», М.—Л., 1923, с. 30. Печ. по сб.: «Хорошо на улице», М., 1929, с. 14.

69. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», т. 1, М., 1965, с. 13.

70. Печ. по кн.: «Избранное», М., 1963, с. 20.

71. «Станок», Одесса, 1921, 7 ноября (вторая часть); «Известия Одесского губисполкома, губкома КП(б)У и губпрофсовета», 1923, 7 ноября (обе части); «Моряк», 1924, 7 ноября (первая часть под названием «Октябрь»). Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1964, с. 261. *Худой и бритый человек* — А. Ф. Керенский, председатель Временного правительства в 1917 г. В ноябре 1917 г. из-под Гатчины пытался организовать наступление на революционный Петроград.

72. «Известия», 1923, 7 ноября. Печ. по кн.: «Итого», М., 1924, с. 7. Стихотворный марш Третьякова был откликом на революционное движение в Германии, где к осени 1923 г. сложилась революционная ситуация. Майская Рурская забастовка положила начало выступлениям немецкого пролетариата. К осени 1923 г. в Саксонии и Тюрингии были созданы рабочие правительства. Решительно выступил и пролетариат Берлина и Гамбурга. Силы контрреволюции чувствовали себя уверенно только в Баварии.

73. «Избранные стихи», М., 1925, с. 42. Печ. по кн.: «Стихотворения», М., 1956, с. 69.

74. «Под знаком комсомола». Литературный альманах пролетарских писателей, М., 1924, вып. II, с. 71. Печ. по кн.: «Избранные произведения», т. 1, М., 1958, с. 16.

75. «Заря Востока», Тифлис, 1924, 14 сентября. Печ. по Собр. соч., т. 3, М., 1961, с. 145. *Ногата, резань* — старинные русские монеты.

76. Отрывки из поэмы печатались в периодической печати в 1924—1925 гг. Первое отдельное издание — Л., 1925. Печ. по Полн. собр. соч., т. 6, М., 1955, с. 280. Поэма была закончена в первых числах октября 1924 г. 21 октября 1924 г. Маяковский прочел поэму партийному активу МК РКП(б). Газ. «Рабочая Москва» 23 октября 1924 г. писала об этом выступлении поэта: «В открывшихся прениях... ряд товарищей говорили, что это сильнейшее из того, что было написано о Ленине. Огромное большинство выступавших сошлось на одном, что поэма вполне наша, что своей поэмой Маяковский сделал большое пролетарское дело. После прений Маяковский отвечал оппонентам. В частности, Маяковский указал, что он хотел дать сильную фигуру Ленина на фоне всей истории революции». Сталин И. В. (Джугашвили) (1879—1953) — в дни Октября член Военно-революционного комитета. Троцкий Л. Д. (Бронштейн) (1879—1940) — в дни Октября председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Впоследствии, на XV съезде ВКП(б) исключен из партии. *Воля нобельца и воля путиловца*. Имеются в виду рабочие Петроградского сталелитейного завода Э. Нобеля (ныне «Русский дизель») и Путиловского завода (ныне Кировский).

77. Сб. «Октябрьские песни», Л., 1925, с. 19. Печ. по Собр. соч., т. 1, М., 1963, с. 228.

78. «Известия», 1924, 7 ноября. В 1924 г. Октябрьские торжества проходили уже без Ленина. Отмечая годовщину революции, трудящиеся вспоминали и январские дни прощания с ее вождем.

79. Отдельным изданием эпопея Сельвинского вышла в 1927 г. в Москве в изд. «Круг». До этого главы эпопеи печатались в различных журналах и альманахах. Впоследствии Сельвинский, подготавливая к печати двухтомное собрание своих произведений, вышедшее в 1956 г., переработал «Улялаевщину», создав вторую, существенно

отличающуюся от первой, редакцию эпопеи. Печ. по кн.: «Избранные произведения в 2-х томах», т. 1, М., 1956, с. 284. «Сакс», «севр» — сокращенные названия дорогих сортов фарфора. *Мазур, Стоход* — районы Белоруссии, где проходила линия фронта.

80. «Заря Востока», Тифлис, 1926, 7 марта. Стихотворение сопровождалось примечанием от редакции: «Настоящее стихотворение С. Есенина написано им в январе 1925 г. в Батуме». Печ. по Собр. соч., т. 3, М., 1962, с. 40. *Над омраченным Петроградом*. Строка из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник».

81. «Комсомольская правда», 1925, 7 ноября. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 64.

82. «Молодая гвардия», 1926, № 11, с. 104. Печ. по кн.: «Лирика», М., 1961, с. 3.

83. Сб. «Поздний пролет», М.—Л., 1928, с. 59. Печ. по кн.: «Сквозь грозы лет», М., 1962, с. 62. «*Потемкин*» — «Князь Потемкин-Таврический» — эскадренный броненосец Черноморского флота, на котором 14—24 июня 1906 г. произошло революционное восстание матросов. Это было первое массовое выступление в царской армии и флоте, оказавшее большое влияние на дальнейшее революционизирование солдат и матросов. *Лейтенант Шмидт* (1867—1906) — лейтенант Черноморского флота, один из руководителей Севастопольского восстания 1905 г. Расстрелян весной 1906 г. на о. Березань. *Матюшенко* А. Н. (1879—1907) — руководитель восстания матросов на «Потемкине».

84. Печ. по кн.: «Антология украинской поэзии в 2-х томах», т. 2, М., 1958, с. 160.

85. Сб. «Червоное казачество», М.—Л., 1928, с. 38, без последней строфы. Печ. по кн.: «Избранное», М., 1957, с. 58.

86. «Комсомольская правда», 1926, 27 июня (1—3-я главы, без эпиграфа) и 4 июля (4—8-я главы и эпилог). Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1964, с. 77. «Над *Думой про Опанаса*», — писал Э. Багрицкий, — я работал долго, месяцев восемь. Мне хотелось написать ее стилем украинских народных песен, как писал Тарас Шевченко. Для этого я и использовал ритм его «Гайдамаков». Мне хотелось показать в ней историю крестьянина, оторвавшегося от своего класса и попавшего к махновцам. Рассказать о нем и его гибели. Мне кажется, что мне это удалось, поскольку эта вещь выдержала испытание времени: она была написана в 1926 г. и до сих пор еще печатается всюду» (Э. Багрицкий, Как я пишу. — «Пионер», 1933, № 15, с. 12). По «Думе» в начале 30-х годов Э. Багрицкий было написано литературное либретто предпологаемой оперы. Эпиграф взят из эпилога поэмы Т. Шевченко «Гайдамаки» — «Посеяли гайдамаки на Украине жито. Только жито вражьи коням легло под копыта» (перевод А. Твардовского). *Звездный Воз* — украинское народное название созвездия Большой Медведицы. *Махно* Н. И. — см. примеч. 67. «Армия» Махно имела черное знамя,

знаками принадлежности к «армии» были черные банты или черные папахи. *Гуляй-Поле* — городок на Украине, в котором родился Махно. Некоторое время был штаб-квартирой махновских войск и носил название «Махноград». *Паникадило* — церковная люстра. *Каганец* — светильник, состоящий из глиняного горшка, в который налито сало и помещен фитиль. *Певни*. Пивень (укр.) — петух. *Сыромаха*. Сірома-нець (укр.) — волк. *Катюга* (укр.) — палач. *Котовский* Г. И. (1881—1925) — герой гражданской войны, вел военные действия против Махно. *Бунчужный* — старший чин на Украине в эпоху гетманства.

87. «Комсомольская правда», 1926, 29 августа. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 106.

88. «Известия ЦИК», 1926, 7 ноября. Печ. по Полн. собр. соч., т. 7, М., 1958, с. 235. *Почище японских землетрясений*. В 1923—1925 гг. по Японии прокатился ряд грозных землетрясений. *Англия бастующих шахт*. В 1926 г. забастовали английские шахтеры. *Кантон* — южный порт Китая, один из центров национально-освободительного движения 20-х годов.

89. «Гранитный сад», Л., 1929, с. 37. Печ. по кн.: «Избранное», М.—Л., 1965, с. 75.

90. «Бизнес», сборник литературного центра конструктивистов, М., 1928, с. 182. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 72. *Улагай* — белогвардейский генерал. *Колчак* А. В. (1873—1920) — адмирал царского флота, монархист, установил военную диктатуру в Сибири. *Лабуда* (лабута) — несущая, бестолковщина. *Красноярск освобожден от колчаковцев* 6 января (у Луговского дата ошибочна) 1920 г. 5-й армией Восточного фронта и партизанскими соединениями. «*Эх, шарабан мой, американка!*» и далее — строки из песни, чрезвычайно популярной во время диктатуры Колчака в Сибири.

91. Печ. по «Антологии казахской поэзии», М., 1958, с. 384. Поэма написана к 8-й годовщине Советов в Казахстане. Центральным в поэме является образ стремительно несущегося поезда — символа молодой советской власти.

92. Печ. по Сочинениям, Казань, 1962, с. 26. «*Орлес*» — Оренбургский лесопильный завод.

93. «Красная новь», 1927, № 6, с. 159. Печ. по Собр. соч., т. 2, М., 1963, с. 331. Жанр «Семена Проскакова» был определен Н. Асеевым как «Стихотворные примечания к материалам по истории гражданской войны». Главы и подглавы поэмы содержат в качестве эпиграфов выписки из архивных или печатных материалов, относящихся к истории гражданской войны в Сибири. Герои книги — реальные лица. Автор строит стихотворное повествование как два параллельных рассказа: о партизане Проскакове и о главарях сибирской белогвардейщины. К концу книги героический путь Проскакова как бы пересекает и зачеркивает жизнь «сибирского диктатора» Колчака.

94. Отрывки из поэмы, ее отдельные главы печатались в 1927 г. в различных газетах и журналах: «Новый Лиф», «Красная новь», «Молодая гвардия», «На литературном посту», «Комсомольская правда», «Ленинградская правда» и др. Первое отдельное издание поэмы — «„Хорошо!“ Октябрьская поэма», М.—Л., 1927. Печ. по Полн. собр. соч., т. 8, М., 1958, с. 233. Маяковский приступил к работе над поэмой в декабре 1926 г. В начале 1927 г. велись переговоры с Управлением ленинградских академических театров, предложившим поэту написать текст для спектакля к десятилетию Октябрьской революции. В начале поэма называлась «Октябрь», затем «25 октября 1917 года», и лишь к осени 1927 г., когда поэма была закончена, появилось название «Хорошо!». Тогда же Маяковский устранил деление поэмы на части. 2—8-я главы поэмы (первая часть) были инсценированы. Спектакли шли в октябрьские дни 1927 г. в ленинградском Малом оперном театре. В конце 1927 — начале 1928 г. Маяковский неоднократно выступал с чтением «Хорошо!». Одно из первых чтений поэмы состоялось 18 октября 1927 г. в Красном зале МК ВКП(б) для актива московской партийной организации. В автобиографии Маяковский писал: «„Хорошо“ считаю программной вещью, вроде «Облака в штанах» для того времени. Ограничение отвлеченных поэтических приемов (гиперболы, виньеточного самоценного образа) и изобретение приемов для обработки хроникального и агитационного материала. Иронический пафос в описании мелочей, но могущих быть и верным шагом в будущее («сыры не засижены — лампы сияют, цены снижены»), введение для перебивки планов фактов различного исторического калибра, законных только в порядке личных ассоциаций («Разговор с Блоком», «Мне рассказывал тихий еврей, Павел Ильич Лавут. . .»)» (Полн. собр. соч., т. 1, М., 1956, с. 28—29). *Гучков А. И.* (1862—1936) — монархист, крупный московский промышленник, в 1917 г. занимал пост военного и морского министра во Временном правительстве первого состава. *Родзянко М. В.* (1859—1924) — монархист, председатель 3-й и 4-й Государственных дум. *Керенский А. Ф.* (р. 1881) — глава Временного правительства, после Октябрьской революции — белоэмигрант (см. примеч. № 1). *Растрелли В. В.* (1700—1771) — русский зодчий, построил Зимний дворец в Петербурге. *Присяжный поверенный* — по профессии Керенский был адвокат. *Корнилов Л. Г.* — см. примеч. № 1. *В Лондон, к королю Георгу.* Георг V был двоюродным братом Николая II. Временное правительство намеревалось отправить бывшего монарха в Англию. *Репин И. Е.* (1844—1930) и *Бродский И. И.* (1883—1939) писали портрет Керенского летом 1917 г. *Кускова Е. Д.* — политическая деятельница, близкая к кадетам, после революции — ярый враг советской власти. *Милюков П. Н.* — см. примеч. № 1. «*Не спится, няня. . .*». Здесь и дальше Маяковский сатирически перефразирует разговор Татьяны с няней из 3-й главы «Евгения Онегина». *Михаил Романов* — брат Николая II, в пользу которого Николай отрекся от престола. «*Селект*» — гостиница в Петрограде. *От Вильгельма кресты да ленты.* Буржуазная печать писала о политических эмигрантах, вернувшихся в Россию после Февральской революции, как об агентах немецкого кайзера Вильгельма II. *Кресты* — тюрьма в Петрограде. *Под началом Бронштейна.* Троцкий Л. Д. (Бронштейн) (1879—1940) — см. примеч. № 76. *Каледин* — см. примеч. № 1. *Лашевич М. М.* (1884—1928) —

член Военно-революционного комитета Петроградского Совета, на него возлагалось руководство захватом почты, телеграфа и телефона. *Сегодня, говорит, подыматься рано.* «Ленин настаивал на том, чтобы покончить с Временным правительством непременно до II съезда Советов и таким образом опередить врагов, ожидавших выступления большевиков в день открытия съезда» (Владимир Ильич Ленин. Биография, изд. 2, М., Госполитиздат, 1963, с. 368). *Александра Федоровна* — игра слов. Так звали жену Николая II, хотя имеется в виду Александр Федорович Керенский. *Троицкий* (теперь Кировский) — мост через Неву. *Миллионная* (теперь Халтурина) — улица, прилегающая к Зимнему дворцу. *Кексгольмцы* — солдаты Кексгольмского полка, вставшего на сторону революции. *Ильич гримированный*. Скрываясь от агентов Временного правительства, Ленин пришел в Смольный 24 октября загримированным. *Антонов-Овсеенко В. А.* (1884—1937), *Подвойский Н. И.* (1880—1948) — члены Военно-революционного комитета Петроградского Совета, командовавшие отрядами при штурме Зимнего. *Павловцы* — солдаты Павловского пехотного полка, вставшего на сторону революции. *Бочкаревские дуры* — солдаты «женских батальонов смерти», одним из организаторов которых была М. Бочкарева. *Михайловцы, константиновцы* — юнкера артиллерийских училищ. *Прокопович С. Н.* — министр продовольствия во Временном правительстве. *Коновалов А. И.* — министр торговли и промышленности, председательствовал на последнем заседании Временного правительства. *Тринадцать* — число министров Временного правительства. *По воде шагающего Христа.* По евангельскому преданию, Христос прошел по водам Генисаретского озера. В поэме Блока «Двенадцать» образ Христа появляется в заключительных строках. *Такого отчества такой дым* — перефразировка известной строки из «Горя от ума». *Из «сюртэ генераль», из «интеллидженс сёрвис», «дефензйвы» и «сигуранцы»* — названия контрразведок Франции, Англии, Польши, Румынии. *Голубые чехи.* Поднявшие в 1918 г. контрреволюционный мятеж чешские отряды были одеты в голубые мундиры. *Но... итс э лонг узй...* — слова популярной среди английских солдат песни: «Долог путь до Типерери, далеко шагать». *«Фратэрнитэ» и «эгалитэ»* (франц.) — «братство» и «равенство» — лозунги французской буржуазной революции. *«Янки дудль кип ит об...»* — начальные слова американской песенки: «Янки, простофиля, не унывай...» *Живу в домах Стахеева я, теперь Везэнха* — дома золотопромышленника Стахеева были национализированы советской властью. *Везэнха* — Высший Совет народного хозяйства. *«Трансваль, Трансваль, страна моя...»* — песенка времен англо-бурской войны, получившая распространение в России в дни первой мировой войны и революции. *Главтон* — Главное управление топливной промышленности. *Филиппов* — владелец булочных в дореволюционной Москве. *Едят у Зунделовича* — частная столовая в доме, где жил Маяковский. *Анатолий Васильич* — Луначарский А. В. (1875—1933), в двадцатых годах нарком просвещения РСФСР. *Лиля, Ося* — Л. Ю. Брик и О. М. Брик — друзья Маяковского. *Ярославский* — вокзал в Москве. *Боли волжской.* В 1921—1922 гг. в Поволжье был жестокий голод. *Оля* — О. В. Маяковская, сестра поэта. *Мамонтова нагонять.* Конница генерала Мамонтова в августе 1919 г. прорвалась в тыл Красной Армии. В октябре 1919 г. Мамонтов был разбит. *Из-*

под пули Каплан. Эсерка Ф. Каплан 30 августа 1918 г. совершила покушение на В. И. Ленина. *Лапа класса лежит на хищнике.* 2 сентября на заседании ВЦИК было принято решение о красном терроре против контрреволюции. *Лубянская лапа Че-ка.* Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем находилась на Лубянской площади в Москве. *Павел Ильич Лавут* — организатор литературных концертов Маяковского в 1926—1930 гг. *«Алмаз»* — крейсер, на котором бежал Врангель. *Галлиполийцы* — белогвардейцы, высадившиеся на полуострове Галлиполи (европейская часть Турции). *«И с нами Ворошилов...»* — из песни «Марш Буденного» (слова А. Д'Актиля). *Лобное место* — помост на Красной площади в Москве. Построен в XVI в. для объявления указов, исползовался и для совершения казней. *Стена — и женщина со знаменем склонилась.* Мемориальная доска работы С. Т. Коненкова над братской могилой погибших в октябрьские дни 1917 г. в Москве. *Красин* Л. Б. (1870—1926) — деятель Коммунистической партии, первый посол Советской России во Франции в 1924 г. *Дэбрио Ж.* — деятель рабочего движения Франции, впоследствии продался буржуазии. *Войков* П. Л. — полпред СССР в Польше, убит в Варшаве 7 июня 1927 г. *Молодцы — венцы.* В июле 1927 г. в Вене было поднято рабочее восстание.

95. Сб. «Работа над стихом», Л., 1929, с. 130. Печ. по Собр соч., т. 2, М., 1963, с. 161.

96. «Известия», 1927, 11 ноября. Печ. по кн.: «Стихи. Песни. Поэмы», М., 1964, с. 61.

97. «Известия», 1927, 13 ноября.

98. «Звезда», 1927, № 11, с. 5, без заглавия, с эниграфом: «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет» из стихотворения Тютчева «29 января 1837». Текст был разделен на четыре главки. В первой после 4-й строфы следовали еще две, впоследствии опущенные автором. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 228. *Бризантный* — фугасный. *Противный стереотип.* Имеется в виду власть свергнутого царского правительства. *Оборонцы* — сторонники оппортунистического течения во 2-м Интернационале во время первой мировой войны. Русские оборонцы — правые эсеры, меньшевики и их скрытые союзники-центристы — поддерживали лозунги Временного правительства о «защите отечества» и «войне до победного конца».

99. «Октябрь», 1927, № 11, с. 72. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 131.

100. «Молодая гвардия», 1927, № 11, с. 148. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 134.

101. Печ. по кн.: «Стихотворения», М., 1962, с. 265. *Каледин, Корнилов* — см. примеч. № 1. *Колчак* — см. примеч. № 90. *Деникин* А. И. (1872—1947) — главнокомандующий «Добровольческой армией» в период гражданской войны. *Чемберлен* Остин (1863—1937) —

английский государственный деятель, консерватор. В 1924—1929 гг. — министр иностранных дел. Активно содействовал разрыву дипломатических отношений между английским правительством и СССР в мае 1927 г.

102. «Известия», 1928, 7 ноября. «Красин» — ледокол арктического флота СССР. Участвовал в спасении экипажа итальянской экспедиции У. Нобиле в 1928 г. *Взнуздав и Волхов и Куру*. Первая ГЭС в СССР была построена на р. Волхов (1918—1927 гг.). На реке Куру у слияния ее с р. Арагви в 1927 г. была введена в действие первая очередь Земо-Авчалской гидроэлектростанции им. В. И. Ленинна — первой ГЭС в Грузии.

103. «Молодая гвардия», 1928, № 10, с. 170. Печ. по кн.: «Стихотворения», М., 1959, с. 35. *Колчак* — см. примеч. № 90. *Деникин* — см. примеч. № 101.

104. «Комсомольская правда», 1928, 7 ноября. *Мерлушковым скопом*. Солдатские папахи в царской армии шились из мерлушки (шкурка грубошерстной овцы). *Муки Поволжья* — в 1921—1922 гг. в Поволжье был голод.

105. Печ. по кн.: «Слава», Ашхабад, 1952, с. 10.

106. «Красная новь», 1930, № 7, с. 142, под загл. «Родившимся в 1903 г.». Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 96.

107. Печ. по кн.: «Избранное», М., 1956, с. 193. Эпиграф из «Медного всадника» А. С. Пушкина. *Был монастырь*. Здесь и дальше о Смольном, некогда Институте для благородных девиц, а в 1917 г. — ставшем штабом революционных сил Петрограда.

108. Сб. «Гранитный сад», Л., 1929, с. 104, под загл. «Молодость». Печ. по кн.: «Стихи о Ленинграде», Л., 1963, с. 13.

109. «Звезда», 1930, № 2, с. 22. Печ. по Собр. соч., т. 1, М.—Л., 1965, с. 99. *Сан-Диего* — город на тихоокеанском побережье США.

110. «Комсомольская правда», 1930, 7 ноября, под загл. «О юности, о нас, об Октябре». Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 118. *Фет* (Шеншин) А. А. (1820—1892) — русский поэт. *Адмирал* — А. В. Колчак, см. примеч. № 90.

111. «Улица Красных зорь», Л., 1931, с. 12. Печ. 2-я часть стихотворения по Собр. соч., т. 1, М.—Л., 1965, с. 99.

112. Печ. по кн.: «Избранные произведения в 2-х томах», т. 1, М., 1960, с. 163.

113. «Локаф», 1931, № 10, с. 80. Печ. по «Новому миру», 1957, № 11, с. 76. АМО — автомобильный завод в Москве (ныне завод

им. Лихачева). *Шеврон* — нашивка из галуна в виде угла. *Гуверова благодать*. Американский политический деятель Гувер в 1919 г. возглавил «Американскую администрацию помощи», которая поддерживала реакционные режимы в европейских странах и поощряла любую антисоветскую деятельность. «Рот фронт» (Красный фронт) — немецкая антифашистская организация.

114. «Красная новь», 1932, № 11, с. 101, с эпиграфом: «Никаких несчастных случайностей. Жизнь коротка. Не делайте ее еще короче (Надпись на наших грузовиках)». Печ. по Собр. соч. в 4-х томах, т. 1, М., 1965, с. 201. *Остоженка, Моховая* — улицы в Москве. *Хамовники* — район Москвы.

115. «Звезда», 1932, № 11, с. 27. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 176.

116. «Звезда», 1932, № 11, с. 29. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 179. *«Народные друзья»*. Имеются в виду мелкобуржуазные партии, в особенности эсеры. *Земские войки*. Имеются в виду либерально-помещичьи круги в царской России, игравшие все более контрреволюционную роль по мере углубления революционного движения.

117. «Красная новь», 1932, № 11, с. 7, с подзаг.: «поэма». Печ. по «Новому миру», 1957, № 11, с. 78.

118. «Первое поколение», М., 1932, с. 6. Печ. по кн.: «Избранное», М., 1957, с. 203. *Косарев А. В. (1903—1939)* — деятель коммунистического движения молодежи. С марта 1929 г. был генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. *Йоркшир* — графство в Англии, в котором была выведена особая порода свиней. *Гувер Г. К. (р. 1874)* — политический деятель США. В 1929—1933 гг. был президентом.

119. Печ. по кн.: «Избранное», М., 1951, с. 224. *«Путиловец»* — Путиловский завод, ныне Кировский, в Ленинграде. *Исакий, Крепость и Дворец*. Имеются в виду Исаакиевский собор, Петропавловская крепость и Зимний дворец в Петербурге — символы церкви, тюрьмы и самовластия.

120. Печ. по кн.: «Антология грузинской поэзии», М., 1959, с. 489.

121. Печ. по кн.: «У родных криниц», М., 1963, с. 7.

122. Печ. по кн.: «Люблю тебя, моя Россия», М., 1958, с. 41.

123. Печ. по кн.: «Избранные произведения», т. 1, М., 1960, с. 165.

124. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1964, с. 195. *Григол Орбелиани (1804—1883)* — грузинский поэт-романтик. *«Пир возле стен Еревана»* — подзаголовок (точнее — «Пир после Ереванской битвы») «Заздравного тоста» Гр. Орбелиани, написанного в честь победы русских войск в Арме-

нии. Вторая строфа — цитата из этого стихотворения. *Сардар* — звание персидского чиновника. *Аракс* — река в Закавказье, приток Куры. *Карабекир-паша* — командующий турецкой армией на Закавказском фронте в первую мировую войну. *Иракли-тапа* — гора близ Еревана. *Карс* — крепость в турецкой Армении. Была взята русскими войсками в конце XIX в.

125. Печ. по Собр. соч. в 4-х томах, т. 1, М., 1962, с. 264.

126. Печ. по кн.: «Избранное», Алма-Ата, 1960, с. 71.

127. Отдельным изданием поэма вышла в 1933 г. в Ленинграде, до этого многие главы поэмы печатались в журналах и газетах. Глава «Измена» была включена во второе издание поэмы, также вышедшее в Ленинграде в 1934 г. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 374. В основу поэмы положен один из трагических эпизодов гражданской войны на Украине. Летом 1919 г. к Триполью, где располагалась банда атамана Зеленого, был вызван Киевский резервный коммунистический полк. Коммунисты и комсомольцы полка во главе с М. Шейниным вели героический бой с бандитами, но, вследствие измены командира красноармейского отряда, банде удалось разбить высланный против нее полк. Над пленными была учинена жестокая расправа.

128. «Молодой колхозник», 1937, № 4, с. 14. Стихотворение опубликовано вместе с нотами, музыка Дм. и Дан. Покрасс («Прощальная комсомольская»). Печ. по кн.: «Стихотворения», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 148.

129. Сб. «Путем песни», М., 1937, с. 73. Печ. по Собр. соч., т. 2, М., 1966, с. 326.

130. «Книга творчества народов СССР», 1937, с. 65. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 242. *Иркутск и Варшава, Орел и Каховка*. В начале января 1920 г. в Иркутске было поднято восстание против Колчака, восставшие отрезали путь белой армии и интервентам к портам Тихого океана. Был захвачен «диктатор Сибири» Колчак. Летом 1920 г. под Варшавой завязались ожесточенные бои армий Западного фронта с белополяками. Осенью 1919 г. под Орлом шли кровопролитные бои с армиями Деникина. В августе 1920 г. вблизи украинского городка Каховка развернулись бои Красной Армии с врангелевскими войсками. На каховском плацдарме советские войска получили первый опыт борьбы с танками.

131. «Лирика», М., 1936, с. 219. Печ. по кн.: «Избранное», М., 1956, с. 185. *Щорс* Н. А. (1895—1919) — герой гражданской войны, руководил повстанческими отрядами на Украине в 1918 г., командир 1-й Украинской Советской дивизии, убит в бою.

132. Печ. по кн.: «Стихотворения», М., 1962, с. 277. *Ильичевы лампы* — электрические лампы.

133. «Красная новь», 1936, № 4, с. 3. Первые отдельные издания поэмы появились в 1936 г. в Смоленске и Москве. Печ. по Собр. соч., т. 2, М., 1966, с. 90. Герой поэмы, крестьянин из-под Ельни Никита Моргунов, слышит этот рассказ от Андрея Фролова, председателя зажиточного колхоза, куда Моргунов забрел в поисках страны Муравии.

134. «Комсомольская правда», 1936, 1 ноября, под загл. «Встреча с Октябрем». Печ. по Соч. в 2-х томах, т. 1, М., 1954, с. 116. «Мы из Кронштадта» — историко-революционный фильм, созданный в 1936 г. режиссером Е. Л. Дзиганом по сценарию Вс. Вишневского. *Аранжуэс* — город в Центральной Испании близ Мадрида. *Мол и Франко* — фашистские генералы в Испании 1936—1937 гг.

135. «Избранные стихи и песни», М., 1940, с. 8. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965. *Ора-тай* — пахарь.

136. «Лирика», М., 1936, с. 220. Печ. по кн.: «Избранное», М., 1956, с. 189. *Железняк* — Железняков А. Г. (1895—1919) — рабочий, матрос Балтийского флота, герой гражданской войны. В июле 1917 г. за активную борьбу против буржуазного Временного правительства был приговорен к 14 годам каторги. После побега из тюрьмы вел революционную работу среди матросов Гельсингфорса (Хельсинки). Командовал отрядом, шедшим на штурм Зимнего дворца. В ночь с 5 на 6 января 1918 г., будучи комендантом Таврического дворца, объявил о роспуске заседавшего во дворце Учредительного собрания. С февраля 1918 г. находился на фронте гражданской войны. Смертельно ранен в бою.

137. Печ. по кн.: «Избранные стихи», М., 1940, с. 88.

138. Печ. по кн.: «Избранные произведения», Алма-Ата, 1958, с. 299. *Той* — пир. *Сайга* — степная антилопа.

139. «Знамя», 1937, № 11, с. 207. Печ. по кн.: «Избранное», т. 1, М., 1966, с. 458. «*Левый марш*» — стихотворение Маяковского. *Гвадалахара* — под этим городом в 1937 г. республиканскими войсками Испании был разгромлен итало-фашистский корпус. *Крекинг* — установка для переработки нефтепродуктов. *Viva* (испанск.) — да здравствует.

140. Сб. «Так мы росли», М., 1940, с. 64. Печ. по Собр. соч., т. 1, М., 1965, с. 213. В тексте перечисляются названия промышленных предприятий по именам их владельцев. *Лесснер* — машиностроительный завод на Выборгской стороне. *Парвиайнен* — металлический завод на Васильевском острове. *Айваз* — инструментальный завод на Выборгской стороне. «*Вестингауз*» — трест электротехнической промышленности. «*Скороход*» — обувная фабрика. *Торнтон* — фабрика шерстяных изделий на правом берегу Невы. *Паль* — прядильно-ткацкая фабрика. *Пороховые* — пороховые заводы.

141. «Ленинградская правда», 1940, 6 ноября. Печ. по кн.: «Стихи и поэмы», Л., 1956, с. 38.

142. Печ. по кн.: «Избранные сочинения», т. 1, М., 1958, с. 96. *Хазар* — Каспийское море. *Бахар* — весна. *Байрам* — праздник. *Славных 26* — двадцать шесть бакинских комиссаров, расстрелянных английскими интервентами в закаспийских песках в 1920 г.

143. Печ. по кн.: «Стихи», М., 1961, с. 101. *Разин* — см. примеч. № 26.

1911—1915

144. «Журнал молодых», 1956, № 1, с. 15. Печ. по кн.: «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 308.

145. Главы из поэмы впервые были опубликованы в «Октябре», 1941, № 3, с. 112. Печ. по кн.: «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 372. *Турочкин* — псевдоним студента Литературного института Н. Отрады, товарища М. Кульчицкого. Отрада погиб на финском фронте. *Шюцкор* — член военизированной организации финской буржуазии. *Продотряды* — отряды рабочих и беднейших крестьян, занимавшихся реквизицией или приобретением по твердым ценам хлеба у кулаков.

146. Печ. по кн.: «Избранное», М., 1956, с. 157. *Мак-Магон* (1808—1893) — французский государственный деятель, жестоко расправился с героями Парижской коммуны. *Пер-Лашез* — кладбище в Париже, где были расстреляны коммунары. *Тьер Адольф* (1797—1877) — французский государственный деятель. Возглавил наступление французской реакции на Парижскую коммуну. В переносном значении — палач революции.

147. «Смена», 1941, 10 декабря, под загл. «Ленинградские большевики». Печ. по кн.: «Избранные произведения в 2-х томах», т. 1, Л., 1967, с. 113.

148. Печ. по кн.: «Стихи», М., 1964, с. 106.

149. Печ. по кн.: «Избранное», М., 1946, с. 130.

150. «Новый мир», 1965, № 1, с. 163. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 558.

151. «Новый мир», 1942, № 11-12, с. 14.

152. «Октябрь», 1942, № 12, с. 4, под загл. «1917—1942». Печ. по кн.: «Стихи», М., 1950, с. 56.

153. Печ. по кн.: «Поэты Советской Эстонии», М., 1956, с. 241.

154. Печ. по кн.: «Антология латышской поэзии», Рига, 1955, с. 511.

155. Сб. «Кремлевские ели», М., 1948, с. 6. Печ. по «Книге стихотворений», М., 1964, с. 26. *Санкюлот* — революционер, участник французской буржуазной революции XIX в.

1946—1967

156. Печ. по кн.: «Антология грузинской поэзии», М., 1958, с. 423.

157. Печ. по журн.: «Огонек», 1946, № 42-43, с. 31.

158. Печ. по кн.: «Избранное», М., 1950, с. 16. *Мингечаур* — город, возникший в 1948 г. возле Мингечаурской ГЭС, расположенной на р. Куре. *Апрель пришел вслед за Октябрем*. 28 апреля 1920 г. установлена советская власть в Азербайджане. *Сумгаит* — город, возник в 1949 г. в связи с развитием металлургической и химической промышленности.

159. Печ. по кн.: «Стихотворения. Поэмы. Баллады», М., 1953, с. 82.

160. Печ. по кн.: «Поэзия Литвы», Вильнюс, 1950, с. 147.

161. Печ. по кн.: «Избранное», М., 1951, с. 122.

162. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), Л., 1958, с. 156.

163. «Известия», 1948, 7 ноября, под загл. «Молодость родины». Печ. по Собр. соч., т. 1, М., 1966, с. 437.

164. «Новый мир», 1948, № 11, с. 108. Печ. по кн.: «Три тетради. Стихи, поэмы», М., 1964, с. 403. *Браун Джон* (1800—1859) — борец за освобождение негров в США. Был повешен за попытку организовать восстание негров-рабов в штате Виргиния. *Бичер-Стоу* Гарриет (1811—1896) — американская писательница, автор романа «Хижина дяди Тома» (1852), направленного против жестокой эксплуатации американских негров. *Линкольн Авраам* (1809—1865) — президент США в 1861—1865 гг., выступавший против рабовладения в южных штатах, провел ряд прогрессивных реформ. *Черчилль Уинстон* (1874—1965) — английский государственный деятель, консерватор, по выражению В. И. Ленина «величайший ненавистник Советской России». После разгрома фашистской Германии призывал к созданию военно-политических блоков, направленных против СССР и стран народной демократии. *Гарлем* — кварталы Нью-Йорка, заселенные главным образом неграми, «негритянское гетто». *Перекоп* — осенью 1920 г. войска Красной Армии, прорвав укрепления на Перекопском перешейке, освободили Крым от врангелевских войск. Бои под Перекопом завершили разгром третьего похода Антанты.

165. «Дождь в степи», М., 1953, с. 10. Печ. по кн.: «Имеющий в руках цветы», 1962, с. 248. *Уэллс Герберт Джордж* (1866—1946) — выдающийся английский писатель и публицист. В 1920 г. посетил Россию и беседовал с Лениным. Впечатление от Советской России

Уэллс изложил в книге «Россия во мгле», где писал о том, что только коммунисты могут управлять страной; однако их планы экономического и социального преобразования общества Уэллс счел утопией.

166. «Новый мир», 1951, № 9, с. 75. Печ. по Собр. соч., т. I, М., 1966, с. 494.

167. Печ. по кн.: «Антология абхазской поэзии», М., 1958, с. 123. *Бзыбь-река* — река в Абхазии.

168. «Октябрь», 1953, № 3, с. 101, под загл. «В ту ночь...». Печ. по кн.: «Синева», М., 1956, с. 7.

169. «Литературная газета», 1953, 5 ноября.

170. «Дружба народов», 1955, № 11, с. 3. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 133.

171. «Правда», 1955, 6 ноября.

172. Сб. «Взмах руки», М., 1962, с. 138. *Комсомольцы Триполья* — см. примеч. № 127.

173. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», Алма-Ата, 1957, с. 115.

174. «Правда», 1956, 8 ноября. Печ. по кн.: «Стихотворения», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 333.

175. «Новый мир», 1956, № 11, с. 36.

176. Печ. по кн.: «Стихотворения», М.—Л., 1962, с. 82.

177. «Нева», 1957, № 3, с. 3. Печ. по кн.: «Избранные произведения», М.—Л., 1966, кн. 1, с. 281. *Пунченек А. Е.* (р. 1909) — советский писатель.

178. Печ. по кн.: «Стихи. Поэмы», М., 1960, с. 359. *Крцаниси* — местность к югу от Тбилиси, где в 1795 г. произошла битва грузин с иранскими полчищами.

179. «Москва», 1957, № 3, с. 33. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 299. *Роден* (1840—1917) — французский скульптор. *Микеланджело* Буонаротти (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт. *Давид* (1748—1825) — французский художник. *Верхарн* (1855—1916) — бельгийский поэт, драматург и критик. *Разгромлена Германия*. В начале ноября 1918 г. под напором революционного движения рухнула монархия в Германии. Кайзер Вильгельм II бежал в Голландию. *И Черчилль интервенцию ковал*. В 1918—1921 гг. Черчилль был одним из активных деятелей международной реакции, осуществлявшей интервенцию против молодой Советской республики.

180. «Литературная газета», 1957, 6 ноября. Печ. по кн.: «Избранное», т. 2, М., 1966, с. 387.
181. «Новый мир», 1957, № 11, с. 190.
182. «Новый мир», 1957, № 11, с. 186. Печ. по кн.: «Разговор о главном», М., 1959, с. 64.
183. «Звезда», 1957, № 11, с. 7. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 275.
184. «Литературная газета», 1957, 5 ноября. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», т. 1, М., 1965, с. 319.
185. «Юность», 1961, № 11, с. 83. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», т. 1, М., 1965, с. 315. *Скетинг-ринг* — площадка для катания на роликовых коньках. *Картель* — ряд промышленных предприятий, объединенных в одну группу.
186. «Восток и Запад», М., 1957, с. 19. Печ. по Собранию стихотворений, т. 2, М., 1966, с. 183. *Триптих* — поэтическое произведение из трех стихотворений, объединенных общей идеей. *Причалы бренд-вахты* — причалы вспомогательных и сторожевых судов порта. *Фал* — трос для подъема сигнальных флагов. *Форштевень* — носовая оконечность судна, продолжение киля. «*Андрей Первозванный*» — линейный корабль Балтийского флота, экипаж которого принял участие в Октябрьской революции в Петрограде. Андрей Первозванный, по евангельским преданиям, ближайший ученик Иисуса. По сказаниям русских летописей, проповедовал в древней Руси. *Свеаборг* — морская крепость при Гельсингфорском порту (Хельсинки), где в 1917 г. находились корабли Балтийского флота.
187. Печ. по кн.: «Избранное», Баку, 1959, с. 14. *Саз* — музыкальный щипковый инструмент.
188. Печ. по кн.: «Стихотворения и поэмы», т. 1, М., 1964, с. 156. *Ашуг* — певец. *Кубачинцы* — жители аула Кубачи. *Анди*, *Цумада* — аулы Дагестана.
189. Печ. по кн.: «Избранные стихи, поэмы», М., 1958, с. 195. *Магомет* (Мухаммед) (р. ок. 570 — ум. 632) — религиозный проповедник, основоположник мусульманской религии. *Камча* — плеть.
190. «Стихи (1938—1958)», М., 1959, с. 100.
191. Сб. «Нежданный день», Л., 1958, с. 5. Печ. по кн.: «Стихотворения», Л., 1965, с. 99.
192. Печ. по кн.: «Кардиограмма», М., 1963, с. 115.
193. Собр. соч., т. 1, М., 1966, с. 572.
194. «Приглашение к путешествию», Л., 1960, с. 21. Печ. по Собр. соч., т. 3, М.—Л., 1966, с. 151.

195. Печ. по кн.: «Стихи и поэмы», М., 1962, с. 337. Печ. отдельные стихотворения из цикла. *В полях Триполья* — см. примеч. № 127.

196. Печ. по Собранию стихотворений, т. 2, М.—Л., 1961, с. 378.

197. Печ. по кн.: «У родных криниц», М., 1963, с. 358.

198. Сб. «Годы», М., 1963, с. 10.

199. «Правда», 1962, 8 ноября.

200. «Известия», 1962, 11 августа. Печ. по кн.: «Ровеснику», М., 1962, с. 139.

201. «Правда», 1963, 13 октября. Печ. по кн.: «Ахиллесово сердце», М., 1966, с. 119. *Лонжюмо* — местечко под Парижем, где весной 1911 г. В. И. Лениным была создана партийная школа для профессиональных революционеров России. *Мари-Роз* — улочка на окраине Парижа. Здесь в доме № 4 с конца 1908 г. по лето 1912 г. жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Ныне в этой квартире — музей В. И. Ленина.

202. Печ. по кн.: «Авиаэтюды», М., 1966, с. 302. *Рембрандт* (1606—1669) — голландский живописец, при помощи тончайших эффектов светотени разрешил многие пространственные задачи. *Девятая* — симфония Бетховена.

203. «Правда», 1967, 3 февраля.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Абашели Александр Виссарионович — псевдоним Чочиа Исаки Виссарионовича (1884—1954). Родился в семье бедного крестьянина. Закончил Кутаисское начальное училище. За участие в революционном движении был выслан в Вологодскую область, где жил до 1908 г. В 1913—1914 гг. посещал Народный университет им. Шанявского в Москве. С приходом советской власти в Грузию стал активным участником литературной жизни республики. Занимался редакторской работой. Печататься начал в 1909 г. Первый сборник стихов «Улыбка солнца» вышел в 1913 г.

Айни Садриддин (1878—1954) родился в селе Соктар Гиджуванского района Бухарской области, в семье крестьянина. Учился в сельской школе, затем в бухарском медресе. Преследовался бухарским правительством за пропаганду просветительских идей — в 1917 г. был приговорен к 75 ударам палками и заключен в тюрьму. Освободившие Айни из заточения русские солдаты помогли ему перебраться в Самарканд. Сотрудничал в первом советском таджикском журнале «Пламя революции», издававшемся в Самарканде, принимал участие в бухарской народной революции. В годы становления советской власти в Средней Азии вел большую общественно-литературную деятельность. Айни стал основоположником таджикской советской литературы. Автор многих романов и повестей, очерков и литературоведческих монографий. Печататься начал в 1894 г.

Акопян Акоп (1866—1937) родился в г. Гяндже (Кировабаде), в семье рабочего-чувячника. Учился в Гянджинской гимназии, был исключен из пятого класса за составление прокламации. С 1886 г. работал учеником аптекаря, табельщиком, кассиром-бухгалтером в разных городах Кавказа. Вступил в РСДРП в 1904 г. За участие в революционном движении несколько раз подвергался арестам и обыскам. В 1921 г. в Советской Грузии был назначен комиссаром банков города Тифлиса, избран членом ЦК Закавказской федерации.

С 1922 г. — редактор журнала «Дарпноц» («Кузница»), председатель Первой ассоциации пролетарских писателей-армян. В 1923 г. присвоено звание Народного поэта Армении и Грузии. Печататься начал в 1893 г. Первый сборник стихов вышел в 1899 г.

Александровский Василий Дмитриевич (1897—1934) родился в селе Баскаково Сычевского уезда Смоленской губернии, в семье крестьянина-бедняка. Окончив сельскую начальную школу, уехал на заработки в Москву. Работал там на кожевенном предприятии. В 1916 г. был мобилизован на фронт. После демобилизации работал в правлении Московско-Казанской железной дороги. Принимал участие в октябрьских событиях в Москве. Печататься начал в 1913 г. Был участником первого сборника пролетарских поэтов «Наши песни» (1913). Стихи Александровского публиковались в пролетарских газетах «Правда», «Луч», «Рабочая газета». После революции Александровский — активный член московского «Пролеткульта». Его стихи пользовались популярностью и часто печатались на страницах центральных газет, в журналах и сборниках «Пролеткульта». В 1919 г. вышли первые книги стихов «Рабочий поселок», «Север», «Восстание». В 1920 г. Александровский был одним из организаторов группы «Кузница».

Алтаузен Джек (Яков Моисеевич) (1907—1942) родился на Федосьевском прииске в Сибири, в семье ссыльного. Одиннадцати лет ушел из дома. Жил во Владивостоке, Харбине, Шанхае. Плавал на пароходе, ходившем между Шанхаем и Гонконгом. В 1919 г. вступил в Шанхайскую подпольную организацию комсомола. В 1920 г. вернулся в Иркутск, поступил там на кожевенный завод. В 1923 г. — на Высшие литературно-художественные курсы в Москве, затем на факультет общественных наук 1-го Московского государственного университета. Работал в «Комсомольской правде». С начала Великой Отечественной войны ушел на фронт. Был награжден орденом Красного Знамени. В 1942 г. погиб под Харьковом. Печататься начал в 1922 г. Первая поэма «Отпускник Артем», написанная в соавторстве с А. Ясным и Б. Ковыневым, вышла в 1925 г.

Антокольский Павел Григорьевич родился в 1896 г. в Петербурге, в семье адвоката. Окончив гимназию, учился на юридическом факультете Московского университета, одновременно посещал драматическую студию, руководимую Е. Б. Вахтанговым. После революции до 1934 г. был режиссером в Театре им. Вахтангова. Выезжал вместе с театром в Германию, Швецию, Францию. В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом, руководил фронтовым театром. Известен и как переводчик французских поэтов и поэтов народов СССР, автор ряда историко-литературных статей. Печататься начал в 1918 г. Первая книга «Стихотворения» вышла в 1922 г.

Асеев Николай Николаевич (1889—1963) родился во Льгове Орловской области, в семье страхового агента. Закончив Курское реальное училище, поступил в 1909 г. в Московский коммерческий институт. Одновременно в качестве вольнослушателя посещал лек-

ции на филологическом факультете в Московском университете. Входил в литературную группу «Центрифуга». С 1916 по 1917 г. находился на военной службе. С 1917 г. заведовал биржей труда во Владивостоке, был литсотрудником, затем редактором местной газеты. Состоял членом группы «Творчество». По инициативе А. В. Луначарского был вызван в 1922 г. в Москву. Работал в «Лефе», возглавлявшемся В. Маяковским. Сотрудничал в центральных газетах и журналах. Автор многочисленных поэтических сборников, поэм. Одна из них — «Маяковский начинается» — была отмечена Государственной премией. Писал статьи по вопросам теории и истории поэзии. Печататься начал в 1913 г. Первый сборник стихов «Ночная флейта» вышел в 1914 г.

Багрицкий Эдуард — псевдоним Дзюбина Эдуарда Георгиевича (1895—1934). Родился в Одессе, в семье приказчика. Учился в Одесском реальном училище, затем в землемерном училище. В 1917 г. после Февральской революции ушел добровольцем на персидский фронт. В 1919 г. вступил в Красную Армию, находился в рядах Особого партизанского отряда им. ВЦИК. В 1920 г. работал в ЮгРОСТА. В 1925 г. переехал в Москву. Вел активную педагогическую работу с творческой молодежью. Печататься начал в 1915 г. Первый сборник стихов «Юго-Запад» вышел в Москве в 1928 г.

Бажан Микола (Николай Платонович) родился в 1904 г. в Каменец-Подольске, в семье военного топографа. Учился в Уманской гимназии, затем в Киевском кооперативном институте, Институте внешних сношений. Работал на киностудии. В годы Великой Отечественной войны редактировал газету «За Советскую Украину», издававшуюся для населения оккупированных областей. С 1943 г. Бажан находился на посту заместителя председателя Совета Народных Комиссаров, с 1946 по 1949 г. — на посту заместителя председателя Совета Министров Украинской ССР. Печататься начал в 1923 г. Первый сборник стихов «Семнадцатый патруль» вышел в 1926 г. Бажан перевел на украинский язык «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели, «Давитиани» Д. Гурамишвили, произведения Пушкина, Маяковского. Лауреат Государственных премий.

Балодис Андрей Мартынович родился в 1908 г., в батрацкой семье. Учась в школе, вошел в подпольную коммунистическую организацию. В 1925 г. вступил в комсомол. Неоднократно был арестован, провел в общей сложности около десяти лет в тюрьмах и на каторге буржуазной Латвии. С установлением советской власти в Латвии работал редактором газеты «Свободный крестьянин». С начала Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. Участвовал в боях в Эстонии и под Ленинградом. С 1942 г. работал заместителем главного редактора газеты «Циня» («Борьба»), выходившей в это время в г. Кирове. С 1947 г. — редактор журнала «Карогс» («Знамя»). Печататься начал в 1924 г. Первый сборник стихов «Ты любишь Родину» вышел в 1943 г. в Кирове.

Бедный Демьян — псевдоним Придворова Ефима Алексеевича (1883—1945). Родился в деревне Губовка Херсонской губернии, в

семье крестьянина. Закончил сельскую, а в 1900 г. — Киевскую военно-фельдшерскую школу. После военной службы учился в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. С 1911 г. выступал в большевистской печати, сотрудник газеты «Правда» с ее первого номера (5/V 1912). В годы революции и гражданской войны произведения Бедного играли выдающуюся агитационную роль. В 1920—1930-х годах агитфельетоны Бедного регулярно появлялись на страницах периодической печати, затрагивая самые разнообразные темы внутренней и международной жизни. В годы Великой Отечественной войны выступил с патриотической лирикой, делал подписи к «Окнам ТАСС». Печататься начал в 1899 г. Первый сборник стихов «Басни» вышел в 1913 г. в Петербурге.

Безыменский Александр Ильич родился в 1898 г. в Житомире. В 1916 г. окончил гимназию во Владимире, учился в Киевском коммерческом институте. После Февральской революции стал членом Нижегородского комитета партии, затем — исполкома Петергофского Совета, был красногвардейцем, участником октябрьских боев, одним из организаторов первых союзов молодежи. Редактировал газету «Красная молодежь» (центральный орган ЦК ВЛКСМ), был секретарем Владимирского губкома РКСМ, членом первого состава ЦК РКСМ. В 1922 г. вошел в литературные группы «Октябрь» и «Молодая гвардия». В 20-х годах вел активную литературно-общественную деятельность, с конца 20-х годов в составе бригады «Правды» регулярно выезжал на индустриальные новостройки страны. В дни Великой Отечественной войны — корреспондент фронтовых газет. Печататься начал в 1918 г. Первая книга стихов «Октябрьские зори» вышла в 1920 г.

Белый Андрей — псевдоним Бугаева Бориса Николаевича (1880—1934). Родился в Москве, в семье профессора математики. В 1903 г. окончил естественное отделение математического факультета Московского университета. Принадлежал к символистам «младшего поколения» (А. Блок, Вяч. Иванов, С. Соловьев, Эллис). В 1910—1916 гг. находился за границей. После Октябрьской революции вел в «Пролеткульте» занятия с молодыми писателями. Выпускал журнал «Записки мечтателей» (1922). Белому принадлежит ряд стихотворных сборников, романов (наиболее известен «Петербург»), большое количество литературно-критических и стиховедческих статей. Печататься начал в 1901 г. Первый сборник стихов «Золото в лазури» вышел в Москве в 1904 г.

Берггольц Ольга Федоровна родилась в 1910 г. в Петербурге, в семье врача. Закончила филологический факультет Ленинградского университета. Работала в 1929—1931 гг. разъездным корреспондентом и литературным сотрудником газеты «Советская степь», выходившей в Алма-Ате. С 1931 по 1934 г. — редактор комсомольской страницы газеты завода «Электросила» (Ленинград). В дни Великой Отечественной войны работала в Ленинградском радиокомитете. Помимо стихов Берггольц принадлежат рассказы, очерки, пьесы. Печататься начала в 1930 г. Первый сборник «Стихотворения» вышел в Ленинграде в 1934 г. Лауреат Государственной премии.

Браун Николай Леопольдович родился в 1902 г. в селе П̄ари-хино Тульской губернии, в семье учителя. Окончив среднюю школу, поступил на литературное отделение Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. С 1924 г. работает в редакциях ленинградских журналов «Литературный современник», «Звезда». С 1936 г. работает над переводами произведений украинских и белорусских поэтов. В дни Великой Отечественной войны служил в Военно-Морском Флоте, участвовал в обороне Таллина и Ленинграда. Начал печататься в 1923 г. Первый сборник стихов «Мир и мастер» вышел в 1926 г.

Бровка Петрусь (Петр Устинович) родился в 1905 г. в деревне Путилковичи на Витебщине, в семье крестьянина. С 1923 г. занимался комсомольской работой. В 1931 г. окончил Белорусский государственный университет. В дни Великой Отечественной войны печатался в партизанских и фронтовых газетах. В 1962 г. удостоен почетного звания Народного поэта Белоруссии. Член-корреспондент АН БССР, лауреат Государственной и Ленинских премий. Печататься начал в 1926 г.

Буков Емилиан Несторович родился в 1909 г. в г. Новая Ки-лия в Южной Бессарабии, в семье садовода. Окончил Кишиневский лицей, литературно-философский факультет Бухарестского университета. Был участником подпольного революционного движения в Румынии. После освобождения Бессарабии из-под капиталистического гнета принял активное участие в общественно-литературной жизни Молдавии. Работал заместителем председателя Совета Министров Молдавской ССР. Первая книга стихов «Клокочущий гневом труд» вышла в Крайове в 1932 г.

Ваншенкин Константин Яковлевич родился в 1925 г. в Москве, в семье служащего. В дни Великой Отечественной войны служил в десантных частях. В 1947 г. поступил в Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе, затем перешел в Литературный институт им. А. М. Горького. Окончил его в 1953 г. Печататься начал в 1947 г. Первая книга стихов «Песня о часовых» вышла в Москве в 1951 г.

Винокуров Евгений Михайлович родился в 1925 г. в Брянске, в семье военнослужащего. В 1943 г. поступил в Севастопольское училище зенитной артиллерии. Воевал на 4-м Украинском фронте. После демобилизации в 1946 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького, окончил его в 1951 г. Печататься начал с 1948 г. Первая книга «Стихи о долге» вышла в Москве в 1951 г.

Вознесенский Андрей Андреевич родился в 1933 г. в Москве, в семье научного работника. Окончил в 1957 г. Московский архитектурный институт. Печататься начал в 1958 г. Первая книга «Парабола» вышла в Москве в 1960 г.

Вургун Самед — псевдоним Векилова Самеда Юсуф оглы (1906—1956). Родился в селе Салахли Казахского района Азербайджанской ССР, в семье крестьянина. Учился в сельской школе.

В 1924 г. окончил Казахскую учительскую семинарию. Около пяти лет учительствовал. С 1929 г. учился в Педагогическом институте им. В. И. Ленина в Москве, затем проходил курс аспирантуры при Азербайджанском научно-исследовательском институте языка и литературы. Основоположник новой поэтической школы в Азербайджане. Печататься начал в 1924 г. Первый сборник стихов «Клятва поэта» вышел в 1932 г. Известен также как драматург. Лауреат Государственных премий.

Гамзатов Расул Гамзатович родился в 1923 г. в селе Цада Хунзахского района Дагестана, в семье поэта Гамзата Цадасы. Был учителем. С 1945 по 1950 г. учился в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Народный поэт Дагестана. Лауреат Ленинской премии. Печататься начал в 1937 г. Первый сборник стихов «Пламенная любовь и жгучая ненависть» вышел в 1943 г.

Гаприндашвили Валериан Иванович (1888—1941) родился в Кутаиси, в семье учителя. Учился в Кутаисской классической гимназии. В 1914 г. закончил юридический факультет Московского университета. Был одним из основателей группы грузинских символистов «Голубые роги». В эту группу помимо В. Гаприндашвили входили Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Георгий Леонидзе. Печататься начал в 1915 г. Первый сборник стихов «Сумерки» вышел в 1919 г. Одним из первых поэтов-«голуборожцев» встал на платформу советской литературы.

Гафури Мажит — псевдоним Гафурова Габдулмажита Пурганиевича (1880—1934). Родился в деревне Елем-Караново в Башкирии, в семье учителя. Учился в сельской церковной школе. Продолжил образование в Троицке, в городском медресе. Летом работал на золотых приисках, учительствовал в казахских кочевьях. В 1905 г. переехал в Казань и поступил в медресе «Мухаммадия». Здесь сблизился с передовой татарской интеллигенцией. За участие в революционном движении 1905—1907 гг. подвергался преследованиям царской охранки. С 1907 г. переселился в Уфу, закончил высшее полусветское медресе «Галия». Работал до 1919 г. корректором в типографии «Шарек» («Восток»). Восторженно приветствовал Октябрьскую революцию. В 1923 г. Гафури было присвоено звание Народного поэта Башкирской республики. Печататься начал в 1902 г. Первая книга «Сибирская железная дорога, или Положение нации» вышла в Казани в 1903 г.

Герасимов Михаил Прокофьевич (1889—1939) родился близ г. Бугуруслана, в семье железнодорожного рабочего. Учился в Кинельской двухклассной школе, затем в Самарском железнодорожном училище. В 1906 г. был арестован за революционную деятельность. С осени 1907 г. эмигрировал за границу, где пробыл около 9 лет, работая слесарем, шахтером, электриком, кочегаром. Объездил почти все страны Западной Европы, плавал на кораблях по Средиземному морю и морям Атлантического океана. Во время первой мировой войны служил волонтером иностранного легиона французской армии. В 1915 г. был выслан за антивоенную пропаганду в Россию. После Февральской революции был председателем Самарского Со-

вета солдатских депутатов. Принял активное участие в Октябрьской революции, был военным комиссаром в Самаре, командовал отрядами Красной гвардии на Оренбургском фронте. Печататься начал в 1913 г. Стихи Герасимова публиковались в «Первом сборнике пролетарских поэтов» 1914 г. и в «Сборнике пролетарских писателей» 1917 г. После революции — появлялись во всех основных изданиях «Пролеткульта». Первый сборник поэта «Вешние зовы» вышел в 1917 г. в издательстве «Парус».

Голодный Михаил — псевдоним Эпштейна Михаила Семеновича (1903—1949). Родился в г. Бахмуте (ныне Артемовск) Екатеринославской губернии, в рабочей семье. Окончил городское училище. С двадцати лет работал на фабрике штамповщиком, упаковщиком на мануфактурном складе в г. Екатеринославе (Днепропетровске). В 1924 г. переехал в Москву, учился на рабфаке, а затем в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. Входил в литературное объединение «Молодая гвардия». Печататься начал с 1929 г. Первая книга стихов «Сваи» вышла в Харькове в 1922 г.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) родился в Петербурге, в семье чиновника, писателя-этнографа. В 1902 г. окончил гимназию, учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В 1907 г. вышел первый сборник стихов «Ярь», вслед за ним в этом же году сборник «Перун». Городецкий принимал активное участие в организации «Цеха поэтов», стал одним из первых поэтов-акмеистов. В годы первой мировой войны — корреспондент «Русского слова» на кавказском фронте, после Октябрьской революции работал в культурно-просветительных учреждениях Тбилиси и Баку. В 1921 г. руководил литературной частью Театра Революции в Москве, заведовал литературным отделом в редакции «Известий». В 20—30-х годах вел большую редакционно-издательскую работу. Городецкий известен и как переводчик зарубежных поэтов, а также поэтов народов СССР.

Грибачев Николай Матвеевич родился в 1910 г. в селе Лопушь Орловской губернии, в семье крестьянина. Закончил в 1932 г. гидро-мелиоративный техникум, некоторое время работал в изыскательских партиях на Севере. Был литературным сотрудником газеты «Красная Карелия» (Петрозаводск). В 1936 г. переехал в Смоленск. Участвовал в 1939—1940 гг. в походе Советской Армии в Западную Белоруссию. Во время Великой Отечественной войны был командиром саперного батальона, военным корреспондентом. Главный редактор журнала «Советский Союз» (1950—1954 и с 1956). Печататься начал в 1932 г. Первый сборник стихов «Северо-Запад» вышел в 1935 г. в Петрозаводске.

Гулиа Дмитрий Иосифович (1874—1960) родился в селе Уарча Гумистинского участка (Абхазия), в семье крестьянина. Учился в Сухумской городской школе, затем некоторое время в Закавказской учительской семинарии. В 1892 г. принял участие в составлении первой абхазской азбуки. Работал преподавателем и переводчиком, вел большую просветительскую деятельность среди абхазского народа.

С 1924 г. преподавал абхазский язык в Тбилисском университете, возглавил Абхазскую академию языка и литературы. Первый сборник стихов вышел в Тифлисе в 1912 г.

Гусев Виктор Михайлович (1909—1944) родился в Москве, в семье служащего. После окончания средней школы некоторое время занимался в Драматическом училище при Театре Революции в Москве. С 1926 г. учился на Высших государственных литературных курсах в Москве, затем с 1929 г. — на факультете литературы и искусства МГУ. В 30-х годах получил широкую известность как поэт-песенник и драматург. В 1939 г. был политработником в Западной Украине. В годы Великой Отечественной войны занимал пост начальника литературного отдела Всесоюзного радиокомитета. Печататься начал в 1927 г. Первая книга стихов «Поход вещей» была издана в 1929 г. в Москве.

Дементьев Николай Иванович (1907—1935) родился в Москве. Учился на Высших государственных литературных курсах в Москве и на литературном факультете Московского университета. В годы первой пятилетки работал в Бобриках, на строительстве химического комбината. Печататься начал в 1924 г. Первая книга «Шоссе энтузиастов» вышла в 1930 г. в Москве.

Джабаев Джамбул (1846—1945) родился в Семиречье у подножья горы Джамбул, в семье кочевника. Талант певца-импровизатора пробудился у Джамбула рано. С пятнадцати лет мальчик участвовал в песенных состязаниях (айтысье). Учителями Джамбула были замечательные народные певцы Суумбай, Шоже, Майкот. После Октябрьской революции имя Джамбула стало известным всей стране. Народный акын выступал с песенными импровизациями на партийных и профсоюзных съездах и совещаниях, откликался на все значительные события в жизни социалистического государства. Был награжден Государственной премией.

Джалиль Муса — псевдоним Джалилова Мусы Мустафиевича (1906—1944). Родился в деревне Мустафа Оренбургской губернии, в семье крестьянина-бедняка. Учился в деревенской школе, позднее — на филологическом факультете МГУ. Работал в Татаро-Башкирском бюро ЦК комсомола, редактировал детские журналы «Юные товарищи», «Дитя Октября». Был одним из организаторов Татарского государственного театра оперы и балета, ныне носящего имя Джалиля. Накануне Великой Отечественной войны возглавил Союз писателей Татарии. В первые дни войны ушел на фронт. В июне 1942 года, тяжело раненный, был взят в плен. Вел подпольную работу в концентрационном лагере, за что был переведен в Моабитскую тюрьму. В 1944 г. казнен гитлеровцами. Посмертно в 1956 г. присвоено звание Героя Советского Союза и в 1957 г. Ленинская премия — за сборник стихотворений «Моабитская тетрадь». Начал печататься в 1919 г. Первый сборник стихов «Барабыз» («Мы идем») вышел в 1925 г.

Дудин Михаил Александрович родился в 1916 г. в деревне Клевнево Ивановской губернии, в семье крестьянина. Закончил

школу крестьянской молодежи, затем Ивановскую текстильную школу. Работал литературным сотрудником в ивановских газетах «Всегда готов», «Ленинец», «Рабочий край». Учился на вечернем отделении Ивановского педагогического института. В 1939 г. был призван в армию, участвовал в войне с белофиннами, был на полуострове Ханко. С начала Великой Отечественной войны работал в газете «Красный Гангут» (Ленинградский фронт). Первый сборник стихов «Ливень» вышел в Иванове в 1940 г.

Евтушенко Евгений Александрович родился в 1933 г. в г. Зима Иркутской области, в семье служащего. После окончания десятилетки с 1951 по 1954 г. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Печататься начал в 1949 г. Первая книга «Разведчики грядущего» вышла в Москве в 1952 г.

Жаров Александр Алексеевич родился в 1904 г. в деревне Семеновской Московской губернии, в семье мраморщика. Учился в сельской школе, затем в реальном училище в Можайске. С 1919 г. — секретарь уездного комитета РКСМ, член Московского губкома комсомола. Учился в Московском университете на факультете общественных наук, занимался в поэтическом семинаре В. Я. Брюсова. Во время учебы и позже работал в МК и ЦК комсомола. Был одним из организаторов литературной группы «Молодая гвардия». В качестве корреспондента «Комсомольской правды» побывал на многих индустриальных новостройках страны. В годы Великой Отечественной войны служил в Военно-Морском Флоте: на Черном море, в Заполярье, на Дальнем Востоке. Печататься начал в 1921 г. Первая книга стихов «Слово о Поволжье» вышла в 1921 г.

Жароков Таир (1908—1965) родился в Урдинском районе Западно-Казахстанской области, в семье кочевника-скотовода. Учился в национальной школе, затем в 1923 г. поступил на подготовительные курсы Казахского института просвещения в Оренбурге. В 1931 г. окончил факультет языка и литературы Педагогического института им. Абая в г. Алма-Ата. В 1934—1936 гг. прошел курс аспирантуры Ленинградского института истории, философии, языка и литературы. В 1942—1945 гг. был армейским политработником. Печататься начал с 1928 г. Первый сборник стихов «Сияние звезд» вышел в 1932 г. Автор ряда больших сюжетных поэм: «На заре коммунизма», «Поток», «Сталь, рожденная в степи» и др. Известен переводами классических произведений русской литературы на казахский язык.

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903—1958) родился в Казани, в семье агронома. С 1913 по 1920 г. учился в Уржумском реальном училище. В 1920 г. поступил в Московский медицинский институт. В августе 1921 г. переехал в Ленинград и здесь в 1925 г. закончил Педагогический институт им. А. И. Герцена по отделению языка и литературы общественно-экономического факультета. С 1926 по 1927 г. служил в Красной Армии. По выходе из армии работал в детском отделе ГИЗ и редакциях детских журналов «Чиж» и «Еж», издававшихся в Ленинграде. В 40—50-е годы много занимался переводами, в особенности поэтов Грузии. Печататься начал в 1926 г. Первая книга «Столбцы» вышла в 1929 г. в Ленинграде.

Зенкевич Михаил Александрович родился в 1891 г. в селе Николаевский Городок Саратовской губернии, в семье учителя. Окончил Саратовскую гимназию и юридический факультет Петербургского университета. Слушал лекции по философии в университетах Берлина и Иены. С 1918 по 1923 г. служил в Красной Армии. С 1923 г. работал в издательстве «Земля и фабрика». Занимается переводами поэтов братских республик, стран народной демократии и западноевропейских стран. Печататься начал в 1906 г. Первый сборник стихов «Дикая порфира» вышел в Петербурге в 1912 г., в издании «Цеха поэтов».

Инбер Вера Михайловна родилась в 1890 г. в Одессе, в семье владельца книгоиздательства. Окончив гимназию, поступила на Одесские высшие женские курсы, на историко-филологический факультет, но вскоре уехала в Западную Европу (Швейцария, Франция), где провела в общей сложности 4 года. Вернувшись в Россию в 1914 г., поселилась в Одессе; в 1922 г. переехала в Москву. В 20—30-х годах в качестве журналистки много ездила по Советскому Союзу и Западной Европе. В годы Великой Отечественной войны находилась в осажденном Ленинграде. Печататься начала в 1910 г. Первая книга стихов «Печальное вино» вышла в Париже в 1914 г. Лауреат Государственной премии.

Исаковский Михаил Васильевич родился в 1900 г. в деревне Глотовка на Смоленщине, в семье крестьянина. Закончил начальную земскую школу, учился в Смоленской и Ельнинской гимназиях. В 1919 г. — редактор ельнинской уездной газеты. С 1921 по 1930 г. работал в смоленской газете «Рабочий путь». Был редактором журнала «Колхозник», выходящего в Москве. Многие стихи Исаковского положены на музыку. Печататься начал в 1914 г. Первая книга стихов «Провода в соломе» вышла в 1927 г. Лауреат Государственных премий.

Казин Василий Васильевич родился в 1898 г. в Москве, в семье ремесленника-водопроводчика. В 1918 г. окончил реальное училище в Москве. Участвовал в организации Союза рабочей молодежи, работал секретарем Бауманского райкома комсомола. Учился в студиях «Пролеткульта». В 1920 г. был одним из организаторов группы «Кузница». С 1921 г. занимался литературной и редакционно-издательской работой. Печататься начал в 1914 г. Первый сборник стихов «Рабочий май» вышел в Петрограде в 1922 г.

Каменский Василий Васильевич (1884—1961) родился близ Перми, в семье служащего, окончил Пермское городское училище. Работать начал с 16 лет. Был конторщиком, таксировщиком, актером. В 1905 г. был председателем революционного стачечного комитета в Нижнем Тагиле. С 1907 г. учился на Высших сельскохозяйственных курсах в Петербурге. В 1910—1914 гг. принимал участие в первых авиационных полетах, стал летчиком-профессионалом. Много путешествовал: был в Англии, Германии, Италии, Турции. Входил в группу футуристов. Во время гражданской войны служил в Высшей военной инспекции. В 1931 г. принял участие в колхозном

строительстве на Урале. Первый сборник стихов «Танго с коровами» вышел в 1914 г.

Кекилов Шали (1906—1943) родился в ауле Кеши близ Ашхабада, в семье крестьянина. Закончив в 1925 г. педагогические курсы, работал учителем в одном из аулов Копет-Дага. С 1931 по 1932 г. работал в Республиканском радиокомитете, в 30-х годах был литературным сотрудником журнала «Совет эдебияты» («Советская литература», Ашхабад). В годы Великой Отечественной войны был на фронте. Умер от ран, полученных в бою. Печататься начал в 1927 г.

Кириллов Владимир Тимофеевич (1890—1943) родился в деревне Харино Духовщинского уезда Смоленской губернии, в крестьянской семье. Учился в смоленской начальной школе. С 9 лет начал трудовую жизнь: работал учеником в сапожной мастерской, затем юнгой плавал на судах Черноморского флота в Турцию, Грецию, Египет. Принимал участие в революционном движении 1905—1906 гг. В 1906 г. был арестован и сослан на 3 года в г. Усть-Сысольск. В 1914 г. был мобилизован в действующую армию. В период Октябрьской революции работал секретарем Московско-Заставского райкома партии. Был одним из активных деятелей петроградского «Пролеткульта». В 1920 г. вошел в литературную группу «Кузница». Был избран председателем Всероссийской ассоциации пролетарских писателей в 1921 г. Печататься начал в 1913 г. Первый сборник Кириллова «Стихотворения» вышел в Петрограде в 1918 г.

Кирсанов Семен Исаакович родился в 1906 г. в Одессе, в семье портного. Учился на филологическом факультете Одесского института народного образования, принимал участие в составлении агитлистов, в издании журнала «Юголеф». В 1925 г. переехал в Москву, сотрудничал в журнале «Леф», руководимом В. Маяковским. В 1927—1928 гг. вместе с Маяковским выступал на вечерах в разных городах Союза. В годы первых пятилеток неоднократно выезжал на индустриальные новостройки страны, активно выступал во всех жанрах стихотворной публицистики. В дни Великой Отечественной войны был фронтовым корреспондентом. Один из инициаторов создания «Окон ТАСС». Начал печататься в 1922 г. Первый сборник стихов «Прицел» вышел в 1926 г. в Москве. Лауреат Государственной премии.

Князев Василий Васильевич (1887—1937) родился в г. Тюмени, в купеческой семье. Учился в Екатеринбургской гимназии, затем в учительской семинарии в Петербурге, откуда был исключен за участие в революционном движении. Печататься начал в 1905 г. Стихи появлялись в разных сатирических листках и журналах: «Поединок», «Скандал», «Стрекоза», «Будильник», «Сатирикон», «Новый Сатирикон». После Октябрьской революции стал активным сотрудником «Красной газеты». Первый сборник «Сатирические песни» вышел в 1910 г. В годы революции появились сборники «Красное Евангелие», «Красные звоны и песни», «Песни Красного звонаря» и др. Князеву принадлежит несколько изданий народных частушек и поговорок.

Коган Павел Давыдович (1918—1942). Родился в Киеве. В 1922 г. вместе с семьей переехал в Москву. Окончив десятилетку, поступил в 1936 г. в Московский институт истории философии и литературы, в 1939 г. перешел в Литературный институт им. А. М. Горького. Во время Великой Отечественной войны работал военным переводчиком, затем помощником начальника штаба стрелкового полка по разведке. Убит под Новороссийском. При жизни не печатался. В 1960 г. издан сборник стихов поэта «Гроза».

Колас Якуб — псевдоним писателя Мицкевича Константина Михайловича (1882—1956). Родился на хуторе Акинчицы, Минской губернии, в семье безземельного крестьянина-лесника. В 1894 г. окончил народную школу, в 1902 г. — Несвижскую учительскую семинарию. Несколько лет работал учителем. В 1908 г. за революционную работу среди крестьян был заключен в минскую тюрьму. С 1912 г. работал учителем в г. Пинске. В годы первой мировой войны переехал в Московскую губернию, в 1915 г. мобилизован в армию. Революцию встретил в Курской области, где до 1921 г. работал школьным инструктором. С 1921 г., переехав в Минск, принял деятельное участие в литературной и общественной жизни республики. Был депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК Коммунистической партии Белоруссии. Печататься начал в 1906 г. Первая книга стихов «Песни печали» вышла в 1910 г. Лауреат Государственных премий.

Коржавин Наум — псевдоним Манделя Наума Моисеевича. Родился в 1925 г. в Киеве. Окончил горный техникум в Караганде, в 1959 г. — Литературный институт им. А. М. Горького. Печататься начал в 1941 г. В 1963 г. в Москве вышел первый сборник стихов «Годы».

Корнилов Борис Петрович (1907—1938) родился в селе Покровское Семеновского уезда Нижегородской губернии, в семье учителя. В 1926 г. переехал в Ленинград, входил в литературную группу «Смена». Учился в 1927—1928 гг. на курсах при Институте истории искусств в Ленинграде. Печатался в ленинградских газетах и журналах. Первая книга стихов «Молодость» вышла в Ленинграде, в 1928 г.

Крайский Алексей Петрович — псевдоним Кузьмина Алексея Петровича (1892—1941). Родился в Новгороде, в семье рабочего. С 14 лет начал трудовую жизнь, был ремонтным рабочим, весовщиком, учеником на телеграфе. Слушал лекции в Новгородском народном университете. В 1911 г. переехал в Петроград, служил приказчиком и конторщиком. После революции принимал участие в работе петроградского «Пролеткульта». Печататься начал в 1916 г. Первый сборник стихов «Улыбки солнца» вышел в Петрограде в 1919 г.

Кулешов Аркадий Александрович родился в 1914 г. в местечке Самотеевичи на Могилевщине, в семье учителя. С 1927 по 1929 г. учился в педагогическом техникуме. В 1931 г. поступил на литературный факультет Минского пединститута. В годы Великой Отечественной войны работал в армейских газетах. Печататься начал в

1926 г. Первый сборник стихов «Расцвет земли» вышел в 1930 г. Поэмы «Знамя бригады» и «Новое русло» были в свое время отмечены Государственными премиями. Депутат Верховного Совета БССР.

Кульчицкий Михаил Валентинович (1919—1943) родился в Харькове, в семье литератора. Окончив десятилетку, работал плотником, чертежником на Харьковском тракторном заводе. Учился в Харьковском университете (1937—1939), затем в Литературном институте им. А. М. Горького. Погиб под Сталинградом в январе 1943 г. Печататься начал в 1935 г.

Купала Янка — псевдоним Луцевича Ивана Домниковича (1882—1942). Родился на хуторе Вязынка близ Виленска в семье безземельного крестьянина. Учился несколько месяцев в народной школе в деревне Сенница и селе Беларучи. Многие годы провел в тяжелом крестьянском труде. С 1908 г. сотрудничал в белорусской газете «Наша нива», с 1909 по 1912 г. учился в Петербурге на общеобразовательных курсах А. Черняева. В начале первой мировой войны — редактор газеты «Наша нива», затем мобилизован в армию. После освобождения Белоруссии от буржуазно-помещичьей власти вел активную общественную и литературную работу. В 1925 г. удостоен почетного звания Народного поэта Белоруссии, избран членом АН БССР в 1929 г. Печататься начал в 1905 г. Первый сборник стихов «Жалейка» вышел в 1908 г. в Петербурге.

Лахути Абулькасим (1887—1957) родился в Керманшахе, в Западном Иране, в семье ремесленника. Учился в тегеранской школе. Будучи учеником, включился в революционное движение. Стал профессиональным революционером. В 1914 г. за революционную деятельность был приговорен к смертной казни, однако Лахути удалось эмигрировать в Турцию. Вскоре возвратился на родину и принял участие в партизанской войне против иностранных войск, оккупировавших Иран. В начале 20-х годов был одним из руководителей вооруженного восстания в Тебризе (Иранский Азербайджан). После разгрома восстания эмигрировал в Советский Союз. Активно сотрудничал в газетах и журналах Таджикистана. В 1933 г. был избран председателем Оргбюро Союза советских писателей Таджикистана. Много путешествовал по Советскому Союзу, внес большой вклад в укрепление творческих взаимосвязей между национальными литераторами. Печататься начал в 1907 г. Первая книга вышла в 1923 г.

Лебедев-Кумач Василий Иванович — псевдоним Лебедева Василия Ивановича (1898—1949). Родился в Москве, в семье сапожника. Закончив гимназию, в 1917 г. поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. С 1918 по 1921 г. служил в Бюро печати Центрального ПУРККА, писал фельетоны, сатиры, рассказы, лозунги для агитвыступлений в воинских частях. С 1922 по 1934 г. был фельетонистом, секретарем редакции, замредактора «Крокодила». В конце 30-х годов — член редколлегии «Литературной газеты», журнала «Знамя». В 1938 г. «за создание ряда советских

песен, ставших достоянием широких масс», награжден орденом Трудового Красного Знамени. В дни Великой Отечественной войны работал во флотской и армейской печати, на радио. Печататься начал в 1916 г. Первый сборник «Книга песен» вышел в 1938 г.

Леонидзе Георгий Николаевич (1899—1966) родился в Кахетии в селе Патардзеули, в семье учителя. Закончив Тифлисскую духовную семинарию, в 1918 г. поступил в Тифлисский университет на филологический факультет. В 1922 г. издавал литературную газету «Бахтриони». В 1922—1923 гг. был редактором журналов «Дроша» («Знамя») и «Грдемли» («Наковальня»). В 30—40-х годах занимался широкой популяризацией грузинской классической литературы XVII—XIX веков. С 1957 г. — директор Института грузинской литературы имени Ш. Руставели. Лауреат Государственных премий. Печататься начал в 1911 г. Первая книга «Сафирони» («Сапфир») вышла в 1916 г.

Луговской Владимир Александрович (1901—1957) родился в Москве, в семье учителя. Окончив гимназию, учился в Главной школе всеобщего, в 1921 г. закончил Военно-педагогический институт. С 1922 г. служил в Управлении делами Кремля и в военной школе ВЦИК. Много путешествовал по Советскому Союзу и странам Западной Европы. В 1937—1940 гг. — военный корреспондент в освободительном походе Красной Армии в Западную Белоруссию и Украину. В годы Великой Отечественной войны находился в Средней Азии. Печататься начал в 1925 г. Первая книга стихов «Сполохи» вышла в Москве в 1926 г.

Малышко Андрей Самойлович родился в 1912 г. в селе Обухове на Киевщине, в семье сапожника. В 1928 г. поступил в Киевскую медицинскую профшколу, через год перешел на литературный факультет педагогического института. Окончил его в 1932 г. Работал учителем в г. Овруче, затем — в редакции газет и журналов Киева и Харькова. В годы Отечественной войны работал во фронтовых газетах. Печататься начал в 1930 г. Первый сборник стихов «Родина» издан в 1936 г. Лауреат Государственных премий.

Мариенгоф Анатолий Борисович (1897—1962) родился в Нижнем Новгороде (г. Горький), в семье служащего. Окончив пензенскую гимназию, с 1916 г. находился на Западном фронте в инженерно-строительной дружине. С 1919 г. работал в Москве в издательстве ВЦИК литературным секретарем. В 20-х годах входил в группу имажинистов. С 1928 г. жил и работал в Ленинграде, выступая преимущественно как драматург. Печататься начал в 1918 г. Первая книга стихов «Витрина сердца» вышла в Пензе в 1918 г.

Маркиш Перец (1895—1952) родился в местечке Полонное на Волыни. Учился в хедере — еврейской религиозной начальной школе. Рано начал самостоятельную жизнь. Работал синагогальным певчим, банковским служащим в Бердичеве, Одессе. В дни первой мировой войны был мобилизован в армию, но вскоре Маркишу удалось оставить службу. Во время революции сблизился с еврейскими поэтами так называемой киевской группы (Шварцман, Гофштейн и др.).

В 1921 г. покинул Россию и уехал на Запад. Жил в Польше, Германии, Франции, в странах Ближнего Востока. В 1926 г. вновь возвратился в Россию. В 30-х годах с энтузиазмом приветствовал социальные преобразования в стране. Печататься начал в 1917 г. Первая книга «Волынь» вышла в 1918 г.

Мартынов Леонид Николаевич родился в 1905 г. в Омске, в семье техника путей сообщения. С 1920 г. сотрудничает в газетах. В 20-е годы участвует в Балхашской экспедиции Уводстроя, работает сборщиком лекарственных растений на Алтае, сельским книгоношей, корреспондентом сибирских газет, пишет стихи, очерки, статьи. Печататься начал в 1921 г. Первая книга «Стихи и поэмы» вышла в 1939 г. в Омске. Лауреат литературной премии им. М. Горького.

Маширов-Самобытник Алексей Иванович (1884—1943) родился в Петербурге, в семье ремесленника. Окончив городское училище, ушел работать на фабрику металлических изделий. С шестнадцати лет начал революционную деятельность. Неоднократно подвергался арестам и высылкам. В 1908 г. занимался на вечерних общеобразовательных курсах Лиговского народного дома. Активно содействовал организации литературных кружков среди рабочих и выпуску сборников пролетарских поэтов. В 1916 г. был выслан в Сибирь. После Февральской революции, возвратившись в Петроград, вел большую работу по организации петроградского «Пролеткульта». В 1918—1920 гг. — член редколлегии журнала «Пролетарская культура», в 20-х годах — председатель Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП), в 1926—1928 гг. — редактор журнала «Рабочий и театр», затем директор Ленинградской консерватории, в последние годы директор Ленинградского института театра и музыки. Печататься начал в 1913 г. Первый сборник стихов «Под красным знаменем» вышел в Петрограде в 1918 г.

Межелайтис Эдуардас Беняминович родился в 1919 г. В юношеские годы вступил в подпольную комсомольскую организацию. В 1940—1941 гг. был редактором литовской газеты «Комсомольская правда». В годы Отечественной войны был на комсомольской работе. Печататься начал в 1936 г. Лауреат Ленинской премии.

Миколайтис-Путинас Винцас (1893—1967) родился в деревне Пишкяй (Литва), в крестьянской семье. Учился в духовной академии, окончил университет в Швейцарии. С 1923 г. преподавал в Каунасском, затем, с 1940 г., в Вильнюсском университетах. Один из лучших литовских переводчиков, известен и как исследователь литовской литературы. Печататься начал в 1912 г. Писал стихи, пьесы, романы.

Монтвила Витаутас (1902—1941) родился в Чикаго, в рабочей семье, эмигрировавшей из Литвы. В 1906 г. возвратился вместе с семьей на родину. В 1912—1913 гг. посещал школу, которую из-за бедности не смог окончить. Стал пастухом, чтобы помочь матери прокормить семью. В 1924 г. поступил в Марьямпольскую учительскую семинарию. В 1924 г. за участие в первомайской демонстрации был арестован и заключен в тюрьму. После выхода из тюрьмы закончил

семинарню в 1928 г. Вновь был арестован в 1929 г. После двухлетнего заключения некоторое время учился в Каунасском университете, зарабатывая деньги на учебу и пропитание тяжелым физическим трудом. Вдохновенно воспел установление советской власти в Литве. Расстрелян гестаповцами 19 июля 1941 г. под Каунасом, в Девятом форту, превращенном в годы оккупации в фашистский застенок.

Муканов Сабит родился в 1900 г. в Кустанайском уезде Тузарской области, в семье бедняка. Активно участвовал в борьбе за установление советской власти в Казахстане. Закончил Оренбургский рабфак в 1926 г. С 1930 по 1935 г. учился на литературном факультете Института красной профессуры в Москве. В течение многих лет редактировал республиканские и областные литературные журналы. С 1936 по 1951 г. являлся председателем Союза писателей Казахстана. С 12 лет принимал участие в состязаниях народных певцов. Первый сборник стихов издан в Москве в 1925 г. Известен также прозаическими и драматургическими произведениями.

Нарбут Владимир Иванович (1888—1938) родился на хуторе Нарбутовка Черниговской губернии, в семье помещика. Закончив глуховскую гимназию, поступил в Петербургский университет. В гражданскую войну находился на юге России. После изгнания из Крыма белых переехал в Москву, был руководителем издательства «Земля и фабрика». Печататься начал в 1910 г. Примыкал к акмеизму. Первая книга «Стихи» вышла в Петербурге в 1910 г.

Незнамов Петр Васильевич — псевдоним Лежанкина Петра Васильевича (1889—1941). Родился в местечке Новчинский Завод Забайкальской области, в семье служащего. В 20-х годах начал печататься в дальневосточных газетах и журналах. В 1922 г. переехал в Москву, работал в журнале «Лев». В начале Великой Отечественной войны вступил в ряды народного ополчения. Погиб на фронте. Первая книга стихов «Пять столетий» вышла в 1923 г. В 1929 г. в Москве в издательстве «Федерация» вышел второй и последний сборник Незнамова «Хорошо на улице».

Нерис Саломея — псевдоним поэтессы Бачинскойте-Бучене Саломеи (1904—1945). Родилась в Альвитасе Вилковишского уезда, Сувалкской губернии, в крестьянской семье. В 1928 г. окончила Каунасский университет. Некоторое время работала учительницей. Была связана с подпольной Коммунистической партией Литвы. Входила в группу антифашистски настроенных писателей «Третий фронт». С 1941 г. — депутат Верховного Совета СССР. Печататься начала в 1924 г. Первый сборник стихов «Ранним утром» вышел в 1927 г. Лауреат Государственной премии.

Нечаев Егор Ефимович (1859—1925) родился в селе Харитонове Корчевского уезда Тверской губернии, в семье рабочего-хрустальщика. С девяти лет начал трудовую жизнь на стеклоплавильных заводах, на которых проработал до 1916 г. В 1902 г. был в числе основателей «Московского товарищеского кружка писателей из народа», переименованного затем в «Суриковский литературно-музыкальный кружок». Участвовал в изданиях кружка. После Октябрьской рево-

люции стихи Нечаева часто появлялись в периодических изданиях Москвы и периферии. Поэт входил в состав литературной группы «Кузница». Печататься начал в 1891 г. Первый сборник «Трудовые песни» вышел в 1909 г., в дальнейшем были изданы «Вечерние песни» (1913), «Из песен старого рабочего» (1922).

Обрадович Сергей Александрович (1892—1956) родился в Москве, в семье рабочего. Окончил городское училище, работал учеником, мастером-стереотипщиком. Посещал Народный университет им. Шанявского. Во время первой мировой войны был в армии. Вернувшись в 1918 г. в Москву, работал в типографии, на железной дороге. С 1920 по 1926 г. заведовал литературным отделом «Правды». В 20—30-е годы состоял в редколлегиях различных журналов. Переводил на русский язык поэзию народов СССР. Печататься начал в 1912 г. Первый сборник стихов «Взмах» вышел в Петрограде в 1921 г.

Ойнунский Платон Алексеевич (1893—1939) родился в третьем Жехсогонском наслеге Таттинского улуса Якутии, в семье крестьянина-бедняка. Учился в Якутском городском училище и Якутской учительской семинарии, окончил которую в 1917 г. В том же году поступил в Томский учительский институт. В 1918 г. возвратился в Якутию для подпольной работы с белогвардейщиной. Был заместителем председателя Совета рабочих и солдатских депутатов в Якутске, первым председателем Якутского ЦИК, депутатом Верховного Совета СССР первого созыва, председателем Союза писателей Якутской АССР. Печататься начал в 1917 г. Основоположник современной якутской литературы.

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) родился в Москве, в семье художника Л. О. Пастернака. С тринадцати лет упорно занимался теорией музыкальной композиции под руководством Ю. Д. Энгеля и Р. М. Глиэра. Окончив гимназию, поступил в Московский университет на историко-филологический факультет (закончил в 1913 г.). Летом 1912 г. занимался один семестр в Марбургском университете (Германия), тогда же ездил в Италию и Швейцарию. С 1913 г. полностью отдался литературному труду. Входил в группу, примыкавшую к футуризму, — «Центрифуга». С 1915 по 1917 г. жил на Урале. После Октябрьской революции некоторое время работал в библиотечном отделе Наркомпроса. В 20-е годы примыкал к литературному объединению «Леф», из которого, однако, вышел в 1928 г. С 30-х годов регулярно занимался переводческой деятельностью (переводил грузинских поэтов, Шекспира, Гете, Шиллера, Клейста, Рильке, Верлена и др.). Печататься начал в 1913 г. Первая книга стихов «Близнец в тучах» вышла в Москве в 1914 г.

Пегельман Хапс (1875—1938) родился в приходе Пайсту в Эстонии, в семье крестьянина. Учился в приходской школе. С 1892 г. работал учителем в Пилистрере, затем переехал в Вильянди, работал там почтовым служащим. Сотрудничал в эстонских газетах «Почтальон» (Тарту) и «Ведомости». С 1903 по 1905 г. учился в Коммерческом институте в Лейпциге. Возвратившись в 1905 г. в Эстонию,

вел партийную работу в Таллине, Тарту и в деревнях. В 1907 г. проводил конференцию эстонских организаций РСДРП, затем эмигрировал; жил в Хельсинки, Париже, Лондоне. Осенью 1907 г. нелегально вернулся на родину, оттуда переехал в Петербург. В апреле был арестован и сослан в Сибирь. В 1911 г. бежал из ссылки в Америку, редактировал там эстонскую газету «Новый мир». После Февраля, возвратившись на родину, работал в редакциях эстонских большевистских газет. Был одним из основателей Эстонской Советской Республики. Участник всех конгрессов Коминтерна.

Петровский Дмитрий Васильевич (1892—1955) родился в селе Дроздовичи Городнянского уезда Черниговской губернии, в семье священника. За сочувствие революционному движению был исключен из Черниговской духовной семинарии. В 1911 г. окончил экстерном гимназию в Брянске, затем поступил в Московскую школу живописи, ваяния и зодчества. В годы первой мировой войны был мобилизован на фронт. Участвовал в октябрьских боях в Москве. В декабре 1917 г. организовал вместе с братьями партизанские группы на Городнянщине. С 1921 г. перешел на творческую работу. Печататься начал в 1916 г. Первая книга стихов «Пустынная осень» вышла в 1920 г.

Поletaев Николай Гаврилович (1889—1935) родился в г. Одоеве Тульской губернии. Окончил в Москве торговую школу. С 1905 г. работал на Брянской железной дороге, был табельщиком, маркировщиком, весовщиком и т. д. В 1918—1919 гг. активно работал в профсоюзе железнодорожников. С середины 20-х годов полностью отдается литературному труду. Печататься начал с 1918 г. Состоял членом литературной группы «Кузница». Первая книга «Стихи» вышла в издательстве московского «Пролеткульта» в 1919 г.

Полонская Елизавета Григорьевна родилась в 1890 г. в Варшаве, в семье инженера. Училась на медицинском факультете Сорбоннского университета (в Париже), закончила образование в Юрьевском (Тартуском) университете в 1914 г. Работала врачом на Юго-Западном фронте во время первой мировой войны. С 1917 по 1931 г. работала в медицинских учреждениях Ленинграда. В начале 20-х годов состояла в литературной студии при издательстве «Всемирная литература». Печататься начала с 1913 г. С 1931 г. занималась только литературной деятельностью. Вновь работала врачом в дни Великой Отечественной войны. Первый сборник стихов «Знаменья» вышел в Петрограде в 1921 г. Полонской принадлежит большое число переводов поэтов и писателей Западной Европы, народов СССР.

Прокофьев Александр Андреевич родился в 1900 г. в селе Кобона на Ладого, в семье крестьянина-рыбака. Учился в сельской школе, затем в 1913 г. поступил в Петербургскую учительскую семинарию. Начавшаяся первая мировая война прервала занятия. Вступив в члены РКП(б) в 1919 г., по партийной мобилизации сражался против армии Юденича. Попал в плен, бежал. В 1920 г. окончил учительский институт Красной Армии, стал политработником в армии.

Был участником литгрупп ЛАИИ. В 30—60-е годы вел активную общественно-литературную деятельность. В годы войны с белофиннами и немецким фашизмом был фронтовым корреспондентом, работал в Политуправлении Ленинградского фронта. Печататься начал в 1927 г. Первая книга стихов «Улица Красных зорь» вышла в 1931 г. Лауреат Государственной и Ленинской премий.

Рагим Мамед — псевдоним Гусейнова Мамеда Рагима Аббас оглы. Родился в 1907 г. в Баку. Учился в средней школе. В 1931 г. окончил литературный факультет Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина, некоторое время работал учителем. В годы Великой Отечественной войны был в армии, печатал стихи и статьи в армейских газетах Закавказского фронта. Печататься начал в 1925 г. В 1930 г. в Баку вышла первая книга стихотворений «Желания». Заслуженный деятель искусств Азербайджана, лауреат Государственной премии.

Рождественский Всеволод Александрович родился в 1895 г. в Царском Селе (ныне г. Пушкин), в семье учителя. Учился в Царско-сельской гимназии, затем на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Был близок к акменстам. В 1916 г. мобилизован в армию. Принимал участие в обороне Петрограда в дни наступления армии Юденича на город. Как поэт-переводчик работал в издательстве «Всемирная литература», основанном Горьким. Автор многих поэтических сборников, Всеволод Рождественский известен и как оперный либреттист. Первая книга стихов «Гимназические годы» вышла в Петербурге в 1914 г.

Рождественский Роберт Иванович родился в 1932 г. в селе Косихе Косихинского района Алтайского края, в семье военнослужащего. В 1950 г. поступил в Карело-Финский государственный университет, вскоре перешел в Литературный институт им. А. М. Горького. Окончил его в 1956 г. Печататься начал в 1949 г. Первая книга стихов «Флаги весны» вышла в Петрозаводске в 1955 г.

Рудерман Михаил Исаакович родился в 1905 г. в Харькове, в семье ремесленника. С 1921 по 1925 г. учился на литературном отделении Харьковского института народного образования. В 1925 г. переехал в Москву, сотрудничал в центральных газетах и журналах. В дни Великой Отечественной войны работал во фронтовой газете «В бой за Родину». Печататься начал в 1920 г. Первый сборник стихов «Эстафета» вышел в Москве в 1930 г.

Рустам-заде Сулейман Алиаббас оглы родился в 1906 г. в Баку, в семье кузнеца. Окончил в Баку среднюю школу, поступил затем в Московский государственный университет. Печататься начал в 1923 г. Первый сборник «От печали к радости» издан в 1927 г. Лауреат Государственной премии. Известен как переводчик на азербайджанский язык поэзии народов Востока и Кавказа.

Рыльский Максим Фадеевич (1895—1964) родился в Киеве, в семье этнографа. Учился в киевской гимназии, затем в университете, сначала на медицинском, затем на историко-филологическом факуль-

тете. С 1919 по 1929 г. учительствовал. Некоторое время читал лекции на рабочем факультете Киевского университета и в Украинском институте лингвистического образования. В 1943 г. избран членом АН СССР, работал директором Института искусствоведения, фольклора и этнографии. Первая книга стихов «На белых островах» вышла в 1910 г. Известен как один из лучших переводчиков на украинский язык произведений Пушкина и Мицкевича. Перевел «Слово о полку Игореве». Лауреат Государственной и Ленинской премий.

Садофьев Илья Иванович (1889—1965) родился в Петербурге, в семье строгальщика. Окончил сельскую начальную школу. С 13 лет начал трудовую жизнь: работал на петербургских заводах и фабриках. Принимал участие в революционном движении 1905 г. В 1916 г. Садофьева как неблагонадежного царское правительство приговорило к ссылке на шесть лет в Якутию. Накануне Октябрьской революции работал в большевистских изданиях, после революции был деятельным членом «Пролеткульта». В годы гражданской войны заведовал издательством политотдела Юго-Западного фронта, работал в УкрРОСТА. После демобилизации являлся членом правления Петроградского профсоюза печатников, возглавлял Ленинградское отделение Союза поэтов. В дни Великой Отечественной войны сотрудничал в газете «Уральский рабочий», писал лозунги к «Окнам ТАСС». Печата́ться начал в 1913 г. Первый сборник стихов «Песни Митьки» вышел в Петрограде в 1918 г. Известен как переводчик украинских и белорусских поэтов.

Саянов Виссарион Михайлович (1903—1959) родился в деревне Иванушкинская Иркутской губернии, в семье политического ссыльного. Учился с 1922 по 1925 г. в Ленинградском университете. Служил в Красной Армии (1925—1926). Под руководством М. Горького работал в журнале «Литературная учеба» в 1931—1933 гг., был членом редакционной коллегии «Библиотеки поэта» с момента ее создания. В 1939—1940 гг. во время войны с белофиннами был военным корреспондентом газеты «На страже Родины». В Великую Отечественную войну работал в Политуправлении Ленинградского фронта, участвовал в боях за Берлин, был корреспондентом ленинградской печати на процессе главных военных преступников в Нюрнберге. Печата́ться начал в 1923 г. Первая книга «Фартовые годы» вышла в 1926 г. Лауреат Государственной премии.

Светлов Михаил Аркадьевич (1903—1966) родился в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск), в семье торговца. Закончил начальное городское училище. С 1919 г. назначен заведующим отделом печати Днепрпетровского губкома КСМУ. Был редактором первого на Украине комсомольского журнала «Юный пролетарий». В 1920 г. вступил добровольцем в Красную Армию. Демобилизовавшись, работал в Харькове в отделе печати ЦК комсомола Украины. Переехав в Москву, учился на рабфаке, затем на литературном факультете 1-го Московского государственного университета, в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. В дни Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт, был военным корреспондентом на Северо-Западном и 1-м Белорусском

фронте. Начал печататься в 1917 г. Первая книга стихов «Рельсы» вышла в Харькове в 1922 г. Известен и как драматург.

Сейфуллин Сакен (Садвокас) (1894—1939) родился в Нильдинской волости Акмолинского уезда, в семье скотовода. Учился в аульном медресе, затем в начальной двухклассной школе в Акмолинске. В 1916 г. окончил Омскую учительскую семинарию. Принимал участие в революционном движении в Казахстане в 1916 г. В 1917—1918 гг. работал совместно с русскими большевиками в Акмолинском Совдепе. В 1918 г. был заключен колчаковцами в концлагерь, откуда бежал в 1919 г. В 20-х годах Сейфуллин занимал ответственные посты: был Председателем Совнаркома Казахской АССР, заместителем наркома просвещения, членом Казахского ЦИК и ВЦИК. Первый сборник стихов «Откен кундер» («Дни прошедшие») вышел в Казани в 1914 г.

Сельвинский Илья Львович родился в 1899 г. в Симферополе, в семье меховщика, учился в Евпаторийской гимназии, затем в Таврическом университете на медицинском факультете. В 1918 г. — боец Красной гвардии. В 1923 г. окончил юридический факультет Московского университета. Был руководителем «Литературного центра» конструктивистов с 1924 по 1930 г., работал с 1922 по 1926 г. разъездным инструктором Центросоюза и Сельскохозяйственного по экспорту пушнины. В 1932 г. был особоуполномоченным Союзпушнины на Камчатке. В годы первой пятилетки работал на Московском электрозаводе сначала сварщиком, затем агитатором. В 1933—1934 гг. — специальный корреспондент «Правды» на ледоколе «Челюскин». С 1928 г. руководит (с перерывами) поэтическим семинаром на Высших литературных курсах и в Литературном институте им. А. М. Горького. В годы Великой Отечественной войны был на Крымском, Кавказском, 2-м Прибалтийском фронтах. Первый сборник стихов «Рекорды» вышел в 1926 г. в Москве.

Семпер Иоханнес родился в 1892 г. в Эстонии, в семье сельского учителя. Служал лекции в Петербургском и Берлинском университетах, в Рижском политехникуме. Закончил в 1928 г. Тартуский университет, в котором затем преподавал с 1928 по 1940 г. Одновременно работал редактором журнала «Лооминг» («Творчество»). С 1941 по 1948 г. — начальник Эстонского управления по делам искусства. С 1946 по 1951 г. — председатель правления Союза советских писателей Эстонии. Печататься начал в 1911 г. Первый сборник «Пьеро» вышел в Тарту в 1917 г.

Симонов Константин Михайлович родился в 1915 г. в Петрограде, воспитывался в семье военного. Окончил семилетку в Саратове. Учился в ФЗУ, работал токарем. С 1934 по 1938 г. учился на вечернем, а затем на дневном отделении Литературного института им. А. М. Горького. В 1939 г. работал в армейской газете «Героическая Красноармейская» (Монголия). В дни Великой Отечественной войны был военным корреспондентом «Красной Звезды». Печататься начал в 1934 г. Первая книга стихов «Настоящие люди» вышла в Москве в 1938 г. Лауреат Государственных премий.

Смеляков Ярослав Васильевич родился в 1913 г. в Луцке Волынской губернии, в семье служащего. Закончил семилетку, затем полиграфическую школу ФЗУ в Москве. Работал репортером, наборщиком в типографии. Печататься начал в 1931 г. Первый сборник стихов «Работа и любовь» вышел в Москве в 1932 г.

Смирнов Сергей Васильевич родился в 1913 г. в Ялте, в семье служащего. Закончил среднюю школу. С 1932 г. работал библиотекарем в Москве, проходчиком на строительстве метро, в отделе найма на одном из московских заводов. В 1935—1940 гг. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В начале Великой Отечественной войны работал на военном заводе, участвовал в эвакуации рабочих и промышленного оборудования из блокированного Ленинграда. С 1942 по 1945 г. служил рядовым 68-й гвардейской Панфиловской дивизии. После войны работал как поэт-сатирик в выездных редакциях «Правды». Печататься начал в 1934 г. Первая книга стихов «Друзьям» вышла в Москве в 1939 г.

Солоухин Владимир Алексеевич родился в 1924 г. в селе Алепино Владимирской области, в крестьянской семье. После окончания средней школы поступил во Владимирский механический техникум. В дни Великой Отечественной войны был на фронте. В 1951 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал корреспондентом-очеркистом в редакции «Огонька». Печататься начал в 1946 г. Первый сборник стихов «Дождь в степи» вышел в Москве в 1953 г.

Сосюра Владимир Николаевич (1898—1965) родился в городе Дебальцево (Донбасс), в семье шахтера. С 11 лет работал на содовом заводе, в шахте. Учился в низшем сельскохозяйственном техникуме, окончить его помешала гражданская война на Украине. С осени 1918 г. вступил в ряды рабочей дружины, затем служил в Красной Армии. Учился в Коммунистическом университете им. Артема в Харькове, на рабфаке Института народного образования. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом фронтовых газет. Печататься начал в 1917 г. Первая книга «Стихи» появилась в 1921 г. Лауреат Государственных премий.

Стальский Сулейман — псевдоним Гасанбекова Сулеймана (1869—1937). Родился в ауле Ашага-Стал в Дагестане, в семье бедного крестьянина. С 13 лет батрачил на виноградниках, был черноработчим на строительстве железной дороги в Средней Азии, работал на нефтяных промыслах в Баку. Тридцати лет вернулся в родной аул, вновь батрачил. Начал выступать как народный певец с 1900 г. В песнях Стальский выражал протест против социального гнета и несправедливости. Горячо приветствовал победу Октябрьской революции. Стал основоположником советской литературы Дагестана. Был избран членом Президиума Дагестанского ЦИК. В 1934 г. удостоен звания Народного поэта Дагестана.

Судрабкалн Ян (Арвид Карлович) родился в 1894 г. вблизи Риги, в семье учителя. Гимназии не закончил из-за недостатка средств. Во время первой мировой войны был фельдшером в русской

армии. После Февральской революции работал в газете латышских стрелков, печатался в большевистской газете «Циня», издававшейся в Риге. В 20—30-х годах стал известным поэтом Латвии. В 1940 г. горячо приветствовал вступление своей страны в семью советских народов. В годы Великой Отечественной войны широко печатался в латышских фронтовых газетах. Начал печататься в 1909 г. Первый сборник стихов «Крылатая Армада» вышел в 1920 г. Лауреат Государственной премии.

Сурков Алексей Александрович родился в 1899 г. в деревне Середнево Ярославской губернии, в семье крестьянина. Окончил сельскую начальную школу. С 1912 по 1917 г. служил «мальчиком» в магазинах и конторах Петербурга, работал в столярных мастерских. С 1918 г. — на фронте. Около года находился в плену у белоэстонцев, после освобождения из плена принимал участие в ликвидации банд Антонова в Тамбовской губернии. Демобилизовавшись, с 1922 по 1924 г. жил у себя на родине, в деревне: был избачом, волостным, политпросветорганизатором. В конце 20-х годов переехал в Москву в связи с избранием в правление и секретариат РАПП. Окончил в 1934 г. Институт красной профессуры, два года после этого был заместителем редактора журнала «Литературная учеба». В 1939 г. в дни освободительного похода в Западную Белоруссию, во время войны с белофиннами и Великой Отечественной войны был фронтовым корреспондентом армейских газет. Депутат Верховного Совета СССР. Член Президиума Советского комитета защиты мира. Печататься начал в 1918 г. Первая книга стихов «Запев» вышла в 1930 г. в Москве. Лауреат Государственной премии.

Табидзе Галактион Васильевич (1892—1959) родился в селе Тквииси вблизи Кутанси, в семье учителя. С 1908 г. учился в Тбилисской духовной семинарии. После Октябрьской революции принимал деятельное участие в становлении советской власти в Грузии. В 1933 г. удостоен звания Народного поэта Грузии. В 1944 г. избран в члены АН Грузинской ССР. Печататься начал в 1908 г. Первый сборник стихов вышел в 1914 г.

Табидзе Тициан Юстинович (1893—1937) родился в селе Шуама-та. Учился в Кутаисской гимназии, с 1913 по 1917 г. — на филологическом факультете Московского университета. Печататься начал в 1910 г. Один из основателей группы грузинских символистов «Голубые роги». В послеоктябрьские годы активно поддерживал советскую власть в Грузии. Вел большую общественно-литературную и политическую работу.

Твардовский Александр Трифонович родился в 1910 г. в деревне Загорье Смоленской губернии, в семье кузнеца. Учился в сельской школе. С 1928 г. работал в областной газете в Смоленске, учился в Смоленском педагогическом институте. В 1936 г. переехал в Москву. В 1939 г. окончил филологический факультет Московского института истории, философии и литературы, участвовал в освободительном походе Советской Армии в Западную Белоруссию и в финской кампании 1939—1940 гг. как специальный корреспондент армейской пе-

чати. Во время Великой Отечественной войны работал во фронтовых газетах. Печататься начал в 1924 г. Первая книга «Путь к социализму» (поэма) вышла в Москве в 1931 г. Лауреат Государственных и Ленинской премии.

Тильвитис Теофилис Юстинович родился в 1904 г. в деревне Гайджйяй Утенского уезда, в семье крестьянина. В 1922 г. был исключен из Утенской гимназии за выпуск антиклерикальной школьной газеты. В 1923 г. переехал в Каунас. Много лет занимался журналистикой. После установления советской власти в Литве Тильвитис работал заместителем редактора журнала «Раштай» («Сочинения») — органа Союза советских писателей Литвы. В годы гитлеровской оккупации Литвы был заключен в концентрационный лагерь. В 1945 г. Тильвитис избран ответственным секретарем правления Союза советских писателей Литвы. В 1950 г. награжден Государственной премией. Печататься начал в 1922 г. Первая книга стихов (сборник пародий) «Три гренадера» вышла в 1926 г.

Тихомиров Никифор Семенович (1888—1945) родился в деревне Девятино-Покровское Ярославской губернии, в семье крестьянина. Окончил три класса сельской школы. Рано начал трудовую жизнь. Работал в Петербурге в чернильной мастерской, в типографии, на граммофонной фабрике, на заводе «Треугольник». Поступив в 1914 г. на 1-ю Петербургскую электростанцию, работал на ней до конца жизни. Умер в колхозе «Первое мая» (Осьминский район Ленинградской области), куда поэт был направлен для проведения первого послевоенного сева. Печататься начал в 1912 г. Первая книга стихов «Красный мост» вышла в 1919 г. в Петрограде.

Тихонов Николай Семенович родился в 1896 г. в семье ремесленника. Учился в городской, затем в торговой школе, служил писцом в Военно-Морском хозяйственном управлении. В первую мировую войну ушел добровольцем на фронт. В 1918 г. вместе с Красной Армией сражался против белогвардейских банд Юденича под Петроградом. В 20-х годах входил в группу «Серапионовых братьев». Много путешествовал по Кавказу, Средней Азии. В 1939—1940 гг. возглавлял группу писателей газеты «На страже Родины». В годы Великой Отечественной войны работал в Политуправлении Ленинградского фронта. С 1949 г. — председатель Советского комитета защиты мира, с 1950 г. — член Всемирного Совета Мира. В 1958 — лауреат премии «За укрепление мира между народами». В 1966 г. присвоено звание Героя Социалистического Труда. Первая книга стихов «Орда» вышла в Петрограде в 1922 г. Лауреат Государственных премий.

Токомбаев Аалы родился в 1904 г. в ауле Чон-Кемин в Северной Киргизии, в бедняцкой семье. В 1916 г., спасаясь от репрессий, семья Токомбаева вместе с киргизскими повстанцами бежала в Китай. После Октябрьской революции Токомбаев вернулся на родину. В 1922 г. поступил в совпартшколу в Ташкенте, затем с 1923 по 1927 г. учился в Среднеазиатском университете. Печататься начал в 1924 г. Первый сборник стихов вышел в 1927 г.

Третьяков Сергей Михайлович (1892—1939) родился в Риге, в семье учителя. В 1916 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1919—1922 гг. работал в дальневосточных большевистских газетах «Красное знамя», «Дальневосточный телеграф» и др. В 1921 г. был назначен товарищем министра народного просвещения ДВР. В 1922 г. переехал в Москву, где работал в «Лефе» и в театре «Пролеткульта». В 1924 г. выехал в Китай. В течение полутора лет преподавал в Национальном университете в Пекине русскую литературу. Был постоянным корреспондентом «Правды». Вернувшись на родину, активно участвовал в коллективизации сельского хозяйства. Сотрудничал в молодежных газетах и журналах. Печататься начал в 1913 г. Первая книга стихов «Железная пауза» вышла во Владивостоке в 1919 г.

Троицкий Михаил Васильевич (1904—1941) родился в Петербурге, в семье чиновника. Учился на архитектурном отделении Художественно-промышленного техникума. Из-за отсутствия средств бросил учебу. Был ремонтным рабочим на транспортных линиях города, кочегаром, помощником машиниста на заводе «Большевик». Погиб 22 декабря 1941 г. при обороне Ленинграда в районе Невской Дубровки. Печататься начал в 1926 г. Первая книга «Двадцать четыре часа» вышла в Ленинграде в 1931 г.

Тычина Павел Григорьевич родился в 1891 г. в селе Пески на Черниговщине, в семье сельского дьяка. С 9 лет выступал в Елецком монастырском хоре, учился в бурсе. После окончания бursы поступил в Черниговскую духовную семинарию. В 1913 г. поступил в Киевский коммерческий институт. В годы советской власти деятельно участвовал в литературной и общественной жизни республики. С 1929 г. — член АН УССР. Депутат Верховного Совета СССР 2—4-го созывов. С 1943 по 1948 г. — министр просвещения УССР. С 1953 г. — Председатель Верховного Совета УССР, Герой Социалистического Труда. Печататься начал в 1912 г. Первый сборник стихов «Солнечные кларнеты» вышел в 1918 г.

Упит Андрей Мартынович родился в 1877 г. на хуторе Калныни Скриверской области, в семье безземельного крестьянина. После окончания сельской школы подготовился к экзаменам и получил звание учителя. До 1908 г. был учителем начальной школы. После Февральской революции избран в Совет рабочих депутатов в Риге. Был заключен в тюрьму в 1918 г. оккупационными немецкими властями. В 1919 г., в период советской власти в Латвии, руководил деятельностью культурных учреждений. Печататься начал в 1892 г. Первый сборник стихов «Маленькие драмы» вышел в 1911 г. Еще в предоктябрьский период опубликовал ряд романов, пьес, литературоведческих исследований. В 20—30-х годах выступал как писатель и литературный критик. Был фактическим руководителем передового журнала «Домас» («Мысли»). С установлением в 1940 г. в Латвии советского строя стал председателем Союза советских писателей Латвии. В 1943 г. присуждено звание Народного писателя Латвийской ССР. Лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда.

Уткин Иосиф Павлович (1903—1944) родился на станции Хинган Китайско-Восточной железной дороги, в семье служащего. Учился в Иркутском городском училище, которое не закончил, так как пришлось работать, чтобы прокормить семью: продавал газеты, разносил телеграммы, служил на кожевенном заводе. Участвовал в антиколчаковском восстании в Иркутске. В 1920 г. ушел добровольцем в Красную Армию, участвовал в гражданской войне в Сибири. С 1922 г. — репортер иркутской газеты «Власть труда». В 1924 г. был послан Иркутским губкомом партии в Москву учиться в Государственный институт журналистики. В 20-х годах работал в «Комсомольской правде». В дни Великой Отечественной войны был военным корреспондентом. Погиб во время авиационной катастрофы. Печататься начал в 1923 г. Первая книга «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исайте и комиссаре Блох» вышла в Москве в 1926 г.

Ушаков Николай Николаевич родился в 1899 г. в г. Ростове Ярославской губернии, в семье военного. В 1924 г. окончил юридический факультет Киевского института народного хозяйства. Печататься начал в 1923 г. Первый сборник стихов «Весна республики» вышел в 1927 г. Ушакову принадлежат многочисленные переводы поэтов братских республик.

Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929) родился в Коканде, в семье лекаря. Закончил медресе. В 1911—1915 гг. открыл в Коканде, затем в Маргелане светскую начальную школу, написал первые на узбекском языке учебные пособия для начальной школы, а также ряд рассказов и басен для детского чтения. Стихи и песни начал писать с 16 лет. В поэтических сборниках «Красный цветок», «Белый цветок», «Розовый цветок», вышедших в 1915—1917 гг. и подписанных псевдонимом Нихон (по-узбекски «Скрытый»), ломал старые поэтические каноны, писал о народных нуждах. Октябрьская революция открыла широкие просторы для деятельности Хамзы. Он написал ряд революционных песен, в середине 1918 г. организовал в Фергане «Передвижную драматическую труппу», писал для нее пьесы. В конце октября 1919 г. вместе с труппой вступил в ряды Красной Армии, вел пропагандистскую работу. В 1926 г. присвоено звание Народного поэта УзССР. В 1929 г. зверски убит в кишлаке Шахмардан.

Хлебников Велимир (Виктор) Владимирович (1885—1922) родился в селе Тундутове Астраханской губернии, в семье орнитолога. Окончил в 1903 г. гимназию в Казани и поступил на физико-математический факультет Казанского университета. Принимал участие в студенческих демонстрациях, за что был арестован и заключен в тюрьму. В 1908 г. переехал из Казани в Петербург, был зачислен на третий курс физико-математического факультета Петербургского университета. В 1916 г. был призван на военную службу. Оставил ее в 1917 г. В годы революции и гражданской войны работал в Политпросвете, в «Окнах РОСТА» (бакинское отделение). В 1921 г. принял участие в походе иранской народно-революционной армии. Печа-

таться начал в 1908 г. Первая книга «Игра в аду», написанная в соавторстве с А. Крученых, вышла в 1912 г. в Москве.

Цадаса Гамзат (1877—1951) родился в ауле Цада в Аварии, в семье бедного крестьянина. С восьми лет остался сиротой, был отдан в медресе. Из-за бедности был вынужден делать перерывы в учебе: работал сплавщиком леса, был чернорабочим в Грозном. С 1914 г. служил в родном ауле священнослужителем-дибиром. В 1916 г. спял с себя сан священника. После революции активно сотрудничал с советской властью: был избран комиссаром народного хозяйства Хунзахского района Аварского округа. С 1921 г. работал в первой аварской газете «Красные горы». Печататься начал в 1921 г., до этого был известен лишь устными песнями. Первая книга стихов «Метла ада-тов» вышла в 1934 г. Лауреат Государственной премии.

Чаренц Егише — псевдоним Согомояна Егише Абгаровича (1897—1937). Родился в г. Карсе, в семье торговца. Учился в Карсской русской гимназии. В 1915 г. ушел добровольцем на фронт. С конца 1915 по 1917 г. находился в Москве. В 1918—1919 гг. был солдатом Красной Армии. В 1924 г. по поручению правительства Советской Армении ездил в Турцию, Францию, Италию, Германию. В 1922 г. в Москве был издан двухтомник сочинений Чаренца на армянском языке. Известен как переводчик Пушкина, Маяковского, Есенина, У. Уитмена, Э. Верхарна на армянский язык. Печататься начал в 1914 г.

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894—1956) — поэт, переводчик поэзии западноевропейских стран (Верхарн, Байрон, Гюго), теоретик русского стиха. Печататься начал в 1908 г. Примыкал к акмеизму. Первая книга стихов «Розы с кладбища» вышла в 1914 г. в г. Керчи.

Шефнер Вадим Сергеевич родился в 1915 г. в Петрограде, в семье пехотного офицера. Лишившись рано отца, был беспризорным. Учился при химическом комбинате в Ленинграде, в 1937 г. закончил рабфак при Ленинградском университете. Работал на ленинградских заводах «Пролетарий», «Электроаппарат» и других кочегаром, теплотехником, чертежником. В годы Великой Отечественной войны был на Ленинградском фронте, вначале рядовым, затем корреспондентом армейской газеты «Знамя победы». Печататься начал в 1936 г. Первая книга стихов «Светлый берег» вышла в Ленинграде в 1940 г.

Ширяевец Александр Васильевич — псевдоним Абрамова Александра Васильевича (1887—1924). Родился в селе Ширяево Симбирской губернии, в Жигулях. Окончил церковноприходскую школу, затем два года учился в Самарском городском училище. Рано начал трудовую жизнь. Служил чернорабочим на бумагокрасильной фабрике в Самаре, состоял писцом у казенного лесничего. В 1905 г. переехал в Среднюю Азию, работал до 1919 г. в Ташкенте, в почтово-телеграфном ведомстве. Печататься начал в 1908 г. Первая книга «Ранние сумерки» вышла в 1916 г.

Шкулев Филипп Степанович (1868—1930) родился в деревне Печатики под Москвой, в крестьянской семье. Писать начал с 1891 г. Участвовал в товарищеских сборниках писателей из народа, входил в состав «Суриковского литературно-музыкального кружка». Во время революции 1905 г. организовал издательство революционной литературы «Искра», помогал участникам Московского восстания. В период между революциями 1905 г. и 1917 г. Шкулев, не оставляя поэтической работы, занимался разнообразной издательской деятельностью. В 1912 г. был заключен на несколько месяцев в тюрьму; выйдя из нее, переехал в Архангельск, где работал сотрудником газеты «Северное утро». Первые сборники Шкулева «Не всем счастье», «Кто виноват?» вышли в Москве в 1902 г.

Щипачев Степан Петрович родился в 1899 г. в деревне Щипачи в Зауралье, в семье крестьянина. Учился полтора года в церковно-приходской школе. С девяти лет работал по найму. Был в забое на асбестовых приисках, батраком, «мальчиком» и приказчиком в книжной лавке. В 1917 г. был призван в царскую армию. Вернувшись домой в 1918 г., оказался на территории, оккупированной Колчаком. В середине 1919 г. сражался в рядах легендарной Чапаевской дивизии. С 1922 по 1925 г. служил в Крыму армейским политработником. С 1929 по 1931 г. был заместителем редактора журнала «Красноармеец». В годы Великой Отечественной войны — военный корреспондент «Правды», журнала «Красноармеец». Печататься начал в 1919 г. Первый сборник стихов «По курганам веков» вышел в Симферополе в 1923 г. Лауреат Государственной премии.

Эренбург Илья Григорьевич родился в 1891 г. в Киеве, в семье служащего. Учился в 1-й Московской гимназии. В 1907 г. вошел в Московскую организацию большевиков, был арестован в 1908 г. за революционную работу. После выхода из тюрьмы уехал в Париж. Во время первой мировой войны был военным корреспондентом на франко-германском фронте. Вернулся в Советский Союз в 1917 г. До 1921 г. работал в различных советских учреждениях. В 1921 г. вновь уехал во Францию, путешествовал по странам Европы, Азии, Америки. В 1936 г. в качестве военного корреспондента был в Испании. В 1941—1945 гг. работал корреспондентом «Правды» и «Красной Звезды». Член Всемирного Совета Мира. Лауреат Государственных премий и премий «За укрепление мира между народами». Первая книга «Стихи» вышла в Париже в 1910 г.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между с. 96 и 97.* Плакат 1918 г. «Мы на горе всем буржуям Мировой пожар раздуем». Институт русской литературы АН СССР.
- 2, 3, 4, 5. С. 101, 103, 105, 107. Рисунки Ю. Анненкова к поэме А. Блока «Двенадцать».
6. *Между с. 128 и 129.* Обложка сб. «Красный звон» работы А. Арнштама.
7. *На обороте.* Обложка поэмы С. Есенина «Песнь о великом походе».
8. *Между с. 224 и 225.* Плакат Д. Моора «Октябрь 1917 — Октябрь 1920». Институт русской литературы АН СССР.
9. *На обороте.* Плакат 1917 г. В. Маяковского «Забычивый Николай».
10. *Между с. 256 и 257.* Плакат 1919 г. В. П. Дени «Деникинская банда». Институт русской литературы АН СССР.
11. *На обороте.* Плакат А. Радакова «Сказка о том, как жил-был Царь-Репка». Институт русской литературы АН СССР.
12. *Между с. 288 и 289.* Плакат 1920 г. «Последний час». Институт русской литературы АН СССР.
13. *Между с. 320 и 321.* Обложка поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».
14. *На обороте.* Обложка поэмы В. Маяковского «Хорошо!».

СОДЕРЖАНИЕ

«Октябрь в поэзии». Вступительная статья Л. А. Плоткина . . . 5

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

1917—1921

1. Демьян Бедный. Большевицкий Октябрь. Из повести «Про землю, про волю, про рабочую долю»	65
2. Тициан Табидзе. Петербург (Перевод с грузинского Б. Пастернака)	91
3. Сулейман Стальский. Погибни, старый, мертвый мир! (Перевод с лезгинского С. Липкина)	92
4. Алексей Крайский. Декреты	93
5. Владимир Маяковский. Ода революции	94
6. Илья Садофьев. Всемирный товарищ	95
7. Александр Блок. Двенадцать	98
8. — » — Скифы	113
9. Андрей Белый. Современникам	116
10. — » — Голубь	117
11. — » — Из поэмы «Христос воскрес»	117
12. Владимир Кириллов. Железный мессия	118
13. Сергей Есенин. Иорданская голубица	119
14. Никифор Тихомиров. Братья	122
15. Василий Александровский. Восстание	122
16. Василий Князев. Песня Коммуны	126
17. — » — Звон перед бурей	128
18. Филипп Шкулев. Гимн коммунаров	129
19. — » — Памяти борцов, павших в Октябрьские дни 1917 г.	131
20. Николай Полегаев. Красная площадь	132
21. Алексей Маширов-Самобытник. К восстанию	132
22. — » — Красный цветок	133
23. Владимир Кириллов. Матросам	134
24. Сергей Есенин. Кантата	135

25.	Михаил Герасимов. «Мы победим, клокочет спла...»	135
26.	Владимир Нарбут. Россия	137
27.	Велимир Хлебников. Воля всем	138
28.	Александр Ширяевец. Кремль	138
29.	Садриддин Айни. Марш свободы (Перевод с таджикского И. Сельвинского)	139
30.	— » — Во славу Октября (Перевод с таджикского И. Сельвинского)	140
31.	Хаким-заде Ниязи Хамза. Да здравствуют Советы! (Перевод с узбекского С. Лиходзиевского)	141
32.	— » — Проснись! Песня (Перевод с узбекского В. Липко)	142
33.	Ян Судрабалк. Походная песнь пролетариата (Перевод с латышского В. Невского)	143
34.	Павло Тычина. На майдане (Перевод с украинского Б. Турганова)	144
35.	Демьян Бедный. Проводы	145
36.	Владимир Маяковский. Левый марш	147
37.	Егор Нечаев. Свобода	149
38.	Михаил Герасимов. Красная Звезда	150
39.	Ханс Пегельман. Гимн Революции (Отрывок) (Перевод с эстонского Н. Яворской)	151
40.	Сакен Сейфуллин. Марсельеза казахской молодежи (Перевод с казахского М. Львова)	152
41.	Егор Нечаев. Привет 7 ноября 1919 года	154
42.	Валерий Брюсов. Только русский	156
43.	Андрей Упит. Коммунары (Перевод с латышского В. Шефнера)	157
44.	Алексей Маширов-Самобытник. Россия	158
45.	Валерий Брюсов. Парки в Москве	158
46.	— » — Третья осень (1917—1920)	159
47.	Илья Эренбург. России	161
48.	Мажит Гафури. Дай руку, товарищ!.. (Перевод с татарского Я. Козловского)	162
49.	Сабит Муканов. Свобода (Перевод с казахского А. Чачикова)	163
50.	Владимир Сосюра. Возмездие (Перевод с украинского С. Васильева)	164
51.	Велимир Хлебников. Ладомир (Отрывок)	165
52.	Валерий Брюсов. К русской революции	168
53.	Анатолий Мариенгоф. «Не туча — вороньи перья...» (Из «Застольной беседы»)	169
54.	Сергей Обрадович. Октябрь (1917—1921)	170
55.	Николай Асеев. Кумач	170
56.	Елизавета Полонская. Октябрь	172
57.	Николай Тихонов. «Огонь, веревка, пуля и топор...»	173
58.	— » — «Мы разучились нищим подавать...»	173
59.	Василий Александровский. «Горе тем, кто ослепли в огне...»	174
60.	Галактион Табидзе. Аргонавты новой эпохи (Перевод с грузинского П. Антокольского)	175
61.	Павло Тычина. «Как бомба, пущенная пушкой...» (Перевод с украинского И. Поступальского)	176

62. Василий Александровский. «Верю я — мы грядущее вынаничим...»	178
63. Велимир Хлебников. Не шалить!	179
64. Александр Безыменский. Молодая гвардия	180
65. Демьян Бедный. Главная улица. <i>Поэма</i>	181
66. Эдуард Багрицкий. Октябрь	186
67. Георгий Шенгели. Пять лет	187
68. Петр Незнамов. Первая пятилетка	191
69. Леонид Мартынов. «Между домами старыми...»	192
70. Платон Ойунский. Песня свободы (<i>Перевод с якутского А. Кафанова</i>)	192
71. Эдуард Багрицкий. Освобождение (<i>Отрывки из поэмы</i>)	193
72. Сергей Третьяков. Марш-плакат	197
73. Василий Казин. Эпоха	198
74. Александр Безыменский. О шапке	199
75. Сергей Есенин. Песнь о великом походе (<i>Отрывок из поэмы</i>)	201
76. Владимир Маяковский. Владимир Ильич Ленин (<i>Отрывок из поэмы</i>)	203
77. Николай Асеев. Поэма	207
78. Александр Жаров. Седьмой Октябрь	210
79. Илья Сельвинский. Улялаевщина (<i>Отрывок из эпопеи</i>)	211
80. Сергей Есенин. Воспоминанье	213
81. Иосиф Уткин. Октябрь	214
82. Николай Ушаков. Ночь на 25-е	215
83. Михаил Зенкевич. Матрос с «Потемкина»	216
84. Микола Бажан. Песня бойца (<i>Перевод с украинского В. Державина</i>)	217
85. Дмитрий Петровский. Ночь	219
86. Эдуард Багрицкий. Дума про Опанаса	221
87. Михаил Светлов. Гренада	234
88. Владимир Маяковский. Не юбилейте!	237
89. Всеволод Рождественский. Октябрьская погода	241
90. Владимир Луговской. Песня о ветре	242
91. Сакен Сейфуллин. Советские просторы (<i>Отрывок из поэмы «Советстан»</i>) (<i>Перевод с казахского В. Бугаевского и А. Тарковского</i>)	245
92. Муса Джалиль. На заводе «Орлес» (<i>Перевод с татарского А. Миниха</i>)	248
93. Николай Асеев. Две эпитафии (<i>Отрывки из поэмы «Семен Проскаков»</i>)	254
94. Владимир Маяковский. Хорошо! Октябрьская поэма	258
95. Николай Асеев. Она продолжается	336
96. Александр Жаров. Осенняя прелюдия	339
97. Василий Каменский. Десять	341
98. Борис Пастернак. К Октябрьской годовщине	343
99. Михаил Светлов. Пирושка	347
100. — » — Боевая Октябрьская	350
101. Якуб Колас. Борцам за Октябрь (<i>Перевод с белорусского А. Кленова</i>)	351
102. Сергей Городецкий. Одиннадцатый год	352

103. Николай Дементьев. Студенты в девятнадцатом году . . .	356
104. Михаил Рудерман. Октябрь	358
105. Шали Кекилов. Старое не вернется! (<i>Перевод с туркменского А. Жарова</i>)	360
106. Виссарион Саянов. «Семнадцатилетние мальчики. . .»	361
107. Егеше Чаренц. 25—26 октября 1917 года (<i>Отрывок</i>) (<i>Перевод с армянского Н. Ушакова</i>)	363
108. Всеволод Рождественский. Расставанье с юностью	367
109. Александр Прокофьев. Мы	368
110. Иосиф Уткин. О юности	369
111. Александр Прокофьев. Разговор по душам	370
112. Перец Маркиш. Октябрьские стихи (<i>Перевод с еврейского О. Колычева</i>)	371
113. Виктор Гусев. Октябрьский смотр	373
114. Вера Инбер. Вполголоса. К годовщине Октября	376
115. Борис Корнилов. Осень	378
116. — » — Она в Энском уезде	381
117. Владимир Луговской. Октябрьские стихи	383
118. Джек Алтаузен. «Первое поколение» (<i>Отрывок из поэмы</i>)	387
119. Акоп Акопян. Ленинградская поэма (<i>Перевод с армянского Я. Хелемского</i>)	391
120. Валериан Гаприндашвили. Октябрьские строки (<i>Перевод с грузинского Б. Пастернака</i>)	393
121. Петрусь Бровка. Земля (<i>Перевод с белорусского Б. Ясенского</i>)	394
122. Янка Купала. Великому Октябрю (<i>Перевод с белорусского С. Липкина</i>)	396
123. Перец Маркиш. Воплощение (<i>Перевод с еврейского Л. Руст</i>)	397
124. Тициан Табидзе. Здравница (<i>Перевод с грузинского Н. Тихонова</i>)	398
125. Максим Рыльский. Правнуку (<i>Перевод с украинского И. Поступальского</i>)	401
126. Сабит Муканов. Большевицкая осень (<i>Перевод с казахского Н. Сидоренко</i>)	406
127. Борис Корнилов. Триполье (<i>Отрывки из поэмы</i>)	409
128. Михаил Исаковский. Прощание	414
129. Алексей Сурков. Конармейская песня	415
130. Михаил Светлов. Песня о Каховке	416
131. Михаил Голодный. Песня о Щорсе	417
132. Якуб Колас. Осеннее (<i>Перевод с белорусского С. Родова</i>)	418
133. Александр Твардовский. Страна Муравия (<i>Отрывок из поэмы</i>)	422
134. Семен Кирсанов. Вы из Мадрида	427
135. Михаил Исаковский. Песня о революции	429
136. Михаил Голодный. Партизан Железняк	430
137. Павло Тычина. Чувство семьи единой (<i>Перевод с украинского Н. Брауна</i>)	431
138. Джамбул Джабаев. Гимн Октябрю (<i>Перевод с казахского П. Кузнецова</i>)	432
139. Павел Антокольский. Октябрьские стихи	434
140. Алексей Сурков. Октябрь	438
141. Михаил Троицкий. Вечер перед Октябрем	441

142. Сamed Вургун. Двадцатая весна (Перевод с азербайджанского И. Оратовского) 444
143. Саломея Нерис. Красная площадь (Отрывок из поэмы «Путь большевика») (Перевод с литовского В. Державина) 447

1941—1945

144. Павел Коган. Лирическое отступление 449
145. Михаил Кульчицкий. Поколение Ленина. (Отрывок из поэмы «Самое такое») 450
146. Витаутас Монвила. Песня Революции (Перевод с литовского Л. Озерова) 452
147. Ольга Берггольц. Стихи о ленинградских большевиках 453
148. Ян Судрабкалн. Русскому народу (Перевод с латышского В. Невского) 454
149. Абулькасим Лахути. Двадцать четвертая годовщина Октября (Перевод с таджикского В. Левика) 456
150. Борис Пастернак. 1917—1942 («Заколдованное число!..») 457
151. Василий Лебедев-Кумач. Октябрьская звезда 458
152. Степан Шипачев. Двадцать пятая годовщина 459
153. Иоханнес Семпер. Четверть века (Перевод с эстонского С. Ботвинника) 459
154. Андрей Балодис. Сыну русской земли (Перевод с латышского А. Андреева) 462
155. Ярослав Смеляков. Портрет 463

1946—1967

156. Александр Абашели. Потомкам (Перевод с грузинского Н. Заболоцкого) 464
157. Эмилиан Буков. Октябрь на границе (Перевод с молдавского В. Потаповой) 465
158. Мамед Рагим. Октябрь (Перевод с азербайджанского И. Оратовского) 466
159. Аркадий Кулешов. Былина о богатыре (Перевод с белорусского М. Исаковского) 467
160. Винцас Миколайтис-Путинас. Фрагменты в честь Великого Октября (Перевод с литовского А. Ойслендера) 468
161. Теофилис Тильвитис. Октябрьские мысли (Перевод с литовского Л. Озерова) 471
162. Гамзат Цадаса. Октябрь (Перевод с дагестанского Н. Гребнева) 472
163. Александр Твардовский. Молодость 473
164. Константин Симонов. Красное и белое 474
165. Владимир Солоухин. Это было в двадцатом 476
166. Александр Твардовский. О юности 479
167. Дмитрий Гулиа. Стихи об Октябре («Аврора» и «Баллада о спасенном пастухе») (Перевод с абхазского М. Соболя) 480
168. Евгений Винокуров. После залпа 483
169. Николай Грибачев. Октябрьские дни 484

170. Николай Заболоцкий. Ходоки	485
171. Сергей Смирнов. Накануне	486
172. Евгений Евтушенко. Разговор с Революцией	487
173. Таир Жароков. В Октябрьский день (Перевод с казахского Д. Сколковского)	489
174. Михаил Исаковский. 25 октября 1917 года	490
175. Евгений Евтушенко. Октябрь	491
176. Николай Браун. 24 октября 1917 года	493
177. Михаил Дудин. Сосны на берегу	494
178. Георгий Леонидзе. Знамя (Перевод с грузинского Б. Слуц- кого)	495
179. Владимир Луговской. Баллада о Новом годе	497
180. Павел Антокольский. Октябрьский вихрь	501
181. Константин Ваншенкин. Октябрь	502
182. Ярослав Смеляков. Шестидюймовка «Авроры»	503
183. Виссарион Саянов. Революция	504
184. Леонид Мартынов. Вас не было еще	505
185. — » — «Я знаю, чем была...»	506
186. Алексей Сурков. Октябрьский триптих	508
187. Сулейман Рустам. Моя песня (Перевод с азербайджанского Н. Алибеговой)	509
188. Расул Гамзатов. Горцы у Ленина (Перевод с дагестанского Н. Гребнева)	512
189. Аалы Токомбаев. Кем мы были и кем стали (Перевод с кир- гизского П. Ювенской)	514
190. Илья Эренбург. Спутник	517
191. Вадим Шефнер. Камни под асфальтом	518
192. Эдуардас Межелайтис. Трубы (Перевод с литовского Л. Мартынова)	520
193. Александр Твардовский. Дорога дорог	521
194. Александр Прокофьев. День второй	523
195. Андрей Малышко. Моя Украина (Перевод с украинского Ю. Вронского)	524
196. Леонид Мартынов. Октябрь	526
197. Петрусь Бровка. Наш век (Перевод с белорусского Я. Хе- лемского)	527
198. Наум Коржавин. «Где вы, где вы?..»	528
199. Сергей Смирнов. Сорок пятый Октябрь	529
200. Роберт Рождественский. Стихи о моем имени	530
201. Андрей Вознесенский. Лонжюмо (Отрывки из поэмы)	534
202. Эдуардас Межелайтис. Двадцатый (Перевод с литовского С. Кирсанова)	539
203. Алексей Сурков. Эстафета	543
Примечания	545
Биографический справочник	572
К иллюстрациям	600

ОКТЯБРЬ В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Л. О. изд-ва «Советский писатель»,
1967, 608 стр.

Тсм. план вып. 1967, № 387

Редактор *Л. А. Николаева*

Художник *И. С. Серов*

Суперобложка художника *В. Н. Шульги*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 3/У 1967 г. Подписано
в печать 7/VIII 1967 г. М 44050. Бумага
84 × 108¹/₃₂, № 1. Печ. л. 19 + 6 вкл. (32,55).

Уч.-изд. л. 31,48. Тираж 40 000 экз.

Зак. № 604. Цена 3 р. 08 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5
Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Мини-
стров СССР. Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
363	18 св.	С поднятой	С подъятой
588	21 св.	работы	борьбы

Октябрь в советской поэзии

3p.08a

